

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

БЫКОВ

Илья Анатольевич

**СЕТЕВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ
В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА**

Специальность 10.01.10 – журналистика (политические науки)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

доктора политических наук

Научный консультант:
доктор политических наук,
профессор В. А. Ачкасова

Санкт-Петербург

2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. Политическая коммуникация в условиях современного информационного общества	23
1.1. «Классические» подходы к исследованиям политической коммуникации	23
1.2. Политическая коммуникация в условиях сетевого информационного общества	38
1.3. Сетевой подход в современной политической коммуникативистике	53
1.4. Современные СМИ, медиатизация политики и сетевая политическая коммуникация... ..	66
ГЛАВА 2. Политическая коммуникация в условиях трансформации общества: переопределение роли и значения средств массовой коммуникации	97
2.1. Социальные изменения как объект политологических исследований	97
2.2. Сетевая политическая коммуникация, демократические институты и электронное государство в современном мире	130
2.3. Сетевая политическая коммуникация, политические партии и современные политические идеологии	144
2.4. Использование сетевых технологий в современных избирательных кампаниях	159
2.5. Управление сетевой политической коммуникацией и стабильность национальных политических режимов	168
ГЛАВА 3. Влияние сетевой политической коммуникации на политические процессы в современной России	179
3.1. Трансформация медиапространства современной России как составная часть трансформации политического режима	179
3.2. Сетевые формы политических коммуникаций в современной России: проблемы роста	200
3.3. Традиционные и сетевые каналы распространения политической информации в России	228
3.4. Сетевые коммуникации и динамика развития политических институтов в России	238
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	257
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	270
ПРИЛОЖЕНИЕ	322

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В современной России в связи с проблемами информационной безопасности и информационного суверенитета наметилась тенденция усиления государственного регулирования в области интернет-коммуникаций, проявившаяся в целом ряде законодательных инициатив. Так большую общественную дискуссию вызвал закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (2012 г.), который критикуется, в первую очередь, за неудачные формулировки и сложную процедуру применения, делающие возможными использование «единого реестра запрещенных интернет-сайтов» для политической цензуры и административного ресурса для борьбы с коммерческими конкурентами¹. Кроме того, в 2014 г. были приняты поправки в действующий с 1991 г. «Закон о средствах массовой информации», которые снизили максимально возможную долю участия иностранного капитала в российских СМИ до 20 %². В этом же году были приняты поправки в закон «О защите персональных данных», которые обязывают хранить персональные данные пользователей социальных сетей и других интернет-сервисов на территории Российской Федерации³. Эти и некоторые другие законодательные инициативы усиливают государственный контроль над политическими коммуникациями в России, что указывает на актуальность научного исследования проблемы влияния современных сетевых коммуникаций на социальные и институциональные изменения с точки зрения текущей политической повестки дня и принятия взвешенных политических решений, направленных на решение долгосрочных государственных задач.

Высокая актуальность исследования связана и с потребностями изучения современных политических процессов в России и за рубежом, а также с развитием новых, сетевых методов изучения политики⁴. В результате фундаментальных экономических и социально-политических трансформаций, развернувшихся по всему миру в самых разных странах и приводящих, по общему мнению, к формированию глобального информационного

¹Рыдченко К. Д. «Моральный кодекс» пользователя Интернет и государственная цензура киберпространства: некоторые вопросы законодательного регулирования // Мониторинг правоприменения. 2012. № 3. С. 40-44.

²Петров В. Путин подписал закон об ограничении иностранного капитала в СМИ // Российская газета. 2014. 15 октября. С. 1.

³Шметов М. Путин подписал закон о хранении данных российских пользователей только на серверах РФ [Электронный ресурс] // ИТАР-ТАСС: информационное агентство России. 2014. 22 июля. Режим доступа: <http://itar-tass.com/obschestvo/1333793> (дата обращения: 1.09.2014).

⁴Мельникова М. С., Яковлев И. П. Понятие «социальная сеть» в социологических теориях и интернет-практиках // Вестник СПбГУ. 2014. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. № 1. С. 254-257. Сетевой анализ публичной политики: Учебник / Под ред. Л. В. Сморгунова. М.: РФ-Принт, 2013. 320 с.

общества, значение коммуникаций в политике резко усилилось. Эта тенденция наиболее очевидно проявляется в возросшей роли средств массовой информации в современной политике, а также в том пристальном внимании, которое политические акторы уделяют таким современным коммуникационным технологиям, как политический PR и политический маркетинг. Медиатизация политической сферы приводит к эффектам персонификации политического процесса и проявлению популистских и авторитарных тенденций в современном информационном обществе¹. Увеличение значения политической коммуникации и изменение ее роли имеет место не только, как принято выражаться, в развитых странах, но и в странах с переходными политическими и экономическими системами. Более того, именно в этих странах «медиазависимость» политического процесса ставит под угрозу экономические реформы и демократические преобразования. Так, например, А. И. Соловьев пишет: «Особо сложное положение в этом плане наблюдается не в демократически и индустриально развитых обществах, а в странах переходных, в частности в России, где еще не достроена демократическая форма организации власти, основанная на идеологических способах символизации, но уже набирает вес иная политическая альтернатива – медиакратия»².

Еще бóльшую актуальность исследуемой проблематике придают события на постсоветском пространстве, связанные с так называемыми «цветными революциями», в которых одну из ведущих ролей сыграли сетевые средства коммуникации. В этом ряду можно отметить несколько случаев радикальных политических трансформаций в Грузии (2003), Украине (2004, 2013), Киргизии (2005), Белоруссии (2006), Молдавии (2009), России (2011-2012). На то, что сетевая политическая коммуникация становится важнейшим фактором в революционных политических процессах, указывают события и в других частях света: «Захвати Уолл-Стрит» (2011 г.), «Арабская весна» (2010-2011 гг.), протестные акции в Гонконге (2014 г.) и т. п. Таким образом, высокая актуальность исследования связана, в первую очередь, с прикладными проблемами современной политики. Кроме того, при всем плюрализме существующих теоретических подходов имеет место недостаток в концепциях, способных объяснить роль политических коммуникаций в процессах современных социальных изменений. Таким образом, актуальность исследования определяется тем, что без учета политических коммуникаций через Интернет, по нашему убеждению, практически невозможно ответить на ряд ключевых вопросов современного политического процесса в России и за рубежом. К ним

¹Сарчинелли У. Старые СМИ – новые СМИ. К вопросу об отношениях между журналистикой и политикой // Актуальные проблемы Европы. СМИ и демократия в современном мире. М.: РАН ИНИОН, 2002. С. 38-45; Mediatization: Concept, Changes, Consequences / Ed. By K. Lundly. NY: Peter Lang, 2009. 316 p.

²Соловьев А. И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Политические исследования. 2002. № 3. С. 11.

могут быть отнесены следующие проблемные области.

Во-первых, политическая коммуникативистика как междисциплинарное поле исследований, находясь в состоянии бурного развития, пытается найти собственное место в политической науке. Здесь имеют место очень важные вопросы: каков объект и предмет политической коммуникативистики? Каковы исследовательские методы и методики этой дисциплины? Что нового привносят в развитие теории политической коммуникации сетевые технологии? Как меняются эффекты воздействия СМИ на общество и политику в условиях сетевого информационного общества? Усиливается ли тенденция медиатизации политики или нет? Насколько эффективно использование сетевого подхода для изучения политической коммуникации? Как трансформируются СМИ под влиянием сетевых коммуникаций и какова роль социальных медиа в современной медиа-системе? Что привносят в политическую коммуникацию современные технологии связей с общественностью? И можно ли говорить о новом этапе эволюции политической коммуникации, которая в результате развития современных коммуникаций приобретает сетевой характер?

Во-вторых, появляется группа вопросов вокруг проблемы влияния современной коммуникации на политический процесс. Почему новейшие сетевые политические коммуникации де-факто оказывают не столь значимое влияние на политические институты, как это можно было бы предположить? Почему до сих пор электронное голосование или голосование через Интернет не получило повсеместного распространения? Можно ли говорить о реальной трансформации современного государства в электронное? Существует ли такой феномен, как «электронная демократия» или лучше по-прежнему использовать традиционный термин «либеральная демократия»? Насколько серьезно сетевая коммуникация повлияла на идеологии и политические партии? Как сильно сетевые коммуникации видоизменили технологии политических и предвыборных кампаний? Почему управление сетевыми коммуникациями стало одним из острейших вопросов международных отношений и внутренней политики почти всех стран мира?

В-третьих, очевидно, что роль и значение сетевых коммуникаций в политическом процессе современной России является актуальной проблемной областью, вокруг которой разворачивается общественная дискуссия, связанная с определением границ и форм общественно приемлемой коммуникации. Как меняются политические институты и политические практики в современной России под влиянием сетевых политических коммуникаций? В какой степени и в каком направлении трансформировалась политическая коммуникация в России под влиянием интернет-коммуникаций? Как изменились традиционные СМИ? Насколько влиятельна сетевая коммуникация в современной России? Существует ли

проблема информационной безопасности? Какова должна быть государственная политика в области управления сетевыми коммуникациями?

Наконец, очень важно понять, каким образом расширяется поле политической коммуникации в связи с постановкой вопроса о влиянии сетевой коммуникации на политический процесс и изменение современных политических институтов в России и за рубежом. По нашему мнению, существующие в настоящее время теоретические подходы были сформированы на прошлых этапах развития политической науки и не позволяют сегодня ответить на данные вопросы с высокой степенью достоверности, нуждаясь в серьезных дополнениях и уточнениях. Проблемы влияния сетевой политической коммуникации на современную политику могут быть по-новому интерпретированы при помощи обращения к категориям и методам сетевого политического анализа.

Состояние научной разработанности темы диссертационного исследования. С одной стороны, проблеме политических коммуникаций уделяли достаточно много внимания признанные классики политической науки, были созданы целые научные концепции и подходы, а с другой стороны, развитие сетевой политической коммуникации происходит настолько быстрыми темпами, что практика и эффекты сетевой политической коммуникации остаются белым пятном в поле политологических исследований. В современной политической науке существует ряд исследовательских парадигм, применяющих собственный методологический потенциал для исследования политической коммуникации. В первую очередь, следует выделить концепции массовой коммуникации и политической пропаганды (Г. Лассуэл, Э. Бернейс, Г. Блумер, Д. Рисмен, Х. Ортега-И-Гассет и др.), структурный функционализм (К. Дейч, Д. Истон, Л. Пай, Шрамм, Н. Луман и др.), теорию двухступенчатой коммуникации (П. Лазарсфельд, Кац, Берельсон и др.), неомарксизм (Г. Шиллер, Т. Адорно, Хоркхаймер, Г. Маркузе, Хабермас и др.), теорию информационного общества (Д. Белл, М. Маклюэн, Масуда, М. Кастельс, Ф. Уэбстер и др.). В современной коммуникативистике разработаны несколько теорий среднего уровня, обладающих определенным объяснительным потенциалом, среди которых можно выделить теорию установления повестки дня, концепции фрейминга, прайминга и т. п. (Д. Граббер, Д. Уивер, М. Маккоумбс, Д. Шоу и др.). Кроме того, существуют отработанные методики проведения исследований в политической коммуникации, среди которых большое значение имеют опросы общественного мнения, контент-анализ, интент-анализ, экспертные интервью и т. п.

На этой методологической базе выделилось несколько главных направлений исследований в политической коммуникативистике¹. Во-первых, продолжают интенсивные

¹Грачев М. Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. М.:

исследования в области изучения влияния СМИ на аудиторию¹. Эти исследования фактически стали отправной точкой для политической коммуникативистики и продолжаются до сих пор, обнаруживая новые аспекты и уровни общественного мнения².

Во-вторых, продолжает появляться большое количество работ, посвященных изучению роли СМИ в демократических системах³. Непосредственно в этой связи следует рассматривать получившую широкую известность теорию «делиберативной демократии» Ю. Хабермаса, который считал наличие публичной сферы неотъемлемой частью либеральной демократии, а «упадок» публичной сферы - упадком демократии⁴. Сюда же, вероятно, следует отнести исследования медиа-пространства в различных странах и регионах⁵.

В-третьих, не ослабевает внимание исследователей к проблеме медиатизации современной политики, о которой уже упоминалось в самом начале работы. Некоторые исследователи полагают, что конечным результатом медиатизации политики становится

Прометей, 2004. 327 с.; Тимофеева Л. Н. Политическая коммуникативистика: проблемы становления // Полис: Политические исследования. 2009. № 5. С. 41-54.

¹Брайант Дж., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. М.: Вильямс, 2004. 425 с.; Гавра Д. П. Основы теории коммуникации. Спб.: Питер, 2011. 288 с.; Делла-Винье С., Каплан И. Политический эффект предвзятости СМИ // Информация и общественное мнение: от репортажа в СМИ к реальным переменам / Под ред. Р. Ислам. М.: Альпина Паблишер, 2010. 113-146; Медиа. Введение / Под ред. А. Бриггза, П. Кобли. М.: Юнити-дана, 2005. 534 с.; Терин В. П. Массовая коммуникация: социокультурные аспекты политического воздействия: исследование опыта Запада. М.: Издательство Института социологии, 1999. 169 с.; Федотова Л. Н. Паблик рилейшнз и общественное мнение. Спб.: Питер, 2003. 352 с.; Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. Спб.: Прайм-Еврознак; М.: ОЛМА-Пресс, 2001. 445 с.

²Гавра Д. П. Общественное мнение и власть: режимы и механизмы взаимодействия // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 4. С. 53-77; Цаллер Дж. Происхождение и природа общественного мнения. М., Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 559 с.

³Дэннис Э., Мэррилл Дж. Беседы о масс-медиа. М.: Вагриус, 1997. 384 с.; Кин Дж. Демократия и упадок общественных средств массовой информации // Демократия. Теория и практика. М.: Интерпракс, 1996. 208 с.; Кин Дж. Средства массовой информации и демократия. М.: Наука, 1993. 167 с.; Кин Дж. Страх и демократия // Логос. 2004. № 2. 157-179; Кретов Б. Е. Средства массовой коммуникации - элемент политической системы общества // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 1. С. 101-115; Прохоров Е. П. Журналистика и демократия / изд. 3-е. М.: Аспект-пресс, 2004. 351 с.; Пугачев В. П. Информационная власть и демократия // Общественные науки и современность. 1999. № 4. С. 65-78; Черных А. И. Власть демократии - власть медиа? М.: ГУ ВШЭ, 2007. 68 с.

⁴Назарчук А. В. Понятие делиберативной политики в современном политическом процессе // Полис. Политические исследования. 2011. № 5. С. 99-103; Habermas J. The Structure Transformation of the Public Sphere. Cambridge: Polity Press, 1989.

⁵См.: Вартанова Е. Л. Медиа в постсоветской России: их структура и влияние // Pro et Contra. Том 5. 2000. № 4. С. 61-81; Вертешин А. И. Журналистика и политическая власть - союзники и оппоненты. Период новейшей российской трансформации. Архангельск: Поморский университет, 2006. 128 с.; Дзялошинский И. М. Коммуникационные процессы в обществе: институты и субъекты. М.: НИУ ВШЭ, 2012. 582 с.; Засурский И. И. Масс-медиа второй республики. М.: МГУ, 1999. 270 с.; Виноградова С. М., Мельник Г. С. Монополизация СМИ в современном информационном пространстве // Политэкс. 2005. № 2. С. 95-110; Орлова В. В. Глобальные телесети новостей на информационном рынке. М.: РИП-холдинг, 2003. 168 с.; Система средств массовой информации России / Под ред. Я. Н. Засурского. М.: Аспект-Пресс, 2001. 259 с.; Засурский И. И. Ре-конструкция России: масс-медиа и политика в девяностые годы. М.: МГУ, 2001. 228 с.; Koltsova O. News Media and Power in Russia. L.: Routledge, 2006. 288 p.

появление медиакратии, когда СМИ фактически подменяют собой все остальные политические институты¹.

В-четвертых, серьезные исследования проводятся в области политической лингвистики, которая в качестве прикладного политического эффекта в значительной степени привела к появлению политической корректности в современной политике². Вероятно, сюда же можно отнести многочисленные исследования в области политической символики и мифологии³.

В-пятых, динамичными темпами развивается направление исследований коммуникативных технологий в политике⁴. К этому направлению могут быть также отнесены различного рода концепции и подходы по проблемам политической пропаганды, манипуляций, информационных войн, «мягкой силы» и т. п.⁵

В-шестых, с момента появления глобальной сети Интернет сетевые коммуникации стали объектом пристального внимания исследователей. Такие исследователи, как Д. Граббер, Р. Девис, Р. Дейберт, С. Каннингэм, Д. Мервин, Б. Ньюмен, В. Нойман, А. Портер, О. Яррен и многие другие, проводили и продолжают проводить исследования по различным аспектам сетевой коммуникации. Очевидно, что эта тема вызывает повышенный интерес за рубежом, как с практической, так и с теоретической точек зрения. В России также публикуется большое количество научных статей и монографий по проблемам интернет-коммуникаций в политике. Многообразие используемых методов, изучаемых проблем и крайняя динамичность объекта изучения затрудняют попытку классификации исследований в этой области. Тем не менее, попробуем структурировать существующие публикации по основным направлениям

¹Медиакратия: современные теории и практики / под ред. А. С. Пуя, С. С. Бодруновой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. Ун-та, 2013. 352 с.

²Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М.: Ин-т социологии РАН, 2004. 752 с.; Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: URSS, 2013. 344 с.; Гаврилова М. В. Методы и методики исследования политической коммуникации. СПб.: Изд-во Невского института языка и культуры, 2008. 92 с.; Йоргенсен М. В., Филипс Л. Дискурс-анализ: теория и практика. Харьков: Гуманитарный центр, 2008. 352 с.; Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М.: Флинта: Наука, 2006. 256 с.; Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 324 с.

³Малинова О. Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России. М.: ИНИОН РАН, 2013. 421 с.; Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 264 с.

⁴Журналистика в мире политики: исследовательские подходы и практика участия / ред.-сост. С. Г. Корконосенко. СПб., 2004. 448 с.; Мельник Г. С. Журналистика в политических технологиях. СПб.: СПбГУ, 2012. 205 с.; Ольшевский А. С., Ольшевская А. С. Негативные PR-технологии. М.: ИНФРА-М, 2004. 329 с.; Современный российский медиаполис / под ред. С. Г. Корконосенко. СПб.: СПбГУ, 2012. 324 с.; Яковлев И. П. Стратегические коммуникации. СПб., 2006. 182 с.; PR: современные технологии / Под ред Л. В. Володиной. СПб.: ИВЭСЭП, 2008. 262 с.

⁵Лабуш Н. С. К вопросу о теории информационной войны в конфликтологической парадигме // Конфликтология. 2014. № 4. С. 73-86.

исследований.

Большое количество научных исследований посвящено общим вопросам политической коммуникации в информационном обществе. В этом направлении работали и работают такие исследователи, как М. С. Вершинин, Т. П. Воронина, В. Л. Иноземцев, И. В. Кравченко, И. С. Мелюхин и др.¹ Другой популярной темой является концепция «электронного правительства» и проблемы ее имплементации в России. В этой области опубликованы работы таких авторов, как В. И. Василенко, Л. А. Василенко, В. И. Дрожжинов, Е. Г. Дьякова, А. Д. Трахтенберг, Ю. В. Ирхин, Б. В. Кристальный, А. Н. Кулик, Ю. В. Травкин, А. Н. Юртаев и др.² Плодотворным продолжением развития темы являются публикации по проблемам информационной политике в области сетевых коммуникаций. Здесь можно отметить работы С. В. Володенкова, И. Л. Морозова и др.³

Также в отечественной специальной литературе опубликовано большое количество работ по проблемам электронной демократии и демократическому участию граждан в политике с помощью интернет-технологий. В качестве примера упомянем несколько имен таких авторов, как В. А. Ачкасова, В. А. Гуторов, А. Зуев и др.⁴ Существует несколько исследователей,

¹Вершинин М. С. Политическая коммуникация в информационном обществе. М.: Издательство Михайлова, 2001. 252 с.; Воронина Т. П. Информационное общество: сущность, черты, проблемы. М.: ЦАГИ, 1995. 110 с.; Иноземцев В. Л. Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского общества // Вопросы философии. 1997. № 10. С. 29-43; Кравченко И. В. Власть и коммуникация: проблемы взаимодействия в информационном обществе. СПб.: СПбГУЭФ, 2003. 272 с.; Мелюхин И. С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития. М.: МГУ, 1999. 206 с.

²Василенко В. И., Василенко Л. А. Интернет в системе государственной службы. М.: РАГС, 1998. 257 с.; Василенко Л. А. Интернет в информатизации государственной службы России: Социологические аспекты. М.: РАГС, 2000. 251 с.; Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д. Электронное правительство и граждане: результаты комплексного социологического исследования в Уральском федеральном округе. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2010. 182 с.; Кристальный Б. В., Травкин Ю. В. Электронное правительство. Опыт США / Под ред. В. И. Дрожжинова. М.: Эко-Трендз, 2003. 205 с.; Ирхин Ю. В. «Электронное правительство» как форма интерактивной коммуникации между органами власти и гражданами // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2009. № 1. С. 160-174; Кулик А. Н. Governance 2.0: эволюция модели государственного управления в эпоху интерактивного интернета // Политическая наука. 2013. № 1. С. 12 -27; Электронное правительство: рекомендации по внедрению в Российской Федерации / Под ред. В. И. Дрожжинова, Е. З. Зиндера. М.: Эко-Трендз, 2004. 330 с.; Юртаев А. Н. Электронное правительство: концептуальные подходы к построению. Казань: Казанский государственный университет, 2007. 183 с.

³См.: Володенков С. В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. М.: МГУ, 2015. 320 с.; Володенков С. В. Новые формы политической коммуникации в современном политическом управлении: угрозы и вызовы // Государственное управление. Электронный вестник. 2011. № 27. С. 15; Морозов И. Л. Безопасность политических коммуникаций в современной России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2013. № 1. С. 127-131.

⁴Ачкасова В. А., Чугунов А. В. Демократия и Интернет: роль Интернет в формировании просвещенного понимания // Интернет и современное общество. СПб.: СПбГУ, 1998. С. 43-46; Гуторов В. А. Концепция гиперпространства и перспективы современной демократии // Интернет и современное общество. СПб.:

пишущих о деятельности политических партий в киберпространстве¹. Большая группа авторов исследует проблемы использования сетевых коммуникаций в избирательных кампаниях². Также имеется большое количество работ, анализирующих частные аспекты политических интернет-коммуникаций³. В последнее время большую популярность получила тема социальных сетей, сетевых сообществ и социальных медиа в политике. В этой области работают такие авторы, как Д. С. Мартьянов, Е. В. Морозова, И. В. Мирошниченко, Н. А. Рябченко, А. А. Гнедаш, А. С. Шерстобитов и др.⁴

Особенно следует обратить внимание на тот факт, что в последние годы сетевой подход постепенно становится одним из основных исследовательских подходов в отечественной

СПбГУ, 1998. С. 33-40; Зуев А. «Виртуальная демократия» в опасности // Свободная мысль. 2004. № 5. С. 55-63.

¹Балашов А. Н. Интернет-активность российских политических партий: политологический анализ // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 3. С. 107-116; Мартьянов Д. С. Сравнительный анализ репрезентации новых российских партий в сети Интернет // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2013. № 161. С. 117-121; Сибиряков И. В. Предвыборная политика партий в сети Интернет // Политическая коммуникация в постсоветской России: проблемы формирования и парадигмы развития / Под общ. ред. Л. Н. Тимофеевой, Е. В. Лобзы. М.: Республиканская типография, 2003. С. 308-311.

²Дорожкин Ю. Н., Соленикова Н. В. Интернет в избирательных кампаниях: современные особенности и функции // Власть, 2007, № 6; Комаровский С., Мараховская М. Интернет – новая избирательная технология? // Советник. 2001. № 3. С. 8-11; Кузнецов И. И. Рунет как часть российского электорального пространства // Общественные науки и современность, 2003, № 1; Луков В. В. Интернет как инструмент политических технологий в США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2005. № 5. С. 33-39; Николаев А. С. О политическом участии в эпоху Интернета // Известия Тульского государственного университета. 2010. № 1. С. 159-168; Песков Д. Н. Интернет в российской политике: утопия и реальность // Полис. 2002. № 1. С. 31-45; Соленикова Н. В. Политический интернет в российских избирательных кампаниях: тенденции развития // Общественные науки и современность. 2007. № 5. С. 69-74; Юрин К. В. Интернет, сайты и выборы // США и Канада: экономика, политика, культура. 2005. № 2. С. 101-112.

³Бронников И. А. Политическая коммуникация в сети Интернет и феномен Wikileaks // Управление мегаПолисом. 2011. № 2. С. 124-128; Войнов Д. А. Креативность интернет-коммуникации как способ индивидуального политического участия граждан // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2012. № 1. С. 117-126; Лобза Е. В. Интернет в политике: новые возможности и новые мифы // Политическая коммуникация в постсоветской России: проблемы формирования и парадигмы развития / Под общ. ред. Л. Н. Тимофеевой, Е. В. Лобзы. М.: Республиканская типография, 2003. С. 279-291; Павлютенкова М. Ю. Новые информационные технологии в современном политическом процессе // Власть. 2000. № 8. С. 38-43; Песков Д. Н. Интернет в российской политике: утопия и реальность // Полис. 2002. № 1. С. 31-45; Песков Д. Н. Интернет пространство: Состояние постмодерна? // Полис. 2003. № 5. С. 46-55; Туронок С. Г. Интернет и политический процесс // Новое литературное обозрение. 2001. № 2. С. 51-63.

⁴Гнедаш А. А. Особенности формирования российской гендерной политики в ONLINE политике: социальные сети и блоги // Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С. 39-43; Мартьянов Д. С. Виртуальные сообщества в блогах: практика взаимодействия с политическими акторами // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2007. № 36. С. 67-75; Мирошниченко И. В., Морозова Е. В., Гнедаш А. А., Рябченко Н. А. Социальные сети в публичной практике современной России: модернизационный потенциал. Краснодар: Просвещение-Юг, 2012. 181 с.; Рябченко Н. А., Мирошниченко И. В. Институционализация публичной политики в online-пространстве современной России. Краснодар: Просвещение-Юг, 2012. 173 с.; Шерстобитов А. С., Брянов К. А. Технологии политической мобилизации в социальной сети 'ВКонтакте': Сетевой анализ протестного и провластного сегментов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 10. С. 196-202.

политологии¹. Здесь можно выделить работы таких авторов, как Л. В. Сморгун, А. В. Курочкин, А. В. Волкова, В. Н. Колесников, Балтовский, А. В. Соколов, А. С. Шерстобитов, А. А. Фролов и др.² Очевидно, что современная телекоммуникационная инфраструктура и микроэлектроника способствуют развитию сетевым коммуникациям в обществе, предлагая надежную альтернативу традиционным печатным и электронным средствам коммуникации. Кроме того, сетевой подход предлагает разработанные методы сетевого анализа, которые должны быть включены в арсенал современной политологии³. Этот подход опирается на современный математический аппарат и теорию графов, хотя его практическая применимость в исследованиях не столь очевидна⁴.

Вместе с тем исследования в области изменений политических режимов, или транзитологии (от английского «transition» – переход), уделяют неоправданно мало внимания влиянию СМИ на политические изменения. В работах признанных авторитетов в этой области проблема манипуляции общественным мнением и способность электоральных авторитарных режимов использовать современные СМИ и коммуникационные технологии для поддержания собственной легитимности фактически не принимается во внимание⁵. Речь обычно идет о том,

¹Сморгунов Л. В. Сетевой подход к политике и управлению // Полис. 2001. № 3. С. 103-112; Сморгун Л. В., Шерстобитов А. С. Политические сети: теория и методы анализа. М.: Аспект Пресс, 2014. 319 с.

²Волкова А. В. Сети в публичной политике: формирование сетевой культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 1. С. 52-55; Колесников В. Н. Сетевые структуры политической активности в современном российском обществе // Управленческое консультирование. No 1. 2013. С. 99-108; Курочкин А. В., Шерстобитов А. С. Политика и государственное управление в условиях сетевого общества. СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2012; Мирошниченко И. В. Сетевой ландшафт российской публичной политики. Краснодар: Просвещение-Юг, 2013. 295 с.; Соколов А. В., Фролов А. А. Сетевые формы организации гражданских кампаний // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2013. № 1. С. 56-62; Baltovskij L, Belous V, Kurochkin A. Society and the authorities: New mechanisms of communication in the conditions of the network world // Journal of Applied Sciences. 2015. № 15(3): 538-544.

³Градосельская Г. В. Сетевые измерения в социологии. М.: Издательский дом «Новый учебник», 2004. 248 с.; Попова О. В. Политический анализ и прогнозирование. Москва: Аспект Пресс, 2011. 464 с.; Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом ВШЭ, 2014. 384 с.

⁴Губанов Д. А., Новиков Д. А., Чхартишвили А. Г. Социальные сети: модели информационного влияния, управления, противоборства. М.: Физматлит, 2010. 228 с.; Делицын Л. Л., Подлесная Т. А. Стохастические модели распространения новых идей в социальных сетях // Открытое образование. 2011. № 3. С. 242-244; Зуев А. С., Федянин Д. Н. Модели управления мнениями агентов в социальных сетях // Проблемы управления. 2011. № 2. С. 37-45; Рябченко Н. А., Гнедаш А. А. Online и offline социальные сети: к вопросу о математическом обосновании стохастической модели функционирования // Политэкс. 2014. Т. 10. № 3. С. 91-100; Шерстобитов А. С. «Сетевая публичность» как новый фактор политической мобилизации в современной России: попытка сетевого анализа // Вестник СПбГУ. Сер. 6. Политология. Международные отношения. 2013. № 3. С. 99-105.

⁵Даль Р. Полиархия: участие и оппозиция. М.: ГУ ВШЭ, 2010. 288 с.; Мельвиль А. Ю. Демократические транзиты: теоретико-методологические и прикладные аспекты. М.: МОНФ, 1999. 108 с.; Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: РОССПЕН, 2000. 319 с.; Растоу Д. Переходы к демократии: попытка динамической

что СМИ играют второстепенную роль в политических трансформациях и процессах общественной модернизации¹. Чаще всего в таких работах предпочтение отдается изучению институционального дизайна². К примеру, в монографии Н. А. Баранова роль СМИ в эволюционном развитии демократии в России почти не затрагивается³. На наш взгляд, в условиях информационного общества положения о примате институционального дизайна и теории рационального выбора нуждаются в новом теоретическом осмыслении и эмпирической верификации, поскольку влияние политической коммуникации на политические процессы усиливается, и медиа-сфера становится важнейшим фактором общественных трансформаций. Современные политические режимы повышают свою легитимность преимущественно через СМИ. Это касается как устоявшихся политических режимов, так и политических режимов, находящихся в процессе радикальной трансформации. Налицо некоторый разрыв между двумя областями политической науки: «транзитологией» и политической коммуникативистикой.

В последние годы было защищено большое количество диссертаций по проблемам интернет-коммуникаций в России. Однако проблеме влияния сетевых коммуникаций на общественные изменения не уделялось должного внимания, и она не подвергалась систематическому изучению, затрагивались лишь отдельные аспекты этой проблемы. К примеру, диссертации С. С. Бодруновой и Ю. В. Жоровой посвящены роли СМИ в современных зарубежных демократиях, политическая институционализация которых заметно отличается от постсоветской действительности⁴. Работы Н. С. Бондарева, Д. И. Каминченко, и И. В. Мирошниченко подробно изучают формы и методы сетевых коммуникаций в политике, но не изучают их в общем контексте системы политической коммуникации и СМИ⁵. В работах А. А. Башкарева, Д. А. Войнова, Д. А. Лурье, А. М. Михайловой и Н. В. Солениковой рассмотрены различные аспекты интернет-коммуникаций в России, но без учета сетевых форм, которые стали особенно заметны в последние пять лет⁶. Как будет показано далее, существует принципиальное

модели // Политические исследования. 1996. № 5. С. 7; Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.

¹СМИ в меняющейся России / Под ред. Е. Л. Варгановой. М.: Аспект-Пресс, 2010. 336 с.

²Гельман В. Я. Россия в институциональной ловушке // Pro et Contra. 2010. № 4-5. С. 23-38.

³Баранов Н. А. Эволюция современной российской демократии: тенденции и перспективы. СПб.: БГТУ, 2008. 276 с.

⁴Бодрунова С. С. Медиакратия: СМИ и власть в современных демократических обществах. Дис. ... д. полит. н. СПб., 2015. 498 с.; Жорова Ю. В. Политическая информация в медиапространстве современных демократий (опыт США и России). Дис. ... к. полит. н. СПб., 2014. 208 с.

⁵Бондарев Н. С. Социальные медиа в современных политических процессах: технологии и ресурсы влияния. Дис. ... к. полит. н. М., 2014. 198 с.; Каминченко Д. И. «Новые» средства массовой информации и социальные медиа как субъект политического процесса. Дис. ... канд. полит. н. Нижний Новгород, 2015. 247 с.; Мирошниченко И. В. Социальные сети в российской публичной политике. Дис. ... д. полит. н. М., 2013. 336 с.

⁶Башкарев А. А. Роль сети Интернет в процессе политической социализации молодежи. Дис. ... к. полит.

различие между Интернетом в 1990-х гг. и современными видами сетевой коммуникации при помощи социальных сетей и социальных медиа. Благодаря предыдущим исследованиям, сегодня становятся более понятными различные аспекты политической коммуникации в интернет-пространстве.

В докторской диссертации С. П. Поцелуева осуществляется всесторонний анализ дискурсивных практик в современных политических режимах, многие из которых ведут к имитации коммуникации между гражданами и государством, что самым негативным образом сказывается на прочности современных политических режимов, превращающихся в высокотехнологичных «колоссов на глиняных ногах»¹. В диссертационных исследованиях А. В. Курочкина и О. В. Михайловой изучаются проблемы адаптации государственного аппарата к потребностям инновационного политического управления в условиях сетевого общества². В этих работах фокус исследования находится в пределах государственного аппарата и других институтов, близких к государственным структурам. Проблемы политической коммуникации в этих случаях находятся на периферии исследовательских интересов. Более того, в нашем исследовании государственные институты скорее являются объектом воздействия со стороны сетевых коммуникаций. В этом плане наше исследование ближе к работе Г. Л. Акопова, хотя и отличается более акцентированным вниманием к классическим политологическим вопросам, связанным с политическим процессом и политическими институтами³. Диссертационные исследования Д. Д. Иванова, С. В. Лебедева, О. А. Судоргина посвящены актуальным проблемам политической коммуникации в современной России, политической коммуникативистики и информационной политики, которые также затрагиваются в нашем исследовании, но под другим углом зрения⁴. Из всех диссертационных исследований наиболее

н. СПб., 2009. 166 с.; Войнов Д. А. Становление интернет-диалога как формы участия граждан в политической науке России. Автореф. дис. ... к. полит. н. М., 2007; Киселев А. А. Политическое участие в Интернете. Автореф. дис. ... к. полит. н. Краснодар, 2007. 30 с. Лурье Д. А. Интернет-участие граждан в политике как механизм взаимодействия государства и гражданского общества в современной России. Автореф. дис. ... к. полит. н. М., 2011. 27 с.; Михайлова А. М. Политическая интернет-коммуникация в современном региональном пространстве (на материалах Республики Бурятия). Автореф. дис. ... к. полит. н. Улан-Удэ, 2007; Соленикова Н. В. Политический Интернет в Российских избирательных кампаниях: тенденции и проблемы развития. Автореф. дис. ... к. полит. н. Уфа, 2007.

¹Поцелуев С. П. Диалоги и парадиалог как формы дискурсивного взаимодействия в политической практике коммуникативного общества. Дис... д. полит. н. Ростов-на-Дону., 2010. 448 с.

²Курочкин А. В. Государственное управление и инновационная политика в условиях сетевого общества. Дис. ... д. полит. н. СПб., 2014. 295 с.; Михайлова О. В. Сетевая архитектура государственного управления: проблемы концептуализации и практики. Дис. ... д. полит. н. М., 2014. 335 с.

³Акопов Г. Л. Политические интернет-коммуникации как инновационный фактор общественного развития. Автореф. Дис. ... док. полит. н. СПб., 2013. 53 с.

⁴Иванов Д. Д. Политическая коммуникация в современной России: особенности функционирования и тенденции развития: Дис. ... к. полит. н. М., 2014; Лебедев С. В. Современная коммуникативистика в структуре российской политической науки. Автореф. Дис. ... к. полит. н. М., 2013. 23 с.; Судоргин О. А. Современная информационная политика государства: мировой опыт и российская практика. Дис. ... д.

близкой по подходу представляется работа И. А. Шевченко, в которой автор исходит из посыла влияния интернет-технологий на современное российское общество, находящееся в условиях трансформации⁵. К сожалению, на наш взгляд, работа И. А. Шевченко в значительной степени устарела.

Таким образом, следует отметить, что, несмотря на наличие традиции серьезного изучения политической коммуникации в России и за рубежом, существует необходимость проведения новых исследований в области сетевых технологий политической коммуникации и их влияния на общественные трансформации, обусловленных как новыми исследовательскими задачами, так и крайней динамичностью развития сетевых коммуникаций.

Объектом исследования выступают сетевые формы коммуникации, входящие в систему политической коммуникации современной России и включающие элементы разработки, имплементации и коррекции государственной политики в области регулирования сетевых коммуникаций.

Предметом исследования является процесс взаимодействия между ключевыми акторами национальной системы политической коммуникации, интегрирующей традиционные и сетевые отношения, и создающей потенциальные угрозы с для развития общественно-политических изменений в современной России.

Цель диссертационного исследования заключается в изучении влияния сетевых форм политической коммуникации на политический процесс в современной России и за рубежом для уточнения потенциальной значимости сетевой политической коммуникации в процессах общественных трансформаций. Для достижения этой цели были поставлены следующие **задачи**:

- 1) выявить и критически осмыслить основные методологические подходы к изучению современной политической коммуникации;
- 2) описать основные тенденции развития политических коммуникаций в условиях современного информационного общества;
- 3) рассмотреть возможности использования сетевого подхода в современной политической коммуникативистике;
- 4) проанализировать влияние сетевых политических коммуникаций на современную медиа-сферу и дать определение сетевой политической коммуникации;
- 5) рассмотреть основные теоретические подходы в отечественной и зарубежной

полит. н. М., 2011. 360 с.

⁵Шевченко И. А. Политические интернет-технологии в трансформирующемся обществе. Дис. ... к. полит. н. Ставрополь, 2005. 190 с.

литературе, применительно к анализу процессов современных общественных трансформаций и влиянию сетевых политических коммуникаций на режимные трансформации;

6) проанализировать влияние современных политических коммуникаций на такие элементы политической системы, как политические партии, политические идеологии, избирательные кампании, избирательные системы и т. п. с точки зрения международного опыта;

7) оценить роль и место СМИ и сетевых политических коммуникаций в трансформации политического режима России;

8) изучить формы и механизмы влияния сетевой политической коммуникации на политические процессы и общественно-политические трансформации в современной России;

9) определить социальные рамки сетевых политических коммуникаций в современной России;

10) оценить степень влияния сетевых и традиционных каналов коммуникации в современной России;

11) провести корреляционный анализ динамики политических институтов, развития СМИ и интернет-коммуникации в России.

Теоретико-методологическая основа исследования. В работе применены как общенаучные методы (сравнительный, гипотетико-дедуктивный), так и специальные теории и подходы: теория постиндустриального информационного общества, теория установления повестки дня, теории многоступенчатой коммуникации, системный подход, сетевой подход, концепция социального капитала и другие.

Эмпирическая основа исследования. Выводы диссертационного исследования опираются на обширный эмпирический материал, к которому относятся данные социологических исследований, проведенных различными организациями, официальные статистические данные, нормативно-правовые акты органов государственной власти, а также полевые исследования, выполненные автором. Эти источники могут быть разбиты на несколько типов, каждый из которых позволил проанализировать конкретные аспекты политических коммуникаций в современной России.

1. Труды, опубликованные в научных реферируемых журналах, монографии, материалы научных конференций, которые позволили сформулировать основополагающие методологические принципы диссертации и определить базовые направления исследования.

2. Официальные документы органов государственной власти, включающие нормативно-правовые и информационные документы. К ним можно отнести ряд важнейших нормативных документов, таких, как закон «О средствах массовой информации» (1991 г., в редакции 2015 г.), закон «О персональных данных» (2006 г., в редакции, 2015 г.), закон «О

защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (2012 г.) и т. п. Они составляют правовую основу, на которой строятся процессы политической коммуникации в современной России. Наметившаяся за последние несколько лет тенденция к ограничению правовыми способами сетевых способов коммуникации порождает дискуссию о специфике отношения государства к той или иной форме политической коммуникации.

3. Результаты социологических опросов, проводившихся в последние десятилетия крупнейшими отечественными центрами: ВЦИОМом, ФОМом, Левада-центром и другими. В них зафиксированы социологические данные об изменениях общественного мнения, способах политической коммуникации и т. п. Особенно следует выделить лонгитюдное исследование ФОМ «Интернет в России/Россия в Интернете», проводимое с 2000 года.

4. Официальная поисковая статистика компании Yandex, позволяющая в определенной степени отслеживать наиболее популярные поисковые запросы российских пользователей Интернета и судить, основываясь на этих данных, о динамике повестки дня в социальных медиа.

5. Официальные данные о результатах выборов позволили провести корреляционный анализ результатов голосования за политические партии и их интернет-активности.

6. Результаты собственных, проведенных автором исследований: опросов, фокус-групп и экспертных интервью. Автор диссертации в различные годы принимал участие в проектах, посвященных изучению общественного мнения, восприятию имиджа политических лидеров, экспертной оценке политических технологий. Кроме того, при подготовке диссертации были проведены серии экспертных интервью с действующими политиками, политическими журналистами, пресс-секретарями и GR-специалистами, в которых затрагивались, помимо прочего, вопросы, связанные с использованием сетевых средств политической коммуникации.

Рабочая гипотеза исследования связана с эмпирической верификацией комплекса предположений, высказанных целым рядом отечественных и зарубежных исследователей, среди которых можно назвать имена И. Масуды, Б. Барбера, Л. Гроссмана, Д. Иванова, И. Шевченко и др. о том, что Интернет оказывает сильное влияние на изменение политических процессов и институтов. В ходе исследования общая рабочая гипотеза была разбита на более частные предположения об определенных аспектах влияния сетевых коммуникаций на политику. Во-первых, необходимо проверить предположение о том, что медиатизация политического процесса опирается не только на «традиционные» средства массовой коммуникации, но и на новые, сетевые средства коммуникаций, которые в итоге приводят к новому этапу медиатизации на основе социальных медиа. Во-вторых, нуждаются в подтверждении или опровержении основные постулаты концепции электронного правительства, теории «электронной

демократии», появления и значительного усиления роли сетевых политических партий и т. п. В-третьих, особенно важной представляется проверка предположения о том, что сетевая коммуникация представляет реальную альтернативу традиционным каналам политической коммуникации (печатным и электронным СМИ), способствуя формированию у аудитории «туннельного сознания», приводящего к политическим переворотам и революциям. Детальное описание рабочей гипотезы и сопутствующих ей частных предположений содержится в основных главах диссертации.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

- обоснован вывод о развитии процесса медиатизации современной политики, которое на современном этапе опирается на широкое распространение и доступность социальных сетей и социальных медиа, что, в свою очередь, обусловлено такими детерминантами развития современного общества, как формирование экономики знаний, глобализация, научно-техническое развитие и внедрение сетевых форм управления производством и общественными институтами;

- описано новое направление медиатизации современной политики, которое развивается за счет использования сетевых каналов политической коммуникации (социальные сети и социальные медиа) и которое связано с оптимизацией онлайн-контента для распространения через социальные сети и социальные медиа;

- разработана концепция сетевой политической коммуникации как нового вида коммуникации, опирающегося на стирание традиционных границ между межличностной, групповой и массовой видами коммуникации посредством использования современных телекоммуникационных и компьютерных технологий;

- установлено усиливающееся значение средств массовой информации и политической коммуникации в условиях трансформации современного общества, при которых СМИ и политическая коммуникация играют значимую роль на всех этапах трансформации общества, а не только на этапе консолидации нового политического режима;

- изучены эффекты сетевой политической коммуникации, которые проявляются в обеспечении максимально широкого участия различных групп граждан и политических акторов в процесс обсуждения, принятия и имплементации решений, а также на сетевой принцип организации процесса коммуникации;

- выявлены и проанализированы сопутствующие распространению сетевой формы политической коммуникации эффекты политической поляризации, политической активации, персонализации политической информации, гражданской журналистики и т. п.;

- определены институциональные и структурные условия, препятствующие

интеграции сетевой политической коммуникации в политический процесс современной России, а также использованию сетевых технологий в государственном управлении.

Положения, выносимые на защиту:

1. Основными детерминантами развития современного общества, затрагивающими в той или иной степени все страны мира, выступают процессы глобализации мировой экономики, повышение роли научно-технических и общественных знаний, а также внедрение сетевых методов в управление и организацию общественных институтов. Указанные детерминанты в значительной степени влияют на современную политическую коммуникацию, на феномен медиатизации современной политики, а также на процессы общественных трансформаций. На современном этапе развития средств массовой коммуникации медиатизация политики продолжается на базе современных информационно-коммуникационных технологий, когда в этом процессе ведущую роль играют социальные медиа и социальные сети.

2. Формирование сетевой коммуникационной инфраструктуры привело к появлению сетевой политической коммуникации, которую можно трактовать как новую форму политической коммуникации, опирающуюся на стирание традиционных границ между межличностной, групповой и массовой формами коммуникаций. Сетевая политическая коммуникация характеризуется такими основными параметрами, как высокая степень персонализации, демассификация каналов коммуникации, индивидуализация содержания сообщений. Важнейшими параметрами эффективной сетевой коммуникации выступают уровень доверия источнику информации и высокая интерактивность коммуникации. Сетевая политическая коммуникация обладает некоторыми специфическими чертами, среди которых для политической науки наибольшее значение имеет их способность к «активизации» политических сторонников, что проявляется непосредственно в таких политических действиях, как протестные митинги и сбор финансовых средств через Интернет.

3. В связи с медиатизацией политического процесса средства массовой информации и политическая коммуникация в современных условиях играют значимую роль на всех этапах трансформации общества, а не только на этапе консолидации нового политического режима. Для проведения успешных демократических равно как и экономических реформ, а также в условиях стабильного социально-экономического развития необходим высокий уровень общественно-политической поддержки и благоприятное общественное мнение, которое способствует эволюции общества. Недостаток общественной поддержки государственно-политическим решениям зачастую вызывает социальные потрясения, которые в современных условиях могут выражаться в форме сетевых протестных кампаний.

4. Сетевая коммуникация является одним из самых перспективных направлений

развития политической коммуникации в современном обществе как в качестве средства обеспечения политического процесса, так и в качестве инструмента создания «электронного правительства». При этом в данном исследовании обосновывается положение о внутренней противоречивости термина «электронная демократия», а также о почти непреодолимых институциональных ограничениях, сопровождающих внедрение сетевой коммуникации в современное государственно-политическое управление, что выражается в неспособности современных государств имплементировать в политическую практику системы электронного голосования, слабой развитости сетевых политических партий, доминирования либеральной идеологии в вопросах авторского права и т. п.

5. Сетевая политическая коммуникация не способна принципиальным образом демократизировать публичную сферу, поскольку по своей природе обладает монополизирующим потенциалом, способствует политической поляризации, провоцирует политическую конфронтацию и способствует таким проявлениям неконвенциональной политики, как несанкционированные публичные мероприятия, хакерство и т. п. Демократичность публичной сферы зависит от многих факторов, среди которых важнейшую роль играют уровень демократичности медиа-пространства, отсутствие ограничений к доступу к политической информации через Интернет, политическая культура интернет-пользователей, минимальный уровень неконвенционального поведения в Сети и т. п.

6. В современной России сетевая политическая коммуникация выступает в качестве вспомогательного средства политической коммуникации ввиду серьезных ограничений, связанных со специфической конфигурацией политических институтов и общим низким доверием к средствам массовой коммуникации. С одной стороны, ограничения связаны с фундаментальными характеристиками российской аудитории традиционных и «сетевых» средств коммуникации, которые по своим политическим ценностям практически не отличаются друг от друга, являясь носителями традиционных для России патерналистских ценностей. С другой стороны, одной из основных преград в широком распространении сетевой политической коммуникации в России является сложившийся стереотип Сети, как легкодоступного средства размещения непроверенной информации и компрометирующих данных, что приводит к еще более низкому доверию к сетевым источникам информации по сравнению с традиционными.

Теоретическое и научно-практическое значение диссертации состоит в разработке концепции сетевой политической коммуникации на основе приоритетного принципа ненасильственного информационного влияния. Практическое значение диссертации заключается в том, что положения и выводы данного исследования могут быть использованы в качестве методологической базы для коррекции системы выработки и имплементации

информационной политики в современной России. Осуществленное исследование вносит вклад в развитие нового научного направления в изучении политических отношений в российском обществе. Собранные и проанализированные в диссертации сведения о динамике российского политического процесса позволяют учитывать политическое значение текущих политических решений, направленных на уточнение информационной политики. Основные положения работы, апробированные в ней методики и конкретные полученные результаты могут быть развиты и конкретизированы в дальнейших исследованиях политической коммуникации в России, отдельных политических технологий, как на федеральном, так и на региональном уровне. Высказанные в диссертации рекомендации и предложения направлены на гармонизацию социально-политических процессов в стране, призваны противодействовать влиянию деструктивных сил на политические институты и процессы. Выводы диссертационного исследования могут быть использованы органами государственной власти России и субъектов Российской Федерации при прогнозировании результатов проводимой политики и принимаемых решений, а также при повышении квалификации сотрудников пресс-служб органов государственной власти.

Основные результаты и содержание диссертационного исследования могут быть использованы в учебном процессе при преподавании целого ряда дисциплин бакалаврского и магистерского уровней таких, как введение в политическую теорию, сравнительная политология, политическая коммуникативистика, современная российская политика, политический анализ и прогнозирование, современные политические технологии и т. д. Кроме того, материалы диссертации могут стать основой для разработки специальных курсов и дисциплин по выбору.

Степень достоверности и апробация результатов. Степень достоверности достигнутых в работе результатов определяется использованием признанных научных методов исследования и опорой на обширный эмпирический материал, включающий в себя: официальные статистические данные, нормативно-правовые акты органов государственной власти, материалы социологических исследований.

Основные положения и выводы диссертационного исследования были апробированы в рамках ряда научно-исследовательских проектов. В частности, в ходе реализации гранта РГНФ № 16-23-01002 «Базовые модели коммуникаций бизнеса и городской власти в Минске и Санкт-Петербурге: компаративный анализ», гранта НИР СПбГУ 39.23.2211.2013 «GR в Санкт-Петербурге: структура рынка, коммуникативные технологии и профессиональные компетенции», гранта НИР СПбГУ 4.23.720.2011 «Публичная коммуникация органов государственной власти Российской Федерации в пространстве Веб 2.0: структура, каналы и

инструменты».

Результаты исследования были апробированы автором в ходе выступлений с докладами на международных и всероссийских конференциях:

- International Conference «Freedom and Power», Варшавский университет, Варшава, Польша, 3-4 июля 2008 г.

- International Conference «Challenges to Democratic Governance in New Democracies in CEE and the Balkans», Центрально-Европейский Университет, Будапешт, Венгрия, 2-3 июля 2008 г.

- Международная научная конференция «Новый политический цикл: повестка дня для России». Российская ассоциация политической науки, Москва, Россия, 5-6 декабря 2008 г.

- V Всероссийский конгресс политологов «Изменения в политике и политика изменений: Стратегии, институты, акторы». Российская ассоциация политической науки, Москва, Россия, 20-22 ноября 2009 г.

- Международная научная конференция «Изменение России: политические повестки и стратегии», Российская ассоциация политической науки, Москва, Россия, 25-26 ноября 2010 г.

- Международная научная конференция «Российская политика в условиях избирательного цикла 2011-2012 гг.», Российская ассоциация политической науки, Москва, Россия, 2-3 декабря 2011 г.

- International Conference «Russia and the World», Университет Хельсинки, Хельсинки, Финляндия, 23-24 октября 2013 г.

- Международная конференция «Журналистика-2013: стан, проблемы і перспективы», Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь, 5-6 декабря 2013 г.

- VII международная научная конференция Российской коммуникативной ассоциации «Communication strategies in human development (Communication-2014)», Санкт-Петербург, ЛГУ им. А. С. Пушкина, 16-18 сентября 2014 г.

- 7 Всероссийский конгресс политологов «Политическая наука перед вызовами современной политики», Российская ассоциация политической науки, Москва, Россия, 19-21 ноября 2015 г.

По теме диссертации опубликовано более 70 научных работ, общим объемом более 50 печатных листов. В том числе 19 статей в журналах, входящих в список ВАК, 2 авторские монографии, три статьи в зарубежных реферируемых журналах, индексируемых в базе данных Scopus, а также две статьи в журналах, проиндексированных базой данных Web of Science.

Научный уровень исследования был подтвержден академическим сообществом:

автору присужден диплом III степени в номинации «Индивидуальные монографии» конкурса научных работ РАПН в 2013 г. за работу «Сетевая политическая коммуникация: Теория, практика и методы исследования».

Материалы диссертации используются при преподавании курсов «Телекоммуникационные и компьютерные технологии в связях с общественностью и рекламе», «Современные электоральные PR-технологии», «Теория и практика связей с общественностью» (бакалавриат) и «Социальные медиа: технологии» (магистратура) для студентов, обучающихся по направлениям подготовки «Реклама и связи с общественностью», «Стратегические коммуникации», «GR. Связи с органами государственной власти».

Структура работы продиктована традициями гипотетико-дедуктивного подхода, когда изложение материала строится от теоретических подходов к эмпирическим верификациям. В первой главе «Политическая коммуникация в условиях сетевого информационного общества» анализируются теоретические подходы к исследованию современных политических коммуникаций, формированию нового теоретического подхода в политической коммуникативистике - сетевому анализу, а также разрабатывается концепция сетевой политической коммуникации. Во второй главе, озаглавленной как «Политическая коммуникация в условиях трансформации общества: переопределение роли и значения средств массовой коммуникации», уточняются основные положения современных концепций политических трансформаций о роли СМИ в общественных изменениях, рассматриваются различные аспекты влияния сетевой политической коммуникации на институты государственной власти, выборы, технологии проведения избирательных и политических кампаний, эволюцию политических идеологий и современных политических партий, а также проблема управления интернет-коммуникациями. В третьей главе «Влияние сетевой политической коммуникации на политические процессы в современной России» были исследованы проблемы сетевой политической коммуникации и социальных изменений в России под углом их взаимовлияния и взаимодействия.

ГЛАВА 1

Политическая коммуникация в условиях современного информационного общества

1.1. «Классические» подходы к исследованиям политической коммуникации

Политическая коммуникация в самом общем представлении – это процесс передачи политической информации от одного индивидуума (группы) другому индивидууму (группе)¹. Согласно определению Р.-Ж. Шварценберга, политическая коммуникация – это «процесс передачи политической информации, благодаря которому она циркулирует от одной части политической системы к другой и между политической системой и социальными системами»². Таким образом, политическая коммуникация является неотъемлемой частью политики, поскольку, как утверждал Л. Пай, «политическая жизнь в любом обществе невозможна без устоявшихся методов политической коммуникации»³. Важность коммуникации в политической сфере практически невозможно переоценить, поскольку именно она связывает современные общества в единое целое и таким образом, при всей кажущейся виртуальности, имеет реальное значение⁴. Современные исследователи справедливо отмечают, что политическая коммуникация сегодня – это не просто многоуровневая система циркуляции политической информации, она также захватывает «смысловой контекст политического процесса»⁵. При этом, неотъемлемыми аспектами политической коммуникации выступают коммуникативные (передача смысла, отношения) и коммуникационные акты (передача информации при помощи технических средств связи).

Усложнение современных институтов государства привело к формированию новых теорий, ставящих в центр политической системы коммуникативное взаимодействие граждан⁶. Более того, поскольку политическая коммуникация отражает политическую реальность,

¹Janda K., Berry J., Goldman J. The Challenge of Democracy: Government in America. Boston: Houghton Mifflin Company, 1989. P. 188.

²Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология. М., 1992. Т. 1. С. 174

³Цит. по: Грачев М. Н. Политика. Политическая система. Политическая коммуникация. М.: НОУ МЭЛИ, 1999. С. 123.

⁴Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005. 256 с.

⁵Иванов Д. Д. Политическая коммуникация в современной России: особенности функционирования и тенденции развития. Автореф. ... к.полит.н. М., 2014. С. 15.

⁶Бронников И. А. Политическая коммуникация и современность // Юридические исследования. 2013. № 4. С. 66-88; Поцелуев С. П. Диалог и квазидиалог в коммуникативных теориях демократии. Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2010. 496 с.; Шарков Ф. И. Политическая коммуникация в современном информационном обществе // PolitBook. 2012. № 2. С. 121-130; Назаров М. М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. М.: УРСС, 2002. 239 с.; Основы теории коммуникации / Под ред. М. А. Василюка. М.: Гардарики, 2003. 615 с.

постольку можно, вслед за Ч. Кули, утверждать, что изучение системы коммуникации в обществе является одним из лучших способов постижения социальных и ценностных изменений¹. При этом, очевидно, что различным политическим системам соответствуют различные системы политической коммуникации². Следовательно, политическая реальность может быть изучена по процессам передачи политической информации. То, каким образом осуществляется политическая коммуникация в том или ином обществе, красноречиво свидетельствует о политической системе данного общества, о происходящих в нем политических процессах.

Однако прежде чем приступить к анализу современной политической коммуникации, в которой, на наш взгляд, значительная роль отводится сетевым формам коммуникации, основанным на новейших информационно-коммуникационных технологиях, следует выяснить предысторию вопроса³. Политическая коммуникация, как часть политики, стала полем исследований практически с самого начала развития политической науки⁴. С начала XX столетия изучение средств массовой информации в современном обществе выделяется в отдельное направление исследований. Интерес к этой проблематике постепенно усиливается как в связи с добавлением новых каналов массовой коммуникации (радио и кино), так и в связи с выявившимся в ходе военных действий во время первой мировой войны значением политической пропаганды⁵. Так, например, в период между двумя мировыми войнами появилось несколько важных исследований Э. Бернейса в области политической пропаганды и роли общественного мнения в политике⁶. Первой теорией, ставшей научной базой для исследований политической коммуникации, оказалась теория массового общества. Различные аспекты теории массового общества разрабатывали такие известные авторы, как Х. Арендт, Э. Дюркгейм, Э. Канетти, Г. Лебон, К. Мангейм, С. Московичи, Х. Ортега-и-Гассет, Д. Рисмен, Г. Спенсер, З. Фрейд и многие другие авторы, считавшие, что в индустриальном обществе основной социальной единицей становятся массы⁷. С точки зрения теории массового общества

¹ Coolye C. H. The Significance of Communication // Reader in Public Opinion and Communication / Ed. by B. Berelson and M. Janowitz. Glencoe: Free Press, 1953. P. 147.

² Уилхелм Д. Коммуникация и власть. СПб.: ПНД-Систем, 1993. 144 с.; Information and Democratic Processes / Ed. by J. A. Ferejohn, I. H. Kuklinski. Urbana: University of Illinois Press, 1990. 432 p.; Media Power in Politics / Ed. by D. A. Graber. 3d ed. Washington: S.Q. Press, 1994. 439 p.

³ Бакулев Г. П. Массовая коммуникация. Западные теории и концепции. М.: Аспект Пресс, 2005. 175 с.; Fleur M. L. de, Lowery S. Milestones in Mass Communication Research. N.Y.: Longman, 1983. 399 p.

⁴ Historical Dictionary of Political Communication in the United States / Ed. by G.H. Stempel and J.N. Gifford. Westport: Greenwood Press, 1999. P. IX.

⁵ Посикера Л. Р. Политическая коммуникация в условиях избирательной кампании: анализ концепций и технологий. Автореф. Дис. ... к. полит. н. М., 1994. С. 3.

⁶ См.: Бернейс Э. Пропаганда. М.: Hippo Publishing LTD, 2010. 176 с.; Бернейс Э. Кристаллизация общественного мнения. М.: Вильямс, 2015. 272 с.

⁷ Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995; Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я //

политическую коммуникацию исследовали такие теоретики, как Г. Блумер, Г. Лассуэлл, У. Липпман, Дж. Клаппер и др. Так, согласно классическому определению Г. Блумера, массы представляют собой «элементарные спонтанно возникающие коллективы, которые во многом напоминают толпы, однако по многим параметрам радикально отличаются от них»¹. Он выделил четыре отличительных характеристики массы.

1. Масса формируется из представителей самых разных социальных, культурных, расовых, профессиональных и т.п. групп населения.

2. Масса представляет собой анонимные группы или, точнее, состоит из анонимных индивидов.

3. Взаимодействие и обмен опытом между членами массы минимален, так как они физически разобщены между собой.

4. В массах отсутствует организационная структура, и в отличие от толпы они не могут действовать согласованно².

Основным, объединяющим людей в массы, инструментом, по мнению Г. Блумера, являются средства массовой информации. Именно поэтому в качестве хорошего примера массы Г. Блумер указывал на огромные массы людей, которые одновременно следят по новостям за поисками очередного серийного убийцы. Телезрители, слушатели радиостанций или читатели газет, обладая совершенно разными социальными характеристиками (возрастом, полом, уровнем дохода, образованием, вероисповеданием и т. п.), в этом случае становятся массой.

Поскольку масса не имеет социальной организации, системы лидерства, традиций, статусов и ролей, она не может считаться обществом. Но она не является и толпой, так как в отличие от нее масса не предрасположена к активным действиям в соответствии с указаниями вожака. Реакции массы менее агрессивны, но так же элементарны, как и реакции толпы. Именно поэтому продукция средств массовой информации и все, что связано с массовой культурой, производится в максимально простой и элементарной форме³.

Одним из первых исследователей, анализировавших такие ключевые для политической коммуникации понятия, как пропаганда, общественное мнение, стереотипы, стал

Фрейд З. Психоаналитические этюды. Мн.: Беларусь, 1991. С. 422-480; Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996; Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994; Канетти Э. Масса и власть. М.: Ad Marginem, 1997; Московичи С. Век толп: Исторический трактат по психологии масс. М.: Центр психологии и психотерапии, 1996; Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М.: Издательство «Весь мир», 2000; Riesman D. The Lonely Crowd: A Study of the Changing American Character. New Haven: Yale University Press, 1965.

¹Blumer H. The Mass, the Public, and Public Opinion // Reader in Public Opinion and Communication. / Ed. by B. Berelson and M. Janowitz. Glencoe: Free Press, 1953. P. 43.

²Ibid. P. 43.

³Грушин Б. А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987. 368 с.

У. Липпман, который в 1922 г. опубликовал книгу «Общественное мнение», ставшую классическим произведением по этой теме¹. По мнению У. Липмана, общественное мнение представляет собой сумму упорядоченных при помощи стереотипов массовых мнений о событии, достаточно далекую от истинного положения вещей. Стереотипы играют решающую роль не только при восприятии политической информации, но и при освещении политических событий журналистами. Свои выводы У. Липпман делал на основе контент-анализа печатных средств массовой информации, что стало примером для последующих поколений ученых. Современной интерпретацией идей У. Липпмана стала теория Дж. Клаппера, согласно которой процесс массовой коммуникации в обществе развивается в соответствии с моделью гомеостазиса, когда восприятие информации от средств массовой коммуникации находится в равновесии с доминирующими в обществе стереотипами².

В период между двумя мировыми войнами классик американской политической науки Г. Лассуэлл опубликовал целый ряд работ, связанных с анализом общей модели политической коммуникации, роли пропаганды в политической жизни общества и другими вопросами массовой коммуникации³. Он стал создателем общей модели процесса политической коммуникации, получившей название формулы Лассуэлла. Согласно этой формуле, «наиболее подходящий способ описания коммуникационного акта состоит в том, чтобы ответить на следующие вопросы: Кто сообщает? Что сообщает? По какому каналу? Кому сообщает? С каким результатом?»⁴ Таким образом, по Г. Лассуэллу общая модель коммуникации состоит из пяти элементов:

- 1) коммуникатора (автора сообщения);
- 2) сообщения (информации);
- 3) канала коммуникации (средства передачи сообщения);
- 4) реципиента (адресата сообщения);
- 5) достигнутого воздействия (эффективности коммуникации).

Г. Лассуэлл основной формой коммуникативного воздействия в сфере политики считал пропаганду, понимаемую им как процесс «управления коллективными предпочтениями при помощи манипуляции значимыми символами»⁵. Особенное значение в этом процессе имеют

¹Lippmann W. Public opinion. N.Y.: Harcourt, Brace and Company, 1922. В русском переводе: Липпман У. Общественное мнение. М.: ФОМ, 2004.

²См., подробнее: Klapper J.T. The Effects of Mass Communication. N.Y.: Free Press, 1960.

³См. подробнее: Федосеев А. А. Современная американская буржуазная политология: истоки, традиции, новации. Л.: ЛГУ, 1989; Lasswell H.D. The Theory of Political Propaganda // Reader in Public Opinion and Communication / Ed. by B. Berelson and M. Janowitz. Glencoe: Free Press, 1953. P. 176-180.

⁴Цит. по: Грачев М. Н. Указ. соч. С. 127.

⁵Lasswell H. D. Op. cit. P. 176.

средства массовой информации, поскольку в современном мире политическая коммуникация по преимуществу осуществляется в виде массовой коммуникации. Согласно классическому определению Г. Лассуэлла, массовая коммуникация – это «целенаправленное воздействие коммуникатора на аудиторию с помощью сообщений, передаваемых техническими средствами»¹. Поскольку аудитория средств массовой информации находится в состоянии массы, в котором атомарно изолированные индивиды лишены возможности взаимного общения, постольку этой аудитории достаточно легко внушить определенные идеи. Данная точка зрения в научной литературе получила название теории «магической пули»².

К концу 40-х – началу 50-х годов происходит выделение «политической коммуникации» в качестве отдельного направления политологии. Выделение исследований политической коммуникации в самостоятельное направление на стыке различных социальных наук было вызвано несколькими причинами. Во-первых, после второй мировой войны технологии массовых коммуникаций получили еще большее распространение в связи с появлением телевидения. Во-вторых, в результате появления формирования новых демократических государств и эскалации «холодной войны» технологии пропаганды и политических коммуникаций получили возможность для дальнейшего практического применения. В-третьих, огромное влияние на концепции политических коммуникации оказали кибернетический подход Н. Виннера и функционализм Т. Парсонса и Р. Мертна.

Н. Виннер, заявивший, что «понимание общества возможно только на пути исследования сигналов и относящихся к ним средств связи», сделал огромный вклад в развитие социальных наук³. Одним из важнейших достижений кибернетики стало открытие феномена обратной связи, которая призвана выполнять важнейшую функцию системной стабилизации. Политическая (или любая другая) система будет функционировать эффективно до тех пор, пока обратная связь поставляет достоверную информацию. Если обратная связь искажается, то политическая система становится неспособной адекватно реагировать на изменение окружающей среды. Г. Г. Почепцов приводит довольно яркий пример системного сбоя обратной связи из советского периода нашей истории: «Советский Союз шел к своему разрушению, когда управляющая система получала фиктивные сведения в качестве обратной связи, такие, как, например, всеобщее одобрение произведений Л. Брежнева или решений очередного съезда»⁴.

Достижения кибернетической концепции, а также системный подход Л. фон

¹Цит. по: Терин В. П. Массовая коммуникация: социо-культурные аспекты политического воздействия: исследование опыта Запада. М.: Издательство Института социологии, 1999. С. 44.

²Lowery S., DeFleur M. L. Milestones in Mass Communication Research: Media Effects. N.Y.: Longman, 1983. P. 23.

³Винер Н. Кибернетика и общество. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. С. 30.

⁴Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. М.: «Рефл-бук», 2001. С. 231.

Берталанфи, оказали заметное влияние на возникновение социологической теории функционализма Т. Парсонса и Р. Мертона, которые разработали концепцию, согласно которой общество является системой, состоящей из четырех подсистем (экономической, политической, социальной и духовной). В их концепции социальная коммуникация – это одна из важнейших системных функций, значение которой в обществе связано с тем, что посредством этой функции обеспечивается связь между различными общественными структурами, а самостоятельные индивиды становятся обществом¹.

Американский политолог Д. Истон, основываясь на достижениях функционализма, создал общую модель политической системы. Согласно данному Д. Истоном определению, политическая система представляет собой «комплекс взаимодействий, с помощью которых достигается и осуществляется властное размещение ресурсов в обществе»². Основной целью политической системы является эффективное реагирование на импульсы внешней среды, компонентами которой выступают природа, экономика, общество и культура. Модель Д. Истона стала самым максимальным упрощением политической жизни и сделала возможным воплощение в практику политологических исследований принципа функциональной эквивалентности, то есть позволила проводить сравнительный анализ между самыми разными политическими системами³.

Еще дальше в деле «кибернетизации» политической коммуникации пошел другой американский политолог, считающийся основоположником общей теории политической коммуникации – К. Дойч⁴. Он рассматривал политическую систему исключительно сквозь призму производства и обмена информацией, поскольку политическое управление основывается на имеющейся информации, опыте руководства и прогнозе дальнейшего развития событий. К. Дойч опровергал распространенное представление о том, что сила или насилие – это сущность политики. Кроме силы, власть может иметь в своем основании такие источники, как деньги, организация, традиция и т.п. Однако особенное значение он придавал политической информации. По мнению К. Дойча, сущность политики определяется комплексом вопросов, связанных с политическим управлением. Политическое управление К. Дойч уподоблял процессу управления транспортным средством. Как штурман корабля определяет курс на основе информации о пройденном расстоянии, местонахождении и положении к намеченной цели, точно так же государственные лидеры, основываясь на имеющейся политической информации,

¹См., например: Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект-Пресс, 1998.

²Цит. по: Гаджиев К. С. Введение в политическую науку. М.: Издательская корпорация «Логос», 1997. С. 99.

³Доган М., Пеласси Д. Указ. соч. С. 61.

⁴О том, что К. Дойчу принадлежит право считаться основоположником теории политической коммуникации см.: Гаджиев К. С. Указ. соч. С. 100; Вершинин М. С. Указ. соч. С. 54; Посикера Л. Р. Указ. соч. С. 3.

управляют своими организациями. Таким образом, функционирование всей политической системы зависит от качества и постоянства потока политической информации, а ценность политических лидеров сводится к качествам политического менеджера¹.

К. Дойч одним из первых указал на важнейшее свойство диахронической политической коммуникации, имеющей место во время передачи политической информации от поколения к поколению. Формируя социальную память, диахроническая политическая коммуникация сохраняет этническую и национальную общность, политическую культуру и традиции общества. Тем самым, политическая система общества обретает устойчивость и набирает определенную инерцию. Заметим, что синхроническая политическая коммуникация реализуется посредством общения между современниками в целях решения текущих общественных задач, координации действий разных социальных групп, для обеспечения политической жизнедеятельности общества в настоящем времени².

Американские политологи Г. Алмонд и Дж. Коулмен продолжили развитие концепции политической системы в русле функционализма и одними из первых представили политическую коммуникацию в качестве функции политической системы³. По мнению Г. Алмонда и Дж. Коулмена, в любой политической системе можно выделить следующие функции «ввода»: 1) политическая социализация и привлечение к участию; 2) артикуляция интересов; 3) агрегирование интересов; 4) политическая коммуникация; и функции «выхода»: 1) разработка норм-законов; 2) применение норм; 3) контроль над соблюдением норм. Функции «ввода» осуществляются преимущественно неправительственными учреждениями, функции «выхода» – прерогатива правительства.

Политическая коммуникация вообще имеет место, как на «входе», так и на «выходе» политической системы. В предисловии к коллективной монографии Г. Алмонд и Дж. Коулмен указывают: «Все выполняемые политической системой функции... осуществляются посредством политической коммуникации»⁴. Тем не менее, теоретики структурного функционализма сочли необходимым выделить политическую коммуникацию в особую функцию. Дело в том, что функция политической коммуникации обеспечивает политическую систему входящей информацией в виде требований и поддержки. Политические партии и лоббистские группировки производят похожие процедуры, однако, стремясь навязать свою волю обществу, не учитывают и не выражают неорганизованные интересы. Поэтому роль

¹Deutsch K. The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control. N.Y.: Free Press, 1966.

²Deutsch K. Nationalism and Social Communication: An Inquiry into the Formation of Nationality. N.Y.: MIT Press, 1953.

³См.: The Politics of the Developing Areas. / Ed. by G.A. Almond, J.S. Coleman. Princeton: Princeton University Press, 1960.

⁴The Politics of the Developing Areas. P. 45.

независимых средств массовой информации, часто называемых «четвертой властью», в демократических системах не сводится исключительно к выражению интересов различных социальных групп. По образному выражению указанных авторов: «автономная система коммуникации «регулирует других регуляторов» и тем самым сохраняет права и свободы демократической политики»¹. Видимо, что-то подобное заметил один из отцов-основателей американской демократии Т. Джефферсон, который по этому поводу выразился следующим образом: «Если бы мне предстояло выбирать между правительством без газет и газетами без правительства, я бы предпочел последнее»². Именно успешное функционирование политической коммуникации позволяет четко выделить остальные политические функции и обеспечить прозрачность всего политического процесса.

Функционализм стал методологической основой для проведения целого ряда исследований в сфере политических коммуникаций в развивающихся странах. В этом плане исследования политической коммуникации внесли большой вклад в развитие теории модернизации, а ряд теоретических обобщений, разработанных в рамках этих исследований, имеет большое теоретическое и практическое значение и в наши дни.

Незрелость политической коммуникации, по мнению представителей функционализма, является одной из причин низкой адаптивности политической системы, приводит к утрате поддержки со стороны населения и политической нестабильности. Однако кроме развитости каналов массовой информации, большое значение имеет их независимость. Уровень развития политической коммуникации в обществе может быть измерен по нескольким направлениям. С точки зрения структурного функционализма, к критериям оценки политической коммуникации можно отнести гомогенность политической информации, передаваемой по каналам коммуникации, мобильность передачи политической информации, объем передаваемой политической информации и направленность передачи политической информации³.

Большую известность в научных кругах получило исследование под руководством уже упоминавшегося американского политолога Л. Пая⁴. Оценивая роль политической коммуникации в традиционных обществах, он пишет: «Наиболее важная характеристика коммуникационного процесса в традиционных обществах заключалась в том, что они не были организованы в отдельную систему отношений, резко отличимых от других социальных процессов. Традиционные системы испытывали недостаток в профессиональных

¹Ibid. P. 47.

²Цит. по: Политическое управление: Курс лекций. С. 184.

³Вершинин М. С. Указ. соч. С. 56.

⁴Communications and Political Development / Ed. by L.W. Pye. Princeton: Princeton University Press, 1967.

коммуникаторах, а те, кто принимали участие в политической коммуникации, делали это на основе занимаемой ими в обществе социальной или политической позиции. Информация обычно распространялась вдоль иерархических линий или в соответствии с традиционными для каждого отдельного общества представлениями. Таким образом, процесс политической коммуникации в традиционных обществах полностью зависел от структуры социальных отношений в обществе и от содержания политических сообщений»¹.

Современные коммуникационные системы, по мнению Л. Пая и других участников этой коллективной монографии, включают в себя два необходимых компонента. Во-первых, это наличие современных средств массовой коммуникации и достаточно большой социальной группы профессионалов, занятых в этой сфере. Во-вторых, это наличие механизма обратной связи, который осуществляется посредством двухступенчатой коммуникации. Как пишет Л. Пай, политические коммуникации «не опираются исключительно на средства массовой информации, поскольку существует ощутимое взаимодействие между профессиональными коммуникаторами и теми, кто занимает влиятельные позиции в сфере профессиональных и личных отношений»².

Коммуникационные системы переходного типа характеризуются не только слабой технологической развитостью средств массовой коммуникации или неравномерностью их проникновения в масштабах страны. Наиболее важной характеристикой является именно отсутствие механизма обратной связи между средствами массовой информации и общественностью. Более того, обычно в развивающихся странах имеет место резкая регионализация информационных систем и отсутствие горизонтальных связей между ними. Таким образом, развитие политических коммуникаций включает в себя как проникновение современных средств массовой информации во все уголки страны, так и увеличение возможности взаимодействия масс-медиа и общества.

У. Шрамм, анализируя необходимые для успешной модернизации традиционных обществ изменения в области политической коммуникации, указывал, что они в основном сводятся к трем направлениям:

- увеличение информационных потоков, вызванное расширением политического горизонта от событий локального уровня до событий национального и глобального характера;
- более широкое участие граждан в политических событиях и принятии решений, требующее в свою очередь дополнительных каналов коммуникации;
- постоянное обучение новым формам социально-политической и профессиональной

¹Ibid. P. 24.

²Communications and Political Development. P. 25.

активности, основанное на использовании новых каналов коммуникации, дистанционных и опосредованных форм обучения¹.

Политическая информация передается в обществе в самых разных направлениях и пронизывает все общество². Горизонтальная политическая коммуникация осуществляется между равноправными и независимыми друг от друга политическими субъектами (например, между политическими партиями). Вертикальная политическая коммуникация затрагивает отношения между зависимыми и неравноправными политическими субъектами (например, между центральным правительством и государственными учреждениями на местах). При вертикальной политической коммуникации информация передается как сверху вниз в виде распоряжений, законов, приказов и т.п., так и снизу вверх в виде общественного мнения, заявлений, жалоб и т.п. Об этом же пишет Л. Пай: «политическая коммуникация подразумевает не одностороннюю направленность сигналов от элит к массе, а весь диапазон неформальных коммуникационных процессов в обществе, которые оказывают самое разное влияние на политику»³.

Таким образом, для успешной модернизации общества требуется постоянное увеличение количества каналов коммуникации, их пропускной способности и умелого использования в качестве инструмента мобилизации и социализации масс. У. Шрам резюмирует: «Нет никаких сомнений, что современные коммуникации являются влиятельнейшим рычагом воздействия в развивающихся странах»⁴. Сделанные теоретиками концепции модернизации выводы, на наш взгляд, звучат весьма актуально и в наши дни, и особенно для такой страны как Россия.

До 40-х – начала 50-х годов на основе теории массового общества в США осуществлялись все пропагандистские и политические кампании⁵. Однако президентские избирательные кампании 1940 г. и особенно 1948 г. показали ограниченность этой концепции: в обоих случаях кандидаты, поддерживаемые СМИ, проигрывали. Особенно показателен пример 1948 г., когда «в поддержку Трумэна выступали лишь 16,2 процента ежедневных американских газет, что составляло всего лишь 14 процентов от их общего тиража. Тем не менее, Трумэн получил на выборах 49,5 процентов голосов избирателей»⁶. Несовпадение этих и некоторых

¹Schramm W. Mass Media and National Development: The Role of Information in the Developing Countries. Stanford: Stanford University Press, 1964.

²Вершинин М. С. Указ. соч. С. 56.

³Цит. по: Грачев М. Н. Указ. соч. С. 123.

⁴Schramm W. Mass Media and National Development: The Role of Information in the Developing Countries. Stanford: Stanford University Press, 1964. P. 20.

⁵Ашин Г. К. Доктрина «массового общества». М.: Политиздат, 1971. 191 с.

⁶Терин В. П. Указ. соч. С. 28.

других случаев с теорией заставило ученых искать новые объяснительные парадигмы.

Такой объяснительной парадигмой стала теория двухступенчатой (многоступенчатой) коммуникации, сформулированная американскими социологами П. Лазарсфельдом, Б. Берельсоном, Е. Кацем, Г. Годэ, У. Шрамом, Р. Мертоном и др.¹ Впервые она была высказана в 1940 г., а подробное обоснование было получено в 1955 г. при изучении формирования мнений в городе Декатуре, штат Иллинойс. При разработке и верификации концепции двухступенчатой коммуникации применялись обширные и разнообразные социологические исследования. Согласно мнению теоретиков концепции двухступенчатой коммуникации, общество не настолько однородно, как это пытались представить теоретики массового общества. В нем существуют так называемые лидеры мнений, то есть лица, мнение которых очень важно для окружающих. Во время политических кампаний, по утверждению сторонников данной концепции, увеличение количества политической информации, передаваемой по каналам коммуникации, приводит не к формированию широких слоев просвещенных граждан, но к усиленному дозированию новой информацией тех же самых лидеров мнений, которые интересовались политическими проблемами и до начала политической кампании².

Идеи, распространяемые средствами массовой информации, не просто отпечатываются в сознании всех представителей массовой аудитории, как считал Г. Лассуэлл, а подвергаются осмыслению и интерпретации. Если та или иная идея получает вердикт одобрения со стороны лидеров мнений, то они становятся ее активными пропагандистами. Следовательно, целью пропагандистской кампании является не просто массовое тиражирование информации, но попытка достижения взаимопонимания с ключевыми фигурами данного общества.

Другим важнейшим открытием, кроме нового открытия значения малой группы и лидеров мнения в них, стала переоценка роли различных средств массовой коммуникации. Сравнению подвергались такие каналы коммуникации, как газеты, журналы и радио. Напомним, что в 40-50-е гг. в США доминирующими каналами коммуникации считались газеты и радио, поскольку они поглощали большинство массовой аудитории. Однако исследования показали, что, несмотря на то, что журналы проигрывают в абсолютных цифрах по количеству

¹ См., подробнее: Berelson B.R., Lazarsfeld P.F., McPhee W.W. Voting: A Study of Opinion Formation in a Presidential Campaign. 6th impr. Chicago: University of Chicago Press, 1968; Lazarsfeld P.F., Berelson B., Gaudet H. The People's Choice: How the Voter Make up His Mind in a Presidential Campaign. N.Y.: Columbia University Press, 1968; Katz E., Lazarsfeld P. Personal Influence: The Part Played by People in the Flow of Mass Communications. Clincoe: Free Press, 1955.

² Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H. The People's Choice: How the Voter Makes up his Mind in a Presidential Campaign. Third Edition. N.Y.: Columbia University Press, 1968. P. 123-124.

пользователей, они выигрывают по качеству аудитории: «Лидеры мнений в два раза больше, чем обычные граждане, читают газеты и слушают радио, и в три раза больше – журналы»¹. Таким образом, авторы теории двухступенчатой коммуникации опровергли распространенное заблуждение о прямой зависимости между количеством массовой информации и результатами поведения граждан.

Необходимо отметить, что теория двухступенчатой коммуникации в последующие годы подверглась серьезной доработке и усилиями многих ученых постепенно эволюционировала. В качестве доработки двухступенчатой коммуникации появилась концепция трехступенчатой, а затем и многоступенчатой коммуникации². Тем не менее, основа данной концепции, заключающейся в том, что информация в обществе распространяется неравномерно и проходит сквозь фильтры лидеров общественного мнения, осталась неизменной, и данная концепция до сих пор находится на вооружении практикующих политических консультантов, рекламистов и специалистов по связям с общественностью. Поскольку журналистов принято считать лидерами мнений, относящихся к типу поставщиков новых идей, постольку многие информационные кампании рассчитаны в первую очередь на них³.

Любопытным преломлением концепции двухступенчатой коммуникации в свете развития глобальной сети Интернет стала точка зрения, высказанная известным итальянским философом и писателем У. Эко⁴. По мнению У. Эко, в «ближайшем будущем наше общество расщепится – или уже расщепилось – на два класса: тех, кто смотрит только телевидение, то есть получает готовые образы и готовое суждение о мире, без права критического отбора получаемой информации, и тех, кто смотрит на экран компьютера, то есть тех, кто способен отбирать и обрабатывать информацию. Тем самым начинается разделение культур, существовавшее во времена Средневековья: между теми, кто способен был читать рукописи и, значит, критически осмыслять религиозные, философские и научные вопросы, и теми, кто воспитывался исключительно посредством образов в соборе – отобранных и обработанных их творцами. Тема для фантаста! Будущий век, в котором пролетарское большинство пользуется только зрительной коммуникацией, а планируется эта коммуникация компьютерной литературной элитой»⁵.

¹Ibid. P. 134.

²См.: Лазарсфельд П., Мергон Р. Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие // Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. М.: УРСС, 2002. С. 138-149.

³См.: Сайтэл Ф. П. Современные паблик рилейшнз. Восьмое издание. М.: «Имидж-контакт», 2002; Уилкоккс Д. Л. Как создавать PR-тексты и эффективно взаимодействовать со СМИ. М.: Имидж-контакт, 2004.

⁴См., подробнее: Эко У. От Интернета к Гуттенбергу: текст и гипертекст. Отрывки из публичной лекции в МГУ // Новое литературное обозрение. 1998. № 32. С. 5-14.

⁵Там же.

Несомненно, важный вклад в дело исследований политических коммуникаций внесли представители неомарксизма или критического подхода в лице Т. Адорно, М. Хоркхаймера, Г. Маркузе, Г. Шиллера и др. В соответствии с марксистским подходом средства массовой информации, с одной стороны, выступают в качестве средств производства и источника обогащения буржуазии, а с другой стороны в качестве инструмента идеологического контроля над трудящимися¹. Именно по этому пути пошли представители франкфуртской школы Т. Адорно и М. Хоркхаймер, в 1944 г. опубликовавшие одну из самых влиятельных в XX столетии работ по массовой коммуникации². В своем исследовании они отталкивались от вопроса, занимающего внимание последователей К. Маркса и Ф. Энгельса до сих пор: почему, несмотря на растущие противоречия и продолжающуюся бесконечную дифференциацию общества, капитализм выживает и демонстрирует удивительную способность к развитию? По их мнению, секрет живучести капитализма связан с тем, что рабочий класс находится под идеологическим контролем. Главную роль при этом играют средства массовой информации, которые становятся не только средствами производства и извлечения прибыли, но и способом ассимиляции рабочего класса. Объединение средств массовой информации на почве общего идеологического содержания и ценностях массовой культуры приводят к формированию так называемой индустрии культуры, которая является «преднамеренным объединением ее потребителей сверху»³. При этом, профессионалы культуры – философы, искусствоведы, историки и другие гуманитарии «используются в качестве своего рода инструмента самокритики индустрии культуры, что позволяет ей функционировать более гибко и оперативно»⁴. Суммарным результатом производственной деятельности индустрии культуры является антипросвещение. Привыкшие к развлечениям обыватели не стремятся к приобретению новых знаний, их интересует только развлечения и отдых.

Практически с тех же позиций вели критику западных средств массовой информации советские обществоведы. Так, например, известный советский ученый О. А. Феофанов подвергал остракизму западный феномен «престижного потребления»: «Система «запланированного расточительства» представляет собой такую организацию рынка, при которой приобретенные товары подлежат быстрой замене не потому, что они вышли из строя, износились, утратили возможность нормально функционировать, а только в силу того, что они утратили свой «имидж», свой символ «статуса», «морально устарели», потому что на рынок

¹См., например: Голосов Г. В. Сравнительная политология. Новосибирск: Издательство Новосибирского Университета, 1994. С. 165.

²Adorno T., Horkheimer M. *Dialectic of Enlightenment*. N.Y.: Continuum, 1988.

³Цит. по: Голосов Г. В. Указ. соч. С. 165.

⁴Терин В. П. Указ. соч. С. 50.

выброшены такие же товары, но либо в обновленной форме, либо снабженные более привлекательными «имиджами»¹. При этом решающая роль в управлении поведением потребителей отводится средствам массовой информации, стимулирующим сбыт новой продукции взамен вполне еще функционально годной старой.

Г. Маркузе, в целом продолжая линию Т. Адорно и М. Хоркхаймера, обогатил ее за счет достижений психоанализа. Г. Маркузе указывал, что современные средства массовой информации являются «посредником между хозяевами и теми, кто от них зависит»². Анализируя современную массовую культуру, он обнаруживает ее глубинную связь с бизнесом и политикой: «Продажа оборудования для развлечений и отдыха в бомбоубежищах, телешоу с участием кандидатов, соревнующихся за национальное лидерство, демонстрируют полное единение между политикой, бизнесом и развлечением. Однако это единство бесчестно и фатальным образом преждевременно – бизнес и развлечение помогают осуществлять политику господства»³. В этих условиях только «отключение телевидения и подобных ему средств информации могло бы... дать толчок к началу того, к чему не смогли привести коренные противоречия капитализма – к полному разрушению системы»⁴. Таким образом, по мнению неомарксистов, средства массовой коммуникации являются конституирующим элементом современной капиталистической системы, распространяющей свое влияние на политику, экономику и культуру.

Одним из наиболее выдающихся представителей неомарксизма до недавнего времени был американский профессор Г. Шиллер, который уделял огромное внимание процессам информатизации современной капиталистической системы⁵. По мнению Г. Шиллера, информация и коммуникации имеют решающее значение для поддержания стабильности в современном обществе, поскольку присущие капитализму конфликты остаются и в наши дни. При этом на современном этапе развития капитализма классовое неравенство сохраняется, что проявляется в первую очередь в информационном неравенстве. Другими словами, классовая принадлежность определяет возможность получения определенного рода информации. Также появление такой новой технологии, как глобальная информационно-коммуникационная сеть Интернет, было продиктовано в первую очередь потребностями глобальных корпораций, заинтересованных в значительном снижении издержек на информационные транзакции в

¹Феофанов О. А. США: реклама и общество. М.: Мысль, 1974. С. 80.

²Маркузе Г. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: REFL-book, 1994. С. 110.

³Там же. С. 136.

⁴Там же. С. 322-323.

⁵Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М.: Мысль, 1980. 326 с.

масштабе всей планеты¹.

Заканчивая анализ неомарксистских исследований в области политических коммуникаций необходимо остановиться на Ю. Хабермаса, который осуществил плодотворную попытку дополнить основные положения критической теории своих учителей, Хоркхаймера и Адорно, теорией демократии. По мнению Ю. Хабермаса, следует различать власть, рождающуюся в процессе коммуникации, и административно применяемую власть. В политической сфере «встречаются и перекрещиваются два противоположных процесса: с одной стороны, коммуникативное формирование легитимной власти, которая рождается в свободном от всякой репрессивности процессе коммуникаций политической общественности, а с другой – такое обеспечение легитимности через политическую систему, с помощью которой административная власть пытается управлять политическими коммуникациями»². Таким образом, социальная коммуникация оказывается центральным понятием политики, так как она создает властные отношения. Использование исключительно административной власти неизбежно приводит к кризису легитимности и потребности новой коммуникации между субъектами политической жизни.

Осмысляя структурную трансформацию, переживаемую обществом, Ю. Хабермас еще в начале 1960-х годов доказывал, что для демократии жизненно необходимым элементом является публичная сфера, которая включает в себя общедоступные средства массовой информации, демократическую дискуссию и принятие публичных политических решений³. В качестве необходимых средств создания публичной сферы Хабермас выделял, кроме средств массовой информации, такие публичные институты распространения общедоступной политической информации, как публичные библиотеки, бесплатную политическую агитацию, публичный контроль судебных и законодательных процессов. В этом плане общественно-публичная сфера находится в состоянии напряженной борьбы с капиталистической системой, которая в принципе не заинтересована в трате ресурсов на обеспечение публичной политики. Таким образом, современные западные демократии предстают компромиссной формой государственного управления, в которой средства коммуникации играют системообразующую роль⁴. В демократических политических системах поддерживается свободная от принуждения коммуникация. По Ю. Хабермасу, она должна включать в себя следующие компоненты: во-

¹Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 198.

²Хабермас Ю. Философский спор вокруг идеи демократии (Лекция вторая) // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995. С. 31-55.

³Habermas J. The Structure Transformation of the Public Sphere. Cambridge: Polity Press, 1989.

⁴Любопытный анализ становления политической сферы в Великобритании, а также наметившимся в связи с сокращением государственного финансирования приводится в книге Ф. Уэбстера «Теории информационного общества».

первых, соблюдается равенство участников коммуникации и свобода от давления, во-вторых, темой дебатов являются общие проблемы, которые значимы для всех, и, в-третьих, запрещаются любые ограничения дискурса и существует возможность его возобновления по требованию участников¹. Зачастую для характеристики властной модели Ю. Хабермаса используют термин «делиберативной» демократии, призванный подчеркнуть значение политического дискурса в таких обществах². Делиберативность (от англ. - deliberate) в данном контексте означает свойство взвешенности, продуманности, рассудительности, неторопливости, осмотрительности и может относиться к таким понятиям, как принятие решения, достижение договоренности, или политический процесс в целом. В политических системах, где присутствует публичная сфера, граждане могут инициировать и свободно участвовать в политических дискуссиях на любые темы с тем, чтобы появилась возможность для принятия взвешенных и рациональных решений, направленных на достижение общего блага и устойчивого развития.

1.2. Политическая коммуникация в условиях сетевого информационного общества

Вероятно, на исследования современных политических коммуникаций большое воздействие оказали результаты развития технических средств коммуникации. В современных условиях, наряду с традиционными средствами политической коммуникации, все большее значение приобретают сетевые технологии, основанные на использовании возможностей, предоставленных международной глобальной сетью Интернет. Развитие Интернета прошло несколько последовательных стадий. На первом этапе созданием и развитием Интернета занимались научные учреждения, затем начинается коммерческое освоение, и, в конце концов, Интернет приобретает черты массового средства коммуникации, затрагивающего все сферы жизни общества, в том числе и сферу политики. Привлечение коммерческих источников финансирования произошло в начале 90-х годов, то есть спустя 20 лет после создания первой компьютерной сети, и проявилось в виде феномена «интернет-лихорадки». Интернет-лихорадка начала 90-х годов ознаменовалась завышенными ожиданиями по отношению к Интернету как средству ведения бизнеса. Неоправданные инвестиции в отрасль интернет-коммерции оказались одной из основных причин последовавшего в 1997-1998 годах экономического кризиса³. Тем не менее, на сегодняшний день принято выделять, как минимум, три этапа их развития:

¹Марков Б. В. Демократия и Интернет // Интернет и современное общество. 2-ая Всероссийская научно-методическая конференция. Санкт-Петербург, 20-24 ноября 2000 г.: Тезисы докладов. СПб.: СПбГУ, 1999. С. 7-12.

²Назарчук А. В. Понятие делиберативной политики в современном политическом процессе // Полис. Политические исследования. 2011. № 5. С. 99-103.

³Дайсон Э. Жизнь в эпоху Интернета. Release 2.0. М.: Бизнес и компьютер, 1998. С. 103.

- исследовательский (до 90-х гг.);
- веб 1.0 (90-е гг.);
- веб 2.0 (первое десятилетие 21 века)¹.

Массовое использование Интернета стало возможным благодаря нескольким факторам. Во-первых, как мы уже упоминали в первом параграфе, в начале 90-х годов удельный вес постиндустриальных отраслей в экономике развитых стран превзошел удельный вес традиционных отраслей. Во-вторых, Интернет приобрел графически привлекательный вид, удобный для большинства пользователей, так как в 1991 году была изобретена новая служба, получившая название «Всемирная паутина» (WWW), и ставшая наиболее распространенной службой Интернета, а в 1993 году появился первый удобный навигатор сети – «Mosaic», способный просматривать размещенные в сети документы². Таким образом, радикальное улучшение пользовательского интерфейса и рост постиндустриальных секторов экономики привели к тому, что Интернет и другие сетевые технологии в 90-х годах стали массовыми средствами коммуникации. Неудивительно, что именно к этому периоду времени, как уже отмечалось во введении, относятся первые опыты использования Интернета в качестве средства политической коммуникации.

Исследователи и публицисты сразу же обратили внимание на некоторые характеристики, делающих Сеть принципиально новой средой социальной коммуникации. С одной стороны, очевидно, что Интернет и другие сетевые технологии – это всего лишь «очередная историческая форма развития электронных средств массовой информации, появившаяся вслед за радио, телевидением, радио»³. Как известно, все коммуникационные средства делятся на две большие группы: естественные (невербальные и вербальные) и искусственные (документальные и электронные). Интернет принадлежит к разряду искусственных и электронных, к которым, кроме него принадлежат телевидение и радио. Появление искусственных каналов коммуникации, постоянное увеличение их количества и усложнение технических способов передачи информации, а также падение роли естественных каналов можно считать зафиксированными историческими тенденциями. Основной причиной появления искусственных каналов коммуникации является растущая потребность людей в общении в условиях дифференцирующегося общества. Простейшая ситуация, требующая использования искусственного коммуникационного канала, связана с территориальной

¹ Быков И. А., Филатова О. Г. Технологии Веб 2.0 и связи с общественностью: смена парадигмы или дополнительные возможности? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2011. №2. С. 226-237.

² Тапскотт Д. Электронно-цифровое общество: плюсы и минусы сетевого интеллекта. Киев: Рефл-бук, 1999. С. 26.

³ Вершинин М. С. Политическая коммуникация в информационном обществе. М.: Издательство Михайлова, 2001. С. 75.

удаленностью участников коммуникационного процесса. В условиях информационного общества наибольшее значение имеют не расстояние, а сложность и объем передаваемой информации (чертежи, графики, программы, мультимедиа и т. п.)¹.

С другой стороны, Интернет и другие сетевые средства коммуникации, по мнению большинства ученых, существенно отличаются от традиционных средств массовой коммуникации². В Интернете представлена новейшая модель коммуникации «многие-ко-многим». Если традиционные средства массовой информации, работавшие по принципу «один-ко-многим», были призваны оказывать влияние на пассивную массовую аудиторию, то теперь в Интернете легко реализуется новая модель, позволяющая пользователям активно высказывать собственное мнение и противодействовать влиянию однонаправленной коммуникации³. По мнению И. В. Успенского, Интернет радикально отличается от традиционных систем коммуникации, поскольку реализуется модель коммуникации «многие-ко-многим», в которой каждый абонент сети имеет возможность обращаться к другим отдельным абонентам или группам либо от своего имени, либо от имени группы⁴. Вообще, в Интернете и других сетевых средствах коммуникации доступны несколько типов коммуникации:

- Человек-компьютер;
- Человек-человек;
- Один человек-много людей;
- Много людей-один человек;
- Много людей-много людей.

Кроме многонаправленности коммуникативных процессов, Интернет и другие сетевые технологии обладают еще одной фундаментальной особенностью: он «помещает пользователей в интерактивную среду, где те становятся активными участниками коммуникационного процесса»⁵. Рассматривая интерактивность, следует сказать, что – «это характеристика протекания процесса коммуникации, определяемая положением по отношению друг к другу коммуникационных сообщений, или, если говорить более точно, определяемая по отношению коммуникационного сообщения к предшествующим. Для интерактивного взаимодействия характерным является необходимость немедленной ответной реакции на приход сообщения или информации, и, плюс к этому, ответ должен находиться в контексте

¹Соколов А. В. Социальные коммуникации. В 2-х ч. М.: Профиздат, 2001. Ч. 1. С. 198.

²Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. СПб.: Прайм-Еврознак; М.: ОЛМА-Пресс, 2001. С. 414.

³Носик А. СМИ русского Интернета: теория и практика // Интернет для журналиста / Под ред. С. Кузнецова, А. Носика. М.: Медиасоюз, 2001. С. 3-14.

⁴Успенский И. В. Интернет как инструмент маркетинга. СПб.: Питер, 1999. С. 78.

⁵Чумиков А., Бочаров М. PR-кампания в Интернете // Советник. 2002. № 11. С. 47.

предшествующих сообщений»¹.

Таким образом, для среды Интернет интерактивность можно определить как способность «отвечать» пользователю, подобно некоторому лицу, участвующему в диалоге. Тем самым, интерактивность расширяет и дополняет представительские функции компьютера как участника диалога, способного оценить действия пользователя и отвечать в соответствии с этими оценками. Возвращаясь к основополагающей модели, лежащей в основе Интернета и других сетевых технологий, можно сказать, что интерактивность «воплощается уже не на уровне персонального общения через среду, а на уровне взаимодействия непосредственно с самой средой»².

Еще одной особенностью Интернета является то, что это не только новый канал коммуникации, но и место хранения информации, всемирный архив или общедоступная библиотека, выполняющая важнейшую функцию передачи социальной информации от поколения к поколению. Таким образом, Интернет является первым глобальным средством коммуникации и хранения данных одновременно. Это связано не только с техническими параметрами (подключение к глобальной сети на основе протокола TCP/IP), но и с феноменом новой социальной организации (точнее, самоорганизации). Поразительно, но Интернет никому не принадлежит, а его управлением занимаются общественные некоммерческие организации.

Другим преимуществом Интернета как источника информации является возможность нелинейного поиска. В частности, исследуя распространение новостей, связанных с попыткой импичмента президента США Б. Клинтона, американские ученые Д. Граббер и Б. Уайт доказали, что Интернет, по сравнению с традиционными СМИ, предлагает потребителям существенно более богатый выбор источников информирования и больший объем информации³. Более того, Интернет предоставляет возможность легко сохранять полученные данные. Сидя за своим письменным столом, пользователи могут получить информацию практически по любому вопросу.

Итак, мы можем выделить несколько существенных характеристик сетевой коммуникации: многонаправленность, интерактивность, гипертекстуальность, нелинейный поиск информации, самоорганизация, скорость распространения информации, неочевидный статус источника информации. Как мы уже упоминали, большинство исследователей в связи с этим говорят об очевидной принципиальной новизне сетевой коммуникации. Вместе с тем, существуют и скептики. Так, на пример, немецкий политолог О. Яррен, признавая новые

¹Успенский И. В. Указ. соч. С. 82.

²Там же. С. 83.

³ Graber D. A. Processing Politics: Learning from Television in the Internet Age. Chicago: The University of Chicago Press, 2001. P. 110.

интерактивные возможности Интернета, тем не менее, уверен в том, что «коммуникация через Интернет не является чем-то принципиально новым в политической коммуникации»¹. Аргументируя свое заявление, Яррен указывает на то, что Интернет создает инфраструктуру для поддержания общения между индивидуумами, группами и сообществами в рамках определенных политических интересов и институтов. При этом он не отрицает того, что сетевая коммуникация обладает определенной спецификой по отношению к иным средствам политической коммуникации – интерактивностью, скоростью, возможностью малым группам и даже отдельным индивидуумам изложить свои политические взгляды. На наш взгляд, не стоит преувеличивать возможности сетевых технологий как средства политической коммуникации, но в то же самое время нельзя отрицать новые тренды, которые появились благодаря ним. Сетевые технологии, благодаря сочетанию всевозможных функций, включают в себя многие параметры предыдущих средств связи. Например, такая характеристика, как эффект присутствия на телевидении², проявляется при просмотре онлайн видео на YouTube или новостей на сайте BBC. Именно сочетание всех возможных технологий делает новые сетевые коммуникации уникальным явлением. Домашние кинотеатры почти дублируют обычные кинотеатры, онлайн радио заменяет традиционные радиоточки, видеотрансляции позволяют смотреть телевизионные передачи и т. п.³

Триумфальное развитие интернет-технологий привело к бурному росту исследований в этой области, которые вызвали возникновение, вероятно, наиболее известной и популярной социологической концепцией современности - теории «информационного общества»⁴. Считается, что термин «информационное общество» (Information Society) впервые начал использовать японский социолог Т. Умесао в 1963 г.⁵ По мнению Т. П. Ворониной, концепция «информационного общества» стала вторым этапом развития теории «постиндустриального общества, появившейся в 60-70-е годы⁶. Второй этап связывают с концепциями, в которых постиндустриальное общество рассматривают как информационное общество. Эти концепции появились в 80-х годах и связаны в основном с именами Э. Тоффлера,

¹ Яррен О. Интернет – новые шансы для политической коммуникации? // Актуальные проблемы Европы. Средства массовой информации и демократия в современном мире: Сб. статей и рефератов. М.: РАН ИНИОН, 2002. С. 130.

²Багиров Э. Г. Очерки теории телевидения. М.: Искусство, 1978. 151 с.

³ Быков И. А., Мажоров Д. А., Слуцкий П. А., Филатова О. Г. Интернет-технологии в связях с общественностью. СПб.: Роза мира, 2010. 275 с.

⁴Некоторые исследователи говорят даже о возникновении «идеологии информационного общества». См., на пример: Алексеева И. Ю. Возникновение идеологии информационного общества // Информационное общество. 1999. № 1. С. 30-35.

⁵Иноземцев В. Л. Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского общества // Вопросы философии. 1997. № 10. С. 29-43.

⁶ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: АСТ, 2004. 602 с.; Махлуп Ф. Производство и распространение знаний в США. М.: Прогресс, 1966. 462 с.

И. Масуды, Дж. Несбита, М. Кастельса и другими»¹.

Представляется, что термин «постиндустриальное общество» носит более широкий, общесоциологический характер. Как пишет В. Л. Иноземцев, концепция постиндустриального общества «акцентирует внимание на той основной черте, которая преодолевается в формирующемся новом обществе, а именно на индустриальной природе прежнего способа производства; при этом совершенно справедливо предполагается, что отдельные признаки нового строя не могут быть четко названы и описаны, пока не будет завершено хотя бы в основном его формирование»².

В данном исследовании предпочтение отдается термину «информационное общество», поскольку в основе этой теории находится такое ключевое понятие политической коммуникации, как информация. Считается, что постиндустриальный подход делает основной акцент на экономических и социальных аспектах нового общества, а информационный, по преимуществу, на коммуникационных аспектах. Тем не менее, очевидно, что отказ от изучения работ, в которых предпочтение отдается одному из терминов («постиндустриальное общество» или «информационное общество»), выглядел бы совершенно абсурдно. Тем более, что одни и те же авторы свободно оперируют и тем, и другим понятиями³.

Д. Белл, признанный основатель концепции постиндустриального общества, основное внимание в своих работах уделял социально-экономическим аспектам трансформации современного общества. В соответствии с его наблюдениями, подкрепленными обширными статистическими данными, к концу 60-х годов двадцатого столетия в развитых странах был заложен фундамент новой технологической цивилизации, в экономике которой «приоритет перешел от преимущественного производства товаров к производству услуг, проведению исследований, организации системы образования и повышению качества жизни; в котором класс технических специалистов стал основной профессиональной группой и, что самое важное, в котором внедрение нововведений... во все большей степени стало зависеть от достижений теоретического знания...»⁴ При этом, если в индустриальном обществе труд и капитал были центральными переменными, то в постиндустриальном обществе «информация и

¹Воронина Т. П. Информационное общество: сущность, черты, проблемы. М., 1995. С. 27; Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.; Кастельс М., Химанен П. Информационное общество и государство благосостояния: Финская модель. М.: Логос, 2002. 219 с.

²Иноземцев В. Л. Предисловие // Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М., 1999. С. 5.

³См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999; Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе / Сост. и вступ. ст. П. С. Гуревича. М.: Прогресс, 1986. С. 330-342.

⁴Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999. С. XIII.

знания становятся решающими переменными»¹. Обладающий информацией и знаниями класс специалистов, таким образом, превращается в основного игрока на политической арене, какими были пролетариат и буржуазия в индустриальную эпоху.

Д. Белл говорит об образовании новой элиты знающих людей, которая «обладает властью в пределах институтов, связанных с интеллектуальной деятельностью – исследовательских организаций, университетов и т.п.»² По мнению Д. Белла, политическое влияние новой элиты знающих людей по мере ее количественного роста будет только увеличиваться. Но он решительно выступал против передачи власти в ее руки: «Постольку, поскольку политические вопросы все теснее переплетаются с техническими проблемами (в широких пределах – от военной технологии до экономической политики), «элита знания» может ставить проблемы, инициировать новые вопросы и предлагать технические решения для возможных ответов, но она не обладает властью сказать «да» или «нет». Последнее является прерогативой политиков, но не ученых или экономистов. В этой связи крайне преувеличенной представляется идея о том, что «элита знания» может стать новой элитой власти»³.

Несмотря на очевидный крен в сторону анализа фундаментальных социально-экономических тенденций, в работах Д. Белла можно найти достаточно много ценных наблюдений относительно каналов коммуникации и их влияния на политические процессы. Так, например, он был одним из первых, кто отметил перспективы применения компьютеров и компьютерных сетей в качестве канала коммуникации. Вот что он пишет по этому поводу: «По мере того как компьютеры все шире используются в коммуникационных сетях в качестве коммутирующих систем, а средства электронной коммуникации становятся неотъемлемыми элементами в компьютерной обработке данных, различия между обработкой информации и коммуникацией исчезают»⁴.

Основная политическая опасность в развитии информационных технологий, по мнению Д. Белла, заключается либо в том, что политическая элита может скрывать важную информацию от граждан, либо в незаконном обнародовании информации, имеющей отношение к области частной жизни. В любом случае достигается эффект манипулирования общественным мнением. Таким образом, Д. Белл скорее негативно, чем позитивно оценивал перспективы влияния новых информационных технологий на политические процессы. В то же самое время, по его мнению, «технология не задает социальные изменения, она лишь представляет для этого

¹Белл Д. Социальные рамки информационного общества. // Новая технократическая волна на Западе. / Сост. и вступ. статья П.С. Гуревича. М.: Прогресс, 1986. С. 332.

²Там же. С. 341.

³Там же. С. 341.

⁴Там же. С. 335.

возможности и инструменты»¹. Значит, сопутствующие новым информационным технологиям негативные тенденции могут быть нивелированы при помощи грамотной государственной политики, направленной на достижение равного доступа граждан к политической информации и защите персональной информации.

Возможно, одним из наиболее известных авторов, сыгравших значительную роль не только в развитии концепции информационного общества, но и ее популяризации в массах, является А. Тоффлер. Его взгляды на современное общество представлены в многочисленных работах².

Центральной работой в плане анализа политических аспектов постиндустриальной цивилизации является книга «Смещение власти: знание, богатство и насилие накануне 21 века», развивающая мысль о том, что современное общество переживает процесс изменения значения различных ресурсов власти. Если в доиндустриальную эпоху основным ресурсом власти являлось насилие, в индустриальную – богатство, то в постиндустриальную эпоху на первое место выходит знание. Благосостояние нации в наше время все меньше и меньше зависит от военной мощи и богатства, и все больше – от развития науки, искусства, культуры, моральных ценностей, информации и образования. Отсюда возникает новая система власти, отмеченная переходом от работы мышц к работе ума. Власть теперь – это не вопрос количества (денег, силы), но качества. Даже в военном деле принято говорить об «умном оружии», «высокоточных ракетах» и т.п. При этом, по мнению А. Тоффлера, «знания как источник власти «высокого качества» получают все большее влияние с каждой прошедшей наносекундой»³.

Различные аспекты влияния новых информационных технологий на социально-экономические аспекты отражены в книге «Третья волна». Несмотря на то, что Тоффлер нигде в своей книге, написанной в 1980 г., не употребляет термина «Интернет», тем не менее, в ней постоянно возникают сюжеты, где «описываются технологии в настоящее время успешно реализованные в рамках инфраструктуры и сервисов Интернета»⁴.

При общей характеристике различных сетей коммуникации А. Тоффлер выступал за внедрение децентрализованных компьютерных сетей, поскольку в таком случае контроль со стороны государственных органов будет сильно затруднен⁵. С другой стороны, наблюдая процессы внедрения новых технологий, в другой своей книге Тоффлер пришел к выводу, что

¹Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999. С. СХ.

²Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999; Тоффлер А. Футурошок. СПб.: Лань, 1997; Toffler A. Power Shift: Knowledge, Wealth, and Violence at the edge of the 21st century. N.Y., 1990; Toffler A. The Third Wave. N.Y., 1980.

³Toffler A. Power Shift: Knowledge, Wealth, and Violence at the edge of the 21st century. N.Y., 1990. P. 470.

⁴Чугунов А. В. Теоретические основания концепции «информационного общества». СПб.: СПбГУ, 2000. С. 16.

⁵Тоффлер А. Третья волна. М., 1999. С. 287.

психика людей зачастую не выдерживает скорости нововведений. Он даже изобрел новый термин – «футурошок», который означает «стресс и дезорганизацию, которые возникают у людей, подверженных слишком большому количеству перемен за слишком короткий срок»¹. Для того, чтобы избежать массового проявления футурошока, А. Тоффлер выступал за избирательное внедрение новых информационных технологий. По его мнению, очень скоро возникнут «принципиальные различия между обществами, которые подходят к технологическому развитию избирательно, и теми, которые хватаются за первую попавшуюся возможность»². Следовательно, любому обществу просто необходимы политические институты, способные контролировать технический прогресс и обеспечивать стабильное развитие.

Большой интерес с точки зрения влияния новых информационных технологий на политику представляет концепция технотронной эры признанного авторитета в политической науке З. Бжезинского, которую он выразил в своей книге «Между двух веков. Роль Америки в технотронную эру»³. Согласно З. Бжезинскому, современное общество «в культурном, психологическом, социальном и экономическом отношениях формируется под воздействием техники и электроники, особенно развитой в области компьютеров и коммуникаций»⁴.

Влияние компьютеров и коммуникаций проявляется в возникновении странного парадокса: с одной стороны, разрушаются традиционные отношения, жизнь индивидов фрагментируется, с другой стороны, формируется глобальное, целостное мировоззрение. По мнению З. Бжезинского, основной причиной сложившегося парадокса является развитие современных электронных коммуникаций: «Изменения, вызванные коммуникациями и компьютерами, чрезвычайно содействуют связанности общества, члены которого пребывают в непрерывных и тесных слуховизуальных контактах, постоянно взаимодействуя, соучаствуя в наиболее напряженных социальных испытаниях, и их легко можно подтолкнуть к усилению личного подключения к решению даже весьма отдаленных проблем. Новое поколение не занимается более определением мира, опираясь исключительно на чтение;... оно испытывает мир и ощущает его компенсаторно с помощью слуховизуальных коммуникаций»⁵.

Оценивая позиции Соединенных Штатов на международной арене в новых условиях, З. Бжезинский указывает, что разворачивающаяся технотронная революция носит глобальный характер, а транслируемая электронными средствами коммуникации массовая культура становится важнейшим рычагом внешнеполитического влияния. Закономерным следствием

¹Тоффлер А. Футурошок. СПб.: Лань, 1997. С. 5.

²Там же. С. 356.

³Brzezinski Zb. *Between Two Ages. America's Role in the Technetronic Era*. N.Y., 1970.

⁴Ibid. P. 9.

⁵Ibid. P. 18.

экспансии массовой культуры при помощи слуховизуальных средств коммуникации является создание новой картины мира, созданной на основе упрощенных и доступных массовому потребителю образов. Вместо сложных идеологических доктрин современному избирателю предлагается деидеологизированный стиль жизни, равномерно включающий в себя элементы разных культур. По мнению З. Бжезинского, Соединенным Штатам следует удерживать лидерство как в области развития новых средств коммуникации, так и в области производства образцов массовой культуры.

Взгляды Бжезинского во многом близки к подходу другого теоретика информационного общества М. Маклюэна, относящегося к торонтской школе коммуникативистики и опубликовавшего большое количество работ, посвященных различным аспектам процесса коммуникации в современном обществе. Концепция Маклюэна остается одной из самых влиятельных и по сегодняшний день, вызывая самые различные интерпретации в научном сообществе. Во многом такая ситуация вызвана тем, как он излагал свои мысли. По мнению современного представителя торонтской школы Р. Дейберта, противоречивые интерпретации «медийной теории» получили широкое распространение в связи с тем, что «отец» Торонтской школы Г. Иннис, из-за относительно ранней смерти, оставил свой грандиозный проект исследований неоконченным, а М. Маклюэн писал свои книги в специфическом «мозаичном» стиле¹.

М. Маклюэн утверждал, что средство коммуникации как технология передачи информации несет в себе сообщение об изменении «масштаба, скорости или формы, которое привносится им в человеческие дела»². Таким образом, средства коммуникации оказывают огромное влияние на поведение как частных индивидов, так и социальных групп. Более того, средства коммуникации влияют на развитие человеческой цивилизации в целом. Об этом писал еще основатель «медийной теории» Г. Иннис, который в своей работе «Империи и коммуникация» впервые предложил проводить периодизацию человеческой истории в соответствии с фундаментальными коммуникационными изобретениями: «Мы можем совершенно четко разделить историю Запада на письменный и печатный периоды»³. М. Маклюэн, развивая замысел своего учителя, выделил три этапа в развитии цивилизации:

- 1) первобытная дописьменная культура с устными формами связи и передачи информации;
- 2) письменно-печатная культура («галактика Гуттенберга»), заменившая

¹ Маклюэн М. Галактика Гуттенберга. Киев: Ника Центр, 2003. 432 с.; Deibert R.J. *Parchment, Printing and Hypermedia: Communications in World Order Transformation*. N.Y.: Columbia University Press, 1997. P. 6.

² Маклюэн М. *Понимание медиа: внешние расширения человека*. М., 2003. С. 10.

³ Innis H. A. *Empire and Communications*. Oxford: The Clarendon Press, 1950. P. 7.

естественность и коллективизм – индивидуализмом;

3) современный этап («глобальная деревня»), возрождающий естественное слуховизуальное многомерное восприятие мира и коллективность, но на новой электронной основе через замещение письменно-печатных языков общения радиотелевизионными и сетевыми средствами массовых коммуникаций¹.

Суть «медийной теории» хорошо изложил один из самых известных американских теоретиков коммуникации П. Хейер: «В кратком изложении «медийная теория» исходит из убеждения, что трансформация базовой информации в знания – это структурированный процесс. На него очень сильно влияет средство материального воплощения информации. Другими словами, средства хранения и передачи информации не являются нейтральными. Способ организации и передачи наших знаний о мире сильнейшим образом влияет на природу восприятия мира и то, каким образом мы познаем мир»².

Современное преломление «медийной теории» представлено в книге Р. Дейберета «Пергамент, печать и гипермедиа: Коммуникации в процессе трансформации мирового порядка»³. Согласно Р. Дейберту, «медийную теорию» нельзя трактовать в русле технического детерминизма: «различные способы коммуникации имеют определенную логику или природу, но не в смысле технического детерминизма, а в смысле того, что они делают использование определенных способов коммуникации легче или труднее. Поскольку коммуникации являются жизненно важной частью человеческого существования, постольку любые изменения в способах коммуникации имеют существенные последствия для распределения власти внутри общества, для изменения индивидуального и социального сознания, а также для пересмотра общественных ценностей»⁴.

Таким образом, Интернет и новые информационные технологии оказывают значительное влияние на политику. Однако, это влияние не является жестко детерминированным. Они способствуют усилению политического влияния некоторых социальных групп. По утверждению Р. Дейберта, именно глобальные компьютерные сети – и особенно Интернет – серьезно изменили возможности и силу транснациональных общественных движений. Они позволили сформировать глобальное гражданское общество, типичными проявлениями которого стали, например, движения «Антиглобалистов» или

¹McLuhan M. The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man N.Y., 1962.

²Heyer P. Communications and History: Theories of Media, Knowledge, and Civilization. N.Y.: Greenwood Press, 1988. P. XIV.

³Deibert R.J. Parchment, Printing, and Hypermedia: Communications in World Order Transformation. N.Y.: Columbia University Press, 1997.

⁴Ibid. P. 6.

«Гринпис»¹.

Несомненно, большой вклад в развитие концепции информационного общества внесли американские футурологи Дж. Нэсбитт и П. Эбурдин². Среди описанных Дж. Нэсбиттом и П. Эбурдин «мегатенденций» рассмотрим только те аспекты, которые имеют непосредственное отношение к Интернету как каналу политической коммуникации. Дж. Нэсбитт и П. Эбурдин убедительно показывают, что в постиндустриальном обществе новые информационные технологии играют ведущую роль в экономическом развитии и делают возможным «процесс создания единого мирового хозяйства»³. Процесс глобализации мировой экономики, сопряженный с процессом опережающего роста новых информационных технологий, становится самой важной тенденцией постиндустриального общества.

Более того, глобальная экономика требует от национальных государственных органов власти либеральной экономической политики, заботы о благосостоянии граждан, учета различных интересов и в конечном итоге установления демократического режима. По мнению Дж. Нэсбитт и П. Эбурдин, «в условиях, когда компьютер расширил могущество личности, граждане могут более эффективно следить за действиями своих правительств, нежели правительства могут следить за действиями граждан»⁴. Далее следует еще более категоричное заявление: «компьютеры, спутниковая телефонная связь, телефаксы наделяют человека властью, а не угнетают его, как этого боялись раньше»⁵. В качестве аргументов, подкрепляющих эти выводы, Дж. Нэсбитт и П. Эбурдин приводят примеры падения шахского режима в Ираке или победы «Солидарности» в Польше, которые произошли после того, как «подпольно широко распространялись запрещенные кассеты в поддержку этих движений»⁶. Таким образом, они считают, что новые информационные технологии и, в частности, Интернет способствуют демократическим процессам и препятствуют авторитарным.

М. Кастельс, ведущий современный теоретик информационного общества, в своей трилогии «Информационная эра: экономика, общество, культура» (1996-1998 гг.) также уделил большое внимание средствам коммуникации⁷. Вслед за классиками «медийной теории»

¹Ibid. P. 159.

²См.: Нэсбитт Дж., Эбурдин П. Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции: Год 2000. Десять новых направлений на 90-е годы. М.: Республика, 1992.

³Там же. С. 22.

⁴Там же. С. 347.

⁵Там же. С. 348.

⁶Там же. С. 347.

⁷См. переводы на русский язык: Кастельс М. Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999, С. 296-308; Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999, С. 494-505.

Кастельс большое значение отводит прогрессу средств коммуникации, начиная с изобретения алфавита и заканчивая Интернетом. Он пишет: «Поскольку культура вводится и передается посредством коммуникации, сами культуры, то есть наши исторически построенные системы верований и кодов под влиянием новой технологической системы подвергаются фундаментальному преобразованию»¹.

М. Кастельс анализирует современное общество сквозь призму влияния формирующейся глобальной экономики и международных финансовых рынков. В отличие от П. Дракера², М. Кастельс говорит не о закате капитализма, а, наоборот, о его дальнейшем развитии. Только теперь «...в условиях информационной эры историческая тенденция приводит к тому, что доминирующие функции и процессы все больше оказываются организованными по принципу сетей»³. Типичным примером сетевой структуры в политике является структура Европейского союза. Сеть – это «комплекс взаимосвязанных узлов»⁴. Сети способны к динамичному расширению. Как пишет Кастельс, «...сети представляют собой открытые структуры, которые могут неограниченно расширяться путем включения новых узлов, если те способны к коммуникации в рамках данной сети, то есть используют аналогичные коммуникационные коды (например, ценности или производственные задачи). Социальная структура, имеющая сетевую основу, характеризуется высокой динамичностью и открыта для инноваций, не рискуя при этом потерять свою сбалансированность»⁵. Именно по такому принципу, принципу однородности, происходит расширение Европейского союза, НАТО или включение в ВТО.

М. Кастельс особенно отмечает роль информационных технологий в новом социальном укладе. Он пишет: «Чтобы финансовый капитал мог работать и конкурировать, он должен опираться на знания и информацию, получающие обеспечение и распространение благодаря информационной технологии»⁶. В этом плане особенное значение приобретает тенденция перемещения капитала в сферу высоких технологий и телекоммуникаций, а также основанных на них информационных технологий в самом широком смысле этого слова: от корпоративных баз данных и до голливудских блокбастеров. Усиление сети электронных средств информации приводит к тому, что «лидерство становится персонализированным, а путь

¹Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 315.

²Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна. С. 70-100.

³Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 494.

⁴Там же, С. 494.

⁵Там же, С. 495-496.

⁶Там же, С. 498.

к власти лежит через создание имиджа»¹. Таким образом, современные информационные технологии не только стимулируют формирование глобальной финансовой системы, но и приводят к бурному развитию новых форм политической коммуникации, в том числе опирающихся на Интернет.

В качестве примера новых политических процессов М. Кастельс говорит о различных группах социального протеста. Как мы уже отмечали, развитие электронных средств коммуникации самым непосредственным образом отражается и на сфере культуры. При этом, по замечанию М. Кастельса, «проявления культурного творчества абстрагируется от исторических и географических факторов. Их обуславливают скорее сети электронных коммуникаций, взаимодействующие с аудиторией и, в конечном счете, формирующие оцифрованный, аудиовизуальный гипертекст»². Распространение массовой электронной культуры, влияние безличностного международного финансового капитала, международное расслоение трудовой деятельности приводит к возникновению социальных движений протеста. По мнению М. Кастельса, основным противоречием нового общества станет противостояние процессов глобализации и самобытности конкретного общества. Это сопротивление направлено против основной тенденции развития современного общества – глобализации. При этом Интернет, призванный служить в качестве основного инструмента глобализации, парадоксальным образом становится одним из самых удачных средств, объединяющих представителей, недовольных этим процессом.

Резюмируя политические последствия становления информационного общества, следует сказать, в первую очередь, об углублении процесса медиатизации политики³. Именно основоположники теории информационного общества были одними из первых, кто обратил на это внимание⁴. Представление о том, что СМИ начинают подменять собой политические партии, лоббистские и общественно-политические организации, а также концепция формирования медиа-политических систем стали широко использоваться не только для теоретического анализа политических процессов, но и для непосредственного осуществления политики⁵. Во вторую очередь теория информационного общества оказала заметное влияние на анализ изменений, происходящих в сфере политической культуры, и появление, так

¹Там же, С. 503.

²Там же, С. 503.

³Schultz W. Reconstructing Mediatization as an Analytical Concept // European Journal of Communication. 2004. Vol. 19. N 1. P. 87-101.

⁴См., например: Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999.

⁵Киселев И. Ю. Политическая коммуникация на рубеже столетий. М., 2002; Кретов Б. Е. Средства массовой коммуникации - элемент политической системы общества // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 1. С. 101-115; Лебедева Т. Ю. Путь к власти. Франция: выборы президента. М.: Издательство Московского университета, 1995. 123 с.; Шампань П. Делать мнение: Новая политическая игра. М., 1997. 335 с.

называемых, постиндустриальных ценностей¹.

По мнению Ф. Уэбстера, среди ученых, занимающихся проблемами информационного общества, существует фундаментальный раскол на тех, кто считает, что мы имеем дело с принципиально новым типом общества, и теми, кто, придерживаясь идеи социальной преемственности, утверждают, что процессы информатизации ранее установленных отношений еще не означают появления нового общественного уклада². К первой группе он причисляет теоретиков:

- постиндустриализма (Дэниел Белл, Алвин Тоффлер);
- постмодернизма (Жан Бодрийяр, Марк Постер);
- гибкой специализации (Майкл Пайор, Чарльз Сейбл, Ларри Хиршхорн);
- информационного способа развития (Мануэль Кастельс).

Вторая группа состоит из представителей:

- неомарксизма (Герберт Шиллер);
- регуляционной теории (Мишель Альетта, Ален Липиц);
- гибкой аккумуляции (Дэвид Харви);
- рефлексивной модернизации (Энтони Гидденс);
- публичной сферы (Юрген Хабермас, Николас Гарнэм).

Указанные теории интерпретируются Ф. Уэбстером с позиций, которые можно отнести к современной версии научного позитивизма. Поэтому неудивительно, что наиболее резкую критику в его работе заслужили постмодернистские авторы, такие как Ролан Барт, Жан Бодрийяр, Жан-Франсуа Лиотар, Марк Постер и Джанни Ваттимо. По мнению Ф. Уэбстера, «увлеченность постмодернистов релятивизацией любого знания, их полное отрицание истины, место которой заняло бесконечное разнообразие «истин», следует отвергнуть... вероятно, мы никогда и не постигнем истину во всей ее полноте, но мы можем приближаться к ней, формулируя ее более четко, опираясь на более полную аргументацию, более достоверную фактическую базу, более строгое знание и более надежные методологические принципы»³. На наш взгляд, подобная точка зрения отражает ситуацию доминирования (при всем плюрализме научных школ и подходов) позитивистских оснований научных исследований в современной западной социологии, что выражается в акценте на эмпирические исследования и стремлении к достижению практических целей.

¹Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и меняющиеся общества // Политические исследования. 1997. № 4. С. 6-32.

²Быков И. А. Рецензия на книгу Ф. Уэбстера «Теории информационного общества» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. № 4. С. 213-214.

³Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 350-351.

Обширный анализ существующих теорий информационного общества приводит Ф. Уэбстера к выводу, что концепции, объясняющие явление информатизации современного общества «в терминах исторической преемственности позволяют нам лучше понять роль информации в сегодняшнем мире. Не в последнюю очередь потому, что они сопротивляются попыткам искусственным образом квантифицировать информационное общество и саму информацию»¹. Представители концепций информационного общества, как нового типа социальной организации, на взгляд Ф. Уэбстера, при всех достижениях их исследований не смогли разработать надежного критерия, согласно которому можно проводить классификацию существующих обществ и периодизацию исторического развития.

1.3. Сетевой подход в современной политической коммуникативистике

Благодаря развитию современных информационно-коммуникационных технологий, исследование социальных коммуникаций вообще и политических в частности расширяются и углубляются в различных направлениях². Некоторые исследователи высказывают мысль о формировании новой научной субдисциплины – коммуникативистики³. Вот как об этом пишет А. И. Соловьев: «На фоне интенсивных исследований информационно-коммуникационных процессов все рельефнее видятся очертания политической коммуникативистики – науки, изучающей природу и строение информационно-политической сферы общественной жизни, характерные для нее механизмы и тенденции развития публичных и непубличных контактов, формы эволюции общения правящих кругов и гражданского общества. Как показывает опыт, эта субдисциплина развивается тем успешнее, чем более заметную роль играют политические коммуникации в репродукции механизмов государственного управления и социализации индивида, выстраивании новой системы представительства интересов граждан и, в конечном счете – в становлении информационного общества и соответствующих структур властного регулирования в публичной сфере»⁴. Действительно, социальные коммуникации, благодаря современным телекоммуникационным технологиям, занимают все более и более важное место в жизни современного общества. Дело доходит до того, что современные люди переходят к

¹Там же. С. 372.

² Буданцев Ю. П. Социология массовой коммуникации. М.: МНЭПУ, 1995. 111 с.; Соколов А. В. Социальные коммуникации. В 2-х ч. М.: Профиздат, 2001.

³ Землянова Л. М. Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества: Толковый словарь терминов и концепций. М.: МГУ, 1999. 300 с.; Землянова Л. М. Современная американская коммуникативистика. М.: МГУ, 1995. 271 с.

⁴ Политические коммуникации / Под ред. А. И. Соловьева. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 5.

потреблению информации в непрерывном режиме во время бодрствования¹. К доступным традиционным СМИ добавились современные смартфоны и другие переносные «гаджеты», которые непрерывно поставляют информацию их обладателям. Соответственно, растет значение современных массовых коммуникаций в политике.

Однако, современная политическая коммуникативистика, с одной стороны, переживает бурный расцвет, а, с другой стороны, находится в сложнейшей ситуации выбора пути развития, выработки собственного предмета исследований, собственных методов и исследовательских парадигм. Об этом много писала известная отечественная исследовательница Л. Н. Тимофеева, возглавляющая исследовательский комитет по политической коммуникативистики Российской ассоциации политической науки². Данная ситуация связана в первую очередь с тем, что современная коммуникативистика – это междисциплинарная отрасль научных знаний, включающая в себя самые разные подходы и методики: от классических методов социологии по изучению общественного мнения до новейших разработок в области дискурс-анализа³. Очевидно, что изучение политических коммуникаций возможно с различных точек зрения и с использованием различного инструментария исследовательских методик. К примеру, можно четко выделить следующие подходы: психологический, лингвистический, символический, функциональный, организационный и т.п.⁴

Что касается современных методов исследования политической коммуникации, то в последние годы наметились две важных тенденции. Во-первых, все более и более серьезное влияние оказывают исследования под общей маркой «дискурс-анализа»⁵. Во-вторых, бурное

¹ Future of Media Report / Ed. by R. Dawson [Электронный ресурс] // R. Dawson Blog, 2008, July, Режим доступа: http://www.rossdawsonblog.com/Future_of_Media_Report2008.pdf (дата обращения: 14.12.2010).

² Политическая коммуникативистика: проблемы предметного позиционирования / Под ред. Л. Н. Тимофеевой. М.: РАГС, 2008. 63 с.; Тимофеева Л. Н. Политическая коммуникативистика: проблемы становления // Полис: Политические исследования. 2009. № 5. С. 41-54; Тимофеева Л. Н. Политическая коммуникативистика в России: проблемы становления // Коммуникология. 2014. № 3. С. 119-126; Тимофеева Л. Н., Лобза Е. В. Политическая коммуникация, открытая заново // Политическая коммуникация в постсоветской России: проблемы формирования и парадигмы развития / Под общ. ред. Л. Н. Тимофеевой, Е. В. Лобзы. М.: Республиканская типография, 2003. С. 3-14.

³ Гаврилова М. В. Методы и методики исследования политической коммуникации. СПб.: Изд-во Невского института языка и культуры, 2008. 92 с.; Поцелуев С. П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Политические исследования. 1999. № 5. С. 62-75; Чудинов А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. № 2. С. 53-59.

⁴ См.: Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: Анализ основных теоретических подходов. Екатеринбург: УрО РАН, 1999. 130 с.; Березин В. М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия. М.: РИП-холдинг, 2003. 174 с.; Винтерхофф-Шпурк П. Медиapsихология: основные принципы. Харьков: Гуманитарный центр, 2007. 288 с.; Завершинский К. Ф. Политическая культура как способ семантического конституирования политических коммуникаций // Политическая наука. 2006. № 3. С. 31-46; Кириллова Н. Б. Медиакультура: от модерны к постмодерну. М.: Академический Проект, 2005. 448 с.; Попов В. Д. Информациология и информационная политика. М.: РАГС, 2005. 120 с.; Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 324 с.; Meadow R. G. Politics as communication. Norwood, N.J.: Ablex, 1980. 288 p.

⁵ Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: URSS, 2013; Ван

развитие социальных сетей в Интернете привело к повышению интереса и появлению моды на сетевой подход, который может быть интерпретирован в качестве наиболее подходящего для исследования политических коммуникаций¹. Для того, чтобы определить возможности сетевого анализа в области политических коммуникаций проведем небольшой анализ этого подхода.

Сетевой анализ на сегодняшний день едва ли можно отнести к основным направлениям исследований в отечественной политологии². Более распространенными оказались проверенные методики опросов общественного мнения, статистические методы анализа данных, контент-анализ и т. п. Так, например, большинство учебников по использованию прикладных методик исследований сделаны по образцу известной работы Дж. Б. Мангейма и Р. К. Рича и не содержат описания методов сетевого анализа³. Однако эти традиционные, проверенные временем инструменты зачастую «пасуют» перед лицом изменившейся реальности. Так, например, победу Барака Обамы над Хиллари Клинтон на демократических праймериз в 2008 нельзя было спрогнозировать, опираясь исключительно на традиционные методы политологического анализа⁴. Проблема заключается в том, что современный этап развития общества характеризуется массированным внедрением различных форм сетевой организации и самоорганизации в социальную структуру и политический процесс. Особенно ярко данная тенденция проявляется в области современных массовых коммуникаций, где наиболее заметным явлением последних лет стали так называемые социальные сети (Facebook, Twitter, Вконтакте и т. п.). Именно поэтому возникла острая необходимость в дополнении арсенала исследовательских методов и, таким образом, на сцене появилась более адекватная современным формам общественно-политической жизни методология сетевого анализа. И надо отметить, что в последние годы появились несколько работ, в которых сетевому методу уделяется определенное внимание⁵.

Сетевой анализ завоевал относительную популярность лишь в последние два десятилетия. Однако история сетевых исследований в социальных науках насчитывает значительно более давний срок. Если связывать возникновение сетевого метода с деятельностью Я. Л. Морено и его методом социометрии, который он практиковал для изучения

Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: 2000. 308 с.

¹Шерстобитов А. С., Бряннов К. А. Технологии политической мобилизации в социальной сети 'Вконтакте': Сетевой анализ протестного и провластного сегментов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 10 (36). С. 196-202.

²Быков И. А. Эмпирические исследования политики с использованием методов сетевого анализа // Политический анализ. 2011. № 11. С. 49-59.

³Мангейм Дж., Рич Р. Политология. Методы исследования. М.: Изд-во «Весь Мир», 1997. 544 с.

⁴Быков И. А. Интернет-технологии в избирательной кампании Барака Обамы // Вестник Пермского университета. Серия: История и политология. 2010. № 1. С. 48-58; Быков И. А. Роль блогов в американской политике // Политэкс. 2011. № 1. С. 287-290.

⁵Ахременко А. С. Политический анализ и прогнозирование: Учебное пособие. М.: Гардарики, 2006. 333 с.;

малых групп, то тогда приблизительным рубежом начала сетевых исследований можно считать тридцатые годы прошлого столетия¹. Так или иначе, в развитии сетевого подхода можно выделить два этапа: академический (до начала 90-х гг. прошлого столетия) и современный (после).

На первом этапе сетевыми исследованиями занималась небольшая группа социологов, психологов и политологов. Издавались два журнала: «Connections» и «Social Network». В 1978 г. была создана Международная ассоциация исследователей в области социального сетевого анализа (International Network for Social Network Analysis – INSNA)². Один из основателей этой ассоциации Дж. Барнс в еще в 1954 г. дал одно из первых определений социальным сетям³. В частности он писал: «Каждый человек... находится в соприкосновении с каким-то числом других людей, из которых одни находятся в непосредственном отношении друг с другом, а другие – нет. Соответственно каждый человек имеет определенный круг друзей, и эти друзья в свою очередь имеют собственных друзей. Некоторые из друзей одного человека знают друг друга, другие – нет. Я нашел удобным говорить о такого рода социальных полях как о сетях. Под этим мне видится система точек, некоторые из которых соединены между собой. Точками этой системы являются люди... и линии соединения этих точек указывают, какие люди взаимодействуют друг с другом»⁴.

В то время исследования в этой области были не известны широким кругам общественности и даже в научных кругах идеи сетевого подхода оставались в тени таких мощных научно-исследовательских программ, как структурный функционализм или неомарксизм. Вместе с тем, современные исследователи теоретических истоков сетевого анализа в социальных науках выделяют особую роль структурной антропологии и социологии малых групп для развития данной исследовательской парадигмы⁵. Таким образом, сетевой подход находился в тени, но развивался вместе и благодаря более популярным теориям. При этом отличительной особенностью сетевого подхода стало то обстоятельство, что именно в нем широкое применение получил математический аппарат теории графов. В отличие от более известных общесоциологических подходов, использовавших для анализа и прогноза социальной динамики традиционные статистические методы, основанные на теории вероятности и математической статистике, сетевой подход преимущественно базируется на

¹Морено Я. Л. Социометрия: экспериментальный метод и наука об обществе. М.: Академический проект, 2001. 383 с.

²Градосельская Г. В. Сетевые измерения в социологии. М.: Издательский дом «Новый учебник», 2004. С. 8-9.

³Barnes J. A. Class and Committees in a Norwegian Parish Island // Human relations. 1954. Vol. 7. P. 39-58.

⁴Цит. по: Веселкин Е. А. Понятие социальной сети в британской социальной антропологии // Концепции зарубежной этнологии: Критические этюды / Отв. ред. Бромлей Ю. В. М.: Наука, 1976. С. 127.

⁵Scott J. Social Network Analysis: A Handbook. L.: Sage, 2000. 208 p.

методах дискретной математики¹.

Серьезный перелом произошел в начале 1990-х гг.² Вероятно, это произошло в результате влияния нескольких факторов. Во-первых, нельзя не отметить, что резкое ускорение развитию сетевого подхода придало появление и широкое распространения Интернета, который стал наглядным примером развития научных исследований в области построения телекоммуникационных сетей. Интернет, с одной стороны, стал прикладным продуктом в области теории сетей, а с другой стороны, способствовал резкому усилению интереса к этой теме не только среди «физиков», но и среди «лириков», то есть ученых гуманитарного профиля.

Во-вторых, немаловажную роль также оказали процессы глобализации, которые способствовали формированию сетевых структур в индустрии научного производства. Повышение мобильности научных работников было стимулировано пониманием важности слабых связей и социальных сетей. Разумеется, личный житейский опыт оказывает серьезное влияние на научные воззрения носителей теоретических знаний. Пожизненная работа в одном и том же научно-образовательном центре стала чем-то исключительным, из ряда вон выходящим. Нормой жизни научных работников стали стажировки, поездки на научные конференции, совместные исследовательские проекты и т. п. При этом, мобильность научных кадров приводит не к разрушению научно-образовательных структур, а наоборот – к их укреплению. Кажущийся парадокс полностью соответствует выводам сетевой теории, которая описывает силу того или иного узла в сети через количество и качество его связей. Научные связи и обмены повысили значение одних узлов за счет падения других, соответственно те научные центры, которые не поддерживают научной мобильности и не создают адекватных условий для развития научных исследований у себя, оказываются в положении доноров.

Наконец, в-третьих, нельзя не упомянуть, что в руках ученых оказались специальные инструменты для проведения сетевых исследований. Наряду с программным обеспечением для проведения статистической обработки данных традиционных социальных исследований (SPSS, Statistica, MS Excel и т. п.) стали доступными дополнительные компьютерные программы, специально приспособленные для сетевого анализа (Pajek, SocNet, StOCNET, UciNet, SNA for R и т. п.)³. Этот факт также способствовал развитию исследований в этой области. Именно поэтому в последние двадцать лет ведущими университетами и издательствами мира уделяется

¹Granovetter M. The Strength of Weak Ties // The American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78. № 7. P. 1360-1380; Granovetter M. The Strength of Weak Ties: A Network Theory Revisited // Sociological Theory. 1983. № 1. P. 201-233.

²Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом ВШЭ, 2014. 384 с.

³ Computational Social Network Analysis: Trends, Tools and Research Advances / Ed. by A. Abraham, A. E. Hassanien, V. Snášel. N.Y.: Springer, 2009. 485 p.; Handbook of Social Network Technologies and Applications / Ed. by B. Fuhrt. N.Y.: Springer, 2010. 716 p.

огромное внимание методике и теоретическим основам сетевых исследований¹.

Остановимся на базовых принципах и методологических положениях сетевого подхода. Во-первых, следует выделить два нередуцируемых понятия, которые являются родовыми приметами любого сетевого исследования. Это понятия «узел» и «связь». Узлами в политике выступают политические акторы, которые в зависимости от уровня и задач исследования могут быть представлены как в виде отдельных индивидов, так и в виде формальных организаций или неформальных групп. Между узлами существуют определенные отношения или связи. Совокупность узлов и связей между ними формируют сеть, которая структурирует политические отношения. Вот как об этом пишет немецкий исследователь Р. Хойслинг: «составными частями сети – абстрактно говоря – являются узлы и отношения. Несколько узлов, вступающих в отношения, образуют сеть. В общественных науках узлы, как правило, обозначают действующих, то есть людей, группы, организации или другие социальные структуры. Отношения же можно символически изобразить в виде каналов, через которые могут протекать различные виды социальной активности (например, дружеское общение, меновая торговля и/или решения власти) участвующих в ней действующих (узловые точки)»²

Другие авторы предлагают использовать термин «сеть» для «обозначения наблюдаемых образцов социальных отношений между индивидуальными единицами анализа»³. Этими единицами анализа могут выступать как отдельные индивиды, так и группы индивидов, организации, целые страны и т. п. Образцами отношений, подвергаемых исследованию, также могут являться самые разные социальные отношения: дружба, родство, влияние, экономические отношения и т. п. Подобный подход дает исследователям возможность высвечивать «структуру реально существующих социальных отношений, являясь, таким образом, полезным исследовательским инструментом... Некоторые аналитики идут дальше и утверждают, что именно образцы социальных отношений между индивидами и составляют социальную

¹Butts C. T. Social Network Analysis with SNA // Journal of Statistical Software. 2008. № 6. P. 1-52; Freeman L. C., White D. R., Romney A. K. Research Methods in Social Network Analysis. New Brunswick: Transaction Books, 1989. 530 p.; Models and Methods in Social Network Analysis / Ed. by Peter J. Carrington, John Scott, Stanley Wasserman. Cambridge, Cambridge University Press, 2005. 328 p.; Wasserman S., Faust K. Social Network Analysis: Methods and Applications. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 825 p.; Knoke D., Yang S. Social Network Analysis. L.: Sage, 2008. 132 p.; Memon N., Alhajj R. From Sociology to Computing in Social Networks. NY: Springer, 2010. 430 p.; Newman M. Networks: An Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2010. 772 p.; Newman M., Leicht E. A. Mixture Models and Exploratory Analysis in Networks // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2007. Vol. 104. № 23. P. 9564-9569; Nooy W., Mrvar A., Batagelj V. Exploratory Social Network Analysis with Pajek: Revised and Expanded Second Edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 442 p.

²Хойслинг Р. Социальные процессы как сетевые игры. Социологические эссе по основным аспектам сетевой теории / Пер. с нем. М.: Логос-Альтера, 2003. С. 36.

³Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь: Пер. с англ. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Экономика, 2004. С. 420.

структуру»¹.

Наиболее важными для прикладных исследований являются отношения или связи между узлами, так как именно они характеризуют место роль того или иного узла в сети. Более того, описание структуры сети при помощи методов визуализации, и в частности картографирования, дает исследователям объективную картину реальности. Таким образом, изучение отношений между узлами приобретает критически важное значение. Сюда входят такие параметры, как сила (количество взаимодействий) и направленность связей (влияние). В зависимости от потребностей и точности исследования определяются критически важные параметры связи. Для одних исследований направленность связи практически не имеет значения, для других – это очень важно, так как позволяет предсказывать, например, пути распространения политической информации, если исследование относится к теме политических коммуникаций и анализу устройства бюрократических и административных структур.

Поскольку узлы и отношения между ними являются предметом изучения математической теории графов, постольку в обиход исследователей, использующих сетевой метод, широко вошли такие понятия, как вершина и ребро. Собственно, любая социальная сеть с точки зрения этой теории является графом, то есть комбинацией конечного числа вершин и ребер. Вот как об этом пишут отечественные исследователи Д. А. Губанов, Д. А. Новиков и А. Г. Чхартишвили: «Формально социальная сеть представляет собой граф $G(N, E)$, в котором $N = \{1, 2, \dots, n\}$ – конечное множество вершин (агентов) и E – множество ребер, отражающих взаимодействие агентов»² [Губанов, Новиков, Чхартишвили, с. 4]. Подобная формализация должна способствовать научной строгости и призвана освободить политические исследования от политической ангажированности и предвзятости.

С точки зрения математики, социальные сети предстают в виде графов. Графы в этом случае выступают совокупностями множеств узлов (вершин) и связей (ребер) между ними. В специальной литературе по дискретной математике широко распространен термин «орграф» (организованный граф), который является графом с направленным влиянием, то есть таким, где одни узлы оказывают одностороннее влияние на других или испытывают взаимное влияние друг на друга. В случае, если влияние оказывается в одну сторону, то это обозначают стрелочкой в одну сторону, а если влияние двухстороннее, то это обозначают либо стрелочками в обоих направлениях, либо линией без стрелочек. Таким образом, представленную выше в качестве примера сеть коммуникаций внутри полицейского участка, как и любой другой

¹Там же.

²Губанов Д. А., Новиков Д. А., Чхартишвили А. Г. Социальные сети: модели информационного влияния, управления, противоборства. М.: Физматлит, 2010. С. 4.

бюрократический орган, можно визуализировать в виде графа, а точнее в виде орграфа. Практическое использование орграфов нашло применение в первую очередь при решении транспортных проблем. Собственно, первая задача, над решением которой задумались математики и которая дала толчок развитию дискретной математики, была связана с загадкой Кенигсбергских мостов. В этой задаче фигурировали семь мостов Кенигсберга, через которые надо было пройти, при этом не пересекая один и тот же мост дважды¹. Именно поэтому важнейшей характеристикой орграфов выступает достижимость, то есть принципиальная возможность попасть с одной вершины на другую. Соединимость и достижимость выступают составными частями важнейшей характеристики любого графа и соответственно любой социальной сети – связности. Связность графа характеризует то, насколько хорошо вершины связаны между собой, то есть, можно ли, к примеру, из одной из них связаться с любой другой. В идеальном случае из одного узла сети можно попасть (пусть не на прямую) в любой другой узел.

Далее, важнейшей характеристикой графа является его плотность. Этот параметр характеризует граф с точки зрения того, связаны ли узлы между собой напрямую. Поэтому максимально плотный граф обладает максимально возможной связностью. Вместе с тем граф может распадаться на несколько плотно «сцепленных» между собой клик (кланов или облаков) вершин. При этом плотность всего графа будет относительно высокой, а вот его связность – нет. Социальные сети в реальном мире имеют тенденцию к формированию в них групп, сильно связанных между собой, которые можно назвать кланами или кликами. В соответствующей специальной литературе этот эффект получил название эффекта кластеризации. Попадая в такой кластер индивид неизбежно знакомится и заводит связи с остальными членами клана. Так, например, происходит, когда люди переезжают в другой дом, меняют профессию или обретают семью. Данный эффект намного превышает простую статистическую вероятность, что делает анализ социальных сетей весьма нетривиальной задачей.

Более того, в процессе применения сетевого анализа в социальных науках исследователи пришли к заключению, что большое значение играет такое понятие, как центральность². Это понятие применяется как к сетям в целом, так и к отдельным вершинам. Наибольшую ценность в социальных науках имеет понятие промежуточной центральности (англ. *Betweenness centrality* – И. Б.) или центральности как посредничества. Как пишет Г. В. Градосельская, «главную идею этого подхода можно сформулировать следующим образом: актер тем более централен, чем больше количество других акторов, между которыми он

¹Харари Ф. Теория графов. М.: Мир, 1973. 300 с.

²Freeman L. C. Centrality in Social Networks: Conceptual Clarification // *Social Networks*. 1979. № 1. P. 35-41.

находится (чем больше маршрутов он контролирует)»¹.

В последние годы относительно большое распространение в научной литературе получили исследования так называемых нейронных сетей. Использование методов анализа нейронных сетей в социальных науках базируется на практическом применении некоторых базовых принципов работы человеческого мышления. Дело в том, что человеческий мозг «состоит из огромного множества простых элементов – нейронов, число которых приблизительно равняется 10^{11} – количеству звезд Млечного пути. Каждый нейрон связан с несколькими тысячами других нейронов с помощью нервных волокон, через которые передаются электрические импульсы. Таким образом, мозг человека содержит приблизительно 10^{15} взаимосвязей»². Кроме самого факта того, что человеческий мозг можно представить в виде графа с огромным количеством вершин, важно учесть и то обстоятельство, что, во-первых, связи между нейронами разные (например, выделяют дендриты – нервные волокна обеспечивающие входящую информацию, а также аксоны – поддерживающие исходящий сигнал), а, во-вторых, что конфигурация этих связей, как и роль отдельных узлов, еще недостаточно изучены.

А. С. Ахременко в своей работе приводит примеры задач, которые можно решать при помощи искусственных нейронных сетей, а также несколько случаев успешного применения искусственных нейронных сетей в политике. В частности, для прогнозирования результатов выборов президента США была поставлена задача отобрать из большого числа независимых переменных ограниченный набор факторов, оказывающих наибольшее влияние на выборы. «В результате было получено всего пять значимых факторов:

- уровень конкуренции при выдвижении от правящей партии;
- наличие существенных социальных волнений во время правления действующего президента;
- спад или депрессия в год выборов;
- значительность изменений, совершенных действующим президентом в политике;
- активность третьей партии в год выборов»³.

Таким образом, сетевой подход предоставляет новый инструмент для исследования сетевых политических коммуникаций. Рассмотрим несколько примеров политических исследований с использованием сетевого анализа. Мы предлагаем начать с коллективной работы «Сетевой анализ комитетов в палате представителей Конгресса США»⁴. Некоторые

¹Градосельская Г. В. Указ. соч. С. 69.

²Ахременко А. С. Указ. соч. С. 267.

³Ахременко А. С. Указ. соч. С. 276.

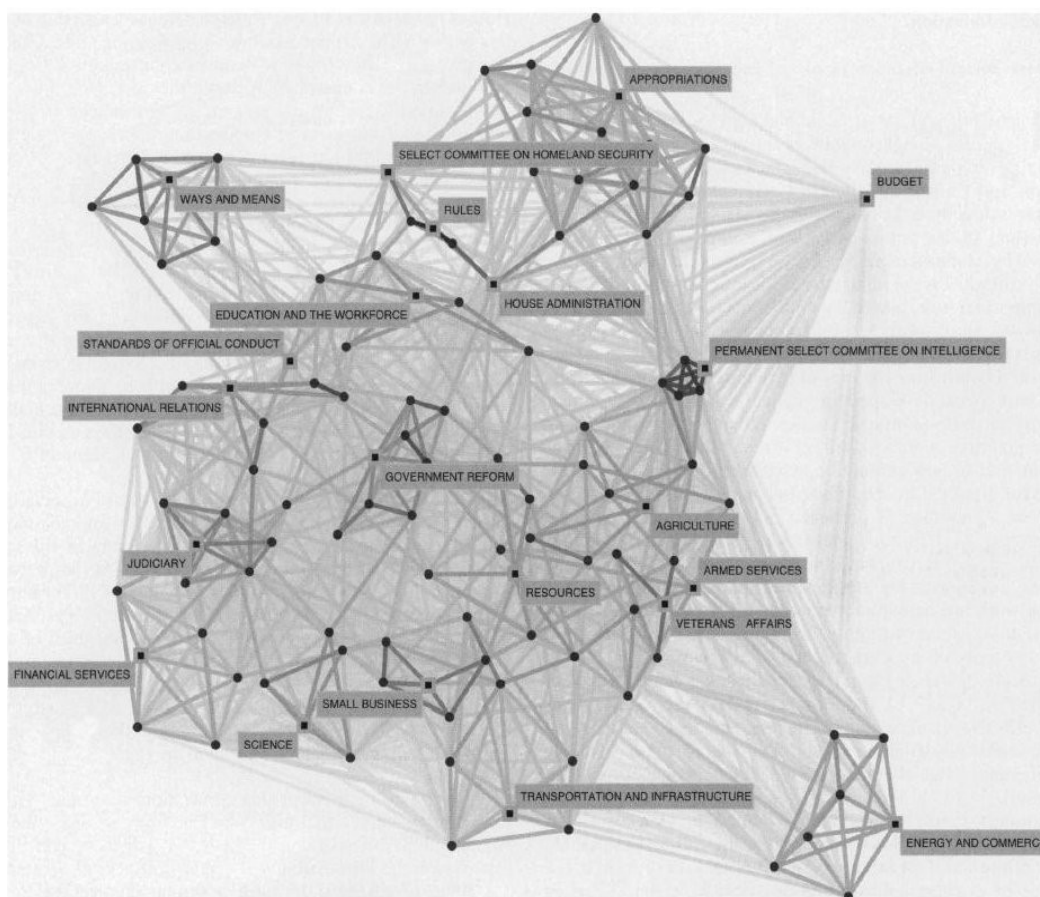
⁴Porter M. A., Mucha P. J., Newman M. E. J., Warmbrand C. M., Levin S. A. A Network Analysis of Committees in the

результаты этого исследования визуализированы на рис. 1. Они основаны на анализе членства депутатов в различных комитетах и субкомитетах в 2001-2002 гг. Поскольку один депутат имеет право принимать участие в нескольких комитетах, постольку за силу связи между комитетами было принято нормализованное участие депутатов в работе двух комитетов. Например, если в работе двух комитетов не принимают участие хотя бы один из депутатов, то это значит, что между ними нет связи. Чем больше одних и тех же депутатов работает в двух комитетах, тем сильнее связь между ними и тем ближе они находятся на карте. Данный подход не исследует направления отношений, ограничиваясь анализом структуры палаты представителей. В результате этого исследования выяснилось, что в палате представителей формируются настоящие кластеры, то есть замкнутые группы комитетов, в которых значительное количество членов совпадают. Так, например, произошло с комитетами, занимающихся проблемами контрразведки и разведки. На рисунке хорошо видно, что они сформировали плотный пятиугольник в правой части по центру во главе с постоянным комитетом по разведывательной деятельности.

Рис. 1. Сетевой анализ комитетов и подкомитетов палаты представителей США, 2001-2002 гг.¹

U.S. House of Representatives // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2005. Vol. 102. 2005. № 102. P. 7057-7062.

¹Porter et al. P. 7058.

Данное исследование не ограничилось только анализом структуры палаты представителей, так как простое фиксирование данной структуры почти не обладает прогностическим потенциалом. Проанализировав статистику голосования в комитетах, исследователи пришли к выводу, что существует сильная корреляция между комитетами и результатами голосований. Если комитеты входят в так называемые кластеры, то это значит, что голосования в этих комитетах преимущественно происходят с позитивным результатом, то есть в пользу принятия какого-либо решения. Если же комитеты не входят в «кластеры», то чаще всего члены комитетов не приходят к определённым решениям. Это позволяет предсказывать результаты голосования без реальных знаний о политических позициях конкретных депутатов, их взглядах и мировоззрении.

Продолжая тему международных отношений, остановимся на работе Чарли Карпентера «Исучая (не)включение повестки дня в деятельность транснациональных правозащитных сетей»¹. В этой интересной работе автор задаётся вопросом, почему одни темы попадают в повестку дня транснациональных правозащитных сетей, а другие нет? Для этого им

¹ Carpenter C. R. Studying Issue (Non)-Adoption in Transnational Advocacy Networks // International Organization. 2007. Vol. 61. Summer. P. 643-67.

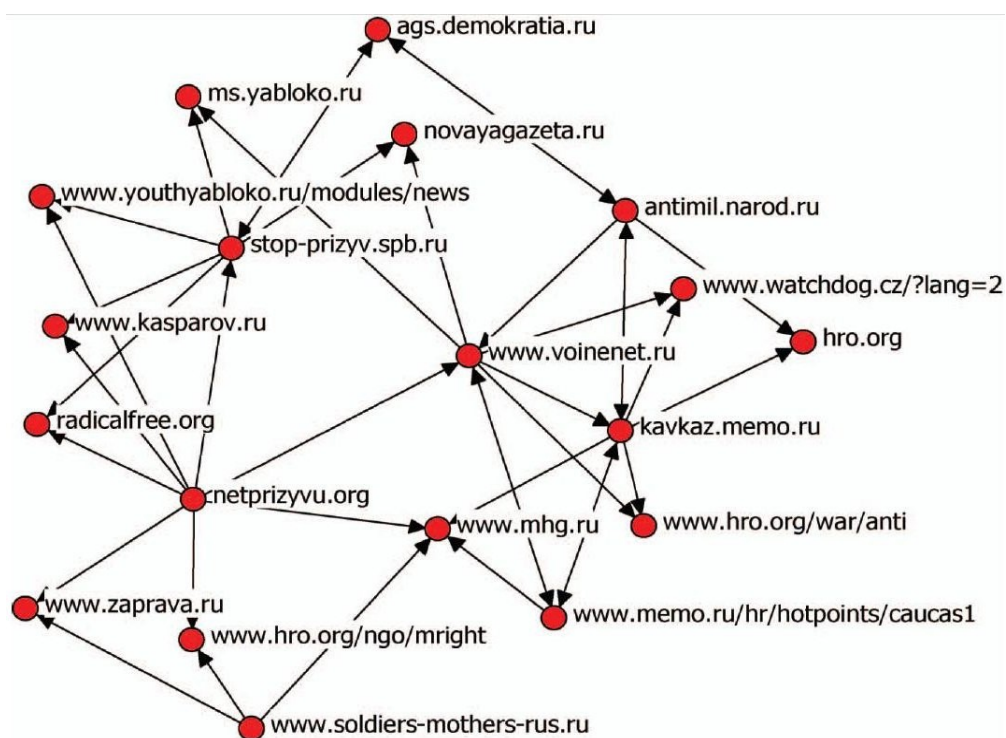
были проанализированы структура этих сетей, а также проведены интервью и фокус-группы с представителями общественных организаций, формирующих транснациональные правозащитные сети. В результате исследования выяснилось, что внутреннее обсуждение в правозащитных организациях никак не влияет на то, будет та или иная тема включена в повестку дня данной организацией или нет. Больше всего влияние оказывает место конкретной организации в сети. Выяснилось, что в ней существует некое ядро организаций, обладающих наибольшим авторитетом и активностью, и её периферия, которая принимает темы повестки дня в зависимости от профиля своей деятельности.

Очень близкий подход используется в работе Марку Лонкила «Интернет и антивоенный активизм в России»¹. Рис. 2 отображает структуру сетевых взаимодействий антивоенных организаций в Интернете по состоянию на 2007 г. В отличие от предыдущего исследования мы видим, что в данном случае в сети отсутствует ядро или сплочённая группа сетевых ресурсов, через которые проходят все коммуникации между членами сети. Для проверки этой гипотезы, точно так же как и в предыдущем исследовании, сетевой анализ структуры онлайн ресурсов был дополнен традиционным телефонным опросом активистов антивоенных организаций. Телефонный опрос также показал слабое взаимодействие между различными общественными организациями. Таким образом, сетевой метод исследования подтвердил результаты опросного метода, сделав, тем не менее, выводы более наглядными.

Рис. 2. Сетевой анализ взаимодействия сайтов солдатских матерей
и других антивоенных сайтов в России, 2007 г.²

¹Lonkila M. The Internet and Anti-Military Activism in Russia // Europe-Asia Studies. 2008. Vol. 60. № 7. P. 1125-1149.

²Lonkila M. Op. cit. P. 1139.

Сетевой подход предоставляет новый инструмент для исследования сетевых политических коммуникаций. В качестве примера мы бы хотели привлечь внимание к двум работам: исследовательскому проекту Оксфордского университета «Публичный дискурс в российской блогосфере» и книге Мэтью Хиндмана «Миф цифровой демократии»¹. Первая работа представляет собой глубокое исследование российского сегмента блогосферы, в котором анализируются прежде всего темы, обсуждаемые российскими блогерами, и связи между ними. В книге М. Хиндмана анализируются различные политические эффекты функционирования поисковых машин, а также монополизация политического контента в Интернете. Собственно сетевой анализ Хиндман комбинирует с анализом интернет-трафика и применением индекса Джинни к анализу интернет-СМИ. Этот анализ показал, что интернет по сравнению с традиционными медиа является более монополистичным информационным пространством. Если с традиционными медиа-империями можно было каким-то образом бороться при помощи антимонопольного законодательства, то в Интернете сайты могут удерживать положение, близкое к монопольному, совершенно безнаказанно. Так, например, происходит с поисковыми машинами (Google), видео-хостингами (YouTube), социальными сетями (Facebook), политическими блогами (Daily Kos) и т. п. Что касается собственно политических

¹ Быков И. А. Миф цифровой демократии // Политическая наука. 2011. № 2. С. 252-257; Etling B., Alexanyan K., Kelly J., Faris R., Palfrey J., Gasser U. Public Discourse in the Russian Blogosphere: Mapping RuNet Politics and Mobilization // Berkman Center Research Publication. 2010. № 11. October 19. 46 p.; Hindman M. S. The Myth of Digital Democracy. Princeton: Princeton University Press, 2009. 198 p.

информационных ресурсов, то исследование Хиндмана показало, что американский Интернет расколот на две части с преобладанием сторонников демократической партии. При этом аудитории основных политических партии никак не пересекаются.

Приведенный обзор использования сетевого подхода для анализа политических явлений позволяет отметить следующие, на наш взгляд, важные моменты. Во-первых, чаще всего использование сетевого анализа сопровождается другими, более традиционными методами: опросами, фокус-группами, кейс-стади, дескриптивной статистикой и т. п. Сетевой анализ выступает дополнительным инструментом, позволяющим добиться достоверных результатов. Во-вторых, на наш взгляд, сетевой метод очень хорош, когда есть возможность наглядно отобразить карту социальных взаимодействий между политическими акторами с тем, чтобы выявить место того или иного актора в сети политического взаимодействия. Таким образом, приёмы сетевой визуализации и картографирования очень полезны для наглядного определения и оценки текущей политической ситуации в выбранной теме исследования. Однако, в большинстве случаев использование сетевого подхода при анализе эмпирических данных не только затруднено, но и не приводит к существенному приращению научных знаний. В подавляющем большинстве случаев достаточно классических социологических методик для анализа процессов политической коммуникации.

Примечательны в этом плане попытки применения сетевого анализа для исследований политики в России, предпринятые некоторыми исследователями¹. К сожалению, эти исследования либо не обладают достаточной репрезентативностью, либо затрагивают лишь часть сетевого пространства. Гораздо больше исследований в области политических коммуникаций в Интернете используют традиционные социологические методы. Очевидно, что это связано как с техническими трудностями сбора эмпирической информации, так и новизной исследовательской техники сетевого анализа.

1.4. Современные СМИ, медиатизация политики и сетевая политическая коммуникация

Современная политическая коммуникация характеризуется дальнейшим развитием цифровых информационных технологий, приводящих к трансформации традиционных печатных и электронных СМИ, а также появлению новых средств коммуникации. Большую

¹ Рябченко Н. А., Гнедаш А. А. Теоретическая модель «сетевой локальной политики»: имплементация и анализ органов местного самоуправления и локальных online-сообществ // Научный журнал КубГАУ. 2015. № 8 (112). С. 358-367; Шерстобитов А. С., Бряннов К. А. Технологии политической мобилизации в социальной сети 'ВКонтакте': Сетевой анализ протестного и провластного сегментов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 10. С. 196-202.

роль в этом сыграли технологии Вэб 2.0, которые фактически привели к созданию новых социальных медиа¹. Развитие технологий Вэб 2.0 в итоге привело к формированию новой медиа-среды и новых форм политической коммуникации, которую мы называем сетевой. Далее в этом параграфе будет сделан подробный разбор того, каким образом под воздействием технологий Вэб 2.0 трансформировалась современная медиа-среда. Затем будет описано, как под воздействием социальных медиа и социальных сетей видоизменился стиль медиатизации политики и какую роль в этом процессе играют технологии связей с общественностью. В заключительной части параграфа будет дано определение сетевой политической коммуникации.

Остановимся сначала на описании концепции Веб 2.0². Известно, что основная заслуга в изобретении термина Веб 2.0 принадлежит американскому интернет-аналитику Т. О'Рейли, который с самого начала отметил, что «как многие важные концепции, Веб 2.0 не имеет четких границ. Это, скорее, центр притяжения. Вы можете представить себе Веб 2.0 как множество правил и практических решений. Они объединены в некое подобие солнечной системы, состоящей из узлов, каждый из которых построен с учетом некоторых или всех описанных правил и находится на определенной дистанции от центра»³. Таким образом, Веб 2.0 не имеет краткого определения, но его можно описать как совокупность определенных правил и принципов. Первый принцип связан с использованием «Веб как платформы». Этот принцип означает, что новые технологии Веб 2.0 строятся не вокруг компьютерных программ, которые нужно устанавливать на компьютерах, а вокруг интернет-ресурсов. Использование интернет-ресурсов в качестве рабочей среды повышает эффективность групповой работы и обеспечивает повышенную мобильность работников. Отличным примером практического воплощения этого принципа выступает компания Google.

Второй принцип основан на привлечении к производственной и бизнес-деятельности так называемого «коллективного разума». Данный подход опирается на эффекте «умной толпы», которая выбирает наиболее перспективные и беспроигрышные с коммерческой точки зрения решения.

Управление знаниями и информацией выступает четвертым принципом Веб 2.0. По мнению Т. О'Рейли, каждой компании в современных условиях нужны автоматизированные системы управления знаниями, которые призваны повысить эффективность бизнес-процессов и в какой-то степени снизить зависимость от наемных специалистов.

¹Каминченко Д. И. Понимание «новых» СМИ: от технологий Веб 2.0 к политическому значению // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2013. № 4. С. 127-135.

² O'Reilly T. What is Web 2.0 [Электронный ресурс] // O'Reilly Media. 2005. September 30. Режим доступа: <http://oreilly.com/pub/a/web2/archive/what-is-web-20.html?page=1> (дата обращения: 26 января 2011 г.)

³ О'Рейли Т. Что такое Веб 2.0 [Электронный ресурс] // Компьютерра, 11 октября 2005 года, Режим доступа: <http://www.computerra.ru/think/234100/> (дата обращения: 26 января 2011 г.)

Кроме того, Т. О'Рейли были отмечены тенденции изменения традиционного цикла разработки программного обеспечения, создания кроссплатформенных программных продуктов и появление «легких» моделей программирования. Все эти изменения в программировании привели к появлению гибких интернет-приложений, которые в большинстве случаев могут заменить традиционные инструменты. Так, например, в Интернете появились реальные альтернативы практически всем консольным приложениям, будь-то офисные пакеты или программы видео-монтажа. Теперь совершенно необязательно устанавливать на компьютер программы, ими можно пользоваться в Интернете.

И, наконец, последней характеристикой Веб 2.0 выступает доминирование «продвинутых пользователей». В отличие от 90-х гг., когда Интернет был достаточно новым явлением, а технические решения еще не отличались простотой и интуитивно-понятным интерфейсом, в начале нового тысячелетия подавляющее большинство интернет-пользователей могут похвастаться длительной практикой работы в Интернете и хорошими навыками работы с интернет-приложениями.

Табл. 1. Сравнение интернет-технологий,
получивших развитие в рамках концепции Веб 1.0 и Веб 2.0

Критерии сравнения	Веб 1.0	Веб 2.0
Основные сервисы	Электронная почта, статичный веб-сайт	Сайты на основе CMS, социальные сети, видео- и фото-хостинги
Новые сервисы	WWW, интернет-пейджеры	RSS, социальные сети, видео- и аудио-трансляции, IP-телефония
Скорость передачи данных	Невысокая (56 кб/с)	Высокая (от 512 кб/с и выше)
Основные каналы доступа к Интернету	Модемная связь, оптоволоконные кабели	Широкополосные каналы, мобильный доступ, Wi-Fi, ADSL
Основные источники контента	Коммерческие корпорации, СМИ, крупные общественные организации	Частные лица, группы единомышленников
Основной рекламный носитель	Баннер	Контекстная реклама и поведенческие технологии в баннерной рекламе
Модель коммуникации	Односторонняя	Двусторонняя симметричная

При всех кажущихся преимуществах технологий Веб 2.0 мы не можем не отметить и то, что у них есть недостатки. Среди них следует отметить зависимость от поставщика онлайн услуг, слабую приспособленность браузеров к сложным вычислениям, уязвимость конфиденциальных данных. В этом состоит обратная сторона медали расширения возможностей использования Интернета. Тем не менее, можно утверждать, что Веб 2.0 является наиболее перспективной из ныне существующих информационных сред. При правильном

использовании Веб 2.0 позволяет эффективно и недорого решать коммуникативные проблемы практически в любой сфере. Правильное использование тождественно комплексному использованию, совмещению информационных возможностей Веб 2.0, традиционных СМИ и широкого спектра разнообразных PR-мероприятий.

С точки зрения политической коммуникации интернет-технологии в первую очередь создали новую среду для деятельности средств массовой информации¹. Впервые вся сила Интернета как средства массовой коммуникации была проявлена во время скандала, связанного с отношениями президента США Б. Клинтона и практикантки М. Левински в 1998 г.² Интернет оказался единственным пригодным местом для публикации материалов, на первый взгляд, представляющих собой типичную диффамацию³.

Важность сетевых средств массовой информации как канала политической коммуникации подтверждает в частности исследование К. Дитрих и Т. Хартлей, проведенное в Соединенных Штатах в 1998 году. Интернет-СМИ обладают большей популярностью, чем информационные ресурсы политических организаций и политических деятелей. По данным К. Дитрих и Т. Хартлей, 61 % опрошенных респондентов имели компьютер на работе или дома. Из них только 5-8 % посещали политические сайты, тогда как посещение новостных сайтов оказалось на уровне 12 %⁴.

Очевидно, интернет-СМИ имеют определенное превосходство и перед традиционными СМИ. М. С. Григорьев выделил несколько особенностей, дающих «сетевым изданиям» ряд преимуществ перед традиционными средствами массовой информации:

- существенное удешевление процесса создания и распространения сетевых изданий и материалов;
- сравнительная простота создания сетевых изданий;
- существование развитых процессов поиска информации в Интернете⁵.

Кроме того, важнейшим достоинством интернет-СМИ является то, что они не чувствительны к временным или пространственным ограничениям. В любой точке земного шара и в любое время суток пользователь Сети может получать информацию сетевых изданий. В результате таких серьезных преимуществ «даже самый мелкий сетевой издатель в идеале

¹Рэддик Р., Кинг Э. Журналистика в стиле онлайн: Использование Internet и других электронных ресурсов. М.: Вагриус, 1999. 415 с.

²Neuman W. R. The Paradox of Mass Politics: Knowledge and Opinion in the American Electorate. Cambridge: Harvard University Press, 1986. 241 p.

³Старр К. Дело Клинтона-Левински в документах и фактах. М.: Паганель, 2000. 398 с.

⁴Dautrich K., Hartley T. H. How the News Media Fail American Voters: Causes, Consequences and Remedies. Columbia: Columbia University Press, 1999. P. 33-34.

⁵Григорьев М. С. Политические коммуникации в «век информации» // Политическое управление: Сборник научных трудов кафедры политологии и политического управления. М.: РАГС, 1998. С. 296-297.

может получить всю международную читательскую аудиторию»¹.

Также необходимо добавить еще один важнейший аспект нового средства массовой коммуникации, который сводится к высокой оперативности размещения информации. Интернет на сегодняшний день является едва ли не самым оперативным средством массовой информации. Задержка между получением информации и публикацией ее на сайте в идеальном случае не превышает нескольких минут. Распространяясь в режиме снежной лавины, новость в течение часа проникает на все новостные сайты. Указанные преимущества привели к появлению сетевых средств массовой информации, онлайн версий традиционных СМИ, а также к тому, что в медийном пространстве все более значимую роль играют новости и сюжеты из киберпространства. Взаимопроникновение и взаимовлияние традиционных СМИ и Интернета привели к появлению так называемой «журналистики в стиле онлайн», сочетающей в себе сразу несколько важнейших характеристик: интерактивность, персонализированность, пользовательский контент, фрилансерство и т.п.² Онлайн журналистика затронула не только средства коммуникации, но и стиль коммуникации³. Большое распространение получили информационные материалы, созданные на месте событий очевидцами со своих смартфонов и других гаджетов⁴. Одним из самых серьезных последствий появления нового медиума является в первую очередь перераспределение аудитории СМИ. Так, например, появление Интернета в США привело к тому, что аудитория телевидения в прайм-тайм за период между серединой восьмидесятых и началом нового тысячелетия сократилась с 57 % до 25 % от всего населения⁵.

В то же самое время не стоит переоценивать возможности и преимущества Интернета как среды деятельности СМИ. Они имеют и серьезные недостатки. Так, высокая оперативность сетевых СМИ может привести к внесению непреднамеренных искажений в передаваемую информацию. Например, в середине 1998 г. на сайте агентства Associated Press появилась статья под заголовком «Умер Боб Хоуп». В ней говорилось: «Лос-Анджелес (AP) – Боб Хоуп, звезда и неутомимый борец за нравственность со времен второй мировой войны до войны в Заливе, xxxxxx. Ему было xx (родился 29 мая 1903 г.)». Статья была предусмотрительно заготовлена одним из журналистов информационного агентства на случай вероятной смерти

¹Рэддик Р. Кинг Э. Указ. соч. С. 361.

² Макеенко М. М. Пользовательский контент: проблемы перехода от социального феномена к отрасли медиаиндустрии (на примере США) // Экономика и менеджмент СМИ: Ежегодник 2009 / Отв. ред. Е. Л. Варганова. М.: МедиаМир, 2010. С. 107-130.

³Рэддик Р., Кинг Э. Журналистика в стиле онлайн: Использование Internet и других электронных ресурсов. М.: Вагриус, 1999. 415 с.

⁴Вукотич И. А., Дорский А. Я., Шелонаев С. И., Улиановский А. В. Journalist on the Line of Fire: Scrutinizing Contemporary Military Journalism with Philosophical Anthropology Approach // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6. № 5 S2. P. 105-109.

⁵ Graber D. A. Processing Politics: Learning from Television in the Internet Age. Chicago: The University of Chicago Press, 2001. P. 160.

героя и появилась на сайте в результате нелепой ошибки. Несмотря на то, что «о смерти говорилось только в заголовке статьи, лидер Палаты представителей Дик Армей, увидевший материал на сайте AP, немедленно попросил коллегу объявить о смерти Боба Хоупа на заседании. Это объявление разошлось по всем информационным агентствам страны. Когда спустя несколько минут выяснилось, что 95-летний Хоуп жив и в этот момент завтракает со своей семьей в Палм-Спрингсе, смущенный Армей принес семье свои извинения»¹. Таким образом, казалось бы, бесспорное преимущество интернет-технологии при небрежном употреблении может обернуться серьезными недостатками.

Более того, уровень достоверности информации в Интернете значительно ниже, чем в традиционных СМИ. Причин такого положения вещей несколько. Одна из самых важных – правовая неурегулированность Интернета. Пользуясь несовершенством законодательств отдельных стран мира и несовпадением юридических подходов между ними, создатели интернет-сайтов имеют возможность нарушать фундаментальные для коммуникативной сферы права о защите интеллектуальной собственности и использовать информацию без указания источника и выплаты соответствующего вознаграждения².

Легкость размещения информации в сети, отсутствие реальных перспектив наказания за искажение данных и возможности анонимного общения привели к тому, что Интернет наполняется огромным количеством никому не нужной информации, которая только перегружает каналы связи между пользователями. Анархичность создания информационных массивов и отсутствие четких каталогов создают ощущение зыбкости сетевой структуры. Поисковые системы содержат миллионы ссылок, но многие из них не работают, поскольку сайты, на которые они ссылались, уже закрылись. В связи с этим большое распространение получило толкование Интернета как свалки информационного мусора³.

Ситуация с низким доверием информации в сети Интернет усугубляется тем, что сетевые ресурсы зачастую специально создаются для распространения компрометирующих материалов и слухов. В истории современной российской журналистики печальную известность получили такие сайты, как «Коготь-1», «Коготь-2», «Компромат.Ру» и др.⁴ Подобные сайты выполняют роль источника компрометирующей информации, предназначенной для последующей ретрансляции и мультипликации традиционными СМИ. Современные исследователи этой проблемы с сожалением отмечают, что в результате недостаточной правовой

¹Сайтэл Ф. П. Современные паблик рилейшнз. Восьмое издание. М.: Имидж-контакт, 2002. С. 361-362.

²Быков И. А., Балахонская Л. В. Права человека и язык рекламных текстов в современной России // Философия права. 2011. № 4 (47). С. 42 -47; Наумов В. Б. Право и Интернет: очерки теории и практики. М.: Книжный дом «Университет», 2002. 430 с.

³Сарчинелли У. Указ. Соч. С. 45.

⁴Комаровский С., Мараховская М. Интернет – новая избирательная технология? // Советник. 2001. № 3. С. 10.

урегулированности Интернета «организации оказались удобной мишенью неконтролируемых коммуникаций в никем не регулируемом киберпространстве»¹. Более того, большое значение в интернет-коммуникациях имеет скрытое продвижение, то есть платная генерация «пользовательского» контента за деньги заказчика. В России большую известность получила деятельность так называемой «Фабрики троллей» в Ольгино².

Проблема низкой достоверности информации, размещаемой в глобальной сети Интернет, является очень серьезной и существенно осложняет работу СМИ. Так, согласно исследованию, проведенному в 1999 году, «только 45% американцев заявили, что доверяют информации, полученной из Интернета, в то время как 96% считают надежными традиционные средства информации»³. Неформальные политические коммуникации, слухи и «вбросы» компромата значительно упростились с приходом сетевых коммуникаций⁴. Появились новые жанры неформальной политической коммуникации: фотожабы, мемы, видеоклипы и т.п.⁵

Тем не менее, несмотря на указанные недостатки, исследования Дорис Грабер и Брайан Уайт, проведенные в 2000 году в США, показали, что политические новости в Интернете являются значительно более полными и разнообразными, чем предлагаемые в традиционных средствах массовой информации. Интернет предоставляет пользователям возможность поиска и сохранения информации. Тем не менее, телевидение даже в США остается наиболее влиятельным средством массовой коммуникации. Несмотря на то, что на рубеже веков аудитория телевидения в прайм-тайм сократилась до 25 % по сравнению с 57 % в 70-е и 80-е годы, в действительности она переключилась на просмотр новостей в другое время или «обратилась к другим источникам. Другими источниками стали кабельное или спутниковое телевидение, а также Интернет»⁶.

Таким образом, СМИ как независимые участники процесса политической коммуникации с успехом абсорбировали глобальную компьютерную сеть Интернет. При этом, важнейшей тенденцией современных СМИ стала их конвергенция на основе цифровых

¹ Катлип С. М., Сентер А. Х., Брум Г. М. Паблик рилейшнз. Теория и практика. М.: Вильямс, 2000. С. 219.

² Городской типаж: блогер-пропагандист [Электронный ресурс] // Собака.Ру. 28.01.2015. Режим доступа: <http://www.sobaka.ru/city/city/32942/> (дата обращения: 12.12.2015).

³ Уилкоккс Д. Л. Как создавать PR-тексты и эффективно взаимодействовать со СМИ. М.: Имидж-контакт, 2004. С. 380.

⁴ Дмитриев А. В., Латынов В. В. Массовая коммуникация: пределы политического влияния. М.: МНУЦ, 1999. 111 с.; Дмитриев А. В., Латынов В. В., Хлопьев А. Т. Неформальная политическая коммуникация. М.: РОССПЭН, 1997. 197 с.

⁵ Гнедаш А. А., Рябченко Н. А. Конструктивные и деструктивные социально-политические практики в online-пространстве современной России: «фейлы», «кейсы», «механики» // Человек. Сообщество. Управление. 2014. № 2. С.40-54.

⁶ Graber D. A. Processing Politics: Learning from Television in the Internet Age. Chicago: The University of Chicago Press, 2001. P. 109-110.

технологий. Слияние СМИ происходит нескольких направлениях. Во-первых, техническая конвергенция предполагает появление понятия мультимедиа, то есть такого средства массовой коммуникации, в котором объединяются все возможные варианты носителей информации. Во-вторых, конвергенция контентов или пересечение содержания СМИ приводит к тому, что становится практически невозможно отличить одно СМИ от другого. И, наконец, в-третьих, объединение рынков СМИ приводит к возникновению как национальных, так и транснациональных медиа-империй¹. Конвергенция современных СМИ приводит и к радикальной смене стилей массовой коммуникации. Если «продуктом телевизионной эпохи стал инфотейнмент (information + entertainment), эпоха Интернета создала эдютейнмент (education + entertainment), то индивидуализированные каналы современной информации породили инфоториал (information + editorial)»².

Более того, многие исследователи отмечают, что возрастающие возможности новых информационных технологий постепенно стирают границы между массовыми или межличностными коммуникациями³. Увеличивающееся в геометрической прогрессии количество сетевых средств массовой коммуникации, нерешенность юридических вопросов, простота копирования и дешевизна переноса дислокации информационного ресурса с одного интернет-адреса на другой делает задачу контроля над ними трудноразрешимой.

Средства массовой информации и журналистика в последние два десятилетия переживают очень сложный и противоречивый этап своего развития. С одной стороны, нельзя отрицать наличие количественного роста СМИ практически во всех сегментах медиа-пространства. Количество всевозможных газет, журналов, телевизионных каналов, интернет-СМИ резко выросло. При этом усилилась их специализация. Это стало возможным, в первую очередь, благодаря снижению расходов на телекоммуникационное оборудование и вычислительную технику. В связи с этим увеличивается время, которое люди тратят на потребление массовой информации. Если в начале двадцатого столетия люди в среднем тратили около 10 часов в неделю на получение информации из СМИ, то в начале двадцать первого столетия эта цифра составила около 60 часов, а к 2020 г. должна достигнуть 90 часов в неделю, практически полностью охватив все время бодрствования⁴.

С другой стороны, нельзя забывать, что такие традиционные СМИ, как газеты и журналы, столкнулись с серьезной проблемой реализации своей продукции. Интернет и другие

¹ Развитие информационного общества в России. Т. 1. С. 158.

² Там же. С. 159.

³ Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. СПб.: Прайм-Еврознак; М.: ОЛМА-Пресс, 2001. С. 414; Graber D. A. Mass Media and American Politics. Fourth Edition. Washington: CQ Press, 1997. P. 410.

⁴ Future of Media Report / Ed. by R. Dawson [Электронный ресурс] // R. Dawson Blog, 2008, July, Режим доступа: http://www.rossdawsonblog.com/Future_of_Media_Report2008.pdf (дата обращения: 14.12.2010). P. 4.

электронные СМИ приводят к перераспределению аудитории, что в свою очередь означает перетекание журналистов из одного сегмента медиа-индустрии в другой. Постепенно печатные СМИ вытесняются электронными и особенно интернет-изданиями. Более того, меняется сам стиль журналистики, которая становится более мобильной, интерактивной и развлекательной¹.

Казалось бы, плюрализация медиaprостранства, сопровождаемая перераспределением аудитории между различными сегментами СМИ, должна означать улучшение качества информирования граждан за счет бóльшей специализации СМИ. Каждый получает не только персонализированный информационный продукт, но и имеет богатый выбор между альтернативными точками зрения. Однако, реальная ситуация при более пристальном изучении оказывается не такой однозначной.

Во-первых, нельзя не отметить, что сегодня сохраняется, а по некоторым данным, даже усиливается монополизация СМИ. Так, Д. Россидис отмечает, что несколько таких медиа-империй, как Time Warner, Disney, Bertelsmann, Viacom, Sony, TCI и NBC, контролируют весь рынок мировых массовых коммуникаций². Монополистическое доминирование в области СМИ имеет важное геополитическое измерение. Так, по данным отечественных исследователей, «на мировом информационном рынке США контролируют 82 % информации, Европа – 11 %, Япония – 2 %, остальной мир – 5 %. При этом у 4 американских ТНК объем вещания в 12 раз выше, чем у России»³.

Основными механизмами монополизации выступают собственность, найм и управление. Базовую роль играет институт частной собственности. Владельцы СМИ подбирают на работу журналистов, лояльных корпоративным принципам. Требования рыночной конкуренции заставляют рядовых журналистов добровольно подчиняться существующим правилам игры. Важна также и роль медиа-менеджмента, которая заключается в том, что СМИ управляются советами директоров, в которые практически никогда не входят журналисты⁴. Более того, редакционная политика современных СМИ благоприятствует тому, чтобы в них появлялись комментарии со стороны представителей истеблишмента: государственных чиновников, бывших чиновников, политиков, представителей крупного бизнеса, и других так называемых экспертов, которые непосредственно формируют правящий класс⁵.

Политэкономический анализ новейших СМИ показывает, что традиционная для

¹Рэддик Р. Кинг Э. Указ. соч.

² Rossides D. W. *Communication, Media, and American Society: A Critical Introduction*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2002. P. 89.

³ Политические коммуникации / Под ред. А. И. Соловьева. М.: Аспект Пресс, 2004. 331 с.

⁴ Winter J. *Democracy's Oxygen: How Corporations Control the News*. Monreal: Black Rose Books, 1997. 199 p.

⁵ Herman E. S., Chomsky N. *Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media*. NY: Pantheon Books, 1988. 480 p.

западных демократий информационная монополизация не просто сохраняется, но, по данным М. Хиндмана, даже растет¹. Анализируя степень монополистичности разных сегментов медиа-индустрии при помощи коэффициента Джини, он пришел к выводу, что Интернет более монополистичен, чем традиционные СМИ. Причина этой парадоксальной ситуации заключается в том, что к Интернету почти неприменимы меры антимонопольного регулирования, которые ранее применялись по отношению к традиционным СМИ.

Во-вторых, повышение разнообразия в медиaprостранстве не приводит к автоматическому увеличению влияния СМИ. На этот факт еще в девятнадцатом столетии обратил внимание А. Де Токвиль, когда сравнивал влияние французских газет и слабость американских: «Наиболее просвещенные американцы относят маловластие прессы за счет невероятного рассредоточения ее сил; в Соединенных Штатах это стало аксиомой политической науки: единственное средство нейтрализовать влияние газет это увеличить их количество»². Более высокая сегментация СМИ приводит к распылению внимания, и, как следствие, их влиятельности. Количественный рост неизбежно приводит к уменьшению влияния отдельных СМИ.

С другой стороны, с точки зрения неомарксистских теоретиков, СМИ в современной капиталистической системе заменили собой прежние институты экономического принуждения, добровольно насаждая «рыночные ценности». Так, например, Г. Шиллер выделил следующие основные мифы, разделяемые всеми современными СМИ демократических стран:

- об индивидуальной свободе и личном выборе граждан;
- о нейтралитете важнейших политических институтов;
- об отсутствии в обществе социальных конфликтов, эксплуатации и угнетения;
- о плюрализме, независимости и объективности СМИ³.

Объединяясь в базовых ценностях, СМИ демократических стран, тем не менее, находятся в состоянии жесткой конкуренции. Филиалы одной медиа-империи иногда выражают разные политические и экономические взгляды. Так или иначе, владельцы получают свою прибыль. С экономической точки зрения, плюрализм в рамках одной медиа-империи даже приветствуется, так как таким образом владельцы диверсифицируют собственный бизнес и снижают риски, связанные с идеологической ориентацией. Следовательно, существующий плюрализм среди СМИ приводит не только к уменьшению их влиятельности, но и укрепляет фундамент капиталистической системы в целом.

¹Hindman M. S. Op. cit.

²Токвиль А. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1994. С. 152.

³Шиллер Г. Указ. соч.

В-третьих, самым парадоксальным образом монополизация медийного пространства при растущей специализации СМИ и внедрении новых информационных технологий исключительно негативно повлияла на медиа-индустрию и журналистику. С одной стороны, появление Интернета практически вынесло приговор печатным СМИ, тиражи которых продолжают снижаться высокими темпами. С другой стороны, Интернет не просто сделал традиционные издания слишком дорогими, но и создал практически нереальные условия для сохранения штата корреспондентов в прежнем виде. Новости со всех уголков планеты поступают в СМИ напрямую из Интернета или от добровольных журналистов, блоггеров, которые завоевали право называться «гражданскими журналистами». Всего лишь за три года (с 2005 по 2008 гг.) количество общедоступного контента в Интернете увеличилось в несколько раз: фотографий на сайте Flickr - с 0 до 300 млн., блогов - с 20 млн. до 120 млн., посетителей на сайта YouTube – с 0 до 250 млн., посетителей Facebook – с 0 до 120 млн.¹

И без того не самый высокий статус журналистской деятельности продолжил снижаться. Большое распространение в журналистике получили формы временной работы, работы по совместительству и так называемое фрилансерство. Так, например, А. Дэвис приводит очень важные данные о состоянии дел в журналистском сообществе Великобритании: «Более 40% британских журналистов работают временно, на почасовой или сдельной (freelance – И.Б.) основах»². Сравнительное уменьшение зарплаты журналистов привело к тому, что наметилась тенденция привлечения к работе в СМИ людей без профессиональной подготовки, а также переход наиболее известных журналистов в PR.

Четвертой, не менее важной тенденцией, чем предыдущие, стало продолжающееся падение доверия аудитории к самим средствам массовой информации³. Падение доверия к СМИ вызвано несколькими обстоятельствами. С одной стороны, жесткая конкуренция на медиа-рынке придает большое значение сенсационным материалам, которые призваны повысить рейтинги и тиражи. Обратной стороной сенсационных материалов становится чрезмерная сенсационность, наличие целого класса «желтых СМИ», которые самым негативным образом влияют на журналистику в целом. С другой стороны, чем больше СМИ полагаются на интернет-источники, тем больше шансов проникновения в медийное пространство непроверенной информации и просто ошибочных данных, которые наносят непоправимый удар по репутации

¹ Future of Media Report / Ed. by R. Dawson [Электронный ресурс] // R. Dawson Blog, 2008, July, Режим доступа: http://www.rossdawsonblog.com/Future_of_Media_Report2008.pdf (дата обращения: 14.12.2010). P. 4.

² Davis A. Public Relations Democracy: Public Relations, Politics and the Mass Media in Britain. Manchester: Manchester University Press, 2002. P. 7.

³ Luca T. de, Buell J. Liars! Cheaters! Evildoers! Demonization and the End of Civil Debate in American Politics. NY: New York University Press, 2005. 228 p.; Kerbel M. R. Remote and Controlled: Media Politics in a Cynical Age. Boulder: Westview Press, 1999. 192 p.; Stanyer J. Politics and the Media: A Crisis of Trust? // Parliamentary Affairs. 2004. Vol. 57. № 2. P. 420-434.

медиа-индустрии. Приведем несколько цифр. По данным М. Кербела, с 1960 по 1992 гг. количество положительных новостей в медиaprостранстве США упало с 82% до 40%¹. Несомненно, что превалирование негативных новостей в медиaprостранстве, сочетаемое с «информационными войнами» разрушают доверие к СМИ. Кроме интересов журналистов в этом процессе следует отметить роль PR-специалистов, которые предпочитают негативные методы позитивным².

Погоня за рейтингами привела не только к эффекту доминирования сенсационных или негативных новостей, но и к общей направленности на развлекательность. Появились такие явления как инфотейнмент и эдюкотейнмент, то есть информирование через развлечение и, соответственно, образование через развлечение. Общее желание продюсеров СМИ заключается в том, чтобы дать информационный продукт, который вызывает эмоции удивления или даже шока. При этом, потребности к развитию аудитории или интеллектуальной дискуссии оказываются на втором плане³. Негативные тенденции развития современных СМИ поставили под вопрос основную ценность развитых демократий - публичную сферу, в которой демократическим образом вырабатываются и принимаются коллективные решения, затрагивающие интересы всех граждан демократических стран. Появление современных телекоммуникационных средств связи первоначально рассматривалось в качестве противоядия против информационного монополизма и скрытого манипулирования.

Так или иначе, современное медиaprостранство под влиянием технологий Web 2.0 сильно изменилось. Одним из самых видимых результатов Веб 2.0 стало появление социальных медиа, в которых подавляющая доля контента создаётся и распространяется самими пользователями. В литературе встречаются несколько вариантов наименования подобных ресурсов: проекты Веб 2.0, социальные сервисы, социальные сети, новые медиа, общественные СМИ, гражданские СМИ и т.д. И все же наиболее популярным среди исследователей и корректным с нашей точки зрения является наименование «социальные медиа», которое мы и будем использовать в дальнейшем⁴.

Однако с таким наименованием напрямую связана проблема: «являются ли социальные СМИ средствами массовой информации?». Ведь вторая часть словосочетания «социальные медиа» указывает на принадлежность данного явления к средствам массовой

¹Kerbel M. R. Op. cit. P. 96.

²Ольшевский А. С., Ольшевская А. С. Негативные PR-технологии. М.: ИНФРА-М, 2004. 329 с.

³Stanyer J. Web 2.0 and the Transformation of News and Journalism // Routledge Handbook of Internet Politics / Ed. by A. Chadwick and P. Howard. L.: Routledge, 2009. P. 201-213.

⁴Подробнее: Быков И. А., Филатова О. Г. Технологии Веб 2.0 и связи с общественностью: смена парадигмы или дополнительные возможности? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2011. №2. С. 226-237.

информации. На этот счет существует множество точек зрения. Так, ряд исследователей не признает за данными ресурсами право называться СМИ. Этой точки зрения придерживается множество западных специалистов, однако, наиболее весомые аргументы приводит профессионал в области электронного маркетинга Б. Айзенберг¹. Свой отказ признавать социальные медиа средствами массовой информации в традиционном смысле он аргументирует тем, что все традиционные СМИ имеют своей целью донесение до общественности социально важной информации. Социальные медиа, в свою очередь, являются лишь платформой для коммуникации между людьми. Из этого следует, что традиционные СМИ на первое место ставят информацию, то есть содержание, а в рамках социальных медиа главенствует общение, в то время как содержание сообщений отходит на второй план. С нашей точки зрения, это достаточно весомый аргумент. Однако доказывает ли тот факт, что социальные медиа являются платформой для коммуникативного взаимодействия между людьми то, что для них содержание не так важно, как для традиционных СМИ? Теоретически традиционные масс-медиа также являются площадкой для коммуникации - пусть даже односторонней и с меньшими возможностями интерактива. Еще одним аргументом против данного утверждения может служить сомнительная возможность оценить целеполагание конкретного субъекта массовой коммуникации. Таким образом, оба типа СМИ зависят от конечного потребителя и подчиняются определенным нормам и правилам во избежание его негативной реакции. Вряд ли новостной блог будет читать кто-либо, если его автор поставит вопрос содержания сообщений на второй план, заботясь исключительно о поддержании фактической коммуникации.

Необходимо отметить, что понятие «социальные медиа» подразумевает все же иную разновидность СМИ, так как у них есть специфические черты, отличающие их от традиционных масс-медиа. Например, известный американский автор Р. Скобл в своей статье «Что такое социальные медиа?» в подробностях описывает такие отличительные характеристики социальных медиа:

1. Возможность корректировки опубликованной информации.
2. Интерактивность.
3. Доступное отслеживание популярности публикаций.
4. Быстрая доступность старых материалов.
5. Мультимедийность.
6. Отсутствие процедуры согласования материалов.
7. Неограниченность по объему.

¹Eisenberg B. Understanding and Aligning the Value of Social Media [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.clickz.com/3631580> (дата обращения: 12.12. 2013).

8. Ссылки на другие материалы.

9. Неполный контроль над содержанием страницы¹.

Л. В. Сморгунов и А. С. Шерстобитов считают, что социальных медиа - это интернет-площадки, организованные по «сетевому принципу, где осуществляется коммуникация между пользователями, совместное формирование и развитие контента, кооперация в процессе обсуждения и распространения информации»². Позволим себе частично не согласиться с этим определением, поскольку не все социальные медиа основываются на кооперации и самоуправлении. Это имеет место в «Википедии», но и то основатель проекта, Дж. Уэлш, принимает самое деятельное участие в развитии проекта. С другой стороны, большинство социальных медиа и особенно сервисов социальных сетей являются коммерческими предприятиями, принудительно определяя структуру и функционал своих проектов, показывая коммерческую рекламу и сохраняя право на важные изменения в работе сервисов, а также побуждая пользователей к максимальной активности.

На наш взгляд, социальные медиа – это вид онлайн-СМИ, в котором каждый человек может выступать, как в качестве аудитории, так и в качестве автора. Для этого используется социальное программное обеспечение, которое позволяет любому без специальных знаний в области кодирования, размещать, комментировать, перемещать, редактировать информацию и создавать сообщества вокруг разделяемых интересов. С нашей точки зрения, именно этот вариант определения максимально точно и полно отражает суть такого явления, как социальные медиа. Таким образом, понятие «социальные медиа» используется в данной работе в качестве общего наименования для всех разновидностей интернет-образований, работающих в соответствии с принципом Веб 2.0. Об этом же пишут А. Каплан и М. Хайтлайн, говоря, что «Социальные медиа – это группа интернет-приложений, построенных на базе технологий Web 2.0 и позволяющих создавать и обмениваться пользовательским контентом»³.

Что касается классификации социальных медиа, то в настоящее время теоретики предлагают различные варианты. Так, например, в работе Д. Райта и М. Хинсон, социальные медиа делятся на качественные (блоги), новостные (Twitter) и коммуникационные (Facebook)⁴. Наша классификация строится по критерию основных задач и выглядит следующим образом:

¹Scoble R. What is social media? [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://scobleizer.com/2007/02/16/what-is-social-media/> (дата обращения: 26 января 2011 г.)

²Сморгунов Л. В., Шерстобитов А. С. Политические сети: теория и методы анализа. М.: Аспект Пресс, 2014. С. 88.

³Kaplan A., Haenlein M. Users of the world, unite! The challenges and opportunities of Social Media // Business Horizons. 2010. № 53 (1). P. 59-68.

⁴Wright D. K., Hinson M. D. How Blogs and Social Media are Changing Public Relations and the Way it is Practiced // Public Relations Journal. 2008. Vol. 2. No. 2; Wright D. K., Hinson M. D. New Communications Media Are Being Used in Public Relations: A Longitudinal Analysis // Public Relations Journal. 2010. Vol. 4, No. 3.

- 1) блоги;
- 2) сервисы социальных сетей;
- 3) службы обмена данными (фото-хостинги, файло-обменники, видео-хостинги и т. п.);
- 4) социальные базы данных («Википедия»);
- 5) рекомендательные сервисы (Imhonet);
- 6) новостные социальные сайты.

Далее речь пойдет о некоторых социально-политических эффектах массированного внедрения PR-технологий в деятельность средств массовой информации¹. Эта тема практически не получила внимания в отечественной специальной литературе, тогда как в англоязычном научном дискурсе проблема социально-политических эффектов PR-коммуникаций обсуждается весьма интенсивно². Огромный массив литературы по связям с общественностью на русском языке, к которому мы относим как переводные издания, так и работы российских авторов, чаще всего дает представление о PR-технологиях, но не об их влиянии на общество. В лучшем случае, мы имеем дело с описанием процессов институционализации PR-деятельности³. Между тем, связи с общественностью, понимаемые как управленческая деятельность «по установлению и поддержанию взаимовыгодных отношений между организацией и общественностью, от настроений и мнений которой зависит успех или неудача организации», оказывают весьма заметное, если не решающее влияние на СМИ и общественное мнение⁴.

При этом, среди некоторых исследователей, находящихся под впечатлением от бурного развития нового медиапространства, появилась идея медиакратии⁵. Эта концепция в общих чертах сводится к тому, что «власть» и «влияние» начинают принадлежать не «демосу» или авторитарному лидеру, но тем, кто способен создавать новые культурные коды, используемые впоследствии для создания (конструирования) новой, часто виртуальной реальности, – то есть медиакратии⁶. Очевидно, что по логике этих авторов власть переходит от

¹ Wright D. K. The Magic Communication Machine: Examining the Internet's Impact on Public Relations, Journalism, and the Public. Alabama, 2001. 198 p.

² Миллер Д. Указ. соч.; Bagdikian B. The New Media Monopoly. Boston: Beacon Press, 2004. 299 p.; Miller D., Dinan W. The Rise of the PR industry in Britain 1979-1998 // European Journal of Communication. 2000. № 15. P. 5-35; Moloney K. Rethinking Public Relations: PR Propaganda and Democracy. Second Edition. L.: Routledge, 2006. 248 p.; Rossides D. W. Communication, Media, and American Society: A Critical Introduction. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2002. 288 p.; Thinker, Faker, Spinner, Spy: Corporate PR and the Assault on Democracy / Ed. by W. Dinan and D. Miller. L.: Pluto Press, 2007. 324 p.; Winter J. Democracy's Oxygen: How Corporations Control the News. Monreal: Black Rose Books, 1997. 199 p.

³ Шишкина М. А. Паблик рилейшнз в системе социального управления. СПб.: СПбГУ, 1999. 442 с.

⁴ Катлип С. М., Сентер А. Х., Брум Г. М. Паблик рилейшнз. Теория и практика. М.: Вильямс, 2000. 642 с.

⁵ Бодрунова С. С. Медиакратия: атлантические подходы к определению термина // Медиасофия: Границы дисциплины. Материалы международной научной конференции. СПб.: 2008. С. 91-105.

⁶ Ковалев Г. С. Медиакратия в современном политическом процессе // Вестник Российского университета дружбы

традиционных акторов к СМИ и журналистам, которые создают и распространяют новые культурные коды. Вот как об этом написал В. А. Пугачев: «В современном обществе СМИ во все большей степени выступают не только необходимым передаточным звеном в сложном механизме политики, но и ее творцом»¹. По мнению известного российского политолога А. И. Соловьева, «особо сложное положение в этом плане наблюдается не в демократически и индустриально развитых обществах, а в странах переходных, в частности в России, где еще не достроена демократическая форма организации власти, основанная на идеологических способах символизации, но уже набирает вес иная политическая альтернатива – медиакратия»².

Данный подход противостоит традиционным представлениям о роли СМИ в демократических обществах, как о четвертой власти, выполняющей функцию «сторожевых псов» (англ. - watch dogs) при государственных органах власти. Согласно этой концепции, СМИ обладают определенной финансовой независимостью, артикулируют интересы гражданского общества и осуществляют информационный контроль за государственной бюрократией³. В этой схеме СМИ обладают определенными возможностями для влияния на политические процессы, но их власть уравновешена административными возможностями государственных органов власти, а также влиянием других субъектов политики, к которым, например, относятся политические партии и общественные движения. В этом заключается отличие данной концепции от идеи медиакратии, в которой СМИ подавляют другие политические институты⁴.

К большому сожалению, термин «медиакратия» вводит в заблуждение тем, что он предполагает наличие исключительного политического влияния у тех акторов, которые на самом деле им не располагают. Если в развитых демократических странах журналисты и независимые СМИ до сих пор имеют довольно сильное влияние и определенную степень автономии, то в авторитарных странах СМИ просто выступают «приводным ремнем» правящих элитных групп. Они «обслуживают» интересы элиты, обеспечивая легитимность режима. Кроме того, путем интенсивного развлечения масс СМИ отвлекают внимание граждан от реальных политических проблем.

Нельзя не отметить, что между журналистикой и политической властью обычно

народов. Серия: Политология. 2007. № 4. С. 67.

¹ Пугачев В. П. Средства массовой коммуникации в современном политическом процессе // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 1995. № 5. С. 4.

² Соловьев А. И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Политические исследования. 2002. № 3. С. 11.

³ Кин Дж. Средства массовой информации и демократия. М.: Наука, 1993. 167 с.; Прохоров Е. П. Журналистика и демократия / изд. 3-е. М.: Аспект-пресс, 2004. 351 с.; Черных А. И. Мир современных медиа. М.: Территория будущего, 2007. 312 с.

⁴ Соловьев А. И. Политический дискурс медиакратий: проблемы информационной эпохи // Политические исследования. 2004. № 2. С. 124-132.

существует сильная взаимозависимость. Известный социолог М. Кастельс по этому поводу высказал следующую мысль: «Поскольку основным источником доходов для СМИ является реклама, постольку рейтинги приобрели приоритетный статус. Повышение рейтинга требует создания привлекательных СМИ, а в случае с новостями - вызывающих доверие и интерес. Без доверия новости не имеют смысла, ни в терминах денег, ни в терминах влияния. В свою очередь доверие означает относительную дистанцированность от конкретных политических интересов...»¹. Таким образом, с одной стороны, журналисты обязаны задавать политикам неудобные вопросы, чтобы у аудитории создалось впечатление об их независимости, а с другой стороны, они не должны задавать «слишком» неудобных вопросов, иначе они потеряют доступ к источникам важнейшей информации.

Так как даже государственные или общественные СМИ не избежали тенденции к коммерциализации и зависимости от рейтингов, то в демократических странах сформировался общий подход к журналистской деятельности, который основан на принципах развлекательности, профессиональной объективности и независимости². Профессиональный журналист не должен заниматься пропагандой той или иной политической позиции или откровенно предвзятым освещением событий. В демократических странах СМИ стремятся предоставить всем политическим силам равные возможности. Если в политическом конфликте участвуют две стороны, то за каждой из них закреплено право, как минимум, прокомментировать выступление оппонентов. Такой подход повышает рейтинги и соответствующие доходы от рекламы. Так, например, дебаты кандидатов в вице-президенты США в 2008 г. собрали рекордную аудиторию в 70 млн. чел.³

Так или иначе, в большинстве стран мира СМИ не получили в свои руки безраздельную власть. Более того, существуют серьезные основания для сомнений в принципиальной возможности политического и административного управления посредством СМИ. Если влияние СМИ на общественное мнение сложно оспорить, то возможность самостоятельного выполнения политических решений сомнительна. Довольно часто государственные органы власти принимают решения непопулярные в тех или иных общественных группах и даже невзирая на «газетную шумиху». Таким образом, термин «медиакратия», на наш взгляд, является неадекватным текущей ситуации⁴.

Более верным и поэтому получившим большее распространение и признание в

¹Castels M. The Rise of the Network Society. Vol. 1. NY: Wiley, 1996. P. 314-315.

² Ламбет Э. Б. Приверженность журналистскому долгу. Об этическом подходе в журналистской профессии. М.: Виоланта, 1998. 320 с.

³ U.S. VP debate most-watched in history [Электронный ресурс] // CBC News. October 3, 2008. Режим доступа: <http://www.cbc.ca/world/usvotes/story/2008/10/03/us-debate-polls.html?ref=rss> (дата обращения: 14.12.2010)

⁴ См.: Белоусов А. Б. Лоббизм как политическая коммуникация. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 216 с.

научном сообществе является понятие «медиатизации»¹. Этот термин обладает большей универсальностью, поскольку описывает процессы, которые происходят не только в странах так называемой развитой демократии, но и во всех остальных странах мира. Основная идея этой концепции заключается в том, что все функции современного общества не могут быть реализованы без медиа-сопровождения. В этом отношении термин медиатизация учитывает возросшую роль СМИ в жизни общества, но не абсолютизирует ее².

Вот как определяют медиатизацию Мацолени и Шульц: «Процесс медиатизации политических акторов, политических событий и политического дискурса является основным трендом девяностых. Это феномен который уходит корнями к моменту появления телевидения, но достиг полного развития с момента глобальной экспансии и коммерциализации медиа-сферы... Однако, характеристика медиатизированной политики выходит за пределы простого описания системных требований. Медиатизированная политика это политика, которая потеряла автономность, стала зависимой в своих центральных функциях от масс-медиа и создается в рамках взаимодействий с масс-медиа. Это утверждение базируется на наблюдениях о том, как средства массовой информации производят политический контент и вмешиваются в политический процесс»³. В первую очередь медиатизация проявилась в требовании телегенности, предъявляемом к публичным политикам. В сегодняшних условиях это требование дополняется требованием оптимизации информации для социальных сетей и других социальных медиа в политической коммуникации.

Одним из важнейших проявлений медиатизации в последние пару десятилетий стала персонализация политического процесса, которая заключается в том, что индивидуальные политические акторы играют все более и более важную роль за счет уменьшения роли политических партий и других коллективных субъектов⁴. Это проявилось в первую очередь во время избирательных кампаний, когда поведению политических лидеров стало уделяться значительно больше внимания, чем деятельности партий, идеологическим вопросам, предвыборным программам и т. п. Очевидно, что тут существует прямая связь с тем, что

¹ Пугачев В. П. Информационная власть и демократия // *Общественные науки и современность*. 1999. № 4. С. 65-78.

² Мельник Г. С. *Mass-media: Психологические процессы и эффекты*. СПб.: СПбГУ, 1996. 161 с.; *Mediatization: Concept, Changes, Consequences* / Ed. by K. Lundly. NY: Peter Lang, 2009. 316 p.; Schultz W. *Reconstructing Mediatization as an Analytical Concept* // *European Journal of Communication*. 2004. Vol. 19. N 1. P. 87-101; Stanyer J. *Modern Political Communication: Mediated Politics in Uncertain Times*. Cambridge: Polity Press, 2007. 222 p.

³ Mazzoleni G., Schulz W. «Mediatization» of Politics: A Challenge for Democracy? // *Political Communication*. 1999. Vol. 16. № 3. P. 249-250.

⁴ Aelst P. van, Sheaffer T., Stanyer J. The personalization of mediated political communication: A review of concepts, operationalizations and key findings // *Journalism*. 2011. Vol. 13. № 2. P. 203-220; McAllister I. The Personalization of Politics // *The Oxford Handbook of Political Behavior* / Ed. by Russell J. Dalton & Hans-Dieter Klingemann. Oxford: Oxford University Press, 2007.

массовой аудитории более понятны житейские вопросы, а не абстрактные понятия и концепции. Анна Лангер считает, что персонализация политики состоит из трех основных компонентов:

1) президентиализация власти, то есть сдвиг власти к лидерам и связанное с этим усиление роли лидеров, проявляющееся в увеличенном информационном освещении их деятельности;

2) концентрация на лидерстве, то есть увеличенное подчеркивание лидерских качеств и умений, необходимых для компетентного государственного управления;

3) политизация частной жизни, то есть упор на особенностях политических лидеров в частной жизни, которые трактуют лидеров не как представителей определенной политической идеологии, партии и государства, а как «человеческих существ»¹.

В этой связи СМИ пестуют человеческие характеры в политике, а не политические программы и реальные проблемы. В то же самое время, лидеры также играют активную роль в этом процессе, поскольку такой подход к политике требует меньше усилий по работе в области координации интересов. От политика требуется телегеничность и артистизм, а не стратегическое видение и тяжелый труд по урегулированию конфликтующих интересов. Современные политики превращаются в своего рода «знаменитостей» или «селебрити».

Более того, большое значение в современном медиапространстве получили так называемые «теории заговора» или псевдо-научное объяснение политики и политических процессов. Передачи подобного рода получили большое распространение в связи с тем, что они поражают воображение зрителей, являясь неким аналогом фильмов ужасов.

Медиатизация политики приводит к снижению уровня дискуссии, принятию популистских решений и трате ресурсов на темы, не имеющие приоритетное значение, а зачастую и на абсурдные темы.

Тренд медиатизации особенно актуален в странах с высоким уровнем экономического развития и демократическими режимами, поскольку «демократия является единственной формой политического строя, при котором политика обязана постоянно вступать в процесс коммуникации»². Это связано с тем, что политические системы демократических стран, испытывающие трудности с поддержанием тесного контакта с гражданами при помощи традиционных политических институтов вроде партий и избирательных процедур, теперь все больше и больше внимания уделяют средствам массовой информации.

В рамках этой концепции большое количество исследований высказывают серьезную

¹Langer A. A. Historical Exploration of the Personalisation of Politics in the Print Media: The British Prime Ministers (1945–1999) // Parliamentary Affairs. 2007. Vol. 60. № 3. P. 373.

²Политические коммуникации / Под ред. А. И. Соловьева. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 39.

озабоченность по поводу негативных последствий «колонизации» средствами массовой информации политики¹. Об этом, в частности, высказываются такие авторитетные ученые и общественные деятели, как Н. Хомский, Б. Багдикян, Р. Макчесни и др.² Медиатизация подразумевает приспособление политического процесса под формы и методы работы СМИ. Политики теперь больше думают не о том, чтобы решать реальные проблемы страны, а о том, насколько их деятельность будет интересна с точки зрения телевизионного рейтинга и медиа-покрытия. Вместо реальной политики избиратели получают ежедневное политическое шоу, которое интересно смотреть, но в котором совершенно не интересно и не нужно участвовать.

Кроме того, здесь еще можно отметить ослабление роли политики вообще и политиков в частности. В выигрыше оказываются незримые силы глобальной экономики, которые чаще всего ассоциируются с крупнейшими транснациональными компаниями. В связи с тем, что основные проблемы политической жизни связаны с экономикой, то основной задачей политиков становится создание наиболее благоприятных условий для работы бизнеса. «Инвестиционный климат» считается важнейшим показателем развития страны, а это значит, что политики подчиняют свои цели правилам глобальной экономики. «Экономизация» политического дискурса нанесла политической сфере не меньший ущерб, чем «коммерциализация» – медиа-сфере. На наш взгляд, медиатизация общественной жизни – это неизбежная тенденция в информационном обществе, поскольку без соответствующей медиа-поддержки невозможно добиться успеха ни в одной из сфер жизни общества, будь-то экономика, политика или культура.

В значительной степени исследование социально-политических эффектов PR-коммуникаций оказались в тени более изученной темы влияния СМИ на общество³. Мы предпочитаем говорить об эффектах PR-коммуникаций, поскольку они включают в себя целый комплекс зависимостей: негативные последствия, тенденции, результаты, влияния и т.п. При этом, исследование PR-коммуникаций оказывается еще более сложной задачей, поскольку они носят завуалированный и опосредованный характер, когда СМИ выступают в качестве

¹ Meyer T., Hinchman L. Media Democracy: How Media Colonize Politics. Cambridge: Polity Press, 2002. 184 p.; Street J. Politics Lost, Politics Transformed, Politics Colonized? Theories of the Impact of Mass Media // Political Studies Review. 2005. Vol. 3. № 1. P. 17-33.

² Аронсон Э., Пратканис Э. Р. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. СПб.: прайм-Еврознак, 2003. 384 с.; Bagdikian B. The New Media Monopoly. Boston: Beacon Press, 2004. 299 p.; Future of Media Report / Ed. by R. Dawson // R. Dawson Blog, 2008, July, Режим доступа: http://www.rossdawsonblog.com/Future_of_Media_Report2008.pdf (дата обращения: 14.12.2010); Herman E. S., Chomsky N. Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media. NY: Pantheon Books, 1988. 480 p.; Media and Democracy / Ed. by E. E. Dennis and R. W. Snyder. New Brunswick: Transaction Publishers, 1998. 178 p.; McChesney R. W. Communication Revolution: Critical Junctures and the Future of Media. NY: The New Press, 2007. 301 p.; McChesney R. W. Rich Media, Poor Democracy: Communication Politics in Dubious Times. Urbana and Chicago: University of Illinois Press, 1999. 427 p.

³Брайант Дж., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. М.: Вильямс, 2004. 425 с.

механизма ретрансляции PR-сообщений. Однако, вслед за усложнением структуры СМИ в конце двадцатого столетия, формированием глобального информационного пространства, включающим Интернет, мобильную связь и остальные новейшие информационные технологии, а также накопившимися знаниями о PR-технологиях потребовалось оперативное включение последних в поле научного анализа. В связи с этим мы сначала рассмотрим существенные изменения, которые произошли в медийном пространстве после интернет-революции 90-х гг., затем проанализируем роль PR-коммуникаций в новом информационном поле, а в заключительной части параграфа то, каким образом эти изменения отразились на общественно-политических отношениях.

Одним из важнейших факторов, вызвавших к жизни такую противоречивую тенденцию, как медиатизация общественной жизни и падение роли журналистики, стало формирование PR-индустрии. Роль PR-материалов и специальных PR-событий в жизни современного общества невозможно преувеличить. Из-за соревнования с Интернетом и усилившейся внутренней конкуренцией СМИ вынуждены экономить на качественной журналистике. Поэтому подготовленные PR-специалистами материалы составляют львиную долю публикаций в СМИ. По некоторым данным, доля PR-материалов в СМИ в качестве исходного источника информации или прямого заимствования составляет около 70%¹. В данном случае имеет место симбиоз журналистов и пиарщиков, а также прямая экономия для владельцев СМИ, которая однако же ослабляет роль СМИ, предоставляя больше возможностей PR-коммуникациям.

Параллельно количественному росту СМИ и качественному упадку журналистики, начиная с конца прошлого столетия, наблюдается постоянный рост PR-активности. Так, например, в Великобритании в период между 1979 и 1998 гг. объем деятельности PR-структур увеличился в 11 раз². Гонорары PR-агентств нередко исчисляются десятками, а иногда и сотнями миллионов долларов. Так, известный справочник O'Dwyer насчитывает 350 крупнейших PR-агентств, половина из которых принимает участие в специальном рейтинге. Оборот лидера этого рейтинга, компании Edelman, в 2009 г. превысил отметку в 440 млн. долл. А. Дэвис пишет о том, что доходы агентств выросли с 18 до 252 млн. фунтов стерлингов с 1983 по 1997 гг., высококлассные специалисты в пиаре получают больше, чем в журналистике³.

В этих условиях становится понятным, что осуществление эффективного и

¹ Бодрунова С. С. Современные стратегии британской политической коммуникации. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010. С. 103.

² Miller D., Dinan W. The Rise of the PR industry in Britain 1979-1998 // European Journal of Communication. 2000. № 15. P. 7.

³ Davis A. Public Relations Democracy: Public Relations, Politics and the Mass Media in Britain. Manchester: Manchester University Press, 2002. P. 7-8.

масштабного PR-сопровождения своей деятельности оказывается доступным только исключительно крупным игрокам, которые в свою очередь не гнушаются никакими методами. Д. Миллер в своей статье приводит несколько примеров того, как государственные и коммерческие структуры скрывали важнейшую информацию, попросту вводя общественность в заблуждение¹.

Исторически первым и основным инструментом влияния связей с общественностью на журналистику выступают медиарилейшнз, которые включают в себя как создание постоянного новостного потока о деятельности базисного субъекта PR, так и предоставление оптимизированной для нужд медиапространства информации. Общение PR-специалистов с журналистами строится на взаимовыгодной основе: одним необходимо постоянное присутствие в медиапространстве, другим постоянно требуются новости. Взаимная потребность в друг друге не отменяет наличия напряженных, а иногда и конфликтных отношений между представителями этих профессий². Кроме медиарилейшнз в связях с общественностью широко используются технологии создания событий. Событийный пиар основан на принципиально новом подходе к проблеме эффективных коммуникаций. С самого момента возникновения теории установления повестки дня, которая обосновала вывод о том, что в медиапространстве всегда существуют темы, на которых фокусируется общественное и журналистское внимание, появилась идея о возможности управления этой повесткой. Наиболее эффективным способом управления повесткой дня выступает менеджмент событий, которые неизбежно привлекут внимание аудитории СМИ³. Отсюда возникают такие явления как спонсорство и благотворительность, публичные мероприятия и корпоративные кодексы, социальная ответственность и добровольные экологические стандарты. Список специальных мероприятий, которые осуществляются благодаря потребностям PR-деятельности, практически бесконечен. На нужды связей с общественностью напрямую тратятся до нескольких процентов бюджетов компаний. Однако, косвенным образом PR оказывает все больше и больше влияние на производство и организацию производственных процессов, которые в рамках концепции медиатизации обязаны выглядеть привлекательными в глазах СМИ⁴.

Отдельно следует рассмотреть такую PR-технологию, как лоббизм или GR (англ. - Government Relations). Это направление связей с общественностью направлено на создание

¹ Миллер Д. Указ. соч. С. 89-90.

² Сэйтэл Ф. П. Современные публик рилейшнз. Восьмое издание. М.: Имидж-контакт, 2002. 592 с.

³ Newman B. I. The Mass Marketing of Politics: Democracy in an Age of Manufactured Images. Thousand Oaks: SAGE, 1999. 166 p.; Nimmo D., Combs J. E. Mediated Political Realities. 2nd Edition. New York and London: Longman, 1990. 242 p.

⁴ Быков И. А., Кудрявцева М. Е. К вопросу о роли PR-специалиста в управлении корпоративной культурой: творческий и педагогический аспекты // Известия СПбГЭТУ «ЛЭТИ». 2014. № 1. С. 84-89.

оптимальных отношений базового субъекта PR с органами государственной власти. Казалось бы, отношения с чиновниками не зависят от СМИ. Однако, приемы косвенного или информационного лоббизма направлены именно на использование СМИ для привлечения внимания органов государственной власти к той или иной проблеме. Посредством широкой информационной кампании в СМИ GR-специалистам зачастую удается повлиять на принятие законов или административных решений. Конечно, классический лоббизм, опирающийся на методы межличностной коммуникации, может не прибегать к помощи СМИ. Однако, как мы уже отмечали прежде, в условиях медиатизации любое действие требует помещения в информационное пространство, даже если соглашение достигается «келейным образом».

Отметим, что PR-коммуникации стали эффективным дополнением к рекламным коммуникациям, которые появились несколько раньше. Сегодня именно реклама является основным источником доходов СМИ, а PR – основным источником информации. Таким образом, реклама и PR идут рука об руку, подрывая влияние журналистики: первая – ставя СМИ в финансовую зависимость, второй – в информационную. Именно на эту тенденцию указывает А. Дэвис, когда пишет, что «если мы говорим об индустриях журналистики и PR в целом, то первые постепенно утрачивают возможности к получению новостей, в то время, как вторые – постоянно наращивают их»¹.

Связи с общественностью сегодня почти полностью перехватили у журналистов возможности к определению того, что является новостью, а что нет. Свободное общество стало обществом без свободного выбора журналистами повестки дня, ибо эта повестка определяется новостным потоком, продуцируемым корпоративным PR и распространяемым через новостные агентства, корпоративные СМИ и подконтрольные медиа-империи². Пришествие Интернета и технологий Web 2.0 не изменило, а скорее даже ухудшило ситуацию, так как от журналистов требуется еще быстрее поставлять «информационный продукт», обрекая их на конвейерную ретрансляцию пиар-текстов³. Разумеется, требуется квалифицированная и объемная предварительная работа PR-специалиста по подготовке удобных для журналистов и вызывающих интерес у публики информационных материалов, но тенденция перехода контента информационного поля от профессиональных журналистов к PR-специалистам неоспорима⁴.

¹Davis A. *Public Relations Democracy: Public Relations, Politics and the Mass Media in Britain*. Manchester: Manchester University Press, 2002. P. 172-173.

²Thinker, Faker, Spinner, Spy: *Corporate PR and the Assault on Democracy* / Ed. by W. Dinan and D. Miller. L.: Pluto Press, 2007. 324 p.

³Stanyer J. *Web 2.0 and the Transformation of News and Journalism* // *Routledge Handbook of Internet Politics* / Ed. by A. Chadwick and P. Howard. L.: Routledge, 2009. P. 201-213.

⁴Подробнее: Быков И. А., Балахонская Л. В. Особенности PR-текстов в сети Интернет: коммуникативно-прагматический аспект // *Научный вестник Воронеж. гос. арх.-строит. ун-та. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования*. 2014. Вып. 2(22). С. 41-59; Быков И. А., Балахонская Л. В. Сетевая

На наш взгляд, в современном медиапространстве PR-коммуникации играют настолько важную роль, что скорее можно говорить о пиаро-кратии, чем о медиа-кратии. Пиарократия проявляется в том, что связи с общественностью диктуют прямым или косвенным образом содержание медиапространства. Конечно, пиарократия ограничивается рамками медиапространства, так как в свою очередь PR практически полностью контролируется бизнес-структурами. Использование PR-технологий общественными организациями имеет ограниченное влияние ввиду ограниченных материальных и организационных ресурсов.

Необходимо отметить, что современные технологии продвижения и связей с общественностью делают возможным управление общественным мнением. Так, например, если в 19 и начале 20 веков общее избирательное право считалось серьезной проблемой для правящей элиты либерально-буржуазных республик Западной Европы, то сегодня этот вопрос полностью снят с повестки дня, поскольку развитая культура продвижения позволяет менять культуру широких общественных масс. В частности, результатом этого управления можно считать состоявшиеся выборы первого афро-американского президента США, поскольку всего лишь несколько десятилетий назад подавляющее большинство американцев считало такое событие просто невозможным, а сегодня это стало реальностью.

Союз крупного бизнеса, СМИ и связей с общественностью делает практически ненужным использование грубых рычагов влияния в виде репрессивных институтов. При помощи лоббизма и GR-технологий создаются все условия для сохранения status quo в общественно-политических отношениях. Редкие примеры успеха общественных организаций, добившихся привлечения внимания при помощи связей с общественностью и изменения законодательства в области здравоохранения, экологии и т.п., не могут смягчить общей картины. Так, например, экологические вопросы с огромным успехом используются для улучшения имиджа транснациональных компаний, а так называемые благотворительные программы зачастую поддерживаются исключительно в целях непосредственного повышения продаж. Специальные PR-мероприятия, носящие социальную, благотворительную или экологическую окраску, не способны к системному решению назревших проблем в современном обществе. Они лишь смягчают их, делая более терпимыми для широких масс.

Одним из важнейших результатов PR-деятельности стало доминирование культуры сверхпотребления. Рост PR-деятельности, начавшийся в период после второй мировой войны и усилившийся на рубеже 21 века, совпал с формированием и подъемом культуры массового потребления, в том числе и в видах престижного потребления и сверхпотребления. Показное

потребление получило широкое распространение не только в странах с устоявшимися рыночными отношениями, но и в наиболее успешных развивающихся странах. Индустрия роскоши становится ведущей отраслью для целых стран и регионов мира, а репортажи из жизни звезд – обязательным элементом медиа-дискурса. Кроме того, некоторые исследователи настаивают на том, что параллельно культуре потребления была создана, так называемая, «культура продвижения»¹. Не последнюю роль в формировании культуры продвижения играют связи с общественностью и рекламные коммуникации, апогеем которых выступают технологии брендинга².

Разумеется, мы не будем отрицать появления и распространения некоторых постматериальных ценностей таких, как экология, социальное равенство, права человека и т. п. Важно то, что PR-технологии используют любой повод для достижения поставленных ценностей. В этом плане им не важен смысл сообщения. Например, благотворительные фонды тратят огромные деньги на рекламные кампании по привлечению пожертвований, а не на свои благотворительные цели. Смысловые конструкции уходят из массовых коммуникаций, так как главным принципом становятся пустота и бессодержательность. Сенсация становится важнее содержания, так как главное – это привлечь внимание к субъекту PR. Находясь в модном тренде, PR-сообщения получают больше шансов для распространения и упоминания заказчика PR-деятельности³. Рассуждая в терминах постмодернистской философии, современные массовые коммуникации переполнены симулякрами⁴. Формат современных СМИ практически не позволяет корректно работать с комплексными научными понятиями и особенно с политическими и социальными понятиями⁵.

Таким образом, с одной стороны, PR-коммуникации выступают буфером в социальных конфликтах, а с другой стороны, они также играют роль локомотива капиталистических отношений, стимулируя сверхпотребление и создавая тем самым необходимый для постоянного экономического роста спрос. Во многом данная схема укладывается в метафору Г. Дебора об обществе спектакля. По его словам, «вся жизнь обществ, в которых господствуют современные условия производства, представляется как необъятное нагромождение спектаклей. Все, что раньше переживалось непосредственно, теперь

¹Wernick A. Promotional Culture: Advertising, Ideology, and Symbolic Expression. L.: Sage, 1991. 208 p.

²Кляйн Н. NO LOGO. Люди против брэндов. М.: ООО «Добрая книга», 2003. 616 с.

³Бодрунова С. С. Современные стратегии британской политической коммуникации. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010. С. 148.

⁴Бодрийяр Ж. Реквием по масс-медиа // Поэтика и политика: Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1999. С. 193-226; Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1995. 168 с.; Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. 159 с.

⁵Бурдые П. О телевидении и журналистике. М.: Прагматика культуры, 2002. 159 с.

отстраняется в представление... Реальность, рассматриваемая по частям, разворачивается в своем обобщенном единстве в качестве особого псевдомира, подлежащего только созерцанию»¹. В обществе, внимание которого направляется PR-коммуникациями, практически невозможно разорвать круг господствующих отношений².

Во-вторых, вплоть до конца двадцатого столетия независимая журналистика двигалась в направлении завоевания все большей и большей власти и авторитета в обществе. Сегодня мы наблюдаем поворотный момент, который связан в том числе и с появлением новой коммуникационной профессии – связей с общественностью. Журналистика начинает уступать позиции, подчиняясь влиянию маркетинга, рекламы и PR. Большая часть информации в публичном дискурсе появляется в результате прямой или косвенной работы PR-специалистов.

Идеалы независимой и объективной журналистики в эпоху универсальной культуры PR-продвижения становятся практически недостижимыми. Даже те редкие успехи общественно значимых, культурных, экологических или политических журналистских расследований совершенно спокойно вписываются в современную культуру продвижения. Глобальный капитализм делает различные виды критических дискурсов частью своих стратегий продвижения. Таким образом, культура продвижения становится культурой манипуляций.

В-третьих, дискуссии вокруг проблемы медиатизации политики и последствий этого процесса для демократии привели к тому, что большинство исследователей, работающих в области политэкономии средств массовой информации настроены крайне пессимистично, поскольку не видят реального улучшения в публичной сфере «развитых демократий». PR-технологии стали обязательным элементом глобализации в таких важнейших аспектах, как глобальное разделение труда, формирование глобальной бизнес-элиты, мирового медиапространства и т.п.

При этом в наиболее тяжелом положении оказываются социальные группы, которые раньше принадлежали к среднему классу. Вот как об этом пишет Д. Миллер: «...на страницах СМИ журналисты могут до бесконечности обсуждать и осуждать «жирных котов» большого бизнеса - общественное богатство тем временем все равно будет все больше и больше перераспределяться в пользу наиболее богатых слоев общества. Все указывает на то, что сегодняшний корпоративный и правительственный PR преследует не общественно значимые, а свои, и только свои эгоистические цели, делая это рука об руку со все более коммерциализирующимися СМИ, только и ждущими очередного вознаграждения от крупных

¹Дебор Г. Общество спектакля. М.: Логос, 2000. С. 23.

²Багдикян Б. Монополия средств информации. М.: Прогресс, 1987. 316 с.

структур PR»¹.

Экономический кризис 2008 года продемонстрировал наличие достаточно высокого запаса прочности у этой системы, с одной стороны, но также и наличие серьезных дисбалансов в производственных отношениях и потребительских аппетитах, с другой стороны. И связи с общественностью имели непосредственное отношение как к возникновению кризиса (продвижение идеи сверхпотребления в кредит), так и к его плавному разрешению (продвижение идеи безальтернативности глобального капитализма). Таким образом, можно констатировать амбивалентный характер социально-политических эффектов PR-коммуникаций, способных вызвать и консервацию существующих общественных отношений, и их развитие. Будущее покажет, насколько устойчивой окажется такая конструкция общественных отношений.

Таким образом, современная медиа-система под влиянием различных факторов трансформируется. Общее направление трансформации неразрывным образом связано с сетевыми технологиями, которые получили большое распространение не только в СМИ и медиарилейшнз политиков, но и в самой деятельности по связям с общественностью. Стремительное развитие социальных медиа позволило ряду экспертов говорить о возникновении новой концепции связей с общественностью - PR 2.0. Термин «PR 2.0» впервые был использован Б. Солисом ещё в 90-х гг. Затем он совместно со своей коллегой Д. Брекенридж подробно описали это новое направление в связях с общественностью в книге «Возвращая общественность к PR»². Б. Солис и Д. Брекенридж заявляют, что сегодня коммуникации с общественностью должны быть смещены в сторону непосредственного общения с конечным потребителем. В этом и заключается главное отличие PR 2.0 от традиционных связей с общественностью. Хотя авторы подчеркивают, что традиционные технологии PR также не должны оставаться без внимания. С PR 2.0, отмечает Д. Брекенридж в другой своей книге - «PR 2.0: новые медиа, новые аудитории, новые инструменты» появляются новые возможности для коммуникаций:

- отслеживать, что конечные потребители говорят о продукте или услуге в реальном времени,
- внедряться в интернет-сообщества (социальные сети, блогосферу) для распространения нужной информации,
- непосредственно влиять на мнение покупателей, используя более привлекательные

¹ Миллер Д. PR и журналистика // Медиа. Введение / Под ред. А. Бриггза, П. Кобли. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. С. 97-98.

² Solis B., Breakenridge D. Putting the Public Back in Public Relations: How Social Media Is Reinventing the Aging Business of PR. Upper Saddle River: Pearson Education Inc., 2009.

для потребителей каналы (видео, подкасты, RSS и т.д.)¹.

Существование PR 2.0 как нового типа связей с общественностью признается и другими исследователями. Большинство исследователей считают, что основой PR 2.0 являются интерактивные коммуникации с потенциальными потребителями и СМИ в Интернете. К основным направлениям PR 2.0 относят оптимизацию сайта базисного субъекта под поисковые системы и SEO-копирайтинг, эмуляцию дискуссий в блогосфере и форумах, использование автоматизированных сервисов для размещения пресс-релизов, взаимодействие с сетевыми СМИ, проведение онлайн-конференций, создание подкастов и видео и мгновенную их рассылку при помощи различных онлайн-инструментов, обмен статьями, электронные ньюлеттеры и т.д. Говоря об особенностях PR 2.0 и опираясь на статью Т. О'Рейли о Веб 2.0, известный отечественный автор Ф. Гуров считает, что помимо интерактивных коммуникаций, важными атрибутами PR 2.0 являются использование коллективного интеллекта и «эффекта сети»². М. Умаров, управляющий директор коммуникационного агентства Communica, в предисловии к книге Д. Брекендридж утверждает, что «старого PR (а также маркетинга и рекламы) больше нет, хотя это не означает отказа от существующих и работающих каналов коммуникации и привычных форм взаимодействия с целевыми группами»³.

Более убедительной нам представляется точка зрения американского специалиста по маркетинговым стратегиям в Интернете Д. М. Скотта, который твердо убежден, что сегодня информационная среда регулируется новыми правилами. В своей последней книге «Новые правила маркетинга и PR» автор не использует понятие «PR 2.0», утверждая, тем не менее, что с развитием Интернета прежние методы «печатного» PR с привлечением центральных СМИ для воздействия на массовую аудиторию стали малоэффективными⁴. Действительно, современный «медиапользователь» эпохи Веб 2.0, стремящийся к индивидуализации и самореализации, представляет собой критичного и мобильного пользователя, который часто бывает непредсказуем. Воздействовать на него традиционными способами становится все труднее. Согласно многочисленным исследованиям, он реагирует на короткие, личные и релевантные сообщения и предпочитает «блокировать» всю остальную информацию, он выбирает тот ресурс или сервис, который считает полезным именно для себя, ищет товары и сервисы, которые рассчитаны на обслуживание персональных запросов. Появление новых средств массовой

¹Брекендридж Д. PR 2.0: Новые медиа, новые аудитории, новые инструменты. М.: Эксмо, 2009. С. 56.

²Гуров Ф. What Is PR 2.0 [Электронный ресурс] // Phaethon. Режим доступа: http://www.faito.ru/archnews/1180987089_1194342915/ (дата обращения: 26 января 2011 г.)

³Умаров М. Предисловие // Брекендридж Д. PR 2.0: Новые медиа, новые аудитории, новые инструменты. М.: Эксмо, 2009. С. 7.

⁴Скотт Д. М. Новые правила маркетинга и PR: как использовать социальные сети, блоги, подкасты и вирусный маркетинг для непосредственного контакта с покупателями. М.: Альпина Паблишерз, 2011.

информации, возрастающее количество информации, падение доверия к традиционным СМИ способствует снижению количества воспринимаемой человеком информации и одновременно - повышению избирательности по отношению к ней. Согласимся, что социальные медиа позволяют компаниям обращаться напрямую к потребителям в подходящей для них форме. Использование новых медийных форматов позволяет получить охват аудитории, труднодостижимой с помощью классических каналов распространения PR-сообщений.

Не вызывает сомнения утверждение Д. М. Скотта о том, что «Интернет вернул PR публичность, спустя многие годы исключительной сосредоточенности на СМИ»¹. Нечто подобное, кстати, имела в виду и Д. Брекенридж, говоря о том, что PR 2.0 вернул понятие «общественность» в связи с общественностью.² В целом, уменьшение влияния СМИ на общество, повышение сегментации медиа, уменьшение аудитории, которая приходится на один медианоситель и т.д. – все это приводит к выводу о том, что традиционные коммуникативные технологии становятся менее эффективными. Однако мы бы предпочли пока быть осторожными в окончательных выводах и прогнозах относительно PR 2.0. Несомненно, вклад новых медиа меняет способы, которыми специалисты исследуют аудиторию, взаимодействуют с ней, осуществляют ее таргетинг и распространяют сообщения. Новые технологии предоставляют большие возможности для осуществления вирусного маркетинга, проведения PR-исследований, оценки эффективности тех или иных PR-мероприятий. Способ работы с информацией, используемый в социальных медиа – это прежде всего контент, создаваемый пользователями. Тем не менее, мы пока не можем говорить о смене парадигмы. Хотя новые медиаформаты и предоставляют прекрасную возможность для проведения различных коммуникационных кампаний, в современных условиях они должны быть частью интегрированной стратегии, которая предполагает использование различных медиа. Традиционные СМИ по-прежнему остаются важной составляющей многих PR-деятельности.

В заключении главы следует остановиться на важнейшем для нашего исследования выводе о сущности сетевой политической коммуникации. На наш взгляд, сетевая политическая коммуникация – это особого вида политическая коммуникация, опирающаяся на технологии Веб 2.0, сетевые медиа и социальные сети, и приводящая к стиранию традиционных границ между межличностной, групповой и массовой коммуникациями. В отличие от традиционных СМИ, доминировавших в условиях массового индустриального общества, делавшими возможными их классификацию на межличностные, групповые и массовые, сетевая

¹Скотт Д. М. Указ.соч. С. 38.

²Брекенридж Д. Указ.соч. С. 240.

коммуникация смешивает эти виды¹.

Кроме того, сетевая политическая коммуникация характеризуется такими параметрами, как высокая степень персонификации (контент доставляется потребителям с учетом личных предпочтений), разнообразием каналов коммуникации и конкретных технических средств доставки информации (потребители могут выбирать между социальными медиа и техническими платформами), индивидуализацией сообщения при помощи программных продуктов с элементами искусственного интеллекта (контекстная реклама). Важнейшими параметрами эффективной сетевой коммуникации выступают уровень доверия к источнику информации и высокая интерактивность коммуникаций между участниками процесса².

В последнее время в специальной литературе большое распространение получил термин медиaprостранство³. Этот термин часто употребляется без четкой дефиниции, как само собой разумеющееся понятие, а также считается синонимичным таким понятиям, как «медиаcфера», «информационно-коммуникативное пространство», «массмедийное пространство», «медиаcреда», «система СМИ», «медиаcистема», «поле массмедиа» («медиаполе»)⁴. Е. Н. Юдина предлагает трактовать медиaprостранство как особую реальность, являющуюся частью социального пространства и организующая социальные практики и представления агентов, включенных в систему производства и потребления массовой информации⁵. Очевидно, что такое определение отсылает к социологии П. Бурдьё, который указывал на то, что социальный мир можно изобразить «в форме многомерного пространства, построенного по принципу дифференциации и распределения»⁶. На наш взгляд, этот подход практически не противоречит системному подходу. Более того, надо отметить тот факт, что

¹Массовая информация в советском промышленном городе: Опыт комплексного социологического исследования / Под общ. ред. Б. А. Грушина, Л. А. Оникова. М.: Политиздат, 1980. 446 с.

²Подробнее: Быков И. А. Сетевая политическая коммуникация: теория, практика и методы исследования. СПб.: СПГУТД, 2013. 200 с.

³Бузин В. Н. Уровни управления российским медиaprостранством // Общество. Среда. Развитие. 2012. № 1. С. 121-125.; Дзялошинский И. М. Медиaprостранство России: коммуникационные стратегии социальных институтов. М.: Издательство АПК и ППРО, 2013. 479 с.; Дзялошинский И. М. Современное медиaprостранство России. М.: Аспект-Пресс, 2015. 215 с.; Монастырева О. В. Медиaprостранство: обзор представлений и подходов к пониманию // Вестник АмГУ. 2010. № 50. С. 56-62; Ним Е. Г. Медиaprостранство: основные направления исследований // Бизнес. Общество. Власть. 2013. № 14. С. 31-41; Шелонаев С. И. Институционализация медиaprостранства. СПб.: Изд-во Владос Северо-Запад, 2013. 180 с.; Шелонаев С. И. Медиaprостранство: структура и распределение социального капитала медиа-агентов // Общество. Среда. Развитие. 2011. № 4. С. 81-85; Юдина Е. Н. Медиaprостранство как культурная и социальная система. М.: Прометей, 2005. 160 с.

⁴ Монастырева О. В. Медиaprостранство: обзор представлений и подходов к пониманию // Вестник АмГУ. 2010. № 50. С. 56-57.

⁵Юдина Е. Н. Медиaprостранство как новая социологическая категория // Преподаватель XXI век. 2008. № 2. С. 151.

⁶Бурдьё П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.

очень часто для описания интернет-коммуникаций используется метафора киберпространства¹. Таким образом, сетевую политическую коммуникацию можно трактовать как неотъемлемый вид коммуникаций в медиaprостранстве.

Сетевая политическая коммуникация является неотъемлемой частью всей системы политической коммуникации, в которую входят не только электронные, но и печатные, и самые обычные межличностные коммуникации без посредничества каких-либо средств массовой коммуникации. Очевидно, что мы имеем дело с гибридизацией традиционных СМИ и дальнейшим развитием новейших средств электронной коммуникации, которые продвигаются в сторону дальнейшего повышения мобильности, персонификации, индивидуализации сообщений и т. п. Для современных национальных политических систем сетевая политическая коммуникация, построенная на базе глобальной сети Интернет, постулирует определенные вызовы, поскольку она является проводником глобализации и ретрансляции иных политических ценностей, давая также инструменты для организации и самоорганизации. Вероятно, что в этих условиях глобального информационного общества сетевая политическая коммуникация является фактором общественных трансформаций и, следовательно, должна быть изучена в рамках исследований политических изменений в России и за рубежом. Об этом пойдет речь в следующей главе.

¹ Быков И. А. Киберпространство как фактор развития политических идеологий // Политическая наука. 2008. № 2. С. 79-98.

ГЛАВА 2

Политическая коммуникация в условиях трансформации общества: переопределение роли и значения средств массовой коммуникации

2.1. Социальные изменения как объект политологических исследований

Социальные изменения во всех их формах и проявлениях всегда интересовали политических исследователей, поскольку позволяли им объяснять политические процессы, политическое поведение и трансформацию политических институтов. Можно сказать, что с самых ранних этапов истории политических учений, изучение политических систем и процессов перехода от одной системы к другой всегда входило в область исследовательских интересов. Несомненно, что и во времена Античности (Платон, Аристотель, Полибий и др.), и в Новое время (Макиавелли, Монтезкье и др.), а также во времена Просвещения (Локк, Руссо, Джефферсон и др.) политические мыслители задавались вопросом о том, что вызывает изменения в политической жизни. В девятнадцатом веке, когда под воздействием позитивизма зародились социальные науки в современном смысле, интерес к проблеме изучения политических изменений стал одним из основополагающих. И А. Де Токвиль, и О. Конт, и Э. Дюркгейм, и Г. Спенсер, и К. Маркс изучали варианты социальных изменений, разрабатывая концепции социального прогресса, революций и проводя сравнительные исследования политического устройства различных стран мира¹.

Современная политическая наука получила статус академической науки на рубеже XIX-XX веков. При этом с самого начала лидирующее положение в этой области знания получили представители американской школы². В результате решающего влияния американской школы определилась структура политической науки, в рамках которой нашлось место и для сравнительной политологии³. Согласно периодизации, представленной в работе Л. В. Сморгунова, историю развития сравнительной политологии можно разбить на четыре этапа:

- 1) становление политологии (1850-1900 гг.);
- 2) «традиционалистский» этап сравнения (1900-1945 гг.);
- 3) бихевиоральный этап (1945-1970);
- 4) плюралистический этап (с 1970 г. по настоящее время)⁴.

¹Громов И. А., Мацкевич А. Ю., Семенов В. А. Западная теоретическая социология. СПб.: Ольга, 1996. 286 с.

²Федосеев А. А. Современная американская буржуазная политология: истоки, традиции, новации. Л.: Издательство ЛГУ, 1989. 216 с.

³Бейме К. Сравнение в политической науке // Социально-политические науки. 1991. № 2. С. 20-29.

⁴Сморгунов Л. В. Сравнительная политология: проблемы и этапы развития // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 1999. № 2. С. 66.

Во время первых двух этапов в сравнительной политологии господствовал сравнительно-исторический метод, страдающий формально-легальным описанием политических институтов и большой зависимостью от юридической науки. Сравнительные исследования данных периодов представляли собой описание политических институтов государства ведущих западных стран. При этом, в связи с большими недостатками традиционного подхода в сравнительных исследованиях из поля зрения исследователей практически исчезла проблема политических изменений и трансформаций. П. Шаран суммировал эти недостатки следующим образом:

«1. Подход фокусируется на формальных институтах государственного управления в ущерб современному анализу неформальных структур общества и их роли в принятии решений и осуществлении власти.

2. Пренебрегая неформальными структурами, традиционный подход не смог воспринять неполитические детерминанты политического поведения и, тем самым, неполитические основы государственных институтов.

3. Сравнение велось с точки зрения формальных конституционных аспектов западных систем, т.е. парламентов, главных исполнительных органов, гражданских служб, административного права и т.д., которые могут быть отнюдь не самыми адекватными аспектами подлинного сравнительного исследования.

4. За исключением нескольких работ в области пропорционального представительства, законодательства и избирательных систем, традиционализм оказался невосприимчив к гипотезам и их верификации.

5. Даже в простом описании политических систем традиционализм не сумел воспользоваться методами антропологии культуры, эффективными в отношении, как общих понятий, так и обобщенных гипотез.

6. Описание в сравнительном анализе государственного управления не дает возможность обоснования гипотез, компиляции фактов в отношении отдельного политического феномена (или класса таких феноменов) в нескольких обществах.

7. Бессистемное описание не позволяет выдвигать гипотезы относительно однообразия в политическом поведении и формулировать на сравнительной основе теории политической динамики (т.е. изменений, революций, условий стабильности и т.д.)»¹.

Только на третьем этапе сравнительная политология заняла одно из центральных мест в системе политической науки. Этому способствовали два фактора. Во-первых, качественное изменение роли США в мировой политике в послевоенный период. США стали

¹Шаран П. Сравнительная политология. В 2-х ч. М., 1992. Т. 1. С. 129-130.

сверхдержавой, и это привело к возникновению потребности в получении новых знаний не только о «цивилизованных» странах мира, но и о так называемых странах третьего мира, а также в первую очередь о политических системах стран коммунистического блока. Во-вторых, и эту причину называет Г. В. Голосов, произошла массовая эмиграция европейских ученых в годы второй мировой войны в Америку¹. Взаимодействие этих факторов и общее развитие социальных наук привели к тому, что после второй мировой войны начался настоящий бум сравнительной политологии. Период 50-60-х годов воспринимается теперь не иначе как «золотой век» сравнительной политологии². Основными задачами сравнительной политологии стали проблемы объяснения политических изменений в различных странах мира. Возникло целое научное направление политической транзитологии (от англ. «transition» - переход). «Транзитология» – это специфическая область научных исследований, возникшая в рамках сравнительной политологии, и посвященная изучению процессов перехода стран с авторитарными режимами к демократическим режимам. Транзитология изучает также случаи неудачных переходов, когда процессы демократизации и либерализации не приводят к установлению демократии. Кроме того, проблематика транзитологии затрагивает такие классические темы сравнительной политологии как сравнение политических институтов, выявление наиболее стабильных форм государственного правления и устройства, изучение влияния электорального законодательства и т. п.

Считается, что «центром движения за сравнительную политологию стал Эванстонский семинар в Северо-Западном университете (США), председателем и идейным лидером которого был Р. Макридис»³. Представители этого научного движения заявили, что применение сравнительного метода в политологии должно приобрести не только более широкие масштабы, но и более научный характер⁴. С. Верба, один из лидеров сравнительной политологии того времени, писал: «Революция в сравнительной политологии началась с нескольких смелых принципов: видеть за описанием теоретически более релевантные проблемы; видеть за одним фактом сравнение многих фактов; видеть за формальными институтами управления политические процессы и политические функции; и видеть за странами Западной Европы новые государства Азии, Африки, Латинской Америки»⁵. Эти задачи предполагалось решить при помощи достижений структурного функционализма, который получил в то время доминирующее положение в социологии. Достижения структурного

¹Голосов Г. В. Сравнительная политология. СПб., Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2001. С. 13.

²Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингеманна. М.: Вече, 1999. С. 311.

³Голосов Г. В. Указ. Соч. С. 13.

⁴Macridis R. The Study of Comparative Government. Studies in Political Science. N.Y.: Random House, 1966. 340 p.

⁵Цит. по: Сморгун Л. Указ. соч. С. 71.

функционализма связывают с такими именами как Э. Дюркгейм, А. Радклиф-Браун, Р. Мертон, и особенно с именем Т. Парсонса (1902-1979)¹. В своих работах Парсонс пытался развивать идеи Э. Дюркгейма и М. Вебера о социальном действии, а также привить в социологии системный подход. В работах Вебера социальное действие рассматривалось как действие, ориентированное на объект, имеющий социальное значение, или субъект, который понимает смысл и значение действия. Однако Вебер не рассматривает структуру социального действия. Парсонс решил разъяснить этот вопрос и создал следующую модель «единичного акта» социального действия. Этот акт включает в себя: во-первых, действующее лицо или актора, то есть человека; во-вторых, ситуационное окружение, включающее изменяемые и неизменяемые. Неизменяемые факторы делятся на биологические и культурные, изменяемые факторы – на личностные и социальные. Концепция системы была взята Парсонсом из общей теории систем Л. Берталанфи и Н. Винера². Из термодинамики было известно, что закрытые системы в конечном итоге приходят энтропии, то есть беспорядку и гибели. Однако введение понятия открытой системы позволяет поддерживать состояние сложного порядка за счет отношений обмена с внешней средой посредством входа и выхода. Системы действия по Парсонсу являются открытыми системами и, следовательно, имеется полное основание осторожной экстраполяции выводов общей теории систем на социальную систему.

В каждой системе, по мнению Т. Парсонса, существует четыре подсистемы, выполняющие определенные функции:

1. Экономическая подсистема выполняет функцию адаптации – приспособление к окружению.
2. Политическая система – функция целеполагания или определения средств и целей.
3. Система социетальной общности – интеграция через социальный контроль (от законов до норм).
4. Система социализации – поддержание образца.

Т. Парсонс полагал, что любая система контролируется той подсистемой, которая обладает наибольшим информационным потенциалом и потребляет наименьшее количество энергии. Между системами и подсистемами происходит информационный обмен. Парсонс делает особый упор на стабильность обменных процессов между обществом, его подсистемами и окружающей средой. Вот какое определение обществу он дает: общество – это «такой тип социальной системы, который обладает наивысшей степенью самодостаточности относительно своей среды, включающей и другие социальные системы. Полная

¹Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект-Пресс, 1998. 270 с.

²Винер Н. Кибернетика и общество. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 200 с.

самодостаточность, однако, была бы несовместима со статусом общества как подсистемы систем действия. Любое общество для сохранения себя в качестве системы зависит от того, что оно получает в порядке обмена с окружающими системами. И, значит, самодостаточность в отношении среды означает стабильность отношений обмена и способность контролировать обмен в интересах своего функционирования»¹. Многие исследователи в последствии отмечали, что структурный функционализм делает упор на статические состояния общества в ущерб динамическим, что создает определенные методологические трудности при изучении трансформационных процессов с точки зрения структурного-функционализма.

Непосредственная адаптация структурного функционализма в политическую науку принадлежит известному американскому ученому Д. Истону². Именно он дал самое распространенное определение понятию политическая система. По Истону, политическая система – это «взаимодействия, посредством которых в обществе авторитетно распределяются ценности»³. Структурный функционализм обосновал понятие «функциональной эквивалентности», которое непосредственно выводится из понятия «функция», и стало основой для проведения сравнительных исследований стран разного культурного, индустриального и технологического развития. «Представление о том, что политическая система обязательно выполняет некоторые основные задачи, позволило функционалистам продвинуться на очень важную ступень. Они убедительно показали, что, во-первых, различные общественные структуры могут выполнять одну и ту же функцию, во-вторых, что одна и та же структура может иметь несколько различных функций»⁴. Этот принцип позволил включить в сферу сравнительных исследований практически все страны мира. При этом, как считают классики сравнительной политологии М. Доган и Д. Пеласси, «применение принципа функциональной эквивалентности особенно полезно при рассмотрении значительно различающихся между собой стран... Сравнить Германию и Австрию можно было бы и не прибегая к принципу функциональной эквивалентности. Сравнить Индонезию и Канаду без его помощи – уже сложнее»⁵.

Структурный функционализм стал надежной основой для создания оптимистических теорий политического развития, известных под названием теорий модернизации и политической модернизации. В научной литературе было дано следующее определение теории

¹Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект-Пресс, 1998. С. 20.

²Easton D. A Framework for Political Analysis. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1979. 143 p.

³Голосов Г. В. Указ. соч. С. 14.

⁴Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология. М.: Социально-политический журнал, 1994. С. 56.

⁵Там же. С. 61.

модернизации: «это междисциплинарная концепция, которая исследует проблемы развития освободившихся стран, пути и методы превращения традиционных и переходных обществ в современные развитые общества, вопросы усовершенствования политической системы и экономики, а так же связанные с этим общественные сдвиги, изменения в культуре и психологии»¹. Из этого определения можно сделать вывод о том, что категория модернизации многомерна. Она включает следующие аспекты: «во-первых, смена преобладающей формы труда (аграрного – индустриальным), ...во-вторых, дифференциация ранее слабо расчлененного общества на отдельные сферы (экономическую, политическую, правовую, культурную), ... наконец, атрибутом модернизации является формирование автономно-суверенного индивида, личности как основного (первичного) субъекта общества»². Отмеченная многомерность процесса модернизации потребовала от ученых, специализирующихся в этой сфере, взять на вооружение междисциплинарный подход. В рамках этой теории были объединены усилия социологов, экономистов, политологов, социальных психологов, этнографов и этнологов.

Теория модернизации основывается на допущении, что существует два типа модернизации: органический (оригинальный) тип и неорганический (догоняющий). Оригинальный тип модернизации впервые зародился в странах Запада в Новое время. После того, как страны Запада наглядно «продемонстрировали» всему остальному миру преимущества новых технологий, науки и западной культуры, колонизировали большую часть земного шара, незападным обществам приходилось делать выбор между попыткой проведения модернизационных реформ и полной потерей независимости. В такой ситуации в разное время оказались такие страны как Турция, Россия, Индия, Япония и Китай. Модернизационные реформы, осуществляемые в этих странах, как правило, носили радикально неорганический характер и воспринимались большей частью общества крайне негативно. Была также разработана концепция эшелонов модернизации. Страны с органическим типом модернизации относились к первому эшелону. Такие страны как Турция, Япония или Россия относились ко второму эшелону. И, наконец, самые слаборазвитые страны Африки и Азии относились к третьему эшелону.

Изначально теории модернизации был свойственен экономический детерминизм. «Главным механизмом модернизации неотрадиционного, или посттрадиционного, общества признавался экономический рост, при чем даже неважно, какой именно: сбалансированный или несбалансированный, с помощью внешних источников или внутренних накоплений. Главное,

¹Братерский М. В. Теория модернизации: обзор американских концепций // США. ЭПИ. 1990. № 9. С. 23.

²Авторитаризм и демократия в развивающихся странах / Отв. ред. В.Г. Хорос. М.: Наука, 1996. С. 7.

как считалось, «запустить» механизм роста, а все остальное приложится»¹. Центральная работа этого этапа принадлежит известному экономисту У. Ростоу и называется «Этапы экономического роста: не-коммунистический манифест»².

Однако в 60-е гг. и позднее теория модернизации подверглась суровой критике³. Во-первых, ей «вменялся» в вину «европоцентризм», то есть субъективное мнение о том, что Запад реализовал «единственно правильный, самый прогрессивный вариант развития»⁴. Освободившимся странам предлагалось не столько модернизироваться, сколько «вестернизироваться», что почти всегда означало резкий разрыв с традициями и культурой. Этот разрыв с традиционной культурой в большинстве случаев вызывал серьезные трудности в проведении модернизационных реформ, а иногда приводил к полному отказу от модернизации. Во-вторых, широкое распространение получила альтернативная теории модернизации теории зависимости (dependency theory), которая утверждала, что взаимодействие богатого «Севера» и бедного «Юга» не идет последнему на пользу. Скорее наоборот. Создавая модернизированные сектора экономики в тех отраслях, которые необходимы для международной торговли, Запад тем самым на самом деле консервирует отсталость в других отраслях экономики развивающихся стран. Развивающиеся страны становятся «сырьевым придатком» и попадают в долговую яму финансовых структур развитых стран⁵.

В рамках теории модернизации большое внимание было уделено проблеме политической стабильности в трансформирующихся обществах. Классической работой в этой области является книга С. Хантингтона «Политический порядок в меняющихся обществах»⁶. Согласно Хантингтону, авторитарные режимы могут обеспечить политическую стабильность, которая позволит динамично развиваться экономике, а вместе с ней и буржуазии, и среднему классу. Тем самым создаются условия для начала демократизации, и она затем происходит. Примеры некоторых стран, таких как Тайвань⁷, Южная Корея⁸ или Чили⁹, подтвердили эту гипотезу. Однако следует иметь в виду, что на такое способны не любые авторитарные режимы,

¹Старостин Б. С. Проблема модернизации: история и современность // Модернизация и национальная культура. М.: Изд-во «Апрель-85», 1995. С. 12.

²Rostow W. W. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. Cambridge: Cambridge University Press, 1960. 272 p.

³Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. М.: Аспект Пресс, 1998. 284 с.

⁴Голосов Г. В. Указ. соч. С. 17.

⁵Cardoso F., Enzo F. Dependency and Development in Latin America. Berkeley: University of California Press, 1979. 227 p.

⁶Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.

⁷Оникиенко А. Модернизация на Тайване: от экономической либерализации к политической демократизации. // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 2. С. 121-133.

⁸Авторитаризм и демократия в развивающихся странах / Отв. ред. В. Г. Хорос. М.: Наука, 1996. 336 с.

⁹Шнайдер М. Чили: переход к демократии и тоталитарное наследие // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 9. С. 108-124.

а только такие, которые поддерживают рыночную экономику и правительства которых хорошо разбираются в экономике и могут выбрать правильную экономическую стратегию.

Несмотря на серьезную критику, теория модернизации и по сей день является весьма популярной и авторитетной теорией. Особенно плодотворно она развивается в направлении изучения постиндустриального или информационного общества. Нынешний этап постиндустриальной модернизации, технической основой которого является развитие компьютерных технологий, микроэлектроники, средств массовой коммуникации, глобализации экономики и т. д., был очень своевременно предсказан и описан такими теоретиками, как Э. Тоффлер, Д. Белл, Р. Инглхарт и др. Мы подробнее остановимся на работах этих авторов в следующей главе.

Третий этап развития сравнительной политологии оказался весьма плодотворным и сделал сравнительную политологию одной из ведущих отраслей политической науки. «Так, если в 1925 году в десяти крупнейших университетах США приблизительно один из десяти предложенных курсов относился к сравнительной политологии, а в 1945 году – один из пяти, то в 1965 году пропорция оказалась равной одному к трем»¹. Однако недостатки структурного функционализма, теорий модернизации и конвергенции привели к кризису роста сравнительной политологии и появлению новых теоретических подходов.

Современный (четвертый этап) развития сравнительной политологии характеризуется появлением новых теорий, которые на сегодняшний день являются, по замечанию Г. Голосова, «бесспорными лидерами» – это теория рационального выбора и неoinституционализм². Теория рационального выбора пришла в политическую науку из экономики и известна трудами таких авторов, как Э. Даунс, М. Олсон, Дж. Цебелис, П. Ордешук, М. Фармер, Д. Норт и др.³ Теория рационального выбора в отличие от предшествующих теорий, господствовавших в социально-политических науках, ставит в центр своего внимания в первую очередь поведение не всей системы в целом, но отдельных ее акторов. При этом теория рационального выбора исходит из предположения, что индивиды (акторы) должны действовать рационально, то есть выбирать «оптимальное соответствие между

¹Сморгунов Л. В. Указ. соч. С. 72.

²Голосов Г. В. Указ. соч. С. 19.

³ Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. М. Аспект Пресс, 2002. 537 с.; Олсон М. Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп. М.: Фонд экономической инициативы, 1995. 165 с.; Ордешук П. Эволюция политической теории Запада и проблемы институционального дизайна // Вопросы философии. 1994. № 3; С. 24-36; Цебелис Дж. В защиту теории рационального выбора // Современная сравнительная политология: Хрестоматия / Науч. Ред. Г. В. Голосов, Л. А. Галкина. М., 1997. С. 49-62; Фармер М. Рациональный выбор: теория и практика // Политические исследования. 1994. №3. С. 47-58; Эрроу К. Дж. Коллективный выбор и индивидуальные ценности. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 201 с.; Downs A. An Economic Theory of Democracy. N.Y.: Harper, 1957. 310 p.

целями и средствами»¹. Основной постулат теории рационального выбора сводится к следующему: «субъект использует наиболее полную информацию, доступную в данный момент ценой приемлемых затрат, чтобы достичь собственных целей – каковы бы они ни были – ценой наименьших затрат»². Учет различных мнений и представлений действующих лиц, их политических целей, стратегий и навыков придает в этом случае политическому анализу совершенно новый характер. Теория рационального выбора представляет собой по сравнению с структурным функционализмом более низкий уровень теоретического анализа, приближенный к индивидам и пытающийся более тонко объяснить политическое поведение. Политика с точки зрения теории рационального выбора представляет собой игровое поле, на котором действуют различные игроки, имеющие различные стратегии поведения, цели и средства. При этом большое значение имеют правила игры, которые возникают в результате появления ситуации эквилибриума, то есть равновесия между стратегиями игроков. В точке эквилибриума ни у кого из игроков нет желания или способности изменить сложившееся положение в свою сторону. В результате появления общих правил политической игры, очень часто закрепляемых конституционными нормами, игроки продолжают добиваться достижения собственных целей. Поскольку нарушение правил игры приводит к немедленному наказанию, акторы вынуждены к ним адаптироваться. Вот почему парадоксальным образом в центре исследовательской программы теории рационального выбора оказываются не акторы (с ними и так все понятно), но правила игры, то есть политические институты. Достижения теории рационального выбора в качестве приложения к сравнительной политологии получили название теории неoinституционализма.

Термин неoinституционализм утвердился в политической науке после выхода в 1984 году статьи Дж. Марча и Дж. Олсена «Новый институционализм: организационный фактор в политической жизни»³. Неoinституционализм стал теоретическим направлением, ставящим в центр внимания политические институты и их влияние на политические процессы. Если раньше политику пытались изучать, прежде всего, с точки зрения требований и поддержки социальной системы общества в целом, то теперь за политическими институтами предполагается самодовлеющая роль. По замечанию П. Мэра «сегодня... компаративные исследования... больше склоняются в пользу политической социологии, нежели социологии политики»⁴. На сегодняшний день сложилось несколько школ неoinституционализма: нормативная школа,

¹Цебелис Дж. Указ. соч. С. 52.

²Голосов Г. В. Указ. соч. С. 20.

³March J. G., Olsen J. P. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life // The American Political Science Review. 1984. Vol. 78. № 3. P. 734-749.

⁴Политическая наука: новые направления. С. 320.

трактовка институтов с позиций теории рационального выбора, исторический институционализм, социальный и структурный институционализмы. Конечно, современная сравнительная политология, как и вся политическая наука в целом, характеризуется значительным теоретическим плюрализмом. Эту ситуацию Д. Истон называет постбихевиорализмом. На бихевиоралистском этапе развития политологии доминировали научные теории, развивавшиеся в русле неопозитивизма в духе Венского кружка, с его ценностной нейтральностью и приматом математических методов. Как пишет Истон, «в ценностную нейтральность науки верят сегодня лишь немногие, и уже никто не отрицает ценностную наполненность научных понятий. Но невозможно отрицать и то, что все это не снимает потребности в объективном знании и понимании. Как оба данных тезиса могут быть одновременно истинными, до сих пор остается предметом ожесточенных споров»¹. Действительно в политической науке и сравнительной политологии как одной из субдисциплин одновременно сосуществуют несколько теоретических подходов. Это и структурный функционализм, и теория рационального выбора, и теория модернизации, и множество других теоретических направлений.

До начала семидесятых годов исследования в сфере переходов к демократии не выделялись в отдельную область научного знания и, за редким исключением, проходили в рамках теории политической модернизации. Начало собственно транзитологическим исследованиям было положено в 1970 году, когда Д. Растьоу в апрельском выпуске журнала «Comparative Politics» опубликовал статью под названием «Переходы к демократии: на пути к динамической модели»². Он разработал так называемую динамическую модель переходов к демократии. Д. Растьоу придерживался методологии отрицающей экономический и социальный детерминизм. Он указывал на то, что «для демократии не требуется какого-либо минимального уровня экономического развития и социальной дифференциации... Те социальные и экономические индикаторы, на которые исследователи так любят ссылаться как на «предварительные условия» демократии, выглядят, по меньшей мере, сомнительными. Всегда можно найти недемократические страны, чей уровень развития по выдвинутым в качестве индикаторов показателям подозрительно высок – к примеру, Кувейт, нацистская Германия, Куба или Конго-Киншаса. Напротив, Соединенные Штаты 1820 г., Франция 1870 г. и Швеция 1890 г. вне всякого сомнения не прошли бы тест по какому-нибудь из показателей, касающихся уровня урбанизации или дохода на душу населения, не говоря уже о количестве экземпляров газет в

¹Истон Д. Политическая наука в США: прошлое и настоящее. // Современная сравнительная политология. Хрестоматия / Научн. ред. Г. В. Голосов, Л. А. Галкин. М., 1997. С. 26.

²Rustow D. A. Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model // Comparative Politics. 1970. Vol. 2. P. 337-363.

обращении или числе врачей, кинофильмов и телефонных номеров на каждую тысячу жителей»¹.

Единственным предварительным условием и отправной точкой демократических трансформаций является наличие национального единства. «Оно (национальное единство – И. Б.) означает лишь то, что значительное большинство граждан потенциальной демократии не должно иметь сомнений или делать мысленных оговорок относительно того, к какому политическому сообществу они принадлежат»². В случае, если демократические реформы начинаются в обществе с потенциальными проблемами в области национального единства, они практически обречены на неудачу, поскольку сам процесс перехода является крайне трудным. Желание обвинить в возникающих трудностях представителей другой национальности и избавиться от них могут привести либо к распаду страны, либо к попытке авторитарными методами сохранить единство. С этим условием согласны большинство современных политологов, занимающихся транзитологической тематикой. Так, например, Х. Линц и А. Степан в своей статье, соглашаясь с этим условием, также указывают на то, что для успешной демократизации необходимо не просто национальное единство, но и отсутствие за пределами государственных границ значительной неприсоединенной территории, населенной представителями проживающей в государстве нации³. Этой проблеме посвящены многочисленные работы А. Лейпхарта, который указывал на сложности достижения общественного консенсуса в обществах, состоящих из больших этнических групп с долгой историей взаимных претензий⁴.

Процесс перехода к демократии по Д. Растоу состоит из трех фаз: подготовительной фазы, фазы принятия решения и фазы привыкания. Во время подготовительной фазы должна сложиться такая политическая ситуация, когда решение политических проблем прежними методами не возможно. Обычно в обществе образуются две противоборствующие группировки, обладающие равными силами и отстаивающие противоположные точки зрения. Конфигурация сил может сильно различаться в разных странах, однако общим моментом является возникновение патовой ситуации: ни одна из сторон не может получить преимущества политическими методами, но не в состоянии победить при помощи авторитарных методов.

¹Растоу Д. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Политические исследования. 1996. № 5. С. 7.

²Там же.

³Линц Х., Степан А. «Государственность», национализм и демократизация // Политические исследования. 1997. № 5. С. 18.

⁴Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М.: Аспект Пресс, 1997. 287 с.; Лейпхарт А. Конституционные альтернативы для новых демократий // Политические исследования. 1995. №2. С. 135-146; Лейпхарт А. Многосоставные общества и демократические режимы // Политические исследования. 1992. № 1-2. С. 217-225; Лейпхарт А. Со-общественная демократия // Политические исследования. 1992. №№ 3, 4.

Единственным вариантом развития становится разработка и принятие демократических процедур. Это происходит во время второй фазы. Решающую роль при этом играет политическая элита общества: «Приобретается ли демократия «оптом», как в 1907 г. в Швеции, или же «в рассрочку», как в Англии, в любом случае она – результат сознательного решения со стороны, по крайней мере, верхушки политического руководства»¹. На фазе привыкания происходит закрепление демократических принципов в повседневной жизни общества. Именно тут наступает, по мысли теоретиков-транзитологов, важнейший для СМИ период, когда они должны закрепить демократические ценности и нормы в умах рядовых граждан.

На протяжении семидесятых годов интерес к проблеме переходов к демократии усилился благодаря конкретным историческим событиям. В середине семидесятых годов три страны на юге Европы – Греция (1974), Португалия (1974) и Испания (1978) – осуществили успешные демократические переходы от авторитарного правления. Вслед за этими событиями появились многочисленные научные работы, посвященные проблематике перехода этих стран к демократии. Одна из наиболее крупных - коллективная работа «Новые средиземноморские демократии: режимные трансформации в Испании, Греции и Португалии»². Позже начались демократизационные процессы в Латинской Америке, которые тут же завоевали пристальное внимание ученых. Причем, если в случае с регионом Средиземного моря ведущую роль играли европейские ученые, то в этом случае – американские. Стратегические интересы Соединенных Штатов стимулировали и без того интенсивные научные исследования в этой сфере³.

Исследования переходов к демократии приобрели еще большую актуальность после того, как в конце восьмидесятых эти процессы затронули страны коммунистического блока, страны Юго-Восточной Азии, а также ЮАР⁴. Именно в этот период появились попытки широкомасштабных сравнительных исследований, которые бы включали в себя опыт различных регионов мира, включенных в этот процесс. Так, например, в 1991 году появилось первое издание книги Адама Пшеворского «Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке»⁵. Пшеворский под Восточной Европой подразумевает, прежде всего, Польшу, Венгрию, Румынию и Чехословакию. Республики бывшего Советского Союза в этом плане не являются Восточной Европой, и поэтому лишь

¹Растой Д. Указ. соч. С. 10.

²The New Mediterranean Democracies: Regime Transition in Spain, Greece and Portugal / Ed. by G. Pridham. L.: Frank Cass, 1984. 193 p.

³ Бжезинский З. Большой провал: Рождение и смерть коммунизма в двадцатом веке. Нью-Йорк, 1999. 242 с.; Democracy in Developing Countries / Ed. by L. Dimond, J. Linz, S. Lipset. Vol. 1-4. Boulder: Lynne Rienner, 1988-1989.

⁴ Markoff J. Waves of Democracy: Social Movements and Political Change. Thousand Oaks: Pine Forge Press, 1996. 174 p.

⁵Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: РОССПЕН, 2000. 319 с.

относительным образом затрагиваются в книге. Тем не менее, сама попытка сравнительного анализа демократических преобразований в столь разных регионах весьма примечательна.

Теоретической основой данной работы А. Пшеворского является теория рационального выбора, хотя в семидесятые годы он являлся активным сторонником системного анализа. Пшеворский обращает пристальное внимание таким чисто политическим аспектам трансформационных процессов как поведение элит, выбор стратегии экономических и политических реформ, проблеме институционального устройства. Пшеворский признает, что «соотношения между конституцией и политической реальностью не являются очевидными» в том смысле, что нельзя абсолютно точно сказать, какая из демократических форм правления наиболее точно соответствует нуждам установления демократии¹. В каждом конкретном случае приходится создавать индивидуальные конфигурации политических систем. После продолжительного анализа Пшеворский выводит единственное теоретическое заключение: «Только те конституции соблюдаются и действуют длительное время, которые уменьшают ставки в политических схватках. Претенденты на должность могут ожидать, что ее получат, а проигравшие могут ожидать, что не все потеряно...»² Игнорирование этого правила приводит к тому, что рано или поздно политические институты, созданные для обслуживания интересов той или иной группировки, перестанут соответствовать политической реальности, и будут подвергнуты пересмотру. Чаще всего это происходит недемократическим способом.

Другой наиболее интересной темой книги является проблема экономического фона политических переходов. Отправной гипотезой этой части является следующее утверждение: «Поскольку большинство демократий рождается в условиях глубочайших экономических кризисов,... (постольку) экономические факторы работают против демократии»³. Действительно, проведение экономических реформ даже в странах с устойчивой демократией, как это показали реформы в Великобритании в эпоху правления М. Тэтчер, сопряжено с ухудшением экономической ситуации в целом, повышением безработицы, понижением жизненного уровня многих категорий граждан. Результаты экономических реформ могут быть самыми разными и зависят от многих факторов. Как пишет Пшеворский, они зависят от «... исторически предопределенных реалий, от доброй воли, разума и просто от удачи»⁴. В каком-то смысле Фольклендская война стала удачей для М. Тэтчер в тот момент, когда уровень поддержки ее политики понизился до угрожающе низкого уровня. В принципе, благоприятная конъюнктура мировых цен на энергоносители также сыграла свою положительную роль в

¹Пшеворский А. Указ. соч. С. 62.

²Там же. С. 62.

³Пшеворский А. Указ. соч. С. 139.

⁴Там же. С. 15.

стабилизации политической ситуации в России в начале двухтысячных годов.

В 1991 году выходит книга С. Хантингтона «Третья волна. Демократизация в конце XX столетия»¹. «Третья волна» демократизации охватывает собой всю область исследований случаев перехода к демократии в конце XX века. Основанием для того, чтобы говорить о волнах демократизации, служит статистический учет количества демократических стран в мире. Проанализировав существующие данные, можно говорить о волнообразном или циклическом процессе появления демократических стран и о волнах демократизации. Хантингтон выделил пять основных причин, вызвавших третью волну демократизации:

1. Углубление проблем с легитимностью у стран с авторитарными режимами. Эти проблемы были вызваны, прежде всего, тем, что страны с авторитарными режимами испытывали серьезные экономические трудности.

2. Рост среднего класса во всех странах в связи с беспрецедентным общемировым экономическим ростом на протяжении шестидесятих годов.

3. Резкое изменение отношения католической церкви к авторитарным режимам от нейтрального к негативному.

4. Изменение международного климата в сторону поддержки демократии. США, Европейское Сообщество проводят политику поддержки демократии и прав человека во всем мире. Изменение отношений СССР-НАТО от прежней конфронтации к политике «разрядки» и сотрудничества.

5. Эффект «снежного кома» или демонстрационного воздействия примеров успешной демократизации некоторых режимов на другие, менее демократичные страны².

Кроме того, С. Хантингтон выделил следующие пути перехода к демократии:

- эволюционный («трансформация») – Испания;
- революционный («замена» или крах старого режима) – Португалия;
- военное завоевание – Германия, Япония.

В целом Хантингтон в теоретическом плане в этой работе продолжал придерживаться теории модернизации. Это выражается, прежде всего, в том, что он выделил два основных фактора, способствующих появлению той или иной волны демократизации: во-первых, это фактор социально-экономического развития, а, во-вторых, это фактор культурной принадлежности. В вопросе социально-экономического развития С. Хантингтон очень близок другому известному американскому политологу С. Липсету³. На основе обширных

¹Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003. 368 с.

² Никитченко А. Н. Транснационализация демократии (Третья волна демократизации в свете теорий международных отношений) // Политические исследования. 1996. № 5. С. 53-69.

³Lipset S. M. Political Man: The Social Bases of Politics. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1981. 608 p.

эмпирических данных Липсет делал вывод о том, что существует некая корреляция между уровнем экономического развития и демократией¹. Такое представление доминировало в политической науке еще в шестидесятых годах². Проанализировав данные за период семидесятых годов, С. Хантингтон пришел к выводу, что «половина стран третьей волны демократизации имели в 1976 году ВВП на душу населения от 1000 до 3000 долларов США»³. Это дает основание, по мнению Хантингтона, на утверждение о том, что по мере экономического развития страны попадают в «транзитную зону» или «зону выбора», где становится все труднее поддерживать традиционные авторитарные формы правления и возникает необходимость новых типов политических институтов, которые должны отвечать требованиям более сложного общества.

Культурная принадлежность является второй важнейшей предпосылкой демократизации. С. Хантингтон считает, что смысл этой предпосылки заключается в преобладании «того, что можно назвать западной культурой с ее ценностями, включая западное христианство»⁴. Что касается других цивилизаций, то в странах с другими культурами процесс демократизации встречает большие культурные преграды. Всего пять стран считаются демократическими в Азии (Непал, Бангладеш, Монголия, Япония и Южная Корея), две – в мусульманском мире (Бангладеш и Турецкая республика северного Кипра), и лишь три страны, где преобладает культура восточной ветви христианства (Болгария, Греция и Республика Кипр). Однако Хантингтон не считает, что культурные особенности являются непреодолимым препятствием для демократизации: «Экономическое развитие ... может изменить культуру страны таким образом, чтобы она благоприятствовала демократии... но за исключением Восточной Азии экономика незападного мира отстает в своем развитии, да и в более благополучных с этой точки зрения дальневосточных странах культурные изменения, скорее всего, растянутся на многие годы»⁵.

Продолжатель подхода Хантингтона другой известный американский политолог Л. Даймонд указывает, что к концу девяностых годов третья волна демократизации выдохлась. Если с формальной точки зрения (проведение выборов, свобода прессы и поддержка некоторых основополагающих прав человека) количество демократий в соотношении к

¹Липсет С., Сен К., Торрес Д. Сравнительный анализ социальных условий, необходимых для становления демократии // Международный журнал социальных наук. 1993. № 3. С. 5-34.

²Современный капитализм: критический анализ буржуазных политологических концепций / К. С. Гаджиев, А. К. Гливановский, Г. В. Каменская. М.: Наука, 1988. С. 110.

³Хантингтон С. Третья волна. С. 63.

⁴Хантингтон С. Будущее демократического процесса: от экспансии к консолидации // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 6. С. 88.

⁵Там же. С. 89.

недемократическим государствам оставалось на примерно одном уровне, то количество настоящих, либеральных демократий уменьшилось. Опираясь на данные исследовательского центра «Дом свободы» (Freedom House) и другие источники, он пишет: «Доля «свободных» государств, то есть либеральных демократий) среди имеющихся в мире демократий сократилась с 85% в 1990 году до 65% в 1995. В эти годы во многих наиболее важных и влиятельных молодых демократиях «третьей волны», в том числе в России, Турции, Бразилии и Пакистане, качество демократии (измеряемое объемом политических прав и гражданских свобод) заметно упало... Откат третьей волны особенно разителен в Латинской Америке»¹. Однако, рассматривая перспективы демократизационных процессов, Даймонд придерживается оптимистической точки зрения. Он считает, что существует возможность избежать серьезной реверсивной волны, закрепить достигнутые в ходе третьей волны успехи и тогда «в один прекрасный момент где-то в течение первых двух десятилетий XXI века – после того как экономическое развитие изменит общества, прежде всего, Восточной Азии – мы окажемся на пороге «четвертой волны» демократизации и, вполне вероятно, в преддверии установления мира на планете и международной безопасности, гораздо более прочных и полных, чем те, что мы видели по окончании холодной войны»².

Транзитологические исследования затрагивают не только исследования процессов перехода от авторитаризма к демократии, но и обратные процессы, а так же процессы переходов от различных типов авторитарных режимов. Одним из самых авторитетных специалистов в этой области является американский политолог Ф. Риггс³. Его исследования в основном касаются стран так называемого «третьего мира», расположенных в Латинской Америке, Азии и Африки. Он приводит следующие статистические данные о крушении различных типов режимов (См. Табл. 2).

Табл. 2. Крушение различных типов режимов (данные к 1985 г.)⁴

Типы режима	Всего	Свергнуты в результате переворота	Прекратили свое существование по другим причинам	Число уцелевших режимов
Монархические режимы	32	8(25%)	12(38%)	12(38)
Президентские режимы	33	30(91%)	3(09%)	0(00%)

¹ Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? // Политические исследования. 1999. № 1. С. 18.

² Там же. С. 24.

³ Риггс Ф. Непрочность режимов «третьего мира» // Международный журнал социальных наук. 1993. № 3.

⁴ Там же. С. 85.

Эти данные позволили сделать Ф. Риггсу принципиальный вывод о том, что президентская форма правления является самой нестабильной формой правления. Однопартийные режимы продемонстрировали удивительную устойчивость. Опыт последнего десятилетия и таких стран как Куба или Северная Корея подтверждает этот вывод. И, наконец, «у парламентских режимов степень выживаемости можно назвать среднеуспешной»¹. Главным фактором нестабильности президентских режимов Риггс считал отношения внутри бюрократической иерархии. Вот как он формулирует эту проблему: «...хотя основные трудности любого президентского режима коренятся в его конституционной системе, а именно во взаимоотношениях исполнительной власти, выборной законодательной власти, партии и избирательной системы, все же глубинным и в конечном счете решающим фактором является мощь бюрократии и ее способности к управлению»². К сожалению, в большинстве стран с президентской формой правления бюрократия постепенно поглощала демократические процедуры, и это приводило к крушению этих режимов.

Самым известным исключением в этом смысле являются Соединенные Штаты – единственной в мире страной с президентской формой правления и демократическим режимом одновременно. В США парадоксальным образом некоторые не совсем демократические практики в итоге создают систему сдержек и противовесов, которые поддерживают работоспособность демократических процедур. В США очень активны группы интересов, они создают так называемые «железные треугольники» или «подправительства», то есть объединения сенатских комиссий, чиновников соответствующих ведомств и лоббистов. Многие решения принимаются не при помощи демократических процедур, а при помощи этих механизмов. Второй недемократической практикой является слабое участие граждан в президентских и парламентских выборах: «в период с 1960 по 1978 год было отмечено снижение избирательной активности с 65 до 54% в годы президентских выборов, и с 47 до 37% в годы выборов в конгресс, не совпадающих с президентскими. В президентских выборах 1984 года в США участвовало лишь 53,2% избирателей по сравнению с 72,6-91,4% в европейских демократических государствах»³. Еще одним необходимым политическим условием для демократии в США является двухпартийная система. Также большую роль в том, что американская президентская республика оказалась живучее остальных сыграла форма государственного правления США – федерализм. Другой особенностью США, способствовавшей стабильности, оказалось высокое развитие капитализма. Для амбициозных

¹Там же. С. 86.

²Там же. С. 96.

³Риггс Ф. Сравнительная оценка президентской формы правления. // Сравнительная социология. Избранные переводы. М.: Academia, 1995. С. 140.

молодых людей карьера в бизнесе зачастую оказывается предпочтительней, чем карьера в политике. Это касается и финансовых и статусных стимулов. Вышеперечисленные причины привели к тому, что власть в США оказалась равномерно распределена между различными «центрами силы», а это в свою очередь привело к уменьшению роли президентства. К сожалению, в других странах мира эти условия отсутствуют.

В середине восьмидесятых годов на страницах американского журнала «Славянское обозрение» («*Slavic review*») вспыхнула дискуссия по поводу правомерности включения исследований трансформаций на постсоветском пространстве в традиционные транзитологические исследования, затрагивающие такие регионы как Латинская Америка и Южная Европа¹. Американская исследовательница С. Терри доказывала, что можно выделить пять аспектов, по которым проблемы посткоммунистических стран отличаются от проблем, которые были ранее решены другими странами².

Во-первых, это «двойной» характер перехода, связанный с попытками одновременно создать плюралистическую демократию и рыночную экономику. В случае стран Южной Европы, Латинской Америки и Юго-Восточной Азии при существовании даже самых авторитарных режимов элементы рыночной экономики никогда не подвергались систематическому искоренению, как это имело место при коммунистических режимах и особенно в СССР. При этом если постулат о том, что рынок является в долгосрочной перспективе необходимой предпосылкой для демократии не подвергается сомнению, то утверждается, что на этапе формирования рынка он вступает в конфликт с демократическими институтами в связи с их меньшей стабильностью по сравнению с авторитарными структурами.

Во-вторых, уровень экономического и технологического развития большинства посткоммунистических стран по большей части находится на более высоком уровне, чем у стран переходивших к демократии от авторитаризма. Если поставторитарным странам приходилось решать проблему промышленного развития, то посткоммунистическим странам приходится решать проблемы структурной перестройки, демонтажа или модернизации некоторых отраслей.

В-третьих, большинство посткоммунистических стран оказалось чрезвычайно этнически и культурно неоднородными. Все коммунистические федерации (Югославия, Чехословакия, СССР) развалились. Проблемы, связанные с национализмом, присутствуют

¹ Bunce V. Should Transitologists Be Grounded? // *Slavic Review*. 1995. Vol. 54. № 1. P. 109-127; Karl T., Schmitter P. The Conceptual Travels of Transitologists and Consolidologists: How Far to the East Soul They Attempt to Go? // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. № 1. P. 173-185; Karl T., Schmitter P. From an Iron Curtain to a Paper Curtain: Grounding Transitologists or Students of Postcommunism? // *Slavic Review*. 1995. Vol. 54. № 4. P. 965-978.

² Terry S. M. Thinking about Post-Communist Transitions: How Different Are They? // *Slavic Review*. 1993. Vol. 52. № 2. Summer. P. 173-185.

практически во всем регионе. Особенно это касается территории бывшего СССР.

В-четвертых, проблема гражданского общества в посткоммунистических странах является более серьезной и важной, чем в поставторитарных странах. Все исследователи согласны с тем, что в советский период времени гражданское общество было полностью подавлено. Однако, после падения коммунистических режимов ситуация не улучшилась: «вместо этого все более распространенными становились фрагментация и персонализация политической жизни, в которой конфронтация возобладала над компромиссом, а электорат оказался отчужденным и пребывающим в замешательстве»¹.

В-пятых, сегодняшняя международная обстановка менее благоприятна для поддержки новых демократий, чем во времена «холодной войны». Как только она закончилась, заверения о настоятельной необходимости поддержки демократических преобразования перестали приводить к конкретным шагам в эту сторону. Крайне негативно оценивает роль Запада А. Ослунд, обвиняя правительства западных стран в пассивности².

Проанализировав все вышеуказанные особенности С. Терри, однако, не считает абсолютно необходимым изолирование исследований развития посткоммунистических стран от общего поля «транзитологии». Она призывает к осознанию и более пристальному изучению специфики процессов перехода к демократии в этих странах. Другая противница объединения сравнительных исследований транзитологических исследований в районах Латинской Америки и Постсоветского пространства В. Банс пишет: «...переходный период в странах Восточной Европы отличается от таких же периодов, недавно наблюдавшихся в Южной Европе и Латинской Америке, исходными условиями и программными установками. К примеру, государственный социализм отличается от бюрократического авторитаризма классовой базой, отношениями с мировой экономикой, идеологией и уровнем гражданского и политического развития общества»³. Однако, не смотря на все эти соображения большинство транзитологов (Х. Линц, А. Степан, С. Хантингтон, А. Пшеворский, Ф. Шмиттер и др.) считают, что сравнительные исследования, включающие в себя анализ переходных процессов в указанных регионах вполне возможно и правомерно.

В 1996 году появилось фундаментальное исследование Х. Линца и А. Степана «Проблемы демократического перехода и консолидации: Южная Европа, Южная Америка и

¹Вайнштейн Г. Посткоммунистическое развитие глазами западной политологии // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 8. С.141.

²Ослунд А. Россия: рождение рыночной экономики. М.: Республика, 1996. 430 с.

³Банс В. Элементы неопределенности в переходный период // Политические исследования. 1993. № 1. С. 44.

посткоммунистическая Европа»¹. Поскольку Линц и Степан являются, как считает Ш. Авинери², последовательными сторонниками исторической социологии Макса Вебера, постольку в их работе применяется методология, сильно отличающаяся от работ авторов, придерживающихся теории модернизации или теории рационального выбора. Во-первых, авторы подчеркивают зависимость траекторий политических трансформаций от наследия политических и экономических систем, существовавших до начала трансформационных процессов. Линц и Степан выделяют четыре типа предшествующих режимов: авторитаризм, тоталитаризм, посттоталитаризм и султанизм. Поскольку большинство латиноамериканских диктатур подпадают под категорию авторитаризм, постольку, по мнению авторов, применение латиноамериканского опыта в посткоммунистических странах крайне проблематично и к нему следует прибегать крайне осторожно. Как пишет Ш. Авинери, «поиски Пиночета в России предполагают, что чилийская военная диктатура была аналогична советской системе; очевидно, что это абсолютный нонсенс, хотя и находятся серьезные западные аналитики, в особенности экономисты, которые воспринимают эту идею всерьез»³.

Во-вторых, методология анализа материала, используемая Линцем и Степаном, выдержана в духе М. Вебера. Так, они выделяют специфические категории или «взаимосвязанные области», взаимодействие которых и определяет траекторию развития конкретной страны. Эти категории сильно напоминают идеально-типические конструкции в духе М. Вебера. Линц и Степан выделяют пять таких категорий: (1) активное гражданское общество; (2) относительно автономное политическое общество; (3) правовое государство; (4) действенное государство и государственный механизм; и (5) экономическое общество.

Транзитологические исследования кроме различных теоретических оснований (теория модернизации, структурный-функционализм, теория рационального выбора, историческая социология) имеют четко выраженные тематические направленности. В основном все работы по транзитологии можно разделить на три направления: исследования роли элит, исследование роли политических институтов или проблемы институционального дизайна и наиболее распространенная тема – изучение режимных изменений⁴.

Исследование процессов формирования элит в поставторитарных режимах является

¹Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore: JHU Press, 1996. 479 p.

²Авинери Ш. Рецензия на книгу Linz J. and Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore, 1996 // Восточноевропейское Конституционное Обозрение. 1997. № 2 (19). С. 152-157.

³Авинери Ш. Указ. соч. С. 155.

⁴Гельман В. Я. «Transition» по-русски: концепции переходного периода и политическая трансформация в России: 1989-1996 // Общественные науки и современность. 1997. № 4. С. 64-81.

одной из самых интересных тем в транзитологии. Еще в 1992 году появилось фундаментальное сравнительное исследование «Элиты и демократическая консолидация в Латинской Америке и Южной Европе»¹. В этой работе авторы, в общем и целом, приходят к выводу, что для продвижения демократических реформ необходима консолидация элит. Серьезные противоречия и острая политическая борьба могут, по мнению авторов, привести к попытке силового решения проблем и установлению нового авторитарного режима. Авторы выделяют два способа достижения согласия элит в вопросе демократических преобразований: первый способ – это сообщество элит, когда «ранее разобщенные элиты внезапно и сознательно реорганизуют свои интересы, договариваясь о компромиссах по основным расхождениям»². Второй способ – слияние элит – «характеризуется эффектом накопления, который длится более столетия и приводит к созданию основанного на согласии союза элит, таким образом закладывая основы для крепких демократий»³.

Как показывает опыт Западной Германии, успешная демократизация происходит при практически полной замене политической элиты при частичном обновлении экономической и интеллектуальной элиты⁴. Разумеется, случай оккупированной послевоенной Германии является крайне специфическим, тем не менее, обновление политической элиты при переходе от авторитарных режимов к демократическим является одной из самых очевидных закономерностей. По мнению Дж. Ледонна, что для анализа элитных группировок современной России, как многих стран «третьего мира», следует применять понятие правящего класса. Правящий класс отличается от современных правящих элит в странах с развитыми рыночными экономиками и демократическими системами тем, что он монополично осуществляет функции управления и имеет дополнительные привилегии. «Правящий класс – относительно объединенная группа, члены которой неизменно обладают рядом полномочий: при этом акцент делается не на профессиональную ее объединенность, а на наличие власти над всем остальным населением. В обществе с подобным делением не богатство дарует власть, а власть открывает возможности стать богатым, ибо правящий класс получает исключительные возможности оперировать ресурсами – такими, как земля, рабочая сила, денежные фонды»⁵. По мнению Ледонна, в России всегда существовал правящий класс, причем «советский правящий класс

¹Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe / Ed. by J. Higley, R. Gunther. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 354 p.

²Мэйнуоринг С. Роль элит // Пределы власти. 1994. № 4. С. 76.

³Там же.

⁴Хоффман-Ланге У. Элиты и демократизация: германский опыт // Социологические исследования. 1996. № 4. С. 3-12.

⁵Ледонн Дж. Правящий класс России: характерная модель. // Международный журнал социальных наук. 1993. № 3. С. 175.

воспроизвел традиционное положение: цель правления – эгоистическое удовлетворение своих потребностей и максимизация военной власти»¹. Правящий класс различных исторических периодов в России не был закрытой кастой. Так в императорской России был «Табель о рангах», при помощи которого амбициозные представители основного населения могли вступить в его ряды. В советской России также имелась лестница вертикальной мобильности. В современной России, как считает Дж. Ледонн, повторяется прежняя ситуация. Его вывод, в общем, пессимистичен: «Длящаяся трагедия России заключается в том, что она всегда имела не столько государство, сколько эгоистический правящий класс, безразличный к общему благу, никогда не соглашавшийся признавать посягающих на его привилегии правил поведения...»²

Необходимо отметить в первую очередь то, что элитистский подход в России во многом базируется на исследовательской парадигме, заложенной еще во времена СССР, когда на западе широкое распространение получила концепция номенклатуры³. Автором этой концепции стал М. С. Восленский. В наиболее разработанном виде элитистский подход в изучении советской элиты был представлен в работе М. Восленского «Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза». Восленский прослеживает и анализирует историю возникновения нового класса в СССР от ленинской партии профессиональных революционеров к сталинской номенклатуре. «Латинское слово номенклатура, - пишет Восленский. – обозначает перечень имен или наименований. Этимологический смысл термина, в общем, соответствует его содержанию в странах реального социализма»⁴. Действительно, отношение к кадрам, то есть рекрутирования элиты, стало главной составляющей внутренней политики советской власти. «Основная идея состояла... в том, чтобы на ответственные политические посты в стране насадить ретивых исполнителей директив»⁵. При этом основным критерием отбора кадров стало не наличие у кандидата на ту или иную должность деловых качеств, а так называемые «политические признаки». «Это означало примерно то, что, если бы на пост директора физического института претендовали беспартийный буржуазный спец Альберт Эйнштейн и братишка с Балтфлота партиец Ваня Хрюшкин, отдавать предпочтение надо было Ване»⁶. Очевидная абсурдность такого принципа имела свою логику. Впрочем, именно таким образом через постижение внутренней логики социального действия и учил анализировать социум М. Вебер. Дело в том, что фактически каждый номенклатурщик, занимая свой пост, чувствовал

¹Там же. С. 188.

²Там же. С. 191.

³Авторханов А. Технология власти. М.: Слово, 1991. 638 с.

⁴Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия, 1991. С. 82.

⁵Там же. С. 86.

⁶Там же. С. 83.

себя не на своем месте и имел все формальные признаки для того, чтобы лишиться его. Именно таким образом функционировала система, сочетающая в себе два взаимоисключающих принципа «незаменимых людей у нас нет» и «кадры решают все».

В современной России элитистское направление получило достаточно широкое признание. В этом направлении работают такие политологи и социологи как О. Крыштановская, А. Афанасьев, Д. Бадовский, М. Чешков и др.¹ Они, в общем, продолжают развивать концепцию номенклатуры, рассматривая процессы формирования новой российской элиты как трансформацию старой номенклатуры. Период перестройки характеризовался кроме всего прочего изменением номенклатурной системы. Если до Горбачева вполне естественной считалась ситуация, когда новый генеральный секретарь приводил с собой новую команду, а затем наступала определенная кадровая стабильность, то во время правления последнего генсека ситуация изменилась радикальным образом. «Замены на самом верху происходили перманентно. Из-за этого Горбачев в кругах высшей номенклатуры получил репутацию «предателя»². Недовольство политикой Горбачева высказывала не только изрядно постаревшая консервативная часть номенклатуры, но и молодая поросль, желавшая реализации принципа «коммунизм для элиты, капитализм для народа». В значительной степени уход Горбачева с политической арены был вызван не отношением населения к его политике (в целом отрицательным), а именно отсутствием поддержки в элите общества.

После прихода к власти Б. Ельцина состав правящей группировки претерпел некоторые изменения. Во-первых, произошло значительное омоложение состава элиты. Если при Брежневе средний возраст правящей элиты составлял 56,6 лет, при Горбачеве – 52,2, то при Ельцине этот показатель снизился до 48,5 лет.³ Во-вторых, произошло персональное пополнение правящей элиты за счет контрэлиты, интеллектуалов, диссидентов и различных авантюристов. Доля правящих лиц, не входивших ранее в номенклатуру, но входящих в нынешние правящие группы очень незначительна, и за исключение бизнес-элиты составляет менее 50 %. Так, в высшем руководстве доля таких самородков составляет 25 %, в партийной элите – 42,8 %, в парламентской элите – 39,8 %, в правительстве – 25,7 %, в региональной элите

¹Крыштановская О. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // *Общественные науки и современность*. 1995. № 1. С. 51-65; Афанасьев М. Правящие элиты России: образ деятельности. // *Мировая экономика и международные отношения*. 1996. №№ 3, 4; Бадовский Д. Трансформация политической элиты в России – от «организации профессиональных революционеров» к «партии власти» // *Политические исследования*. 1994. № 6. С. 42-58; Чешков М. А. «Вечно живая» номенклатура? // *Мировая экономика и международные отношения*. 1995. № 6. С. 32-43; Kryshstanovskaya O., White S. From Soviet Nomenklatura to Russian Elite // *Europe-Asia Studies*. 1996. Vol. 48. № 5. P. 711-733.

²Крыштановская О. Указ. соч. С. 53.

³Там же. С. 61.

– 17,7 % и в бизнес-элите – 59,0 %¹. Тем не менее, не смотря на значительные трансформационные изменения, в основном сохранилась не только преемственность в формировании элиты, но и характер взаимоотношений внутри нее, поскольку факторы продвижения по служебной лестнице в основном остались прежними.

Особенно следует отметить то, что номенклатурные корни современной элиты России оказывают огромное влияние на текущую политику в стране. По выражению М. А. Чешкова, элита современной России представляет собой постноменклатурный конгломерат, в котором существуют различные клановые и олигархические элитные объединения². Они находятся в состоянии перманентной борьбы между собой. При этом имеет место сращивание политической и экономической элиты, поскольку многие вопросы экономического благосостояния в России предпочитают решать не путем рыночной конкуренции, а при помощи государственного регулирования. Это касается и вопроса приватизации, и внешнеэкономической деятельности, и государственных кредитов, и налоговых льгот, и т.п. Вопреки желанию Егора Гайдара в современной России не произошло разделения власти и собственности³. Скорее можно говорить о сращивании различных элит в один постноменклатурный конгломерат.

Проблематика институционального дизайна при переходах от авторитаризма к демократии практически совпадает с классической проблематикой сравнительной политологии, а именно определение наиболее стабильной и эффективной формы политического правления. Начало дискуссии по этой проблематике было положено Х. Линцем, который первым высказал предположение, ставящее одну форму правления (парламентскую республику) выше другой (президентской). По его мнению: «Тщательный сравнительный анализ системы парламентаризма и системы президентского правления показывает, что в целом первая все же чаще приводит к установлению стабильной демократии...»⁴ В таких системах всегда присутствует конфликт между легитимностью законодательной власти и президента, поскольку они формируются посредством выборов. Вероятность того, что большинство в парламенте будет принадлежать антипрезидентским силам весьма вероятна. Такая ситуация несколько раз складывалась в США, но не привела к разрушительным конфликтам лишь, как мы уже указывали выше, благодаря определенным уникальным факторам.

Четко определенный срок полномочий президента также является негативным

¹Афанасьев М. Указ. соч. С. 49.

²Чешков М. А. Указ. соч.

³Гайдар Е. Т. Государство и эволюция. Как отделить собственность и повысить благосостояние россиян. СПб.: Норма, 1997. 224 с.

⁴Линц Х. Опасности президентства // Пределы власти. 1994. № 2/3. С. 4.

моментом для осуществления демократических реформ. Ситуация, когда страной управляет с одной стороны, непопулярный и недееспособный лидер, а с другой стороны, вполне на законных основаниях, способна серьезно пошатнуть веру в демократические институты власти. У этого пункта имеется еще одна негативная сторона: конституционное ограничение срока правления может подвигнуть некоторых президентов на попытку увеличения срока своего пребывания у власти. Президентская система правления «особенно неопределенным является положение лидеров оппозиции, которые вообще не могут занимать никакие государственные посты и не имеют даже того полуофициального статуса, каким обладают, скажем, лидеры оппозиции в Англии»¹. Президентские режимы не являются более стабильными по сравнению с парламентскими. Если принимать во внимание отставки и перестановки в правительстве, подотчетном президенту, то некоторые президентские системы, по крайней мере, так же нестабильны, как и парламентские, где правительство ответственно перед парламентом. Президентские режимы являются жесткими и негибкими структурами.

Возражая Линцу, Д. Горовиц указывает на то, что тот оперирует данными, почерпнутыми из латиноамериканского опыта, упуская неудачные попытки формирования демократических режимов в Африке и Азии на основе вестминстерской модели². Анализируя доводы Линца, Горовиц приходит к выводу, что президентская форма правления сама по себе не должна приводить к крушению демократических реформ. Очень многое, по его мнению, зависит от избирательной системы. Горовиц выступает против избирательной системы мажоритарного типа, приводя пример Нигерии, где президент избирался по принципу не менее 25 % голосов не менее чем в двух третях штатов. Это позволяло избрать такого кандидата, который бы более или менее устраивал различные политические силы, и тем самым учитывать мнение меньшинства. Таким образом, не только форма государственного правления, но и другие институциональные факторы (избирательная система, партийная система) должны быть приняты во внимание³. При определенных условиях президентская форма правления может стать единственной пригодной формой правления для установления демократии.

В России политологи, занимающиеся проблемой институционального дизайна, в принципе следуют за теоретическими наработками западных коллег. Так, например, В. Б. Кувалдин приводит следующие данные: «Между 1973 и 1989 годами в 77 из 186 государств хотя бы в течение одного года существовали демократические режимы. Если исключить из их числа 24 «старые» демократии, входящие в Организацию экономического сотрудничества и развития,

¹Там же. С. 15.

²Горовиц Д. Л. Различия демократий // Пределы власти. 1994. № 2/3. С. 25-34.

³Лейкман Э., Ламберт Дж. Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 366 с.

то остается 53 страны, из которых 28 были парламентскими республиками, 25 президентскими. На протяжении рассматриваемого периода (1973 – 1989 гг.) демократиями в течение десяти лет подряд оставались 17 из 28 парламентских республик (или 61 %) и только 5 из 25 – президентских (20 %). Другими словами, уровень «выживаемости» парламентских демократий был в 3 раза выше, чем в президентских»¹. Кувалдин отмечает тот факт, что институт президентства возник практически во всех странах бывшего социалистического блока, но имеет совершенно различное наполнение. «Постсоветские и постюгославские государства выбрали (пусть формально) полупрезидентские режимы, а страны Центральной Европы – парламентские системы, во многом похожие на немецкую... В то время как в Центральной Европе все попытки президентов увеличить свою власть жестко блокируются правительствами и парламентами, в бывших Советском Союзе и Югославии президенты уверенно подминают под себя своих оппонентов»². Вслед за западными политологами Кувалдин в целом отдает предпочтение парламентским системам и считает, что «формула президентства определяется политической зрелостью общества. Более или менее сформировавшееся гражданское общество, демократические традиции, относительно укорененная партийная структура порождают парламентские системы с избранием президента депутатским корпусом (Чехия, Венгрия, Словакия, Эстония, Латвия). Там, где социальные и политические институты неразвиты и слабы, вакуум заполняет сильная президентская власть, нередко с авторитарными тенденциями»³.

Другой российский политолог С. Моисеев считает, что гипертрофия института президентства в современной России достигла таких масштабов, что следует говорить о существовании в ней суперпрезидентской системы: «В суперпрезидентской системе, установленной в стране по Конституции Российской Федерации 1993 года, чрезвычайно сильная президентская власть сосуществует с относительно слабой парламентской. Между ними нет четкого разделения компетенций, поскольку президент имеет право издавать указы. Он же определяет состав правительства, в то время как парламент фактически лишен возможности контролировать деятельность кабинета»⁴. По мнению Моисеева, суперпрезидентские системы существуют в различных регионах: Латинской Америке, Восточной Европе и, конечно же, на постсоветском пространстве⁵. Суперпрезидентские

¹Кувалдин В. Б. Президентская и парламентская республики как формы демократического транзита (Российский и украинский опыт в мировом контексте) // Политические исследования. 1998. № 5. С. 136.

²Кувалдин В. Б. Указ. соч. С. 135.

³Там же. С. 134.

⁴Моисеев С. Испытание суперпрезидентской системой // Pro et Contra. 1998. № 3. С. 81.

⁵Моисеев С. Указ. соч. С. 81.

системы могут оказаться очень эффективными при проведении, прежде всего, экономических реформ¹. Однако для этого нужны несколько вспомогательных факторов: во-первых, энергичный и компетентный президент, во-вторых, ясный порядок перехода власти к следующему президенту, и, в-третьих, поддержка действий президента со стороны влиятельной общественно-политической партии или организации. В России, как считает Моисеев, эти факторы не срабатывают. Более того, «политические механизмы, созданные для решения краткосрочных задач экономической реформы, пришли в противоречие с долгосрочными целями перехода к демократии. Нынешней стадии реформ должны соответствовать новые, более совершенные политические институты»².

Изучение функционирования политических режимов, возникших на месте прежних авторитарных режимов, как уже было отмечено, является наиболее популярной темой транзитологических публикаций. Причины такого явления понятны: теоретический концепт политических режимов позволяет проводить оперативные комплексные научные исследования. Большое распространение получили различные характеристики новых политических режимов. Так, на пример, очень интересную концепцию поставторитарных политических режимов разработал известный американский политолог Ф. Шмиттер³. Он считает, что не все страны, в которых происходят демократические реформы, будут в результате иметь стабильные демократические режимы. Большинство из них находятся либо в промежуточном гибридном состоянии, сочетая в себе черты демократии и авторитаризма, либо по всем формальным признакам являются демократиями, но демократиями неконсолидированным, то есть такими, где демократия не является традицией.

Гибридные режимы, по мнению Ф. Шмиттера, существуют в двух видах: диктобланды (*dictablanda*) и демократуры (*democradura*). Диктобланды представляют собой режимы, где осуществляется либерализация без демократизации, то есть личности предоставляются некоторые основные права, но в то же время отсутствует политическая подотчетность политических властей перед гражданами. В таких режимах отсутствуют честные и состязательные выборы. «Для обозначения тех случаев, когда демократизация осуществляется без либерализации, то есть там, где выборы проводятся, но в условиях, гарантирующих победу правящей партии и исключая участие определенных социально-политических групп, или лишаящих избранных кандидатов возможности управлять» используется понятие

¹ Ачкасов В. А. Президент РФ и Государственная Дума: перспективы взаимоотношений // Правоведение. 1995. № 4. С. 67-71.

² Моисеев С. Указ. соч. С. 85.

³ Демократия: теория и практика. М.: Интерпракс, 1996. 208 с.

демократуры¹. Как считает Ф. Шмиттер, диктобланды и демократуры получили широкое распространение в странах Центральной Америки и Африки.

В странах Южной Америки, Восточной Европы и Азии распространились неконсолидированные демократии. Демократические процедуры в этих регионах существуют только потому, что отсутствует реальная альтернатива демократии. Однако демократия не воспринимается подавляющим большинством населения в качестве важной политической ценности. По мысли Ф. Шмиттера, наиболее красочным примером неконсолидированной демократии является Аргентина с ее периодическими возвращениями к диктатуре: «Практически каждый раз выборы проводятся по новым правилам, каждая партия опасается гегемонистских претензий своих оппонентов; симпатии избирателей резко меняются от партии к партии; конституционные правила не являются гарантией против вмешательства центрального правительства; исполнительная власть концентрируется в руках отдельных личностей, пользующихся ею произвольно; отдельные группы военных продолжают участвовать в постоянных заговорах против законно избранных должностных лиц»². Именно такие политические режимы возникли, как считает Ф. Шмиттер, в большинстве республик бывшего СССР.

Одной из наиболее любопытных теоретических концепций поставторитарных политических режимов стала концепция делегативной демократии, разработанная Г. О'Доннелом³. Концепция делегативной демократии разрабатывалась на основе опыта стран Латинской Америки. О'Доннел считает, делегативные демократии не являются закрепленными (то есть институциональными) демократиями, однако они могут быть устойчивыми»⁴. Формально они могут соответствовать основным требованиям, выдвигаемым к демократическим режимам: в них могут быть демократические конституции, проводиться демократические выборы, существовать свободная пресса и т. п. Однако приход к власти демократически избранного правительства при таком режиме не означает, что выборы будут повторяться, а демократические свободы соблюдаться.

Характеризуя делегативные демократические режимы, Г. О'Доннел указывает на то, что в них обычно роль первой скрипки играет президент. «Президент рассматривается как воплощение нации, главный хранитель и знаток ее интересов»⁵. Президент обладает огромными полномочиями. Поэтому выборы президента являются главным политическим событием в

¹ Демократия: теория и практика. М.: Интерпракс, 1996. С. 182.

² Там же.

³ О'Доннел Г. Делегативная демократия // Пределы власти. 1994. № 2/3. С. 52-69.

⁴ Там же. С. 54.

⁵ Там же. С. 57.

жизни страны, поскольку действует принцип «победитель получает все». Мажоритарный характер делегативной демократии выражается в том, что рядовым избирателям после выборов отводится крайне пассивная роль. Действует уже известная нам формулировка М. Вебера: «Демократия – это политическая система, где люди избирают себе вождя, который затем говорит: «Заткнитесь и слушайте меня!» Действительно, делегативные демократии более демократичны, чем либеральны. Второй яркой чертой делегативной демократии является ее техницизм. Для решения текущих экономических проблем президент привлекает так называемых специалистов или крепких хозяйственников. При этом президент и его команда предпочитают командный стиль управления с упором на бюрократические рычаги. Третьей чертой делегативной демократии является осознанное самодистанцирование президентом самого себя от различных политических сил, партий или групп давления. Этим он как бы показывает большинству населения, что он выражает исключительно интересы большинства, а не каких-то олигархических группировок. Наиболее же важной чертой подобных режимов является слабая институционализированность различных демократических институтов, таких как партии, парламент, суды, группы интересов, СМИ и т.п. «В условиях институционализированной демократии подотчетность реализуется не только по вертикали – перед избирателями, но и по горизонтали – в системе относительно автономных властей (других институтов)»¹.

Таким образом, делегативные демократии являются очень интересными политическими режимами. С одной стороны, они дают возможность осуществлять президентом очень энергичные политические и экономические реформы. С другой стороны, обычно нормальные демократические решения принимаются с максимальным учетом мнения различных сторон и тем самым более застрахованы от ошибок и саботажа. Кажущееся всемогущество президента на практике может обернуться полным провалом, когда пусть популярные решения президента могут войти в серьезные противоречия с интересами влиятельных групп давления. Нежелание президентов вести переговоры и создавать политическую коалицию для поддержки реформ является одной из основных причин торможения не только демократического, но и экономического развития. И это так. Как показывает опыт Латинской Америки, и в какой-то степени некоторых республик бывшего СССР, политика президентов-«спасателей отечества» в странах с такими режимами очень часто приводит к экономическим и политическим кризисам. Однако делегативные демократии демонстрируют удивительную устойчивость, которую О'Доннел связывает «преимущественно с международными факторами»².

¹О'Доннел Г. Указ. соч. С. 59.

²О'Доннел Г. Указ. соч. С. 66.

Известный политолог из Великобритании Р. Саква предложил использовать для анализа российской действительности концепцию режимной системы. Режимная система, прежде всего, указывает на гибридный и аморфный характер власти, сочетающей в себе авторитарный стиль правления, совмещенный с упрощенными демократическими процедурами и преобладанием неформальных отношений над правовыми. Анализируя трансформационные процессы в современной России он пишет: «Произошедшая в России революция была неполной: изменилась структура власти, трансформируются отношения собственности, но правящий класс в целом сохранил свои позиции, устранив лишь верхний эшелон старой политической системы»¹. При этом, Р. Саква отмечает неустойчивый характер режимной системы. По его мнению, такая ситуация не может продолжаться долго по самым принципиальным причинам, так как «сочетание авторитаризма и демократии неустойчиво по самой своей сути»².

Похожего подхода придерживается сотрудник Московского центра Карнеги Л. Шевцова. В своих многочисленных работах Шевцова развивает концепцию гибридного режима, существующего в современной России. Основной характеристикой гибридного режима является сочетание разнообразных, порой противоречивых тенденций и принципов – авторитаризма, демократизма и олигархических элементов³. Обладая такой характеристикой, режим имеет принципиальную возможность развиваться в самых разных направлениях. Свою приверженность именно режимному подходу при анализе современного политического развития России, Шевцова объясняет тем, что до сих пор в российской политике преобладают неформальные отношения: «...главное качество российской системы власти, которое объясняет наличие многих других, – это несовпадение между каркасом власти, его организационной структурой и внутренним содержанием, реальными механизмами, в которых решающую роль играют теневые отношения»⁴.

Другим известным российским политологом, придерживающимся режимного подхода, является А. П. Цыганков. Он рассматривает три модели режимных изменений, которые были выдвинуты для описания этих процессов. Первая модель рассматривает процессы демократизации как трехступенчатый процесс, в ходе каждого из этапов последовательно решаются определенные цели и задачи. Эта модель успешно применяется в практике стран Центральной Европы и Прибалтики⁵. Вторая модель описывает развитие трансформационных

¹Саква Р. Режимная система и гражданское общество в России // Политические исследования. 1997. № 1. С. 62.

²Там же. С. 81.

³Шевцова Л. Ф. Режим Бориса Ельцина. М.: РОССПЭН, 1999. С. 477.

⁴Там же. С. 509.

⁵Return to the Western World. Cultural and Political Perspectives on the Estonian Post-Communist Transition / Ed. by M.

процессов как укрепление авторитарных тенденций¹. Третья модель – это уже упомянутая нами модель делегативной демократии О’Доннела². Сравнительный анализ этих моделей и политической реальности современной России показывает, по мнению Цыганкова, что наиболее подходящей моделью является модель делегативной демократии. Вместе с тем Цыганков указывает на слабость этой модели, которая заключается в том, что в ней отсутствует анализ условий, «при которых делегативная демократия может: 1) стабилизироваться; 2) эволюционировать в авторитаризм; 3) эволюционировать в представительную демократию западного образца»³.

Результаты социологических исследований середины девяностых годов в России показали, что в российском обществе очень сильно распространены авторитарные ценности⁴. Большинство опрошенных граждан России указывали в качестве одной из самых желаемых ценностей «порядок» и «стабильность». Некоторые политологи даже считали возможным развитие событий по веймарскому варианту, когда желание правления «железной руки» может привести к возрождению тоталитарного режима, но уже с националистической окраской⁵. Особенно большие надежды россияне возлагали на появление нового лидера. По мнению Игоря Клямкина, основной вывод, который можно сделать после изучения социологических исследований, заключается в следующем: «Россия нуждается в сильном лидере и ждет его»⁶. С другой стороны, как показывают данные социологических опросов, российское общество все же не готово и не желает появления в стране диктаторского режима. Распространение авторитарных настроений, скорее всего, стало реакцией на провалы действующей «демократической» политической системы⁷. Устремления граждан России несколько противоречивы: желая появления авторитарного лидера, способного навести в стране порядок «железной рукой», они не хотят лишиться гражданских и политических свобод, доставшихся в ходе преобразований последнего десятилетия⁸. Кроме того, большим препятствием на пути

Lauristin & P. Vihalemm. Tartu: Tartu University Press. 1997. 386 p.

¹Гордон Л. А., Плискевич Н. М. Развилки и ловушки переходного времени // Политические исследования. 1994. № 4,5; Мельвиль А. Ю. Демократические транзиты: теоретико-методологические и прикладные аспекты. М.: МОНФ, 1999. 108 с.

²Kubichek P. Delegative Democracy in Russia and Ukraine // Communist and Post-Communist Studies. 1994. Vol. 27. No. 4. P. 423-241.

³Цыганков А. П. Между либеральной демократией и сползанием в авторитаризм: предварительные итоги политического развития России, 1991-1996 гг. // Социально-политический журнал. 1997. № 1. С. 35.

⁴Клямкин И., Лапкин В., Пантин В. Между авторитаризмом и демократией // Политические исследования. 1995. № 2. С. 57-87.

⁵Янов А. После Ельцина. «Веймарская Россия». М.: Крук, 1995. 320 с.

⁶Клямкин И. Какой авторитарный режим возможен сегодня в России? // Политические исследования. 1993. № 5. С. 54.

⁷Клямкин И., Лапкин В., Пантин В. Указ. соч.

⁸Pl'chenko M. Inertia in Russian Politics // Russian Politics and Law. 2012. Vol. 50. № 3. P. 70-81.

развития демократических институтов в России является слабое развитие субъектов гражданского общества¹.

В качестве заключительных замечаний данного параграфа можно сказать, что транзитологические исследования фактически стали основным предметом исследований на четвертом этапе развития сравнительной политологии. В таком положении вещей «виновны» не только факторы современной политической ситуации, связанные с проблемами нового международного порядка, но и традиция изучения трансформационных процессов в социально-политических науках. По сравнению с прежними исследованиями в основном революционных изменений на современном этапе большее распространение получили исследования эволюционных (реформаторских) изменений и трансформаций. Наиболее адекватными парадигмами изучения постсоветских трансформаций следует признать все-таки не системный анализ, поскольку он делает акцент, прежде всего, на факторах, обуславливающих стабильность политической стабильности, и не теорию рационального выбора, поскольку она начинает функционировать только в условиях рациональной и предсказуемой действительности. Вот как это положение формулирует один из основоположников теории рационального выбора Дж. Цебелис: «Если цели акторов теряют определенность, а правила взаимодействия становятся переменчивыми и неточными, то применять теорию рационального выбора становится труднее»². Очевидно, что постсоветская действительность является крайне нестабильной. В качестве примера трудностей в рациональной оценке политической практики девяностых годов можно привести ситуацию с прогнозированием результатов парламентских выборов 1993 года в России, когда ни один исследовательский центр не мог похвастаться прогнозами на уровне мировых социологических служб³. Возможно, именно поэтому наиболее популярной концепцией в транзитологических исследованиях стала концепция режимных изменений, позволяющая относительно свободно интерпретировать факты.

С точки зрения целей и задач данного исследования можно сделать вывод о слабой применимости таких магистральных методов современных исследований в области транзитологии, как неоинституционализм и теория рационального выбора, для понимания роли и значения современных политических коммуникаций в этих процессах. Также предпочтение отдается изучению роли элит и институциональному дизайну. Так, на пример в работе С. Н. Шкеля среди одиннадцати факторов (европейское влияние, старый режим, опыт

¹ Гражданское общество в России: структуры и сознание / Отв. ред. К. Г. Холодковский. М.: Наука, 1998. 254 с.; Гражданское общество: теория, история, современность / Отв. ред. З. Т. Голенкова. М.: ИС РАН, 1999. 165 с.

² Цебелис Дж. В защиту теории рационального выбора // Современная сравнительная политология: Хрестоматия / Науч. Ред. Г. В. Голосов, Л. А. Галкина. М., 1997. С. 66.

³ Шляпентох В. Э. Предвыборные опросы 1993 г. в России (Критический анализ) // Социологические исследования. 1995. №№ 9, 10.

государственности, досоветская грамотность, влияние национализма, этнические расколы, субэтнические и региональные расколы, влияние оппозиционных религиозных течений, уровень благосостояния, уровень урбанизации, наличие сырьевых ресурсов), оказавших влияние на посткоммунистическую траекторию развития республик бывшего СССР, СМИ и состояние общественного мнения не упоминается вообще¹. Очевидно, что политика Гласности сыграла не последнюю роль в распаде Советского Союза и последовавших за этим общественно-политических трансформаций.

Более того, на наш взгляд, в условиях информационного общества, развитие современных информационно-коммуникационных технологий (Интернет) и всесторонней медиатизации политических процессов подобный подход нуждается в новом теоретическом осмыслении. Современные политические режимы повышают свою легитимность преимущественно через СМИ. Это касается как устоявшихся политических режимов, так и политических режимов в процессе трансформации. Тема легитимации гибридных политических при помощи СМИ и изоциренных PR-технологий на постсоветском пространстве затронута в некоторых работах². Некоторые авторы указывают на то, что СМИ и политические кампании зачастую являются источником легитимации новых авторитарных режимов, предоставляя одну из возможных стратегий их выживания. В частности, Дж. Герчевски выделяет три таких стратегии: кооптации, репрессии и легитимации, каждая из которых имеет свои плюсы и минусы (см. табл. 3)³. При этом, технологии легитимации авторитарных режимов почему-то находятся на периферии исследовательских интересов специалистов по режимным трансформациям⁴. Возможно, это обстоятельство связано с тем, что политологи, специализирующиеся на изучении процессов политических трансформаций, чаще всего находятся под влиянием научной школы неонституционализма, теории игр и теории рационального выбора. Так или иначе, очевидно, что в специальной литературе по трансформационным процессам на постсоветском пространстве присутствует большой пробел в области влияния СМИ и особенно сетевых каналов политической коммуникации на режимные изменения⁵.

¹Шкель С. Н. Постсоветский авторитаризм в сравнительной перспективе. Уфа: Гилем, 2013. С. 111.

²Finkel E., Brudny Y. M. No more colour! Authoritarian regimes and colour revolutions in Eurasia // *Democratization*. 2012. Vol. 19. № 1. P. 1-14; Koesel K. J., Bunce V. J. Diffusion-proofing: Russian and Chinese Responses to Waves of Popular Mobilizations against Authoritarian Rulers // *Perspectives on Politics*. 2013. Vol. 11. № 3. P. 753-768; McNair B. Power, profit, corruption, and lies: The Russian media in the 1990s // *De-Westernizing Media Studies* / Ed. by James Curran, Myung-Jin Park. L.: Routledge, 2000. P. 79-94.

³Gerschewski J. The three pillars of stability: legitimation, repression, and cooptation in autocratic regimes // *Democratization*. 2013. Vol. 20. № 1. P. 13-38.

⁴Шкель С. Н. Указ.соч. С. 134.

⁵Wilson A. *Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World*. New Haven and London: Yale University Press, 2005.

Табл. 3. Функции трех стратегий авторитарного управления по отношению к основным политическим акторам¹

Актеры	Инсайдеры	Аутсайдеры	Электорат
Кооптация	Формирование лояльности и сохранение элитной фрагментации	Раскол и маргинализация оппозиции	Реализация обратной связи через мониторинг требований, идей и кадров
Репрессии	Повышение цены нелояльности и сохранение элитной фрагментации	Повышение цены нелояльности и сохранение элитной фрагментации	Повышение цены политической мобилизации
Легитимация	Сохранение лояльности на основе идеи безальтернативности	Сохранение лояльности на основе идеи безальтернативности	Формирование социальной базы поддержки на основе пропаганды

Вероятно, для оценки влияния сетевой политической коммуникации на политические изменения следует начать с описания и анализа тех явлений в современной политической жизни, которые считаются бесспорными проявлениями этого влияния. В первую очередь речь идет об изменениях некоторых традиционных политических институтов (выборы, голосование, референдумы, избирательные и политические кампании, электронное правительство, политические идеологии и т. п.). Таким образом можно будет получить ответ на вопрос о границах и степени влияния сетевой политической коммуникации в современных политических изменениях, чтобы потом уже можно было попытаться выяснить, какие реальные эффекты сетевые технологии производят в России и других странах постсоветского пространства. В следующем параграфе мы постараемся проанализировать результаты внедрения интернет-технологий в структуру государственных институтов. Чаще всего это называется институтами электронного государства. В последующих параграфах мы остановимся на анализе влияния сетевых технологий на политические идеологии и политические партии, организацию и проведение предвыборных кампаний, проблему управления интернет-коммуникациями.

2.2. Сетевая политическая коммуникация, демократические институты и электронное государство в современном мире

С самого начала появления Интернета в научной литературе широко дискутировалась проблема влияния новейших электронных СМИ на процессы политических трансформаций. Сторонники точки зрения о демократизирующем влиянии сетевой

¹Шкель С. Н. Указ.соч. С. 129.

политической коммуникации сформировали концепции электронной демократии¹. Одним из самых известных сторонников этой идеи считается И. Масуда, который сформулировал идею о формировании демократии участия на основе информационных технологий и этике совместного использования информации. Согласно И. Масуде, массовое производство информации и знаний усиливает роль регулятивной деятельности людей, в ходе которой устанавливаются и контролируются необходимые в общественном развитии социальные связи, соединяющие воедино людей, вещи и символические объекты. При этом возрастает значение как коммуникационной деятельности, так и социального управления. Если в индустриальном обществе наиболее прогрессивной формой правления была представительная демократия, то в информационном – демократия участия (*participatory democracy*). Как пишет И. Масуда: «Это будет политика участия граждан, политика, при которой управление будет осуществляться самими гражданами»². Ему удалось выделить шесть базисных принципов демократии участия в информационном обществе:

1. Все граждане, или, по крайней мере, как можно большее их число, должны участвовать в процессах принятия решений.
2. Синергия (добровольное участие в решении общих проблем) и взаимопомощь (готовность жертвовать своими интересами) как основа выработки политических решений.
3. Доступность широким массам населения всей необходимой информации для обоснованного принятия политических решений.
4. Полученная выгода и доходы должны распределяться между всеми гражданами.
5. Решение политических вопросов следует искать путем убеждения и достижения общего согласия.
6. Принятое решение должно реализовываться путем совместных действий, сотрудничества всех граждан³.

Таким образом, сформируется гражданское общество нового типа, в котором радикально трансформируется право человека на личную тайну. По мнению И. Масуды, в недалеком будущем станет возможной ситуация, когда «файлы с персональными данными

¹ Белинис Л. Электронная демократия: политика в условиях глобальной коммуникации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Том. VI. № 4. С. 67-82; Бондаренко С. В. Социальные мифы «электронной демократии» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Том. VII. № 4. С. 209-212; Быков И. А. «Электронная демократия» vs «электронное правительство»: концептуальное противостояние? // Политэкс. 2005. № 3. С. 69-79; Демпси Дж. Электронное правительство и его выгоды для широких масс // Государственное управление в переходных экономиках. Зима. 2003. С. 24-27; Нисневич Ю. А. Информатизация и власть. М.: Мысль, 2000. 175 с.; Abramson J. B., Arterton F. C., Orren G. R. *The Electronic Commonwealth: The Impact of New Media Technologies on Democratic Politics*. N.Y.: Basic Books, 1988. 331 p.; Hong H. *Government Websites and Social Media's Influence on Government-Public Relationships* // *Public Relations Review*. 2013. № 39. P. 346-356.

²Masuda I. *The Information Society as Post-Industrial Society*. Washington: Transaction Publishers, 1983. P. 10.

³Воронина Т. П. Информационное общество: сущность, черты, проблемы. М.: ЦАГИ, 1995. С. 72.

окажутся открытыми в максимально возможной степени; это позволит всем людям совместно использовать персональные файлы друг друга»¹. Отметим, что, не смотря на общую утопичность его концепции, положение о праве свободного доступа граждан к государственной информации в современных развитых демократиях получило повсеместное распространение и закреплено в законодательстве.

Современные концепции электронной демократии можно разбить на два больших направления – прямой демократии и коммунитарной демократии². Представители первого направления в целом следуют курсом, намеченным И. Масудой, развивая идеи прямой демократии. Так, например, по мнению Л. Гроссмана, внедрение новых информационных технологий способно привести к формированию третьей, после античной и представительской, великой эпохи демократии. Согласно наблюдениям Л. Гроссмана, «наибольшие потери в сегодняшнем процессе реструктуризации и возрождения общественного влияния несут традиционные институты, служившие основными посредниками между государством и его гражданами, - политические партии, профсоюзы, гражданские ассоциации, и даже традиционные СМИ»³. Таким образом, по мнению Л. Гроссмана высокую вероятность реализации приобретает утраченный идеал античной демократии, когда все граждане Полиса принимали постоянное участие в политике.

По мнению Б. Барбера демократия участия, которая придет при помощи новых информационных технологий на смену представительной, отменит представительство политических профессионалов, а также правление экспертов и бюрократов⁴. В новаторской работе Э. Коррадо и Ч. Фаерстона рассматриваются проблемы использования компьютерных сетей в качестве интерфейса для проведения выборов и референдумов. По мнению этих авторов, Интернет способен обеспечить прямое общение граждан и государства, хотя это и сопряжено с определенными проблемами технического свойства и обеспечения безопасности⁵. Отметим, что в Эстонии граждане, начиная с 2005 года, имеют полное право голосовать через Интернет на выборах.

Среди представителей коммунитарного подхода концепции электронной демократии следует назвать имена А. Этциони и Х. Рейнгольда. По мнению представителей данного подхода, Интернет стал удобным местом встреч для различных групп по интересам,

¹Masuda. Ibid. P. 95.

²Турунок С. Г. Интернет и политический процесс // Новое литературное обозрение. 2001. № 2. С. 51-63.

³Grossman L. The Electronic Republic: Reshaping Democracy in the Information Age. L.: Penguin Books, 1995. P. 16.

⁴Barber B. Strong Democracy: Participatory Politics for a New Age. San Francisco: University of California Press, 2003. 320 p.

⁵Corrado A., Firestone C. Elections in Cyberspace: Towards a New Era in American Politics. Washington: The Aspen Institute, 1996. 176 p.

профессиональных сообществ, потребительских ассоциаций и т.п. Интернет-сообщества возникают вокруг определенных электронных ресурсов и эксплуатируют естественное стремление людей к общению с единомышленниками. Отличительными особенностями интернет-сообществ считаются:

- регулярная посещаемость достаточно стабильными аудиториями сетевого ресурса, вокруг которого создается сообщество;
- наличие обратной связи благодаря интерактивным возможностям ресурса;
- создание собственной субкультуры, со всеми обязательными атрибутами: иерархией, этическими и поведенческими нормами, ролевыми играми, совместным участием в online/offline мероприятиях¹.

А. Этциони разработал концепцию теледемократии, согласно которой будущее современной демократии опирается на развитие дистанционных средств массовой коммуникации. При этом он настаивал на том, что основа будущего демократического устройства должна находиться не в руках профессиональных политиков, а в руках общин². Сетевые общества в отличие от традиционных иерархических властных отношений построены на иных принципах политического управления. Им присущи следующие характеристики:

- Независимость членов сети;
- Множественность лидеров;
- Добровольность связей;
- Объединяющая цель;
- Множественность уровней взаимодействия³.

Х. Рейнгольд, другой ведущий популяризатор темы Интернета и политики, называет Сеть «великим уравниателем», способным «выровнять баланс власти между гражданами и политическими баронами»⁴. В наиболее экстремальной форме сторонники концепции «электронной демократии» рисуют картины самоуправления граждан посредством электронных опросов общественного мнения, без всякого участия профессиональных политических коммуникаторов, представителей, посредников и т. п. При этом, по мысли сторонников электронной демократии, Интернет оказывает активизирующее влияние на развитие публичной сферы, делая политическую информацию доступной каждому гражданину.

Аргументы сторонников электронной демократии достаточно очевидны. Однако они,

¹Герасимюк Т. Виртуальные «виртуальные PR»: три сферы взаимодействия с интернет-аудиторией (сетевые сообщества, персональные коммуникации, online СМК) // Советник. 2001. № 2. С. 27.

²Etzioni A. The Spirit of Community: Rights, Responsibilities and the Communitarian Agenda. N.Y., 1993. 323 p.

³Семенов И. Воля к идентичности: сопротивление и информационные технологии // Интернет и российское общество / Под ред. И. Семенова; Моск. Центр Карнеги. М.: Гендальф, 2002. С. 48-69.

⁴Цит. по: Туронок. Указ. соч. С. 56.

на наш взгляд, не выдерживают никакой критики. Гипотеза о том, что Интернет сам по себе способен вызвать демократизацию авторитарных режимах, не нашел подтверждения на практике. Как пишут некоторые исследователи, «авторитарные государства сталкиваются с большими трудностями, пытаясь контролировать доступ своих граждан к всемирной сети»¹. Однако, например, Китай достаточно успешно справляется с демократизирующим влиянием Интернета как при помощи административных, так и при помощи технических средств².

Более того, концепция электронной демократии не нашла подтверждения в практике демократических режимов. И, прежде всего, потому, что в демократических государствах существует широкая сеть общественных посредников, не заинтересованных в уменьшении своего влияния. Это политические партии, общественные организации, средства массовой информации и другие структуры гражданского общества. Все они, как показывает практика, не только не потеряли своего значения в новых условиях, но наоборот, с большим размахом используют Интернет и другие сетевые технологии не только во время выборов, как в периоды наиболее интенсивной политической коммуникации, но и в своей повседневной деятельности. Таким образом, тезис сторонников электронной демократии об уменьшении роли общественно-политических организаций гражданского общества не подтвердился на практике.

По мнению Р. Девиса, вполне вероятно, что «традиционные группы интересов смогут остаться основными игроками политической жизни и в интернетовскую эпоху»³. Вместо отмирания политических посредников, прогнозируемого радикальными сторонниками концепции электронной демократии, группы интересов весьма быстро приобщили своих последователей к электронным коммуникациям. Значение политических посредников в условиях колоссального роста количества политической информации не может падать, поскольку именно они становятся авторитетными экспертами, на мнение которых полагаются широкие круги общественности⁴.

Примерно такой же точки зрения придерживается немецкий политолог О. Яррен, считающий, что сообщества, возникающие на чисто виртуальной основе, не являются прочным основанием для социального взаимодействия. Информация – это не только данные, но и их анализ, который воспринимается разными людьми по-разному и к тому же сильно зависит от

¹ Обзор журнала «Интернационале политик» // Актуальные проблемы Европы. Средства массовой информации и демократия в современном мире: Сб. статей и рефератов. М.: РАН ИНИОН, 2002. С. 159.

² Chase M. S., Mulvenon J. C. You've Got Dissent! Chinese Dissident Use of the Internet and Beijing's Counter-Strategies. Santa Monica: RAND, 2002. 130 p.

³ Девис Р. Сеть политики: влияние Интернета на американскую политическую систему // Актуальные проблемы Европы. Средства массовой информации и демократия в современном мире: Сб. статей и рефератов. М.: РАН ИНИОН, 2002. С. 132-144.

⁴ Там же. С. 138.

социального контекста. Таким образом, «процесс получения информации одновременно и индивидуален, и социален... Люди, общаясь, хотят создать, реально или символически, сообщество и стремятся к взаимопониманию. По этой причине им приходится ограничивать свои стремления к индивидуализации...»¹ Интернет-коммуникации, по О. Яррену, способны поддерживать эффективное общение в реальных организациях, но переход виртуального сообщества в реальное затруднен. Новейшие исследования показывают, что уровень перехода из онлайн сообщества в офлайн встречи обычно не превышает 10 %. Таким образом, основания для создания коммунитарных демократий на основе интернет-сообществ оказываются достаточно шаткими.

Идея «электронной демократии», как формы прямой демократии на основе новых информационных технологий, подверглась достаточно аргументированной критике и с позиций институционализма. Так, по мнению американского профессора Р. Склова, поскольку любые технологии являются такими же социальными структурами, как и социальные институты, постольку необходимо учитывать их влияние на демократическую форму политической системы. Основой демократии являются локальные общины, в которых имеется дискуссия по общественно значимым вопросам. Р. Склов считает, что «виртуальная реальность не способна вытеснить локальные общины в качестве основы демократии. Интернет скорее способствует глобальным общественным организациям»². Национальные государства постепенно теряют суверенитет в пользу наднациональных образований.

В этой проблеме сходятся две противоположные тенденции: «с одной стороны, переплетение современных обществ, связанное с глобализацией, подрывает механизмы демократического контроля национального государства. С другой стороны, новые технологии электронной коммуникации открывают индивидам и группам столь широкий доступ к информации, что это все больше и больше осложняет дальнейшее существование авторитарных политических режимов»³. Адекватным выходом из этой ситуации, на наш взгляд, является глобальная кооперация национальных государств на демократической основе. Таким образом, «новое государство информационной эпохи являет собой новый тип сетевого государства, основанного на сети политических институтов и органов принятия решений национального, регионального, местного и локального уровней, неизбежное взаимодействие которых трансформирует принятие решений в бесконечные переговоры между ними»⁴.

¹ Яррен О. Интернет – новые шансы для политической коммуникации? // Актуальные проблемы Европы. Средства массовой информации и демократия в современном мире: Сб. статей и рефератов. М.: РАН ИНИОН, 2002. С. 129.

² Sclove R. E. Democracy and Technology. N.Y.: The Guilford Press, 1995. 338 p.

³ Вершинин М. С. Политическая коммуникация в информационном обществе. М.: Издательство Михайлова, 2001. С. 82.

⁴ Капель М., Киселева Э. Россия и сетевое общество // Мир России. 2000. № 1. С. 25.

Итак, демократия участия требует активной политической позиции от подавляющего большинства граждан, что на самом деле противоречит основной тенденции современности, а именно – падению политической активности граждан. Легкость получения политической информации и выражения своего мнения при помощи новых информационных технологий парадоксальным образом не только не стимулирует граждан к активной политической жизни, но, в некотором смысле, скорее наоборот – отпугивает их. Политическое и политологическое сообщества демократических стран уже давно отметило данную тенденцию, приводящую к размыванию формальной легитимности демократических режимов. Так, например, как можно считать политическую систему Соединенных Штатов демократической, если на протяжении уже нескольких десятилетий в выборах участвует меньше половины граждан?¹

Отмеченный нами парадокс, заключающийся в тенденции одновременного увеличения информационно-коммуникативных возможностей общества и падением интереса к политике, стал отправной точкой для начала размышлений современного американского политолога В. Ноймана². С одной стороны, современные средства массовой коммуникации предоставляют гражданам невиданные прежде возможности получения политической информации. С другой стороны, в период с 1959 по 1979 гг. недоверие американцев к политике выросло с 20 % до 70 %³. В то же самое время «уровень участия граждан в выборах за послевоенный период упал до 38 % в 1986 г.»⁴ Таким образом, если считать процент фактически голосующих избирателей критерием демократизма политической системы, то, современную американскую политическую систему едва ли можно считать демократичной. Согласно выводам В. Ноймана, улучшение информированности граждан не приводит к автоматическому росту политического участия, а основная причина падения интереса к политике и общего ее негативного восприятия кроется в стиле современной журналистики, которая в первую очередь раскрывает негативные стороны политики и политической деятельности⁵.

Американские ученые К. Хилл и Дж. Хьюз отмечают, что «...Интернет не меняет людей, он просто позволяет им делать то же самое по-другому... Вопреки утопическим представлениям, Интернет, вряд ли превратит незаинтересованных, неинформированных,

¹Janda K., Berry J., Goldman J. The Challenge of Democracy: Government in America. Boston: Houghton Mifflin Company, 1989. P. 179.

²Neuman W. R. The Paradox of Mass Politics: Knowledge and Opinion in the American Electorate. Cambridge: Harvard University Press, 1986. 241 p.

³Ibid., p. 144.

⁴Васильева Н. А. Философские аспекты мировой политики: В 2-х частях. Часть 1: Политико-философский анализ информационных новаций современного цивилизованного развития. СПб.: Издательство С.-Петербур. ун-та, 2003. С. 73.

⁵Media Power, Professional and Policies / Ed. by H. Tumber. L.: Routledge, 2000. 356 p.; Media Scandals: Morality and Desire in the Popular Culture Marketplace / Ed. by J. Lull, S. Hinerman. N.Y.: Columbia University Press, 1997. 259 p.

безразличных граждан в заинтересованных, информированных и активных киберграждан...»¹. Более того, согласно их мнению, развитие информационных технологий может способствовать росту политической пассивности, поскольку коммерциализация сетевых СМИ приводит к превалированию развлекательных ресурсов. Желание развлекаться, а не учиться и работать.

Об этом же пишет другой классик американской политической науки Р. Даль: «...в развитых странах социальная и техническая основа коммуникаций претерпела радикальные и небывалые изменения: появились телефон, радио, телевидение (в том числе и интерактивное), факс, Интернет, опросы общественного мнения, проводимые сразу же после того или иного события, фокус-группы и т.п. В связи с относительной дешевизной средств коммуникации информация (причем любого уровня сложности), имеющая отношение к политическим вопросам, стала не просто доступна, но и многократно увеличилась в объеме. Впрочем, этот резко выросший объем информации не обязательно должен привести к большей компетентности или к лучшему, более глубокому осмыслению происходящих событий: масштаб, сложность, огромное количество информации – все это предъявляет еще большие требования к способностям среднего гражданина»².

Кроме того, очевидно, что внедрение новых интернет-технологий в первую очередь выгодно коммерческим структурам, получающим заказы на техническую модернизацию работы государственных органов. Так, например, Б. Гейтс в своих книгах не жалеет красок для показа преимуществ новых технологий³. В информационном обществе возникает насущная потребность в электронных правительствах, способных справиться с глобальными экономическими проблемами. Таким образом, нельзя не учитывать тот факт, что задача создания электронного правительства поставлена не столько «простыми гражданами», сколько «бизнес сообществом». При этом условия информационного общества требуют не просто автоматизации существующих процессов государственного управления, но их перестройки на основе интересов конкретных граждан, групп интересов и общества в целом. Проекты прямой электронной демократии на данный момент не имеют серьезной поддержки и со стороны бизнес сообщества.

Британский ученый Дж. Стрит приходит почти к тем же выводам. Согласно его мнению демократия не сводится к простому подсчету голосов на основе применения более изощренной технологии голосования. Электронная демократия не соответствует

¹Hill K. A., Hughes J. E. Cyberpolitics: Citizen Activism in the Age of the Internet. Oxford, UK: Rowman and Littlefield Publishers Inc., 1998. 157 p.

²Даль Р. Демократия и ее критики. М.: РОССПЭН, 2003. С. 178-179.

³Гейтс Б. Бизнес со скоростью мысли. М.: Эксмо, 2007. 447 с.; Гейтс Б. Дорога в будущее. М.: Русская редакция, 1996. 295 с.

демократическому идеалу, поскольку уравнивает политическое участие с пассивной покупкой товаров при помощи телевизионного или онлайн магазина. Вместо активного участия в политических движениях и коллективного обсуждения политических проблем, граждане «электронной демократии» замыкаются в частном мирке политических представлений, формируемых электронными средствами массовой информации¹. Именно поэтому мы считаем, что на данный момент термин «электронная демократия» не является в достаточной степени проработанным, чтобы использовать его наряду с таким термином, как либеральная демократия. Более предпочтительным является термин электронное правительство.

Собственно, идея использования телекоммуникационных средств в целях государственного управления имеет долгую историю. Так, например, в 70-х гг. в США в штате Огайо, округ Колумбус, был проведен эксперимент, суть которого состояла в том, что во всех домах была установлена интерактивная телематическая система. «В результате возникло «электронное общегородское собрание», где граждане могли наблюдать (и при желании активно обсуждать, а также выражать свое мнение через мгновенное кнопочное голосование) заседание плановой комиссии местной администрации»².

Попытки создания подобных систем на основе различных телекоммуникационных средств регулярно предпринимались в промышленно развитых странах. Однако, именно Интернет оказался наиболее удобным и, что немаловажно, дешевым средством, при помощи которого идеи электронного правительства перешли из области умозрительных концепций и пилотных проектов в область широкомасштабной реализации. Эта идея оказалась чрезвычайно популярной не только в среде интеллектуалов, но и в широких массах демократической общественности. Кроме того, некоторые страны с авторитарными политическими режимами также предприняли действия в этом направлении. Начиная с середины 90-х годов, государства многих стран мира озабочены разработкой и реализацией многочисленных программ по созданию и развитию электронных правительств³.

В основе идеи электронного правительства находится представление о государстве как институте, призванном эффективно удовлетворять насущные потребности общества⁴. Интернет, по мнению большинства ученых, позволяет радикально повысить эффективность

¹Street J. Remote Control? Politics, Technology and "Electronic Democracy" // European Journal of Communication. 1997. Vol. 12 (1). P. 27-42.

²Василенко В. И., Василенко Л. А. Интернет в системе государственной службы. М.: РАГС, 1998. С. 73.

³Дрожжинов В., Штрик А. Электронное правительство информационного общества // PCWeek, 2000, № 15; Кристальный Б.В., Травкин Ю.В. Электронное правительство. Опыт США. М.: Эко-Трендз, 2003; Совершенствование государственного управления на основе его реорганизации и информатизации. Мировой опыт. / Под ред. В.И. Дрожжинова. М.: Эко-Трендз, 2002.

⁴Сморгунов Л. В. Сетевой подход к политике и управлению // Полис. 2001. № 3; Street J. Remote Control? Politics, Technology and «Electronic Democracy» // European Journal of Communication. 1997. Vol. 12 (1). P. 27-42.

государственной машины, как в скорости обслуживания, так и в ее цене. По мнению В. И. Дрожжинова, «суть электронного правительства состоит в использовании виртуального пространства для совершенствования моделей оказания услуг и повышения эффективности функционирования органов власти и государственных учреждений»¹. Среди основных причин неэффективности государственных органов власти наиболее часто встречаются следующие:

- Рост совокупной занятости и расходов на заработную плату в государственном секторе.
- Неэффективность денежных стимулов, слабая мотивация труда госслужащих.
- Протекционизм (патронаж).
- Коррупция и низкий уровень общественного доверия к госчиновникам.
- Неспособность госаппарата реагировать на изменения в обществе приоритетов.
- Операционная неэффективность госаппарата и низкое качество государственных услуг.
- Нехватка квалифицированного персонала в регионах с ограниченными человеческими ресурсами.²

Применение информационных технологий в государственном управлении проходит, согласно данным Отделения государственной экономики и управления ООН и Американского общества государственного управления, пять этапов.

1. Начальное присутствие. Этот этап связан с выходом правительственных агентств в электронные сетевые структуры. На этом этапе правительства имеют один или несколько сайтов, которые выполняют информационную роль. Эти сайты информируют граждан о составе правительства, его министрах, агентствах, чиновниках и т.д. Размещается также информация о телефонах, адресах, часах приема и т.д. На сайтах можно обнаружить и «обратную связь» в виде информирования о наиболее часто задаваемых вопросах.

2. Расширенное присутствие. На этом этапе пользователям удастся получать специализированную и постоянно обновляемую информацию через множество правительственных сайтов. Здесь есть возможность получать правительственные публикации, юридические документы, новостную информацию. Число правительственных агентств в сети увеличивается, и возможна связь с каждым из них. Появляются информация об электронных адресах, поисковые системы, возможность послать комментарий или совет.

¹Совершенствование государственного управления на основе его реорганизации и информатизации. Мировой опыт / Под ред. В.И. Дрожжинова. М.: Эко-Трендз, 2002.

²Дрожжинов В. И. Электронные правительства: причины возникновения и состояние развитости в странах мира // Технологии информационного общества - Интернет и современное общество: труды V Всероссийской объединенной конференции. СПб., 25-29 ноября 2002 г. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002. С. 278-283.

3. Интерактивное взаимодействие. Этап характеризуется интенсификацией возможности взаимодействия между гражданами и правительственными структурами, поставляющими услуги населению. Национальный правительственный вэб-сайт часто действует в виде портала, прямо связывающего пользователя с министрами, департаментами и агентствами. Взаимодействие между гражданами и провайдерами услуг позволяет пользователям сети напрямую иметь доступ к информации, соответствующей их конкретным потребностям и интересам. Пользователь может получать специализированные данные, загружать различные формы и бланки или подписывать их через сеть, назначать встречи с чиновниками, участвовать в электронных собраниях. Здесь появляются сайты безопасности и пароли для пользователей.

4. Проведение транзакций. Данный этап включает возможности для пользователя получать через сеть документы и осуществлять сделки. Граждане могут получать визы, паспорта, свидетельства о рождении и смерти, лицензии, разрешения и другие транзакционные услуги. Правительственный вэб-сайт является порталом, содержащим прямой доступ граждан к правительственным подразделениям и услугам. Подобные порталы скорее ориентированы на нужды и приоритеты граждан, чем на правительственные функции и структуры. Граждане могут также платить налоги и осуществлять другие платы через сеть (за парковку, регистрацию автомобилей и т.д.). В это время начинает признаваться электронная подпись.

5. Бесшовное взаимодействие. Этап выделяется тем, что позволяет правительству осуществлять все услуги и связи через правительственный портал, а пользователю сети позволяет немедленно получать любую услугу. Отмечается, что здесь границы между правительственными подразделениями очень подвижны, что позволяет говорить о новом качестве правительства и организации его деятельности и функционирования чиновничества, подобно «виртуальному государству» и соответствующей «виртуальной бюрократии», «бюрократии системного уровня»¹.

Однако на практике внедрение интернет-технологий в работу политико-административных институтов столкнулось с значительными трудностями. Один из самых авторитетных мировых специалистов по эмпирическому исследованию развития электронного правительства Даррелл Вест опубликовал большое количество исследований, среди которых есть книга «Цифровое правительство: технология и развитие общественного сектора», завоевавшая премию им. Дона К. Прайса Американской ассоциации политической науки². По

¹Совершенствование государственного управления на основе его реорганизации и информатизации. Мировой опыт / Под ред. В. И. Дрожжинова. М.: Эко-Трендз, 2002.

²См.: Miller E. A., West D. M. Where's the Revolution? Digital Technology and Health Care in the Internet Age // Journal of Health Politics, Policy and Law, Vol. 34, No. 3, April 2009, p. 261-264; West D. M. Digital Government: Technology

мнению Б. Крюгера, данная книга внесла основной вклад в научное поле¹. Свою методологию Д. Вест строит, опираясь на общую модель технологических изменений в комбинации с этапами развития электронного государства. По его мнению, любое внедрение технических инноваций переживает три стадии: стадию постепенного развития, стадию постоянного практического использования и, наконец, стадию трансформационных изменений, носящих необратимый характер. В свою очередь внедрение электронного правительства переживает четыре стадии: доску объявлений, частичного оказания услуг, порталную стадию с полным набором государственных услуг, и, наконец, стадию электронной демократии, которая выражается не только в оказании услуг гражданам, но и системе полной прозрачности и ответственности государственных органов перед гражданами. Д. Вест отмечает, что электронная демократия совпадает со стадией трансформационных изменений, которые ещё не наступили².

В методологии Д. Веста очень важную роль играет анализ политико-бюрократического контекста. Так, с одной стороны, политические лидеры чаще всего заинтересованы в развитие электронных технологий государственного управления, как в демократических, так и в авторитарных режимах, поскольку существует весьма распространённое мнение о том, что таким образом можно добиться повышения эффективности управления и усиления контроля над бюрократическим аппаратом. В то же самое время бюрократические структуры более негативно относятся к попыткам внедрения информационных технологий, так как это мешает устоявшейся системе работы и снижает значение бюрократов, низводя их до статуса приложений к компьютерам. С другой стороны, бюрократы в США более положительно относятся к внедрению ИКТ, чем обычные граждане³. Оценка отношения политиков и бюрократов к электронному правительству изучалась Д. Вестом при помощи опросов. Кроме того, он исследовал различные факторы, которые могут повлиять на развитие электронного правительства в США и выяснил, что одним из важнейших является политическое противостояние в органах законодательной ветви власти, поскольку именно они определяют бюджет. Если существует сильное противостояние, то соответственно резкое

and Public Sector Performance. Princeton: Princeton University Press, 2005; West D. M. E-Government and the Transformation of Service Delivery and Citizen Attitudes // *Public Administration Review*, Vol. 64, № 1, pp. 15-27; West D.M. State and Federal Electronic Government in the United States, 2008 [Электронный ресурс] // The Brookings Institution. 2008. August 26. Режим доступа: www.brookings.edu/reports/2008/0826_egovernment_west.aspxwww.brookings.edu/reports/2008/0826_egovernment_west.aspxwww.brookings.edu/reports/2008/0826_egovernment_west.aspxwww.brookings.edu/reports/2008/0826_egovernment_west.aspx (дата обращения: 17.08.2012) ; West D. M., Miller E. A. Digital Medicine: Health Care in the Internet Era. Washington: The Brookings Institution, 2009.

¹Krueger B. S. Digital Government: Technology and Public Sector Performance (Book review) // *Journal of Politics*. 2007. Vol. 69. № 1. P. 276.

²West D. M. Digital Government: Technology and Public Sector Performance. Princeton: Princeton University Press, 2005

³Ibid. P. 28.

повышение затрат на электронное правительство ждать не приходится¹.

Наиболее важная часть методологии Д. Веста – это контент-анализ веб-сайтов органов государственной власти. Так, например, для анализа электронного государства в США он исследовал более 17 тысяч сайтов всех ветвей и уровней власти². Приверженность этому методу вызвана тем, что только таким образом можно дать объективную картинку состояния электронного правительства в стране или регионе. Руководствуясь моделью внедрения электронного правительства, Д. Вест анализирует государственные сайты по более чем 20 критериям³, среди которых есть весьма необычные для российских проектировщиков и пользователей, как например, лёгкость чтения и специальный интерфейс для людей с ограниченными возможностями. Выводы, которые делает Д. Вест по отношению к степени развития электронного государства США достаточно неутешительны: они находятся на стадии постепенного внедрения технологий или частичного оказания услуг. Что касается степени развития различных ветвей власти, то тут в наиболее выигрышном положении оказались органы исполнительной власти, затем законодатели и хуже всего дело обстоит с судебными органами.

Попытка выявить наиболее значимые факторы, влияющие на уровень развития электронного правительства на региональном уровне, выявили довольно интересные закономерности. Так, например, если основным фактором развития электронного правительства в виде уровня доходов на душу населения в каждом штате был основополагающим, то разница между штатами с практически идентичным уровнем благосостояния различалась благодаря факторам политического конфликта, организационной модели, качеству профессиональной подготовки законодателей и модели финансирования IT-разработок. Организационная модель проявлялась в том, что если внедрение информационных технологий проходило под руководством администрации и для этого создавался внутри администрации специальный отдел, то эффективность такого решения была значительно ниже, чем если бы к внедрению электронных технологий привлекались коммерческие подрядчики. Как замечает Д. Вест: «бюрократам очень сложно заниматься инновациями»⁴. Кроме того, большие проблемы с внедрением онлайн сервисов связаны с ситуацией «цифрового неравенства», противодействием лоббистских структур (например, почтовых операторов), охраной персональных данных и т.п. Всё это делает развитие электронного правительства в США достаточно проблематичным. В частности, такой важнейший аспект электронной демократии, как онлайн голосование регулярно торпедируется разнообразием законодательства на региональном уровне.

¹Ibid. P. 35.

²Ibid. P. 17.

³Ibid. P. 47.

⁴Ibid. P. 36.

Для анализа практики использования электронных технологий в государственном управлении Д. Вест использует обычные опросы общественного мнения. Они, в частности, показали, что в США имеется серьёзный «цифровой разрыв» между различными социальными группами, которые в разной степени пользуются новейшими технологиями. В политической плоскости этот разрыв проходит между демократами и республиканцами. Те, кто более часто пользуются интернет-сервисами для работы с государственными органами, скорее принадлежат к демократическому электорату, нежели к республиканскому.

Основной методикой в данном случае выступил контент-анализ правительственных сайтов 198 стран мира (2166 сайтов), а также многомерный факторный анализ, который позволил проанализировать зависимость успешности внедрения технологий электронного правительства от различных критериев¹. Среди этих критериев наиболее важными считаются уровень доходов в стране, образование, уровень коррупции, количество учёных, политическая конкуренция, положение с правами человека и т.п. К удивлению Д. Веста, демократические страны не показали практически никакого преимущества по сравнению с авторитарными. Основным фактором выступил уровень экономического развития. Вероятно, некоторые авторитарные страны вполне успешно справляются с задачей внедрения электронных технологий в государственное управление благодаря отсутствию проволочек, связанных с обсуждением необходимых реформ. В то же самое время, в демократических странах много усилий тратится на выработку программы действий, учёт прав меньшинств и т.п., что приводит к сильному торможению всего процесса. Таким образом, изучение внедрения технологий электронного правительства Д. Вестом не выявило статистически значимой зависимости между политическими режимами и уровнем внедрения электронного правительства. С другой стороны, была выявлена закономерность, что внедрение электронного правительства зависит от уровня экономического развития страны.

Не удивительно, что внедрение систем электронного голосования сталкивается с большими трудностями в самых, казалось бы, демократических странах². Данные последних лет показывают, что всего лишь в нескольких странах существуют некоторые возможности электронного голосования через Интернет или с использованием специальных электронных машин для голосования. В том или ином варианте голосование через Интернет имело место в Австралии, Бельгии, Бразилии, Канаде, Эстонии, Финляндии, Франции, Германии, Индии, Ирландии, Италии, Казахстане, Нидерландах, Норвегии, Филиппинах, Румынии, Испании,

¹Ibid.

²Борисов И. Б. Голосование с помощью Интернета // Журнал о выборах. 2006. № 3; Макаров Б. Альтернативы голосования: Интернет или бюллетень? // Политический маркетинг. 2002. № 10. С. 31-37.

Швейцарии, Арабских Эмиратах, Венесуэле, США и Великобритании (всего 22 страны)¹. При этом, в подавляющем большинстве случаев голосование через Интернет является дополнительной и не универсальной опцией, то есть работает не во всех случаях. Среди них наибольшую известность получили выборы в Эстонии при помощи ID-карты. Однако и в этом случае интернет-голосование не вытеснило традиционные формы. По официальным данным на прошедших в 2015 г. выборах в парламент Эстонии через Интернет было подано рекордное количество голосов, составивших 30,5 % от общего числа голосов². В остальных случаях речь идет о пилотных или экспериментальных проектах, когда интернет-голосование проводится в отдельных округах, городах или уровнях выборов. Очевидно, что и в этой области не приходится говорить о значительных успехах и приходу «электронной демократии» или демократии «прямого участия», как об этом мечтали некоторые оптимисты на заре развития интернет-технологий. Во всяком случае, имплементация процедуры явно отстает от технических возможностей, которые уже давно реализованы в коммерческом секторе, на пример, в банковском секторе, когда клиенты банка в ежедневном режиме осуществляют банковские операции, сопоставимые по уровню верификации данных с голосованием.

2.3. Сетевая политическая коммуникация, политические партии и современные политические идеологии

В данном параграфе мы постараемся обнаружить влияние сетевых технологий на работу современных политических партий и технологии проведения избирательных кампаний. Однако, перед этим стоит кратко остановиться на таком явлении, как влияние Интернета на современное идеологическое пространство. Киберпространство стало одной из самых ярких примет новой эпохи³. С поразительной синхронностью появление Интернета совпало с крахом СССР, распадом коммунистического блока, становлением всемирных электронных торговых систем, третьей волной демократизации и другими явлениями, которые теперь привычно называют глобализацией. В это же время в начале 90-х Ф. Фукуяма провозгласил об окончательной победе либеральной идеологии⁴. Тем не менее, как мы это покажем далее, попытки конструирования идеологических концепций не прекратились. Одной из причин,

¹Electronic voting examples [Электронный ресурс] // Wikipedia.org (дата обращения: 12.10.2015).

²Statistics about Internet Voting in Estonia [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.vvk.ee/voting-methods-in-estonia/engindex/statistics> (дата обращения: 12.10.2015).

³ В данной случае понятия «Интернет», «Сеть» и «Киберпространство» преимущественно используются в качестве синонимов. Киберпространство, возможно, является наиболее адекватной метафорой глобальной сети Интернет. См.: Войскунский А. Е. Метафоры Интернета // Вопросы философии. 2001. № 11.

⁴Фукуяма Ф. Конец истории // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134-148.

позволившей продолжить этот процесс, стало киберпространство, сочетающего в себе новые формы человеческой деятельности, новые формы коммуникации, новые социальные группы (включая различные виртуальные сообщества) и т. п.

Возникновение политических идеологий, на наш взгляд, связано с некими кризисными явлениями. Решительная перестройка социальной структуры современного общества, приводящая к появлению, так называемого, информационного общества¹, а также процессы глобализации, технологической основой которых выступает глобальная сеть Интернет, несомненно, приводят к повышению социальной напряженности. Объем данного параграфа не позволяет остановиться более подробно на описании социальных процессов, позволяющих говорить о различных аспектах структурного кризиса современного общества. Следует сказать, что в данном случае, понятие «кризис» не несёт в себе исключительно негативные коннотации. Важно также подчеркнуть, что практически любые социальные изменения тем или иным образом отражаются в политическом мировоззрении, а иногда приводят к появлению новых политических идеологий.

Осознавая сложность интерпретации концепта идеологии, смысл которого может варьироваться в рамках тех или иных концепций², и, исходя из целей данного параграфа, мы можем согласиться с определением У. Матца, который считает, что политические идеологии представляют собой «такие системы ценностей, которые, выступая в качестве политического мировоззрения, имеющего силу веры, обладают особенно большим ориентационным потенциалом и потому способны обуздывать связанные с кризисом процессы социальной аномии»³ Данное определение говорит о природе идеологий, проявляющейся в моменты кризисов и социальных перемен.

Кроме социальной природы продолжения современных идеологических поисков следует сказать и о наличии некоторого кризиса идей. Так, ещё в 1960 г. в работе Д. Белла «Конец идеологии» был представлен кризис классических идеологий (прежде всего, левых)⁴. Проблемы современного этапа развития классических идеологий отражены в работе И. Валлерстайна «После либерализма»⁵. По мнению Валлерстайна, после краха марксистско-ленинской идеологии либерализм остался единственной идеологией, на основании которой и

¹ Противоречивость термина «информационное общество» и теоретических конструкций, пытающихся создать на его базе непротиворечивые теории, хорошо представлены в работе: Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004.

² См.: Малинова О. Ю. Концепт идеологии в современных политических исследованиях // Политическая наука. 2003. № 4. С. 8-31.

³ Матц У. Идеологии как детерминанта политики в эпоху модерна // Политические исследования. 1992. № 1-2. С. 131.

⁴ Bell D. The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. N.Y.: Free Press, 1960.

⁵ Валлерстайн И. После либерализма. М.: Эдиториал УРСС, 2003.

существует современная мирэкономика. Вместе с тем, «либерализм, как действенный политический проект, уже пережил свои лучшие дни, и что сейчас он умирает в условиях структурного кризиса капиталистической мирэкономике»¹. Главным признаком структурного кризиса мирэкономике выступает глобальное расслоение в уровне потребления и производства. Далее будут подвергнуты изучению новейшие идеологические констелляции, связанные с появлением и развитием киберпространства².

Таким образом, можно говорить о том, что исторический контекст возникновения новых идеологий на рубеже тысячелетий можно считать достаточно благоприятным. Некоторые исследователи прямо заявляют: «сейчас мы наблюдаем интенсификацию идеологии, сравнимую с той, которая происходила в Европе между 1880-м и 1914-м»³. Именно девяностые годы стали свидетелями появления некоторых новых идеологических конструкций, напрямую связанных с влиянием глобальной сети Интернет. Ярким проявлением этого стали всевозможные декларации, манифесты, идеологические статьи, художественные произведения и т.п. Наибольшую известность получили «Декларация независимости киберпространства» (1996 г.) Джона Барлоу и «Манифест киберпанка» (1997 г.) Кристиана Кирчева⁴. Удивительно, но в свое время появление классических идеологий также проявлялось в различных «декларациях» и «манифестах». В память сразу же приходят «Декларация прав человека и гражданина» (1789 г.) и «Манифест коммунистической партии» (1848 г.). Новые продукты идеологической деятельности свидетельствуют о том, что политические идеологии живы и развиваются.

В первую очередь хотелось бы остановиться на влиянии киберпространства, которое оно оказало на субкультуру хакерства. Начиная с шестидесятых годов, хакерство стало заметным явлением, окружённым аурой таинственности и необычности⁵. Проблемы изучения идеологии и культуры хакеров связаны с несколькими обстоятельствами. Так, с одной стороны, популярность хакеров, как героев нового времени, на первый взгляд, должна облегчить изучение их субкультуры. На самом деле, чрезмерная популярность образа хакеров приводит к появлению необычайно упрощённых, а иногда и мистических представлений о том, чем они занимаются. Большую роль в этом сыграли голливудские блокбастеры, показывающие как

¹ Там же. С. 91.

² Быков И. А. Киберпространство как фактор развития политических идеологий // Политическая наука. 2008. № 2. С. 79-98.

³ Треанор П. Интернет как гиперлиберализм [Электронный ресурс] // Русский журнал, 3.12.1998. <http://old.russ.ru/journal/netcult/98-12-03/treanor.htm> (дата обращения: 12.10.2015).

⁴ Барлоу Д. П. Декларация независимости киберпространства [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.uis.kiev.ua/russian/win/~xyz/index.rus.html> (дата обращения: 12.10.2015); Кирчев К. А. Манифест киберпанка [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.guelman.ru/slava/manifest/istochniki/kiberpank.htm> (дата обращения: 12.10.2015)

⁵ См.: Скородумова О. Б. Хакеры как феномен информационного пространства // Социологические исследования. 2004. № 2. С. 70-79.

хакеры с мефистофельскими лицами взламывают защиту любой сложности максимум со второго раза. С другой стороны, сложность технической стороны хакерского дела гарантирует некоторую элитарность и закрытость.

Тем не менее, можно попытаться выделить некоторые идеи, лежащие в основе хакерского движения. Во-первых, значительное влияние на хакеров оказало движение хиппи. Во-вторых, поскольку хакеры были первопроходцами компьютерных технологий и сети Интернет, а доступ к компьютерным технологиям в первое время был сильно ограничен, они выступали против государственного вмешательства в научно-технический прогресс. По мнению хакеров, бюрократические барьеры только тормозят движение. В. Емелин сводит этику хакеров к трем основным принципам:

- 1) целью деятельности хакеров является развитие человеческого знания как такового;
- 2) для развития знаний требуется свободный обмен информацией;
- 3) необходимо избегать нанесения ущерба при вторжении в систему¹.

В 1986 г. появился знаменитый «Манифест хакера», где были выражены основные ценности культуры хакеров. Манифест был написан Л. Блэнкеншипом (больше известным под хакерской кличкой «Наставник») после его ареста агентами ФБР. Блэнкеншип выделил такие ценности хакерской субкультуры, как безразличие к цвету кожи, национальности и религии, превосходство знаний и нестандартного образа мыслей, безграничная свобода информации, необходимой для исследований, а также сами исследования на основе чистого любопытства². Некоторые исследователи считают хакерство формой протеста «против нарушения идеологического запрета на приватизацию и коммерциализацию информации, содержащейся в глобальной сети»³. При этом, хакеры не просто декларируют свободный обмен информацией, но переходят к действиям, взламывая защиту коммерческого программного обеспечения.

Слабость идеологических воззрений хакеров проявилась в нескольких моментах. Так, например, английский исследователь Б. Уинстон указывает на то, что «энтузиасты новой коммуникационной среды в своем порыве отказывались замечать, кто и сколько платит за поддержание инфраструктуры системы: создание Сети потребовало огромных затрат федерального правительства США и американских университетов»⁴. Утопичность воззрений хакеров в отношении инфраструктуры Интернета сделала их позицию уязвимой для критики со стороны официальных структур. Дальнейшее развенчание мифа о безупречных хакерах было

¹ Емелин В. А. Киберпанк и сетевой либерализм [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://emeline.narod.ru/cyberpunk.htm> (дата обращения: 12.10.2015).

² The Mentor. The Conscience of a Hacker [Электронный ресурс] // Phrack. Vol. 1, Issue 7, Phile 3 of 10. Режим доступа: <http://www.phrack.org/archives/7/P07-03> (дата обращения: 12.10.2015).

³ Тузиков А. Р. Идеология в рекламе и киберпространстве // Политическая наука. 2003. № 4. С. 69.

⁴ Цит. по: Засурский И. Масс-медия Второй Республики.

связано с внутренним расколом хакерского сообщества. В нем появились группировки, не разделяющие идеалы первопроходцев 60-х и начала 70-х годов. Среди них были как откровенно криминальные сообщества «кракеров», так и менее криминальные, вроде хакеров-вандалов, «шутников» и т.п.¹ Сращивание хакерского сообщества с криминалом показало слабость этой идеологической субкультуры. Более того, на современном этапе развития хакеры успешно сотрудничают не только с криминальными структурами, но и с ведущими коммерческими производителями программного обеспечения и даже с государственными органами правопорядка. Тем не менее, поскольку хакеры были первооткрывателями Интернета и разработчиками множества новых технологий, в дальнейшем их ценности оказали значительное влияние на идеи пользователей Сети. Влияние первоначальной субкультуры хакеров сохраняется до сих пор². В частности, влияние хакеров прослеживается в таких разноплановых явлениях, как хактивизм, то есть попытка использовать компьютерные вирусы и специальное программное обеспечение для информационных диверсий и нарушения нормальной работы информационно-коммуникационного оборудования³. Наиболее известным явлением в этой области стала деятельность Джулиана Осанжа и его сайта WikiLeaks⁴.

Возможно, наиболее серьезное влияние хакеры оказали на такое явление, как киберпанк. Киберпанк получил большую известность, прежде всего, в литературе, и связан с такими именами, как У. Гибсон, Б. Стерлинг, П. Кадиган, Р. Рюкер, Дж. Ширли и др. К примеру, благодаря У. Гибсону и его, вышедшему в 1984 г. роману «Нейромантик», появился сам термин «киберпространство». Политические идеи киберпанка нашли своё концентрированное воплощение в работе К. Кирчева «Манифест киберпанка»⁵. Основная идея Кирчева заключается в отстаивании автономии киберпространства. При этом, агрессивным антагонистом по отношению к Сети выступает «Система». «Система» - это собирательный образ, состоящий из государств, корпораций, норм права и устоявшегося стиля жизни. Интернет-пространство, по мысли К. Кирчева, может управляться самостоятельно, без каких-либо проверенных государственных форм правления. При этом все существующие формы правления признаются неправильными. К. Кирчев сформулировал это следующим образом: «Система. С многовековым прошлым, существующая на принципах, которым нет места в сегодняшнем мире. Система, которая практически не изменилась со времени своего появления... Новые поколения веками

¹Скородумова О.Б. Указ. соч. С. 71.

²Засурский И. Масс-медия Второй Республики.

³Cyberactivism: Online Activism in Theory and Practice / Ed. by Martha McCaughey and Michael D. Ayers. L.: Routledge, 2003. 310 p.

⁴Бронников И. А. Политическая коммуникация в сети Интернет и феномен Wikileaks // Управление мегаполисом. 2011. № 2. С. 124-128

⁵Кирчев К. Указ. соч.

воспитывались в духе своих прародителей. Идеалом считается то, чему следует большинство. Индивидуальность забыта. Люди думают одинаково, используя клише, заученные с самого детства»¹.

Конструктивных предложений в манифесте не так и много. Одно из таких предложений находится в области усиления свободы слова. Вот как об этом пишет К. Кирчев: «Мы боремся за свободу информации. Мы боремся за свободу слова и печати. За свободу выражать наши мысли, не опасаясь преследования Системы. Даже в самых цивилизованных и демократических странах, Система распространяет дезинформацию»². В Манифесте упоминаются два действенных средства борьбы с манипуляцией средствами массовой информации. Во-первых, это игнорирование интеллектуальной собственности: «Всё, что принадлежит нам, принадлежит и вам. Всё, что принадлежит вам, принадлежит и нам. Каждый может использовать информацию. Ограничений не существует»³. Хорошие иллюстрации распространенности подобного рода идей можно найти в России. Так, например, в 1999 г. известный сетевой деятель Максим Мошков, владеющий одноимённой библиотекой (www.lib.ru), заявил в пятом номере журнала «Мир Интернет» следующее: «Авторское право в той же форме, в которой оно существовало, никоим образом не соответствует реалиям Интернета. Авторское право есть и реально действует только для материальных предметов, бумажных книг, патентов и т.п. Объекты Интернета в авторском праве не специфицированы и никак не учтены»⁴. Во-вторых, это защита персональной информации при помощи современной криптографии: «Шифрование информации – это наше оружие. Зашифрованные революционные послания могут беспрепятственно распространяться в Сети, и правительство может только догадываться об их содержании»⁵. Криптоанархизм стал визитной карточкой киберпанков.

Основная цель киберпанков заключается в установлении контроля над технологией: «в нынешние времена, когда всё зависит от технологии, если ты не контролируешь её, она будет контролировать тебя»⁶. Предполагается, что киберпанкам посредством владения компьютерными технологиями (включая продвинутые способы шифрования) удастся навязать остальной части общества собственные правила игры. Следует, однако, отметить, что в таком виде киберпанку достаточно сложно перерасти в действенную политическую идеологию. Дело

¹Кирчев К. Указ. соч.

²Там же.

³Там же.

⁴ Цит. по: Жарков С. Легенды и мифы об авторском праве. Миф I. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.marketer.ru/node/327> (дата обращения: 12.10.2015).

⁵Кирчев К. Указ. соч.

⁶Новый Манифест Киберпанка [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.cyberhood.ru/novyj_manifest_kiberpanka (дата обращения: 12.10.2015).

в том, что в данном случае мы имеем дело с ценностями крайнего индивидуализма и неверия в человеческую природу. К. Кирчев прямо заявил: «плохое идет от человека, а хорошее идет от технологии»¹. Тем самым в идеологической конструкции киберпанка заложено серьезное логическое противоречие. Предполагается, что киберпанки – это ярко-выраженные индивидуалисты, герои-одиночки, которые по непонятной причине совместными действиями способны изменить систему. Имманентный анархизм концепции киберпанка плохо согласуется с подобным вариантом развития событий. Тем не менее, как и в случае с хакерами, «образы мужественных «киберпанков», воюющих на новом электронном «фронтире» со всемогущими электронными корпорациями, успешно эксплуатируются массовой культурой и уже успели лечь в основу нескольких голливудских блокбастеров»².

Киберпанк во многих своих положениях пересекается с киберанархизмом³. По утверждению К. Кирчева, «сеть – это колыбель анархии»⁴. Киберанархизм выступает в качестве идеологической реминисценции классического анархизма, с его защитой принципиального равенства людей и неприятием государства. Неким новым развитием стало утверждение о том, что сеть за счёт своих технических характеристик позволяет пользователям объединяться и эффективно самоуправляться. Так, Г. Рейнгольд писал: «Существует сильная связь между неформальными коммуникациями, такими как в общинах и виртуальных сообществах, в кофейных лавках и компьютерных конференциях, и способностью больших социальных групп к самоуправлению без монархов и диктаторов»⁵. Интернет, по мнению сторонников киберанархизма, может стать электронной Агорой, на которой граждане могут обсуждать и принимать решения самостоятельно. «Киберпространство может стать идеальной публичной сферой по Хэбермасу, где мнения формируются гражданами публично и свободно от искажения»⁶. Идеи киберанархизма, родственные и во многом пересекающиеся с программными установками киберпанка, подверглись, если так можно выразиться, родственной критике. Во-первых, анархичность сетевой технологии была явно преувеличена. Нельзя отрицать роль правительства США в создании и планировании сетевых технологий. Во-вторых, нельзя отрицать, что правовые механизмы и роль поставщиков интернет-услуг оказывают влияние на поведение пользователей Сети. В-третьих, существует очевидное неравенство среди

¹Кирчев К. Указ. соч.

²Войскунский А. Е. Метафоры Интернета // Вопросы философии. 2001. № 11.

³Kriha T. Cyberanarchism [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.spunk.org/texts/copyrite/comms/sp000877.txt>. (дата обращения: 12.10.2015).

⁴Кирчев К. Указ. соч.

⁵Rheingold H. The Virtual Community. L.: Secker & Warburg, 1994. P. 281.

⁶Kriha T. Op. cit.

пользователей, как по доступу к Интернету, так и по техническим способностям между ними¹.

Ещё одной идеологической концепцией, получившей широкое распространение, стал сетевое либертарианство, под которым можно понимать «неформальную идеологию, виртуально установившуюся в киберпространстве глобальной сети, главным лейтмотивом которой является максимальное ограничение вмешательства государства в процесс циркуляции информационных потоков»². Наиболее известным документом, в котором были выражены идейные установки сетевого либертарианства стала опубликованная 8 февраля 1996 г. «Декларация независимости киберпространства» Дж. Барлоу³. Поводом для написания Декларации стало принятие «Акта о реформе телекоммуникаций 1996 года», который вводил ответственность за нецензурные выражения и оскорбления в Интернете. Это был первый подобного рода законодательный акт, при помощи которого государство намеревалось положить предел полной анархии и безнаказанности, царящей в киберпространстве. Протестуя против этого, Дж. Барлоу в преамбуле к Декларации выражает свой протест намеренно нецензурно. «Декларация независимости киберпространства» была размещена её сторонниками более чем на двадцати тысячах веб-сайтов и, таким образом, было наглядно продемонстрировано, что любые попытки ограничить распространение информации в Сети обречены на провал⁴.

Отправной точкой рассуждений Дж. Барлоу стало утверждение об автономии интернет-пространства от государственных форм принуждения. Вот как об этом пишет Барлоу: «Ваши правовые концепции собственности, выражения, индивидуальности, перемещения и контекста неприменимы к нам. Они базируются на материальности, но здесь нет материальности. Наши индивидуальности не телесны, так как в отличие от вас, мы не можем добиваться порядка через физическое принуждение»⁵. Очевидно, что для этого имеются некоторые основания. Они связаны с отсутствием единого международного законодательства в области регулирования деятельности глобальной коммуникационной сети Интернет⁶.

Однако, формы самоуправления предстают в достаточно размытом виде. Вот как это выглядит, согласно представлениям Дж. Барлоу: «Мы создаем мир, в который все могут вступать без привилегий или предубеждений, порожденных расовыми различиями, экономической властью, военной силой или местом рождения... Мы верим, что наше

¹Ibid.

²Емелин В. А. Указ. соч.

³Барлоу Дж. Указ. соч.

⁴Ализар А. Декларация независимости киберпространства: десять лет спустя [Электронный ресурс] // Вэбпланета. 2006. 9 марта. Режим доступа: <http://www.webplanet.ru/news/internet/2006/3/9/cyber.html> (дата обращения: 12.10.2015).

⁵Барлоу Дж. Указ. соч.

⁶Наумов В. Б. Право и Интернет: очерки теории и практики. М.: Книжный дом «Университет», 2002. 432 с.

управление будет возникать из этики, просвещенного личного интереса и всеобщего блага»¹. Нужно отметить, что некоторые элементы самоуправления представлены в работе службы регистрации доменных имен ICANN (www.icann.org, Интернет-корпорация по распределению доменных имен и адресного пространства), созданной в 1998 г. Однако, эта некоммерческая организация фактически является частью американского правительства, так как находится на контракте с Министерством торговли США². Влияние правительства в ней очень велико, так как оно обладает правом вето в любых вопросах. Таким образом, говорить о самоуправлении можно лишь с некоторой степенью относительности.

Дж. Барлоу также считает очень важной идею о свободе информации в Интернете: «В нашем мире, любое человеческое мнение может создавать возможность быть воспроизведенным и распространенным совершенно бесплатно»³. Следует подчеркнуть, что речь не идет о бесплатном копировании информации, но о такой возможности. Тем не менее, в этом вопросе Барлоу практически совпадает с Кирчевым. Такого рода идеи пока не привели к возникновению сильного политического движения, хотя в некоторых странах мира уже появились партии «пиратов».

Проблема авторских прав и интеллектуальной собственности в Интернете стала одной из главных не только для энтузиастов новой электронной торговли, но и для всей мировой экономики. Барлоу стал одним из первых, кто привлек внимание широкой общественности к этому больному вопросу. Уже в 1994 г. в ведущем компьютерном журнале США «Wired» он опубликовал статью «Экономика идей»⁴. В этой статье он убедительно показал, что лёгкость копирования цифровой информации порождает невиданные возможности для плагиата и использования чужих программ, идей, технологий и т.п. Более того, сложность компьютерных технологий постоянно вызывает нелепые судебные ситуации: «Компании, торгующие информацией, несмотря на свою жесткую привязанность к старой юридической системе, скорее всего, обнаружат, что при растущей неспособности судей понимать технологические проблемы, результаты судебных процессов будут настолько непредсказуемы, что никакое долгосрочное предприятие не сможет на них основываться. Каждая тяжба становится похожей на игру в русскую рулетку, поскольку ее исход зависит от масштаба

¹Барлоу Дж. Указ. соч.

² Мозолина О. В. США и международное сообщество: борьба за управление Интернетом // США и Канада: экономика, политика, культура. 2006. № 4. С. 111-119.

³Барлоу Дж. Указ. соч.

⁴Барлоу Дж. Продажа вина без бутылок: Экономика сознания в глобальной Сети [Электронный ресурс] // Русский журнал. 1999. 6 марта. Режим доступа: http://www.zhurnal.ru/staff/gorny/translat/barlow_economy_of_mind.htm (дата обращения: 12.10.2015).

некомпетентности председателя суда»¹.

По мнению Дж. Барлоу, отследить все возможные случаи нарушения авторских прав будет практически невозможно. Поэтому защита интеллектуальной собственности приобретёт новые, доселе невиданные формы: «Экономика будущего будет основываться скорее на отношении, чем на владении. Она будет скорее непрерывной, чем последовательной»². Это значит, что практическая потребность в новейших программных продуктах и технической поддержке станет одним из важнейших фактов, обуславливающих легальное приобретение интеллектуальной собственности. Отношения между потребителями и продавцами будут носить долгосрочный характер. В этом случае у покупателя появляется заинтересованность в добросовестном приобретении интеллектуальной продукции.

Таким образом, наш анализ показывает, что сетевое либертарианство в изложении Дж. Барлоу носит следующие характерные черты:

- индивидуализм, представление о человеке, как о нематериальном объекте или, как минимум, гражданине мира;
- свобода слова, граничащая с отрицанием прав на интеллектуальную собственность;
- сетевое самоуправление;
- этические, а не правовые нормы, как основа самоуправления.

Сетевое либертарианство подверглось жесткой критике с разных сторон. Так в работе Р. Барбука и Э. Камерона «Калифорнийская идеология» указывалось, что вместе с либертарианством «в социальном смысле» они приняли и экономический либерализм, допустив развитие в Сети рыночных отношений. Слабость сетевого либертарианства заключается в размытости конечной цели этого проекта. Считается, что «в цифровой утопии все будут одновременно хиповы и богаты»³. Однако, это маловероятно. Достижение этого идеала связывается с деятельностью узкой группы лидеров новой электронной эпохи – дигерати⁴. Они должны привести всё общество к процветанию. При этом, проповедуется технологический детерминизм, когда счастье измеряется количеством ноутбуков или цифровых фотоаппаратов на душу населения. С точки зрения калифорнийской идеологии, не требуется больших социальных реформ, успехи будут достигнуты только за счёт технической эволюции. Кончено, как и в любой идеологической конструкции, можно найти схожие элементы даже между коммунизмом

¹Там же.

²Там же.

³ Барбук Р. Камерон Э. Калифорнийская идеология [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://spintongues.msk.ru/calif.htm> (дата обращения: 12.10.2015).

⁴ Дигерати – термин образовался от объединения двух слов «digital» (цифровой) and «literati» (литератор, интеллектуал).

и сетевым либертарианством. Тем не менее, нельзя не признать, что мобилизующая сила Калифорнийской идеологии способствовала развитию новых информационных технологий, делая бывших хиппи активными участниками электронного бизнеса.

В таких условиях либерализм оказался в положении консервативной идеологии, которая защищает права частной собственности, включая интеллектуальную часть, от посягательств со стороны хакеров, киберпанков, киберанархистов и прочих, желающих поживиться за чужой счёт. Под сомнением оказались и такие, казалось бы, незыблемые истины как демократические процедуры, включая представительство интересов социальных групп через выборы, механизм разделения властей, свобода прессы, политические партии и т.п. Как показал К. Мангейм, это естественный процесс для любой политической идеологии, которая добивается доминирующего положения¹. Даже в случае с революционными идеологиями вроде марксизма-ленинизма происходит изумительная метаморфоза, когда они становятся консервативными, то есть выступающими за сохранение сложившегося положения вещей.

Вместе с тем, грань между сетевым либертарианством и либерализмом очень размыта. Иногда высказывания одних и тех авторов в разное время можно отнести к разным подходам. В качестве примера можно привести деятельность Э. Тоффлера, который участвовал, в том числе, в подготовке концептуального доклада «Киберпространство и Американская мечта: Великая хартия вольностей для Века знания»². Теоретической основой либеральных воззрений на киберпространство стало то, что некоторые исследователи назвали идеологией информационного общества³.

Признание индивидуализма и равенства всех субъектов является самоочевидной истиной и для либерализма. Вот как об этом сказано в Декларации независимости США: «Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью». Если люди признаются равными индивидами в офлайн, то такими же равными они признаются и в мире онлайн. При этом, либерализм, так же как и либертарианство, оставляет пространство для частной инициативы и предпринимательства в киберпространстве, которое признается последним американским фронтиром, нуждающимся в освоении. При этом, идеологи глобальной либеральной экономики признают проблему

¹ Мангейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление: Антология зарубежной литературы. М.: Прогресс, 1991.

² Dyson E., Gilder G., Keyworth G., Toffler A. Cyberspace and the American Dream: A Magna Carta for the Knowledge Age [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.pff.org/issues-pubs/futureinsights/fi1.2magnacarta.html>. (дата обращения: 12.10.2015).

³ Алексеева И. Ю. Возникновение идеологии информационного общества // Информационное общество. 1999. № 1. С. 30-35.

«цифрового разрыва», возникающей как в силу экономического неравенства, так и в силу различных способностей индивидов к работе с техническими приспособлениями¹. На саммите Большой восьмерки 22 июля 2000 г. была подписана Окинавская хартия глобального информационного общества, которая утвердила основной принцип либерализма в новое время: «все люди повсеместно, без исключения должны иметь возможность пользоваться преимуществами глобального информационного общества»². Тем не менее, в глобальном масштабе проблема «цифрового разрыва» не решена до сих пор.

Либеральная концепция государства, выраженная в аналогии с ночным сторожем, также нашла своё выражение в новую эпоху. Поразительно то, что практически все классические идеологии (может быть, за исключением национализма) формально выступали за уменьшение роли государства в жизни общества. Однако на практике это приводило скорее к обратному эффекту. Пожалуй, либерализм может быть только благодарен интеллектуальным лидерам Интернета за помощь в создании эффективного и компактного государства, способного удовлетворять нужды людей. По мнению авторов доклада «Киберпространство и Американская мечта», современное государство должно быть компактным и «умным», оно должно перераспределить полномочия на региональный и локальный уровни, в конце концов, оно должно за счёт внедрения информационно-коммуникационных технологий значительно сократиться. Называется даже пропорция уменьшения – 50%³. Возможно, это слишком оптимистичные прогнозы. Во всяком случае, концепция «электронного правительства» получила серьезную поддержку в правящих кругах либеральных демократий.

Также либеральные идеологи с сомнением относятся к полной анархии в Интернете. Они справедливо указывают, что киберпространство при активном участии государства. Государство имеет возможность повлиять на функционирование глобальной сети. Так, Дж. Голдсмит и Т. Ву в книге «Кто контролирует Интернет? Иллюзии мира без границ» показали, что национальным государствам, некоторые из которых уже сейчас ведут борьбу за регулирование Интернета, удастся при желании установить практически полный контроль над онлайн коммуникациями⁴.

Единственный вопрос, который стал предметом серьезной дискуссии в либеральных

¹ Flichy P. The social construction of a «network ideology» [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://latts.cnrs.fr/site/count_and_redirect.php?path=tele/rep1/NetworkIdeology.doc&idfichier=109&type=D (дата обращения: 12.10.2010).

² Окинавская хартия глобального информационного общества [Электронный ресурс] // Программа ЮНЕСКО «Информация для всех» в России. Режим доступа: <http://www.ifap.ru/ofdocs/okinhar.htm>. (дата обращения: 12.10.2010).

³ Dyson E., Gilder G., Keyworth G., Toffler A. Op. cit.

⁴ Goldsmith J. L., Wu T. Who Controls the Internet? Illusions of a Borderless World. L.: Oxford University Press, 2006.

кругах – это вопрос защиты интеллектуальной собственности. Следует признать, что позиция классического либерализма в этом вопросе выглядит логически непротиворечивой. Если мы признаем право человека на частную собственность, включая продукты интеллектуального труда, то тогда не понятно, почему Интернет является свободной зоной, не подчиняющейся общим правилам? Неужели только потому, что для копирования информации достаточно нажать кнопку компьютерной мышки или две клавиши «CNTR+C»? Об этом ещё в 1976 г. писал Б. Гейтс в своём знаменитом «Открытом письме к хоббистам»¹. Он прямо назвал копирование интеллектуальной собственности, защищённой авторскими правами, воровством. При этом, он указывал на то, что пользователи готовы платить за компьютерное «железо», но почему-то не хотят этого делать в отношении программного обеспечения.

Данный вопрос получил оригинальное освещение в одной из статей заместителя редактора журнала «Уолл Стрит Джорнал» Д. Хеннингера, который пишет о том, что мы готовы платить за новый компьютер тысячу долларов, включая стоимость патентов, делая тем самым компьютерных гигантов еще богаче, но мы не готовы заплатить 15 центов за прослушивание музыки или просмотр фильма через Интернет, делая тем самым авторов этих производителей беднее². По мнению либеральных идеологов, нет существенной разницы между воровством физических и виртуальных объектов собственности.

Вопрос с авторскими правами и интеллектуальной собственностью получил принципиальное решение в рамках Всемирной торговой организации. Это соглашение основано на том, что в новом информационном обществе информация является главной ценностью. По мнению шведских идеологов нетократии авторские права – это основа основ нового общественного строя: «Как аристократия и буржуазия законодательно взлелеяли в свое время неприкосновенность частной собственности, так теперь буржуазия и нетократия объединяют свои усилия для провозглашения авторских прав в качестве средства спасения цивилизации... В рамках такой стратегии становится очевидным, что любая форма власти, не защищенная авторским правом, будет, по определению, считаться аморальной, а с точки зрения юридической монополии буржуазии, будет интерпретироваться еще и как нелегальная»³. Красноречивой иллюстрацией последствий частной собственности на продукты интеллектуальной деятельности является фактическая монополия программного обеспечения, в частности,

¹ Gates B. An Open Letter To Hobbyists [Электронный ресурс] // Homebrew Computer Club Newsletter 2 (1). 1976. January. Mountain View, CA: Homebrew Computer Club. Режим доступа: http://www.digibarn.com/collections/newsletters/homebrew/V2_01/index.html. (дата обращения: 12.10.2010).

² Henninger D. Can Justice Scalia Solve the Riddles Of the Internet? [Электронный ресурс] // Wall Street Journal. 2005. April 1. Friday. Режим доступа: <http://www.opinionjournal.com/columnists/dhenninger/?id=110006501>. (дата обращения: 12.10.2010).

³ Бард А., Зодерквист Я. НЕТократия: Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб.: Стокгольмская школа экономики, 2004. 252 с.

продуктов компании «Microsoft»¹.

Концептуальная критика либеральной идеологии в области киберпространства представлена в работе П. Треанора «Интернет как гиперлиберализм»². Треанор хорошо показал, что либерализм использует киберпространство, чтобы усилить своё влияние. Сеть навязывается человечеству, как универсальное средство коммуникации. И в этом её принципиальная порочность: «Связывание людей воедино – это сознательный выбор некоторых людей; выбор, который затем навязывается другим. Логика та же, что у колониальных правительств, которые принуждали крестьян к рынку, облагая их денежным налогом. Чтобы платить налог, крестьянам приходилось продавать произведённый продукт, например, сахар, за деньги. Эта логика, по сути, говорит: «Никто не свободен от свободного рынка». Сегодня не только правительство, но и бизнесмены, общественные движения, интеллектуалы и художники – все хотят обложить нас Сетью... Это навязывание себя, универсализм, экспансионизм, принудительность, основополагающая несвобода выхода – вот что делает либеральные структуры дурными. Сказанное приложимо к свободному рынку и – сущностно – к Интернету»³. Для того чтобы включить население Сеть нужно:

- увеличить взаимодействие;
- увеличить число взаимодействующих;
- увеличить число затронутых каждым взаимодействием;
- увеличить область, в которой взаимодействие происходит.

При этом, информационное общество становится «либеральным обществом гиперобмена: граждане передают, принимают и перенаправляют поток идей и мнений»⁴. Таким образом, киберпространство глобально и всеобъемлюще. Оно не допускает существования альтернативной Сети. В Интернете действительно присутствует интенция свободы, но она не носит парадоксальный характер⁵. Скорее, можно говорить о самонастройке капиталистической системы к новым реалиям глобальной экономики. При этом, сохраняются все основные положения либерализма, включая частную собственность. Достигнуты определённые результаты борьбы за защиту интеллектуальной собственности и доля нелегальных программ в последние годы находится на стабильном уровне. Так, в 2006 г. уровень нелегального программного обеспечения в мировом масштабе составил 35%, а самый

¹Кочетков А. П. Нетократизм // Полис (Политические исследования). 2013. № 4.

²Треанор П. Указ. соч.

³Там же.

⁴Там же.

⁵ Дацюк С. Парадоксальная интенция свободы в Интернет [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.uis.kiev.ua/~xyz/par_int.html. (дата обращения: 12.10.2010).

низкий показатель в 21% был достигнут в США¹. Это говорит о том, что мировая экономическая система в целом справляется с издержками на оплату интеллектуальной собственности. Что касается современных констелляций политических идеологий под влиянием киберпространства, то они являются продолжением классических идеологий. Либерализм в целом сумел адаптироваться к новым реалиям интернет-пространства. Тем не менее, напряжённость, вызванная глобальным экономическим и информационным неравенством, остаётся, что позволяет вслед за И. Валлерстайном говорить о появлении новых идеологических конструкций. Некоторые всплески крайних идеологических конструкций в виде киберанархизма и киберпанка показывают, что в русле развития новых информационно-коммуникационных технологий и появления новых социальных групп (программистов, технических специалистов, офисных работников и т.п.) возможны новые идеологические конструкции.

Суммируя всё вышесказанное, можно согласиться с утверждением, что «новые средства коммуникации создают новые возможности для идеологического конструирования реальности»². Тем не менее, доминирующий на глобальной авансцене либерализм показал, что может достаточно убедительно ответить на вызовы новых технологий и даже возглавить процесс их развития, направив их в нужную сторону.

Вместе с тем, некоторые исследователи указывают, что в результате процессов глобализации и сетевых коммуникаций происходит гибридные политические институты.³ В первую очередь это связано с появлением так называемых киберпартий, которые в своей деятельности опираются на сетевые коммуникации. В частности, Л. В. Сморгунов и А. С. Шерстобитов называют среди таких киберпартий следующие:

- Партия «За лучшую Венгрию» (Венгрия);
- Пиратская партия Германии (Германия);
- Движение Паликота (Польша);
- «Простой народ и независимые личности» (Словакия);
- Партия свободы (Нидерланды);
- Движение пяти звезд (Италия)⁴.

¹ Ваганов А. Пиратское ПО с восточным акцентом: Уровень нелегального программного обеспечения падает, а потери от него растут [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2007. 5 июня. Режим доступа: http://www.ng.ru/telecom/2007-06-05/17_pirates.html (дата обращения: 12.10.2010).

² Тузиков А. Р. Идеология в рекламе и киберпространстве // Политическая наука, 2003, № 4. С. 69.

³ Морозова Е. В., Мирошниченко И. В. Гибридные политические институты в современных полициях // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2015. № 3. С. 34-46.

⁴ Сморгунов Л. В., Шерстобитов А. С. Политические сети: теория и методы анализа. М.: Аспект Пресс, 2014. 242-243.

Особенно колоритной выглядит деятельность партии свободы из Нидерландов, в которую формально входит всего один человек, ее основатель, руководитель и единственный член - Герт Вилдерс. Результаты голосования за эти партии колеблется от незначительных до вполне достойных. Однако, на наш взгляд, эти не все эти партии могут быть отнесены к виду сетевых партий, большая часть из них - это обычные популистские партии, которые хорошо пользуются сетевыми технологиями для агитации и пропаганды. На наш взгляд, к киберпартиям следует отнести пиратские партии, в программных документах которых центральное место занимают проблемы авторского права¹. Так или иначе, традиционные партии также в своей деятельности используют сетевые технологии и делают это с не меньшим успехом, чем киберпартии. Именно поэтому еще ни в одной стране мира киберпартиям не удалось победить на выборах традиционные политические партии и набрать больше голосов, чему у традиционных. В следующем параграфе мы остановимся подробнее на проблеме использования сетевых технологий в современных избирательных кампаниях, которые, очевидно, доступны не только киберпартиям, но и вполне устоявшимся на политическом ландшафте политическим партиям с традициями партийно организации и политической идеологии.

2.4. Использование сетевых технологий в современных избирательных кампаниях

Практика комбинирования традиционных и новых технологий хорошо иллюстрирует избирательная кампания Барака Обамы 2009 г., которая открыла новую эпоху «электронных выборов». И это значит, что в ближайшем будущем успех или проигрыш на выборах будет зависеть от того, насколько масштабно и качественно представлен тот или иной кандидат в Интернете. И если это так, то опыт избирательной кампании 2008 года является своего рода лакмусовой бумажкой, на которой должны проявиться новые формы и методы избирательных технологий ближайшего будущего.

С начала девяностых годов появилось достаточно большое количество исследований, посвящённых проблеме использования Интернета в предвыборных кампаниях². Среди этих исследований можно выделить несколько точек зрения. В начале 90-х годов появилась группа

¹ Мартьянов Д. С. Сравнительный анализ постматериалистических партий (на примере «Зеленых» и пиратов) // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2013. № 2. С. 20-31; Мартьянов Д. С., Мартьянова Н. А. Феномен пиратских партий в российском и мировом контекстах // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. 2012. № 4. С. 116-121.

² См. обзоры: Chadwick A. Internet Politics: States, Citizens, and New Communication Technologies. Oxford: Oxford University Press, 2006; Lusoli W. The Internet and the European Parliament Elections: Theoretical Perspectives, Empirical Investigations and Proposals for Research // Information Polity, 2005, № 19; Norris P. Preaching to the converted: pluralism, participation and party web sites // Party Politics, 2003, Vol. 9, № 1.

авторов, которые считали, что Интернет самым революционным образом изменит политическую жизнь и в том числе электоральные технологии¹. Так, например, Л. Гроссман рассматривал Интернет в качестве главного инструмента создания новой электронной республики, основными характеристиками которой выступают массовое участие граждан в политике, прямые формы демократии, электронное голосование и т.п. У. Раш прямо заявил: «избиратели получают ситуацию, когда их голоса будут достигать напрямую самых высоких уровней политических партий и государственных органов»². О том, что Интернет благоприятствует демократизации государственных органов писал П. Фердинанд³.

Аналогичной точки зрения придерживался один из самых известных политтехнологов мира - Дик Моррис. Особенно большую роль Моррис отводил фандрайзинговым возможностям Интернета, указывая, что успешные политики смогут получить больше независимости от крупных капиталов за счёт финансовой поддержки со стороны рядовых избирателей. Кроме того, Моррис указывал, что Интернет меняет стиль политической коммуникации, которая приобретает интерактивный характер. Донести информацию до избирателя становится недостаточным, нужно вовлечь его в какую-то привлекательную деятельность⁴.

Однако, на рубеже столетия и в начале нового десятилетия появились сомнения в том, что Интернет принесёт революцию в электоральные технологии⁵. Несколько эмпирических исследований, использующих комплексные методики анализа, показали, что Интернет вряд ли имеет сильное влияние на вовлечение граждан в избирательный процесс⁶. Обнаружилось, что, чаще всего, Интернет используется в качестве вспомогательного канала коммуникации. Основным мотивом присутствия кандидатов и политических партий в киберпространстве выступало желание показать, что они «идут в ногу со временем», а не реальная двусторонняя коммуникация с избирателями. Предвыборные сайты создавались по имиджевым причинам.

¹ Budge I. *The New Challenge of Direct Democracy*. Oxford: Polity Press, 1996; Dertouzos M. *What Will Be: How the New Information Marketplace will Change our Lives*. San Francisco: Harper, 1997; Grossman L. *The Electronic Republic: Reshaping Democracy in the Information Age*. L.: Penguin Books, 1995. L. *The Electronic Republic: Reshaping Democracy in the Information Age*. L.: Penguin, 1995; Negroponte N. *Being Digital*. N.Y.: Knopf, 1995.

² Rash W. *Politics on the Nets: Wiring the Political Process*. N.Y.: W. H. Freeman, 1997. P. 181.

³ Ferdinand P. *The Internet, Democracy and Democratization // Demokratizatsiya*. 2000. Vol. 7. № 1. P. 1-17.

⁴ Morris D. *Vote.com: How Big-Money Lobbyists and the Media Are Losing Their Influence, and the Internet Is Giving Power Back to the People*. Los Angeles: Renaissance Books, 1999.

⁵ См., например: Davis R. *The Web of Politics*. Oxford: Oxford University Press, 1999; *Governance.Com: Democracy in the Information Age* / Ed. by Kamarck E.C., Nye Jr., J. S. Washington: Brooking Institution Press, 2002; Hansen G. J., Benoit W. L. 2005. *Residential Campaigning on the Web: The Influence of Candidate World Wide Web Sites in the 2000 General Election*. *Southern Communication Journal*. Vol. 70. № 3.

⁶ Gibson R. K., Margolis M., Resnik D., Ward S. J. *Election Campaigning on the WWW in USA and UK: A Comparative Analysis // Party Politics*, 2003, Vol. 9, № 1; Norris P., op. cit.; *The Internet and National Elections: A Comparative Study of Web Campaigning* / Ed. by R. Kluver, N. Jankowski, K. Foot, S. Schneider. London and New York: Routledge, 2007.

Некоторые авторы, стали говорить о том, что Интернет практически не оказывает влияния на электоральное поведение и текущую политику, так как является каналом коммуникации по выбору. Большинство граждан остаются вне политического сектора сети, так как в виртуальном пространстве существует масса других полезных, интересных или просто развлекательных возможностей. Поэтому политика в эпоху Интернета предстаёт в виде старой, доброй «политики как обычно» (от англ. – «politics as usual»)¹. Сторонники этой концепции указывали, что в Интернете значительно лучше представлены мнения таких крупных политических акторов, как политические партии, группы влияния, средства массовой информации и т.п. Пользуясь своими финансовыми возможностями, традиционные политические игроки точно также доминируют на виртуальной арене, как и в реальной жизни. Различные вариации этой точки зрения были очень широко представлены на рубеже тысячелетий и в начале первого десятилетия². Иногда данный подход называют концепцией «укрепления» (от англ. - reinforcement), поскольку, как писали Марголис и Резник: «Вместо того, чтобы переделать американскую политику, развитие киберпространства и глобальной сети Интернет, скорее всего, укрепляет (англ. - reinforce) существующий status quo»³.

В последнее время появились признаки формирования новой концепции, которая в некотором смысле синтезирует достижения двух предшествующих точек зрения⁴. Так, например, ещё в 2002 г. К. Фут и С. Шнейдер, основываясь на опыте выборов 2000 г. в США, показывали, что Интернет, действительно, имеет потенциал к изменению форм и методов политической коммуникации⁵. Об этом же сообщил В. Лусолли, который опирался на исследование роли Интернета в выборах Европарламента в 2004 г.⁶ Основные положения этой концепции сводятся к тому, что новые информационные технологии не приводят к изменению традиционных политических институтов представительной демократии или радикальному переходу к демократии прямого участия. Институты, как таковые, остаются, политические акторы - тоже, но политическая жизнь наполняется новой энергией за счёт активизации граждан через Интернет. Наглядным проявлением этой концепции становятся повышения явки на выборах, которые наблюдались в США в 2004 и 2008 гг., Франции в 2007 г. и т.п.

¹Margolis M., Resnik D. *Politics as Usual: The Cyberspace "Revolution"*. Thousand Oaks: Sage, 2000.

² См., например: Bimber B. A., Davis R. *Campaigning Online: The Internet in U.S. Elections*. Oxford: Oxford University Press, 2003; *Political Parties and the Internet: Net Gain?* / R.K. Gibson, P. Nixon, S. Ward. London: Routledge, 2003; Ward S., Gibson R. 2003. *On-line and on Message? Candidate Websites in the 2001 General Election*. *British Journal of Politics and International Relations*, Vol. 5, № 2.

³Margolis M., Resnik D. *Op. cit.* P. 54.

⁴ Trippi J. *The Revolution Will Not Be Televised: Democracy, the Internet and the Overthrow of Everything*. N.Y.: Regan Books, 2004; Foot K. A., Schneider S. M. *Web Campaigning*. Cambridge, MA: MIT Press, 2006.

⁵ Foot K.A., Schneider S.M. *Online Action in Campaign 2000: An Exploratory Analysis of the U.S. Political Web Sphere* // *Journal of Broadcasting and Electronic Media*, 2002, № 46 (2).

⁶Lusoli W. *Op. cit.*

Таким образом, речь идёт не о создании прямой демократии, как мечтали интернет-оптимисты начала девяностых, но и не о сохранении status quo, как об этом писали интернет-скептики. Интернет-технологии позволяют за счёт своей интерактивности привлечь к политической жизни больше граждан и активизировать гражданское общество. При этом традиционные институты представительной демократии сохраняются, но легитимность и прочность демократической политической системы усиливается. У этого подхода пока не сложилось какого-то единого названия, хотя некоторые авторы предлагают называть его теорией «активизации» или «активации» (от англ. - activation)¹. В отличие от более известного термина «мобилизации», активизация предполагает чётко спланированное и управляемое привлечение (активизацию) граждан во время выборов, публичных акций, лоббирование, формирование общественного мнения и т. п.

Основным инструментом в процессе «активизации» является не просто Интернет, а, так называемые, технологии Веб 2.0². Дело в том, что современный Интернет довольно сильно отличается от Интернета 90-х. Основные отличия современного Интернета описаны в рамках концепции Веб 2.0, активным пропагандистом которой является известный интернет-деятель Тим О'Рейли³. Как указывает О'Рейли, концепция Веб 2.0 во многом остаётся дискуссионной, но в главном она сводится к тому, что интернет-технологии нового поколения, в техническом аспекте опирающиеся на высокоскоростное подключение к сети, в социальном аспекте стараются максимальным образом использовать интерактивные технологии для формирования виртуальных сообществ. Технологии Веб 2.0 характеризуются широким распространением социальных сетей, преимущественным созданием контента сайтов его посетителями, использованием контекстной рекламы, полноценным использованием видео- и аудио-поток и другими технологиями, отличающими его от предыдущего «статичного» этапа. Если Интернет 90-х гг. ассоциируется с сайтом в виде статичной веб-брошюры, то теперь сайт предстаёт в виде социальной сети, то есть конгломерата общающихся между собой индивидов. На наш взгляд, именно качественная разница между современным Интернетом, развивающимся на основе технологий Веб 2.0, и Интернетом 90-х обусловила переход от одной теоретической концепции к другой. Действительно, Интернет, как он существовал в 90-е, вряд ли мог что-либо изменить в политической жизни, однако интернет-технологии Веб 2.0, как показала практика, являются весьма серьёзным инструментом политической жизни.

Что касается российских исследований влияния интернет-технологий на

¹Chadwick A. Op. cit. P. 174.

²Havenstein H. Presidential Campaigns Tread Carefully Into Web 2.0 World // Computerworld, 2007, February 19.

³О'Рейли Т. Что такое Веб 2.0 // Компьютерра, 2005, 11 октября.

электоральный процесс, то они в значительной мере находятся под влиянием западного опыта и теоретических разработок¹. Изучение использования интернет-технологий в российской политике в основном касается общих аспектов политической коммуникации и состояния публичной сферы². Появилось несколько статей, анализирующих роль Интернета в российских выборах³. Что касается отечественной специальной литературы по политическому консалтингу, то и здесь существует определённый вакуум, когда вместо подробного анализа использования интернет-технологий в выборах предлагается констатация того, что «минимально значимый электоральный эффект достигается при доступе к сети 10 % населения. Масштабный эффект - когда пользователями Интернета становятся более половины избирателей»⁴. Однако, никаких подтверждающих эту гипотезу данных не приводится.

Необходимо отметить, что ожидание «революционных» выборов, когда Интернет сыграет важнейшую роль, несколько затянулось. Ими последовательно объявлялись выборы 1996, 2000 и 2004 гг. в США⁵. По мнению А. Чадвика, президентские выборы 2004 г. в США можно считать первыми «настоящими» интернет-выборами. Для подтверждения своей концепции А. Чадвик приводит несколько сильных аргументов. Во-первых, он указывает, что именно Интернет на протяжении всей кампании был основным инструментом управления повесткой дня. Во-вторых, один из претендентов от демократической партии Говард Дин собрал через Интернет в фонд своей кампании 40 млн. долларов, что в 8 раз больше, чем Джон Керри, который в итоге стал единственным кандидатом от демократической партии. В-третьих, на этих выборах Интернет впервые стал инструментом организации офлайн мероприятий: митингов, демонстраций, собраний и т.п. Особенно большую роль в этом сыграл сайт MeetUp (www.meetup.com). В-четвёртых, использование электронной почты приобрело невиданные масштабы. Так, например, Дж. Буш регулярно рассылал электронные сообщения 6 млн. подписчикам, Дж. Керри - 1 млн.⁶

Однако, на наш взгляд, выборы 2004 г. вряд ли останутся в памяти в качестве

¹ Дорожкин Ю. Н., Соленикова Н. В. Интернет в избирательных кампаниях: современные особенности и функции // Власть, 2007, № 6; Луков В.В. Интернет как инструмент политических технологий в США. США и Канада: экономика, политика, культура, 2005, № 5; Юрин К. В. Интернет, сайты и выборы. США и Канада: экономика, политика, культура, 2005, № 2.

² Крестинина Е. С., Чернышов Ю. Г. Использование интернет-блогов и «социальных сетей» в российской публичной политике // Известия АГУ, 2008, № 3-4 (60); Овчинников Б. В. 2002. Виртуальные надежды: состояние и перспективы политического Рунета // Полис. 2002. № 1.

³ Кузнецов И. И. Рунет как часть российского электорального пространства // Общественные науки и современность, 2003, № 1; Соленикова Н. В. Политический интернет в российских избирательных кампаниях: тенденции развития // Общественные науки и современность, 2007, № 5.

⁴ Гончаров В. Э. Современное политическое консультирование. СПб.: ИВЭСЭП, 2007. С. 58-59.

⁵ Chadwick A. Op. cit.

⁶ Chadwick A. Op. cit. P. 166.

«первых интернет-выборов». Проблема в том, что и демократы, и сам Говард Дин проиграли, а кампания Дж. Буша, хотя и использовала Интернет, всё-таки в большей степени опиралась на традиционные СМИ. Скорее всего, выборы 2004 г. войдут в историю интернет-технологий в качестве генеральной репетиции исторической победы Барака Обамы. Трудность с определением первых «революционных» интернет-выборов во многом связана с тем, что сами электоральные технологии тяготеют к эволюционному развитию. Об этом говорит история электоральных технологий¹. Очень часто, наряду с самыми современными технологиями используются старые, добрые, проверенные методы. Тем не менее, после выборов 2008 г. электоральные технологии, несомненно, уже не вернуться в прежнее состояние².

Чтобы интернет-технологии начали оказывать серьёзное влияние на выборы, необходимо, чтобы количество интернет-пользователей стало по меньшей мере сопоставимым с аудиториями других средств массовой информации. Согласно данным исследовательского центра Pew Research Center к началу 2008 г. 73 % американцев пользовались Интернетом в той или иной степени³. Это говорит о том, что, в целом, количество избирателей, знакомых с Интернетом практически сравнялось с избирателями, знакомыми с телевизорами, телефонами, газетами и т.п. Очевидно, что по мере распространения Интернета его значение для политической коммуникации неизбежно вырастает. Однако, даже в 2008 году Интернет для американцев не стал важнейшим источником информации об избирательной кампании. Как показывают данные опросов, Интернет вышел на второе место, пропустив вперед только телевидение. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что все остальные источники информации, за исключением кабельного телевидения, уменьшили свою долю. Больше всего от перераспределения внимания аудитории выиграл Интернет (плюс 15 %), а проиграли - газеты (минус 13 %)⁴.

Как мы увидим далее, несмотря на абсолютные цифры, выборы 2008 года, скорее всего можно считать первыми электронными выборами, так как победа не могла бы быть достигнута без Интернета. Это произошло благодаря нескольким моментам, которые искупают отставание от телевидения по абсолютным показателям. Во-первых, Интернет служил основным средством установления повестки дня. Яркой иллюстрацией этому стал факт проведения первых телевизионных дебатов на основе видео-вопросов пользователей интернет-

¹ Governance.Com: Democracy in the Information Age / Ed. by E. C. Kamarck, Jr., J. S. Nye. Washington: Brooking Institute Press, 2002. P. 81-82.

² Анохин М. Г., Гришин О. Е., Атаев Т. Б. Инновации в сфере политической интернет-коммуникации: опыт США // Среднерусский вестник общественных наук. 2013. № 4. С. 85-91; Реут О. Ч. Американская президентская кампания-2012 как отражение медиатизации политического участия // Политическая наука. 2013. № 1. С. 232-245.

³ Davis R. Typing Politics: The Role of Blogs in American Politics. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 4.

⁴ Там же.

сервера YouTube. Вопросы, набравшие наибольшее количество голосов, задавались кандидатам на посты президента и вице-президента¹. Во-вторых, только Интернет предоставил возможность Бараку Обаме сначала собрать, а затем эффективно направлять деятельность сотен тысяч добровольцев. В-третьих, именно Интернет сделал реальностью самый большой избирательный фонд в истории - почти миллиард долларов.

Кроме того, нельзя забывать о том, что традиционные СМИ фактически полностью интегрировались с Интернетом. Даже телевизионные станции теперь вещают через Интернет. Внешним проявлением ведущей роли Интернета в американском медийном пространстве стала постоянная демонстрация интернет-сайтов с актуальной или примечательной информацией по телевидению во время новостей или других программ. Огромным преимуществом Интернета по сравнению с другими каналами коммуникации является то, что он воспринимается в качестве развивающейся и набирающей популярность технологии, тогда как остальные - в качестве теряющих популярность и неперспективных. Все эти обстоятельства повышают значение Интернета в выборах, снижая значение других носителей информации.

В книге менеджера избирательной кампании Барака Обамы - Д. Плауффа - приводятся любопытные примеры того, что с самого начала предвыборной кампании Интернет стал её ключевым инструментом. Так, например, видео-объявление о намерении Барака Обамы выдвинуть свою кандидатуру было вначале размещено на интернет-сервере YouTube, а затем перешло в традиционные средства массовой информации. Такой манёвр не просто привлёк внимание СМИ, но и выразился в большом наплыве посетителей на совершенно не готовый к работе предвыборный сайт².

Как мы уже отмечали выше, интернет-технологии включают в себя большое количество конкретных сервисов, ресурсов и технологических приёмов. Но каким бы ни был полный список этих технологий, по всем параметрам Бараку Обаме удалось превзойти Джона Маккейна. Краткий итог этого превосходства описан в табл. 2. По некоторым позициям преимущество Обамы было очень внушительным: от нескольких раз до нескольких десятков раз³.

Подобное преимущество, несомненно, внесло существенный вклад в победу Барака Обамы на выборах⁴. Однако, эта победа произошла не просто благодаря массивному

¹ The 2008 Presidential Campaign: A Communication Perspective / Ed. By R. Denton. Lanham: Rowman and Littlefield, 2009. P. 236.

² Plouffe D. The Audacity to Win: The Inside Story and Lessons of Barack Obama's Historic Victory. N. Y.: Viking, 2009. P. 32.

³ Подробнее: Быков И. А. Интернет-технологии в избирательной кампании Барака Обамы // Вестник Пермского университета. Серия: История и политология. 2010. № 1. С. 48-58.

⁴ Попова О. В. Президентские выборы 2008: уроки США для России? // Политэкс, 2008, № 4.

вливанию денежных средств в политическую интернет-рекламу или созданию предвыборных сайтов. Были выбраны наиболее интерактивные технологии, которые входят в набор технологий Вэб 2.0. Выделим ключевые направления использования интернет-технологий:

- блоги;
- социальные сети;
- вирусные видео-технологии;
- цифровая политическая география;
- организация работы предвыборного штаба;
- сбор денежных средств через Интернет;
- мобильный маркетинг и реклама в компьютерных играх.

Итак, из проведённого исследования можно сделать несколько выводов. Во-первых, необходимо отметить, что предвыборная кампания Барака Обамы во многих отношениях внесла новое слово в электоральные технологии. И это связано в первую очередь с грамотным использованием сервисов Веб 2.0 - YouTube, FaceBook, MySpace, MyBarackObama.Com. и др. В данном случае очень важно качество обращения кандидата к целевым аудиториям, поскольку качественное предвыборное послание перерастает в количество «само собой», так сказать по принципу «сарафанного радио».

Во-вторых, необходимо отметить, что при помощи новых информационных технологий удалось привлечь на свою сторону новые целевые аудитории. Подтверждением их значимости выступает рост числа новых зарегистрировавшихся избирателей от 18 до 26 лет, которые преимущественно голосовали за Обаму¹.

В-третьих, победа Обамы без интернет-технологий просто не смогла бы состояться, так как именно они стали основным источником привлечения финансов, особенно на этапе праймериз.

В-четвёртых, интернет-технологии внесли неопределимый вклад в организацию работы избирательного штаба и многочисленных волонтеров во всех уголках страны. Фактически вместо вертикальной структуры избирательного штаба были использованы принципы сетевой самоорганизации. Здесь также очень важно и то, что Интернет позволил использовать геодемографическую информацию.

В-пятых, роль таких технологий как мобильный маркетинг и реклама в компьютерных играх носила весьма скромный масштаб, но вместе с тем они стали ещё одним, дополнительным информационным поводом. Также они внесли свой вклад в подкрепление имиджа «первого кибер-президента».

¹The 2008 Presidential Campaign: A Communication Perspective. P. 240.

Разумеется, не стоит преувеличивать роль информационных технологий. Большую роль сыграла общая социально-политическая ситуация в США и недовольство деятельностью предыдущей администрации. Вероятно, демократы смогли бы одержать победу и с Хиллари Клинтон во главе, так как у избирателей накопился большой запас недовольства. Однако, в борьбе с ней Обама воспользовался теми интернет-козырями, которых у неё не оказалось.

Более того, следует отметить, что интернет-технологии, вероятнее всего, внесли решающий вклад в областях эффективной организации избирательной кампании, финансирования и управления повесткой дня, но что касается собственно доставки политических обращений и политической пропаганды, то они до сих пор находятся в руках телевидения. Об этом красноречиво говорят цифры расходов на телевизионную рекламу. Так, в последние решающие два месяца избирательной кампании Барак Обама потратил на рекламу по телевидению 170 млн. долл., тогда как Маккейн смог ответить только 61 млн.¹

Ещё одним немаловажным обстоятельством, которое следует учитывать при подведении итогов выборов 44-го президента США, является то, что происходит сильное изменение этнической композиции электората. Барак Обама смело рассчитывал на подавляющую поддержку со стороны афро-американского населения, в то время как за последние 50 лет доля белого населения уменьшилась с 90 до 80 процентов².

Таким образом, среди многих слагаемых победы (экономический кризис, непопулярность войн в Ираке и Афганистане, демографическая динамика и т.п.) интернет-технологии сыграли важнейшую роль. На наш взгляд, общий вывод, который можно сделать из кампании 2008 г., сводится к тому, что мы наблюдали появление нового вида электоральных кампаний - электронной избирательной кампании. В отличие от традиционных избирательных кампаний она опирается на новые информационные технологии, которые включают в себя и сильно модифицированные традиционные СМИ (радио, телевидение, журналы и газеты), и новые интернет-технологии Веб 2.0. По своим целям и задачам электронные избирательные кампании мало чем отличаются от традиционных. По-прежнему большое значение имеют такие вещи, как повестка дня, электоральная география, политическая риторика и т.п. Политическая конъюнктура во многом определяется экономическими обстоятельствами избирательной кампании и внешнеполитической ситуацией. Однако, интернет-технологии в постиндустриальных обществах стали необходимым инструментом организации и проведения избирательных кампаний.

Интернет-технологии преодолевают нараставшее к концу прошлого столетия

¹The 2008 Presidential Elections: A Story in Four Acts. P. 106.

²The Year of Obama. P. 110.

отчуждение, возникшее между политическими элитами и рядовыми гражданами. Вирусные технологии позволяют создать впечатление прямого участия в политике, поскольку избиратели лично выступают в самых разных качествах: от активных исследователей политической конъюнктуры до добровольных агитаторов в пользу того или иного кандидата или партии. Вовлечение избирателей в политику через информационные технологии приводит, во всяком случае, об этом говорят выборы в США и Франции, к росту политического участия и тем самым – к повышению легитимности демократических политических режимов.

Электронные избирательные кампании стали новой политической реальностью. Вместе с тем, динамичное развитие информационных технологий ставит перед политологами задачу непрерывной актуализации исследований в области электронных избирательных кампаний. Возможно, например, что подобная активизация избирателей связана не с использованием технологий Веб 2.0, а с нарастанием социальных проблем и естественным вовлечением избирателей в решение актуальных вопросов. Кроме того неясно, как влияет на применение интернет-технологий конфигурация политических институтов, политическое устройство или политический режим в конкретной стране. Вместе с тем, повторение одного и того же эффекта в разных странах, находящихся в разных областях как в культурного, так и социально-экономического положения, позволяет говорить о действительно существующем эффекте. В случае с феноменом «активации» схожие события имели место в самых разных частях света. Мы можем вспомнить акции «Захвати Уолл Стрит» (2011 г.), «Арабская весна» (2010-2011 гг.), протестные события в России (2011-2012), протестные акции в Гонконге (2014 г.) и т. п.

2.5. Управление сетевой политической коммуникацией и стабильность национальных политических режимов

В последние годы в специальной литературе все более и более интенсивно изучаются проблемы влияния сетевой политической коммуникации на трансформационные процессы¹. Особенно остро эта проблема стоит на постсоветском пространстве, где с начала нового тысячелетия произошло несколько, так называемых, «оранжевых» революций, успех которых в значительной степени базировался на использовании современных электронных коммуникаций². Концепт «оранжевых революций» трактуется через описание закономерностей

¹ Акопов Г. Л. Глобальные проблемы и опасности сетевой политики. Ростов-на-Дону: РостИздат, 2004. 125 с.; Почепцов Г. Г. Революция.Com. Основы протестной инженерии. М.: Европа, 2005. 532 с.

² Быков И. А. Геополитические последствия «революции твиттера» в Молдавии // Проблемы глобальной политики и безопасности в современной России: материалы междунар. науч. конф. Ч. 2. Санкт-Петербург, 28-29 мая 2009 г.

демократизации стран, находящихся в процессе транзитного перехода от авторитаризма к демократии. В некоторых из них они завершились неудачей (Белоруссия, Узбекистан, Молдавия), в некоторых – удачей (Грузия, Кыргызстан, Украина). Возможно, главным результатом оранжевых революций является то, что они показали организующую и мобилизующую силу новых информационных технологий. На пример, Интернет оказал настолько сильное влияние на ход и результат событий, что это дало возможность некоторым исследователям назвать «оранжевую революцию» первой «интернет-революцией»¹. Во время этих событий сторонники «оранжевых сил» действительно очень активно пользовались Интернетом для того, чтобы разрушить информационную блокаду и донести новости до всех жителей Украины. Мы считаем, что внутривполитический результат «оранжевых революций» чаще всего оказывается крайне неоднозначным, тем не менее, отрицать роль сетевой политической коммуникации в этих процессах невозможно. Очевидно, что роль средств массовой информации и сетевой политической коммуникации в режимных трансформациях на постсоветском пространстве нуждается в подробном анализе.

В связи с этим проблема управления Интернетом стала одной из самых обсуждаемых и востребованных тем на различных международных саммитах и форумах². Это произошло в связи с тем, что глобальный характер Сети не может не затрагивать интересы всех участников современных международных отношений³. Наиболее заметный конфликт развернулся вокруг того факта, что Интернет находится под контролем американской некоммерческой организации ICANN (см.: Internet Corporation, www.icann.org). Более того, бурное развитие информационных технологий породило резкое разделение стран мира на «информационно-богатых» и «информационно-бедных». Это также вызвало серьезное недовольство со стороны некоторых, очевидно, не самых богатых стран. Так, например, такие страны, как Сирия и Куба указывали,

СПб.: Балт. гос. техн. ун-т, 2009. С. 93-95.

¹ Kuzio T. Ukraine's Orange Revolution: Causes and Consequences. Maria Palij Memorial Fund Annual Lecture. Department of History and Center for Russian and East and European Studies, University of Kansas. 28 April 2005. http://www.uottawa.ca/academic/grad-etudesup/ukr/ukraine_list/uk1346_13.html (дата обращения: 10.1.2014).

² Курбалий Я., Гелбстайн Э. Управление Интернетом: проблемы, субъекты, преграды. М.: МГИМО, 2005; Мир обсуждает будущее Интернета [Электронный ресурс] // Сайт информационной службы BBC. 30 октября. 2006 // http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/sci/tech/newsid_6098000/6098496.stm (дата обращения: 10.1.2014); Мозолина О. В. США и международное сообщество: борьба за управление Интернетом // США и Канада: экономика, политика, культура. 2006. № 4; Россия предлагает ввести международное управление Интернетом [Электронный ресурс] // NEWSru.com. 2007. 13 ноября. Режим доступа: <http://hitech.newsru.com/article/13nov2007/inetmanage> (дата обращения: 10.1.2010); Управление Интернетом – больше чем просто управление // Вебпланета: Журнал для подключенных. 2005. 25 февраля [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.webplanet.ru/news/internet/2005/2/25/rulez.html> (дата обращения: 10.1.2014); De La Coste P. La gouvernance internationale de l'Internet // Politique étrangère. 2006. № 3; Reforming Internet Governance: Perspectives from the Working Group on Internet Governance / Ed. by W. J. Drake. New York: UN ICT Task Force, 2005.

³ Курочкин А. В. Трансформация государственного суверенитета в условиях становления сетевого общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 2. С. 95-99.

что Интернет – это инструмент «мировой закулисы», деятельность которой направляется из Вашингтона, а руководитель Зимбабве Роберт Мугабе назвал существующую систему управления Интернетом «формой неокOLONиализма»¹.

Хотя Интернет является децентрализованной сетью, основанной на объединении независимых компьютерных сетей, он все-таки требует некоторой степени координации. Миф о полной свободе и децентрализации Сети не выдерживает простейшего анализа технических особенностей ее создания. Во-первых, значимой такой особенностью является проблема присвоения доменных имен или приписывания конкретного адреса для каждого компьютера или сервера. Кто-то должен управлять базой данной с адресами и проводить регистрацию новых доменных имен, иначе пересылка информации превратится в лотерею с непредсказуемым результатом.

Во-вторых, должен существовать стандарт, при помощи которого передается информация в Сети. Этот стандарт обычно трактуется как интернет-протокол передачи данных TCP/IP. Однако технические стандарты передачи информации не исчерпываются вышеозначенным протоколом. Они включают в себя много дополнительных параметров, например, таких, как передача видео-сигнала через Интернет. Соответственно эти стандарты должны быть выработаны, приняты и внедрены, возникает потребность в ком-то, кто будет их хранить и следить за соответствием используемых программ необходимым стандартам.

В-третьих, существует необходимость в поддержке деятельности, так называемых корневых серверов, которые содержат базы данных с интернет-адресами и в течение миллисекунд определяют, откуда и куда нужно направлять данные. Существует всего 13 корневых серверов, жизненно необходимых для деятельности всей сети Интернет. В результате исторического развития корневые серверы находятся в собственности правительственных и неправительственных организаций. С географической точки зрения на сегодняшний день сложилась серьезная диспропорция в их нахождении: десять корневых серверов располагаются в США, по одному – в Амстердаме, Стокгольме и Токио².

Очевидно, что Интернет требует меньшего контроля и регулирования, чем телевидение или радио. Так, например, регистрация доменных имен производится в заявительном порядке. Если то или иное имя свободно, то не существует никаких дополнительных препятствий для его регистрации, сравнимых с необходимостью получения

¹Cukier K. N. Who Will Control the Internet? [Электронный ресурс] // Foreign Affairs. 2005. November/December // <http://www.foreignaffairs.org/20051101facomment84602/kenneth-neil-cukier/who-will-control-the-internet.html?mode=print> (дата обращения: 10.1.2014)

²Cukier K. N. Who Will Control the Internet? [Электронный ресурс] // Foreign Affairs. 2005. November/December // <http://www.foreignaffairs.org/20051101facomment84602/kenneth-neil-cukier/who-will-control-the-internet.html?mode=print> (дата обращения: 10.1.2014).

лицензий для теле- и радиовещания. Тем не менее некоторая централизованная координация все же требуется, иначе система просто не сможет функционировать. И это позволяет говорить о том, что Интернетом можно «управлять».

История появления и раннего развития Интернета, напоминающая эпоху великих географических открытий, колониальных завоеваний и покорения фронтира, проходила при полном доминировании США, которые не преминули воспользоваться правом первооткрывателей на присоединение новых пространств к метрополии. Как мы уже упоминали, управление доменными именами осуществляется американской некоммерческой организацией ICANN, созданной в 1998 г. Еще более поразительно, что до 1998 г. управление Интернетом фактически осуществлялось одним (!) человеком – профессором Университета Южной Каролины Йоном Постелом (см.: www.postel.org), который умер в самый разгар дискуссии о принципах создания ICANN. В результате компромисса между общественными организациями, коммерческим сектором и администрацией Клинтона было принято решение, что Интернет и в дальнейшем будет функционировать на принципах самоуправления. Поскольку общественное самоуправление уже показало себя эффективным менеджером и позволило Интернету бурно развиваться, американские власти приняли решение не контролировать его напрямую. Однако ICANN фактически является частью американского правительства, так как действует на основе договора с Министерством торговли США. Кроме того, в связи с регистрацией в штате Калифорния деятельность ICANN не должна выходить за рамки американского законодательства. Влияние правительства США в ней очень велико, так как Министерство торговли обладает правом вето в любых вопросах. Правительство Соединенных Штатов Америки в любой момент может «выключить» доменное имя любой страны и сделать пользование сервисами Интернета в этой стране невозможным. Так, например, «во время войны в Ираке, американское государство не раз перекрывало функционирование расширения «.ik», принадлежащего Ираку»¹.

Страна, которая первой открыла киберпространство и сумела убедить остальной мир в его преимуществах, неизбежно получает определенные дивиденды. Американское господство в этой области проявляется не только в управлении доменными именами, но и в том, что они пишутся буквами латинского алфавита, а не скажем, к примеру, кириллицей. Кроме того, английский язык до недавнего времени был самым распространенным языком общения в Интернете, и остается до сих пор таковым в области технической терминологии. Еще больше предпочтений получили американские разработчики программного обеспечения, а также производители компьютерного и телекоммуникационного оборудования. Новые участники

¹De La Coste P. Op.cit. P. 515.

глобальной сети Интернет, вынужденные подключаться к этой технологии, подпадают в зависимость от Соединенных Штатов Америки. Некоторые европейские исследователи даже предлагали отсоединиться от американской Сети и создать собственную¹.

Очевидно, что такое положение вещей не могло устроить других участников международных отношений. С момента организации ICANN поднимался вопрос о передаче ее функций международной организации под эгидой ООН. В качестве вероятного кандидата назывался Международный союз электросвязи². Одними из первых, кто выразил недовольство «засильем» США в этом вопросе, стали наиболее развитые страны мира. Особенно резкой выглядела позиция Франции, которая неоднократно выступала за передачу управления Интернетом в руки международной организации, говоря о том, что национальное доменное имя является составной частью суверенитета страны³.

Подавляющее большинство участников международных отношений не устраивает структура совета директоров ICANN. Так, например, до 2002 г. мировое сообщество могло делегировать в совет директоров ICANN не больше двух членов⁴. На сегодняшний день в соответствии с действующим уставом организации такая возможность зарезервирована для 8 членов из 21⁵. Однако сложная система отбора кандидатов приводит к тому, что в совете директоров доминируют представители англоговорящих стран. Несмотря на заявленные цели «сделать управление Интернетом независимым от воли одного государства», на большинстве заседаний ICANN становится очевидным, что «Сеть остается собственностью англоговорящих стран»⁶.

В самом начале нового тысячелетия международное давление на деятельность ICANN было настолько сильным, что правительство США серьезно задумывалось над вопросом передачи управления регистрацией доменных имен международной организации. Основная линия защиты сложившейся ситуации сводится к тому, что представители американского правительства указывают на то, что ICANN представляет собой новую форму согласования интересов государств, общественных организаций и бизнеса. Более того, общественный статус этой организации, по мнению американской стороны, помогает сохранить политическую неангажированность Интернета. Так, например, в 2002 г. в Федеральную

¹Треанор П. Указ.соч.

²Мозолина О. В. Указ. соч.

³Benhamou B., Sorbier L. Souveraineté et réseaux numériques // Politique étrangère. 2006. № 3.

⁴Archive of Bylaws for ICANN [Электронный ресурс] // ICANN web-site Режим доступа: <http://www.icann.org/general/archive-bylaws/> (дата обращения: 10.1.2014).

⁵Bylaws for ICANN // ICANN web-site. 2008. 15 February. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.icann.org/general/bylaws.htm> (дата обращения: 10.1.2014).

⁶McCarthy K. United States Cedes Control of the Internet - But What Now? [Электронный ресурс] // The Register. 2006. 27 July // http://www.theregister.co.uk/2006/07/27/ntia_icann_meeting/ (дата обращения: 10.1.2014).

комиссию по коммуникациям США поступил официальный запрос от властей коммунистического Китая, в котором требовались разъяснения по поводу существования доменного имени «.tw». Поскольку официальные власти Китая не признают существования Тайваня, то они просили отменить регистрацию этого доменного имени. Ответ американских властей заключался в ссылке на то, что ICANN – это некоммерческая организация, в которой правительство США не имеет возможности приказывать, а может только накладывать вето¹. Таким образом, США обнаружили неожиданную выгоду от такого способа организации управления Интернетом. С одной стороны, работа на основе общественного самоуправления развивается достаточно успешно, не требует значительных расходов и способствует распространению американских технологий и стиля жизни. С другой стороны, США сохраняют некоторый контроль над этой деятельностью.

Тем не менее, идя навстречу пожеланиям мировой общественности, в систему руководящих органов ICANN был включен Правительственный консультативный комитет, который призван представлять и отстаивать точку зрения правительств национальных государств. Однако этот комитет обладает только совещательным правом. Поэтому неудивительно, что с началом нового тысячелетия активизировалось участие в проблеме управления Интернетом различных структур под эгидой ООН. Очень большую роль в этом вопросе сыграл Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, который в ноябре 2004 г. объявил о создании специальной рабочей группы по проблемам информационного общества (см.: <http://www.wgig.org>), которая занялась подготовкой рассмотрения вопроса об «интернет-правительстве». В качестве результата деятельности группы появилось рабочее определение понятия «управление Интернетом». Это определение сводит проблему управления Интернетом к «разработке и применению правительствами, частным сектором и гражданским обществом, при выполнении ими своей соответствующей роли, общих принципов, норм, правил, процедур принятия решений и программ, регулирующих эволюцию и применение Интернета»². Другим очень важным предложением стала идея создания Всемирной корпорации по присвоению доменных имен и номеров в Интернете, которая могла бы заменить американскую организацию ICANN³.

В ноябре 2003 г. состоялась первая часть международного саммита по проблемам информационного общества (см.: <http://www.itu.int/wsis/>). Она прошла в городе Женева. Вторая

¹Cukier K. N. Op.cit.

²Де Босси Ш. Доклад рабочей группы по проблемам информационного общества // Рабочая группа по проблемам информационного общества, 2005 [Электронный ресурс] // <http://www.wgig.org/docs/WGIGReport-Russian.doc> (дата обращения: 10.1.2014). С. 5.

³Там же. С. 17.

часть международного саммита по проблемам информационного общества состоялась в ноябре 2005 г. в Тунисе. Данные мероприятия характеризовались практически полным отсутствием российских участников. Лишь две российские организации прислали по электронной почте свои пожелания участникам саммитов. Поскольку участие в них носило заявительный характер, постольку можно сделать вывод о низкой востребованности этой проблематики в России в эти годы¹.

С 2006 г. под эгидой ООН стали проходить ежегодные международные форумы по управлению Интернетом. Рабочая группа по проблемам информационного общества была преобразована в Секретариат Форума по управлению Интернетом (см.: ООН учредила, 2006). Первый форум состоялся в Афинах в 2006 г., второй – в Рио-де-Жанейро в 2007 г., третий запланирован для проведения на конец 2008 г. в Дели. Обращает на себя внимание тот факт, что российские участники форумов с 2006 г. активно заявляют о позиции российского государства. Так, например, Владимир Васильев, руководитель департамента министерства информационных технологий и связи РФ, заявил в Бразилии, что Россия выступает «за переход к международному управлению Интернетом»². К числу заметных российских инициатив принадлежит и идея внедрения кириллического написания доменных имен. Данная идея получила серьезную поддержку в лице Президента РФ Дмитрия Медведева³.

Среди достижений саммитов и форумов под эгидой ООН можно назвать широкое обсуждение различных проблем: от регистрации доменных имен до борьбы со спамом и детской порнографией в Сети. Однако, несмотря на всю активность в этом направлении, инициированную странами–участниками ООН, складывается впечатление, что Соединенные Штаты не намерены легко расставаться со своими привилегиями. Наоборот, чем более громко другие страны требуют международного контроля над Интернетом, тем больше правительство США склонно рассматривать сложившуюся ситуацию с точки зрения национальных интересов. Позволив некоторым из своих союзников войти в состав совета директоров ICANN, США стараются сохранить сложившийся status quo. Подобная ситуация сохраняется до сих пор, несмотря на то, что это создает дополнительные проблемы американскому правительству для проведения успешной внешней политики.

В этом плане следует обратить пристальное внимание на то, что «взлет Интернета

¹Россию не пригласили к обсуждению Интернета [Электронный ресурс] // Вебпланета: Журнал для подключенных. 2005. 4 февраля // <http://www.webplanet.ru/news/internet/2005/2/4/russia.html> (дата обращения: 10.1.2014).

²Россия предлагает ввести международное управление Интернетом [Электронный ресурс] // NEWSru.com. 2007. 13 ноября. Режим доступа: <http://hitech.newsru.com/article/13nov2007/inetmanage> (дата обращения: 10.1.2010).

³Президент Медведев назвал кириллические доменные имена «серьезной штукой» [Электронный ресурс] // Lenta.Ru. 2008. 11 июня // <http://www.lenta.ru/news/2008/06/11/domains/> (дата обращения: 10.1.2010).

создает новые линии неравенства между инфо-богатыми и инфо-бедными»¹. Это порождает новые конфликты на международной политической арене. Речь идет о проблеме так называемого «цифрового неравенства». Отметим, что именно Соединенные Штаты были одними из инициаторов принятия Окинавской хартии информационного общества, в которой призывалось сделать все возможное, чтобы каждый человек имел «возможность доступа к информационным и коммуникационным сетям»². Ставя преграды международному контролю над Интернетом, США тем самым нарушают принцип равенства в этом вопросе.

Более того, нельзя забывать и о военно-стратегической составляющей контроля над интернет-технологиями³. Интернет, несомненно, оказывает влияние на возникновение новых форм международных конфликтов, включая информационные войны, сетевые войны, хакерские атаки и т. п. Парадоксально, но электронные средства коммуникации и Интернет оказываются самым быстрым оружием глобального действия, способным нанести урон противнику в течение миллисекунд. Напомним, что Интернет обязан своему возникновению военным исследованиям, которые осуществлялись в американском Агентстве по работе с перспективными исследовательскими проектами (Advanced Research Projects Agency – ARPA) при Министерстве обороны США. После Карибского кризиса 1962 г., когда Америка впервые столкнулась с реальной угрозой ядерного удара и полной потери централизованного управления, возникла идея создания децентрализованной коммуникационной сети. Такая сеть объединила бы в себе компьютеры военных, научных и образовательных учреждений. По замыслу создателей децентрализованная сеть в условиях ядерной атаки и потери одного или нескольких сегментов не должна была терять работоспособности и управляемости. Сегодня США формируют специальные подразделения кибернетического командования и занимается разработкой кибернетического оружия⁴.

Осмысление информационно-коммуникационных аспектов современных международных отношений в России находится на начальном уровне. С одной стороны, этому не уделяется большого внимания, хотя, по словам профессора Кляйнвехтера, произнесенным на публичной лекции в МГИМО, «будущим дипломатам нужно понимать механизм

¹Игнасио Р. Геополитика хаоса. М.: ТЕИС, 2001. С. 119.

² Окинавская хартия глобального информационного общества [Электронный ресурс] // Программа ЮНЕСКО «Информация для всех» в России. Режим доступа: <http://www.ifap.ru/ofdocs/okinhar.htm>. (дата обращения: 12.10.2010).

³Туронок С. Г. Информационно-коммуникативная революция и новый спектр военно-политических конфликтов // Политические исследования. 2003. № 1.

⁴ВВС США начинают воевать в киберпространстве [Электронный ресурс] // Лента.Ру. 2007. 19 сентября. Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2007/09/19/cyber/> (дата обращения: 12.10.2010); Пентагон разработает кибернетическое оружие [Электронный ресурс] // Лента.Ру. 2008. 7 мая. Режим доступа: <http://www.lenta.ru/news/2008/05/07/cyber/> (дата обращения: 12.10.2010).

функционирования Интернета»¹. С другой стороны, существуют некоторые достаточно смелые предположения о наступающем тотальном господстве Интернета в современных международных отношениях. Так, например, А. Митрофанов пишет: «Информационное поле Интернета способно создавать и создает реальные фантомы нашей действительности... Мы должны встроиться в Интернет и дать свою редакцию параллельного мира. Любая иная стратегия обрекает нас на поражение. Овладение Интернетом изнутри является ключом к будущему развитию России»².

На практике, национальные правительства, сталкивающиеся с проблемой чрезмерного влияния интернет-технологий в их внутренней политике вынуждены предпринимать меры, преимущественно запретительного и ограничительного характера³. В самом общем виде эти ограничения можно разбить на три большие группы, в зависимости от использования технических средств, которые варьируются от полного ограничения сетевых коммуникаций до минимального:

- 1) технические ограничения (фильтрация контента, ограничение доступа по IP-адресу и т. п.);
- 2) юридические ограничения (правовое регулирование контента интернет-коммуникаций);
- 3) полит-экономические меры (финансовый контроль, антимонопольное регулирование, информационное воздействие).

С одной стороны, имеются случаи полного запрета интернет-коммуникаций как в Северной Корее или некоторых странах Африки и Ближнего Востока, где фактически у граждан отсутствует техническая возможность доступа к Интернету. Довольно часто, это связано не с государственной политикой, а общим низким уровнем экономического развития. С другой стороны, некоторые динамично развивающиеся в экономическом плане страны вводят технические ограничения по политическим мотивам. Самый яркий в этом смысле пример – это Китай⁴. Одно из исследований, проведенное в 2003 г. и охватившее восемь стран с авторитарными режимами, показывает, что Интернет не всегда является проблемой, наоборот в

¹Кляйнвехтер В. Будущим дипломатам нужно понимать механизм функционирования Интернета [Электронный ресурс] // Интервью с Вольфгангом Кляйнвехтером, Информационный портал МГИМО, 11 апреля 2008. Режим доступа: http://www.mgimo.ru/news/inno_program/document10821.phtml (дата обращения: 12.10.2010).

²Митрофанов А. Шаги новой геополитики. М.: Русский вестник, 1997. http://www.alexeymitrofanov.ru/books_geopolit00.html (дата обращения: 12.10.2010).

³Giacomello G. National Governments and Control of the Internet: a Digital Challenge. L.: Routledge, 2005. 208 p.

⁴Austin G. Cyber Policy in China. N. Y.: Polity Press, 2014. 232 p.; Chase M. S., Mulvenon J. C. You've Got Dissent! Chinese Dissident Use of the Internet and Beijing's Counter-Strategies. Santa Monica: RAND, 2002. 130 p.; China and Cybersecurity: Espionage, Strategy, and Politics in the Digital Domain / Ed. by Jon R. Lindsay, Tai Ming Cheung, Derek S. Reveron. Oxford: Oxford University Press, 2015. 400 p.; China and the Internet: Politics and the digital leap forward / Edited by Christopher R. Hughes and Gudrun Wacker. L.: Routledge, 2003. 192 p.

большинстве случаев власти становятся в авангард развития информационных технологий и используют эту тему в своих целях¹.

Второй способ ограничения сетевых коммуникаций связан с комплексом правовых мер, когда через систему права и правоприменения гражданам ограничивается доступ к Интернету. В этом случае, у граждан есть техническая возможность использовать те или иные интернет-технологии и иметь доступ к запрещенным информационным ресурсам или информационным технологиям, но используя их, граждане нарушают закон. При установлении факта нарушения закона граждане могут быть подвергнуты наказанию. Жесткость исполнения наказания варьируется и зависит от многих факторов, однако в этом случае основной упор делается на запугивание массовых пользователей, которым приводятся примеры наказаний отдельных провинившихся.

Наконец, нельзя сбрасывать со счетов вариант с попыткой осуществления информационной монополией в информационном пространстве в рамках отдельной страны или региона. Такое возможно, если учитывать, что интернет-пространство может быть не менее монополистичным, чем пространство традиционных медиа. Скупка наиболее влиятельных интернет-СМИ и социальных медиа может ограничить доступ пользователей к новостям за счет формирования официального потока новостей и доминирования определенной точки зрения на политический процесс. Некоторые исследователи прямо говорят, что «агрессивный троллинг» политической оппозиции может приводить к подавлению, а не пробуждению политического создания и закреплению авторитарных, а не развитию демократических ценностей².

Необходимо отметить, что исследования роли сетевых коммуникаций в ходе оранжевых революций, событий «Арабской весны» и различных массовых протестных акций в самых разных уголках планеты подтвердили тот факт, что Интернет является одним из основных каналов коммуникации для участников этих движений. В частности, в статье З. Туфекши и К. Уилсона «Социальные медиа и участие в политическом протесте: наблюдение с площади Тахрир» обсуждается проблема влияния социальных сетей на политический протест³. Авторы опросили 1050 респондентов, из числа протестантов принимавших участие в первом дне протестов на площади Тахрир в Египте 25 января 2011 г. Выяснилось, что примерно четверть были женщинами, что для мусульманской страны является очень большим значением.

¹Open Networks, Closed Regimes: The Impact of the Internet on Authoritarian Rule. Ed. by Kalathil Shanthi and Taylor C. Boas. Carnegie Endowment for International Peace, 2003.

²Joseph S. Social Media, Political Change, and Human Rights // Boston College International and Comparative Law Review 2012. Vol. 35. № 1. P. 145-188; Morozov E. The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom. NY: Public Affairs, 2011. 432 p.

³Tufekci Z., Wilson C. Social Media and the Decision to Participate in Political Protest: Observations From Tahrir Square // Journal of Communication. 2012. Vol. 62. № 2. P. 363-379.

Во-вторых, хотя большинство участников в обычной жизни пользуются электронной почтой, в данном случае (то есть во время участия в протестах) люди больше пользовались спутниковым ТВ, то есть смотрели зарубежное телевидение (92 %), телефонными разговорами (82 %) и фейсбуком (51 %). Электронная почта оказалась в этом смысле малоприменимой (27 %). В-третьих, авторы делят участников протеста на две группы в зависимости от их медиапотребления: традиционалистов (больше потребляют традиционные печатные и электронные СМИ) и новаторов (социальные медиа и социальные сети). Так вот, вторая группа в почти в полтора раза большей вероятностью принимала участие в первом, решающем дне протестов. Подобные данные указывают на то, что сетевые каналы коммуникации используются участниками протестов для получения политической информации и самоорганизации. Однако, даже эти данные указывают на роль спутникового телевидения и в принципе не объясняют главного: почему начинаются политические перемены? Вероятно, если бы среди участников Октябрьской революции тоже проводили опрос, то исследователи бы обнаружили среди ее участников читателей газеты «Искра».

Специальная литература по проблемам революционных изменений чаще всего оперирует терминами из социальной психологии и депривации, воспроизводя старую марксистско-ленинскую формулах о «верхах» и «низах»¹. Разумеется, если власти способны нейтрализовать средства коммуникации революционеров, то это может на некоторое время отсрочить социальный взрыв. Но если ситуация созрела, то вряд ли даже полное отключение интернет-коммуникаций нормализует политическую ситуацию во время кризиса². Запретительная политика по отношению к сетевым коммуникациям может как ускорить политический кризис, так и постоянно откладывать его. Так или иначе, весьма примечательным выглядит тот факт, что начиная с 2010 г. Freedom House ведет отдельный рейтинг «Freedom on the Net», который оценивает уровень свободы в интернет-пространстве каждой страны (см.: <https://freedomhouse.org>). Этот рейтинг ведется параллельно рейтингу свободы слова «Freedom of the Press», в котором учитываются традиционные СМИ, и рейтингу демократичности политических режимов «Freedom in the World». И это неслучайно, так как политика в области интернет-коммуникаций служит еще одним важным индикатором, свидетельствующим об уровне демократичности режима.

¹ Гарр Т. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005. 461 с.; Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996. 416 с.; Skocpol T. States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 426 p.

²Гоним В. Революция 2.0. СПб.: Лениздат, 2012. 352 с.

ГЛАВА 3

Влияние сетевой политической коммуникации на политические процессы в современной России

3.1. Трансформация медиапространства современной России как составная часть трансформации политического режима

Как было указано в первой главе, на сегодняшний день в политической науке исследования режимных трансформаций концентрируются вокруг форм государственных институтов и руководствуются институциональным подходом. Именно в этом русле работают такие известные отечественные исследователи как Д. Фурман, С. Моисеев, В. Кувалдин, Н. Баранов, В. Гельман и др.¹ Большинство исследователей считают институциональную конфигурацию политической системы России неудачной. На наш взгляд, в этих исследованиях недостаточно внимания уделяют роли средств массовой информации и динамике общественного восприятия институциональных изменений и общественной поддержке внутренней и внешней политики. Очевидно, что требуется детальный анализ эволюции разных общественных институтов (конституционного устройства, партийной системы, структур гражданского общества и т. п.), а также динамики общественного восприятия институциональных трансформаций циркулирующих через каналы политической коммуникации, и только тогда можно будет делать более определенные выводы.

Кратко остановимся на проблеме наследия предыдущего режима². Дело в том, что траекторию последующих трансформаций во многом задали конституционные реформы, которые имели место еще в эпоху перестройки³. Так, например, пост президентства, введенный сначала на союзном уровне, затем оказался «клонированным» и возник сначала на уровне союзных республик, а потом оказался и на уровне бывших автономных республик РСФСР. Необходимо напомнить, что с формальной точки зрения форма правления СССР, не имея известных аналогов, тем не менее, являлась каким-то подобием парламентской республики, где

¹Баранов Н. А. Эволюция современной российской демократии: тенденции и перспективы. СПб.: БГТУ, 2008. 276 с.; Гельман В. Я. «Transition» по-русски: концепции переходного периода и политическая трансформация в России: 1989-1996 // Общественные науки и современность. 1997. № 4. С. 64-81; Кувалдин В. Б. Президентская и парламентская республики как формы демократического транзита (Российский и украинский опыт в мировом контексте) // Политические исследования. 1998. №5. С. 134-138; Моисеев С. Искушение суперпрезидентской системой. // Pro et Contra. 1998. № 3. С. 74-86; Фурман Д. Е. Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем. М.: Весь мир, 2009. 168 с.

²Согрин В. Политическая история современной России. 1985-1994: От Горбачева к Ельцину. М.: Прогресс-Академия, 1994. 192 с.

³Пастухов В. Б. Российское демократическое движение: путь к власти // Политические исследования. 1992. № 1-2. С. 8-16.

всей полнотой власти по Конституции обладал Съезд народных депутатов. После того как в 1989 году были проведены более или менее свободные выборы, пост председателя Съезда и формального главы государства достался М. С. Горбачеву. Вот как он описывает свои впечатления в мемуарах: «...исправно просидев на первой сессии Верховного Совета на председательском кресле, старательно вникая во все детали процедуры, регламента, работы комитетов и комиссий, понял, что просто невозможно физически сочетать непосредственное руководство парламентом с другими функциями»¹. Убедившись на личном опыте, что невозможно усидеть сразу же на двух стульях, то есть быть одновременно главой исполнительной и законодательной властей, Горбачев в феврале 1990 года инициировал создание института Президента СССР.

Кроме причин личного характера, введению поста президента в Советском Союзе способствовали соображения стратегического характера, связанные с невозможностью проведения реформ при помощи старых структур власти. Цель этой стратегии заключалась в «последовательной передаче власти от партийных структур государственным»². Решающая роль в этом отводилась институту президентства. После внесения соответствующих поправок в Конституцию СССР политическая система страны выглядела следующим образом. Главой государства становился президент, избираемый всенародным голосованием на пятилетний срок. «Новый закон давал президенту широкие полномочия, включая власть предлагать законы и налагать на них вето, назначать правительственных чиновников, выступать в качестве высшего представителя государства за границей, подписывать международные договоры и надзирать за обороной страны. В качестве президента Горбачев мог также созывать общенародные референдумы по важнейшим вопросам, вводить чрезвычайное положение или закон о военном положении в любом регионе государства, пересматривать те решения правительства, которые, по его мнению, противоречат Конституции и нарушают права граждан...»³ Отрицательную роль с точки зрения легитимности нового политического института сыграло решение о том, что первого «переходного» президента можно было избрать не всенародным голосованием, а решением Съезда народных депутатов. С незначительным перевесом (1329 голосов из 2245) Горбачев был избран первым и последним Президентом СССР⁴.

Анализируя форму правления, возникшую в СССР после введения поста Президента, известный исследователь конституционного права А. Н. Медушевский указывает

¹Горбачев М. С. Жизнь и реформы: В 2-х кн. М.: Новости, 1995. С. 484.

² Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.: РОССПЭН, 1997. С. 571.

³Там же. С. 573.

⁴Там же. С. 573.

на то, что Президент СССР обладал огромными полномочиями, а парламент – Съезд народных депутатов не имел реальных рычагов контроля над его деятельностью. Медушевский считает, что в России в те исторические периоды, когда в ней существовали конституции, действовал скорее не конституционный режим, а режим мнимого или номинального конституционализма. В этом плане интересно напомнить, что Р. Арон также именно в вопросе конституционности усматривал первую переменную величину, с помощью которой можно типологизировать режимы¹. Вывод Медушевского категоричен: «Номинальный конституционализм советского образца... завершился переходом к очень специфической форме мнимого конституционализма, объем власти президента в котором соответствует объему власти конституционного монарха или даже превосходит ее»².

В этих условиях перестройки, завершившийся введением поста Президента СССР, развивалась новая информационная политика гласности, которые современные исследователи не могут отнести к разряду нормальных режимов свободной прессы и публичной сферы³. До периода Гласности советские СМИ являлись «партийным агитатором и пропагандистом», находясь в жестких тисках цензуры и государственного монополизма⁴. Гласность понадобилась Горбачёву для борьбы с той частью бюрократии, которая тихо саботировала все его нововведения. Поэтому Горбачеву пришлось вспомнить «ленинские принципы» работы СМИ. В определенном смысле гласность стала новой версией андроповской политики борьбы с коррупцией и повышения эффективности работы государственного аппарата. Андропов тоже пытался бороться с приписками, взяточничеством и «блатом», но делал это преимущественно при помощи силовых структур. Очевидно, что Горбачёву не хотелось подлинной свободы слова, когда объектом критики мог стать любой политик. При этом, СМИ оставались государственными предприятиями, которые быстро почувствовали конъюнктуру рынка.

Параллельно развивался процесс принятия новой российской конституции, которая в итоге стала результатом острой политической борьбы. После победы оппозиции на выборах в Верховный Совет РСФСР весной 1990 г. была сформирована конституционная комиссия. Комиссия была занята идеями противодействия «союзным» органам власти, однако в августе 1991 г. этот вопрос разрешился естественным путем, вследствие произошедшего путча. Как пишет В. Пастухов, «конституционная комиссия продолжает работать по инерции, но никто не обращает на ее деятельность внимания. Президент, являющийся ее официальным главой,

¹Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М.: Текст, 1993. 303 с.

²Медушевский А. Н. Указ.соч. С. 573.

³Gibbs J. Gorbachev's Glasnost: The Soviet Media in the First Phase of Perestroika. Texas, Texas A&M University Press, 1999. 168 p.

⁴Hopkins M. Mass Media in the Soviet Union. N.Y., 1970. 384 p.

практически не появляется на ее заседаниях. Казалось бы, новая власть вполне удовлетворена состоянием конституционного законодательства»¹.

Однако в 1992 году проблема конституционных реформ вновь выходит на первый план. Это происходит на фоне конфликта между Верховным Советом и Президентом по поводу объемов полномочий ветвей власти². Зимой 1992 года президентской администрацией создается параллельная парламентской конституционная комиссия. Вопрос о новой конституции стал вопросом острой политической борьбы. Народные депутаты стали вносить и принимать огромное количество поправок, пытаясь бороться с президентом таким образом. Последняя конституция РСФСР от 1978 года простояла без изменений более одиннадцати лет. Первые 25 поправок были внесены и приняты в 1989 году, в 1990 – 53, в 1991 – 29, в апреле 1992 года – 177, а на седьмом съезде в декабре 1992 года – около 90 поправок³.

После окончания вооруженной конфронтации между противоборствующими политическими группировками в 1993 г., была принята новая конституция России и проведены выборы в Государственную думу. Согласно действующей с 1993 года Конституции Российской Федерации ее форму правления следует, скорее всего, отнести к полупрезидентской республике. Конфигурация полномочий и ответственности ветвей власти практически идентична украинской. Однако присутствуют и некоторые отличия в плане расширения полномочий президента. Примечателен тот факт, что если в Конституции Украины сначала идет глава о парламенте, затем о президенте и правительстве, то в Конституции России ситуация обратная: сначала идет глава о президенте, а потом о парламенте. Что же касается конкретных различий, то первым таким различием является право президента России о принятии решения об отставке Правительства России⁴. Как отмечал советник председателя Совета Федерации РФ П. Федосов «Кандидатура премьера и состав правительства никак не связаны с соотношением сил в Думе... решение об отставке правительства президент принимает единолично. В результате правительство оказывается в абсолютной зависимости от фактически неограниченного произвола президента»⁵. Вторым отличием российской конституции является конституционно зафиксированная процедура назначения премьер-министра⁶. В случае трехкратного отклонения кандидатуры, предложенной президентом, Государственная Дума должна быть распущена и

¹Пастухов В. Б. Становление российской государственности и конституционный процесс: политологический аспект // Государство и право. 1993. № 2. С. 93.

²McFaul M., Markov S. The Troubled Birth of Russian Democracy: Parties, Personalities, and Programs. Stanford: Hoover Institution Press, 1993. 384 p.

³Румянцев О. Г. Основы конституционного строя России. М.: Юрист, 1994. С. 165.

⁴См.: Конституция Российской Федерации, Гл. 4, Ст. 83.

⁵Украина и Россия: уроки реформ. Материалы украинско-российского экспертного семинара // Політична думка. 1998. № 3-4. С. 27-28.

⁶См.: Конституция Российской Федерации, Гл. 6, Ст. 111.

назначены новые выборы. Практически в любом случае премьер-министром становится ставленник президента. В новейшей истории России есть пример, когда Думе удалось навязать своего кандидата. Им стал Е. Примаков, известный представитель позднесоветской политической элиты. Однако, этот случай имел место в условиях острейшего экономического кризиса, поразившего Россию в 1998 году.

Анализируя эти и другие особенности, среди которых можно упомянуть то, что президент имеет право председательствовать на заседаниях правительства России, нужно сделать вывод о том, что форму правления России можно охарактеризовать как смешанную полупрезидентскую республику. Однако, если следовать классификации М. Шугарта и Дж. Кэри, то это «парламентско-президентская» система¹. Президент России практически полностью контролирует правительство. При этом российский парламент оказывается на периферии политической жизни. Большинство российских политологов критически относятся к конституции 1993 года. В этом плане показательно мнение В. Дзодзиева, который, в частности, говорит о том, что «принятая в чрезвычайных обстоятельствах новая конституция (1993 г.) была приспособлена в первую очередь для юридического оформления и закрепления политически господствующего положения правящей группировки, наделения президента чрезвычайно широкими полномочиями, ограничения реального и общественного влияния парламента и конституционного суда, оказавшихся до этого в оппозиции к президенту. В этой конституции, в частности, ... практически отсутствует... возможность парламентского контроля за деятельностью исполнительной власти по реализации законов»². Российская конституция, таким образом, противоречит основному выводу А. Пшеворского о том, что «...только те конституции соблюдаются и действуют длительное время, которые уменьшают ставки в политических схватках»³. Действительно, российская конституция имеет яркий мажоритарный характер. Победитель президентских выборов сосредотачивает в своих руках огромную власть. Необходимо также подчеркнуть, что огромное влияние на выбор именно такой формы правления оказали не только исторические традиции самодержавия (о том, что единовластие генерального секретаря является продолжением единовластия царей, писал еще Н. Бердяев⁴, но и непосредственный опыт последних лет существования СССР⁵. Мнение о том, что

¹ Shugart M. S., Carey J. M. Presidents and Assemblies. Constitutional Design and Electoral Dynamics. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

² Дзодзиев В. Проблемы становления демократического государства в России. М.: Ad Marginem, 1996. С. 5.

³ Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: РОССПЕН, 2000. С. 61.

⁴ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 220 с.

⁵ Сравнительный анализ Конституций США и России («круглый стол») // Социально-политический журнал. 1994. №9-10.

политическую систему России следует отнести к суперпрезидентской получило большое распространение в России и за рубежом¹.

Средства массовой информации и медиaprостранство современной России эволюционировали вместе с политико-экономической системой, которая все больше и больше менялась в сторону корпоративного авторитаризма, характеризующимся наличием нескольких крупных экономико-политических группировок, включающих также и медийные ресурсы². В девяностые годы СМИ были активными участниками политической борьбы между конкурирующими политическими структурами, и зачастую были составной частью финансово-экономических групп³. Однако, уже в 90-е годы начала проявляться тенденция к возврату государственного влияния в медиaprостранстве России. В частности, Б. Макнейр отмечает, что еще в 1996 г. при Ельцине были предприняты первые шаги в этом направлении, когда от руководства РТР был отстранен О. Попцов и назначен Э. Сагалаев⁴. Именно в 90-е гг. была опробована модель пропагандистской журналистики на новых «рыночных» основаниях, а не на «партийных», как это было при советской власти. Большинство исследователей отмечают специфическую культуру отечественной журналистики, которая не придает большого значения этическим вопросам и проблемам объективности⁵.

После отстранения В. Гусинского от управления телеканалом «НТВ», фактически наступил период информационной монополии на политическую информацию. Это не значит, что в современной России отсутствует свобода слова. Разумеется, она есть, и существует множество примеров СМИ, которые предоставляют слово самым оппозиционным и внесистемным политикам. Однако, эта свобода не доступна массовым аудиториям. Вот как описывает этот механизм Е. С. Крестинина: «на сегодняшний день в России наиболее значимым инструментом формирования информационного поля является телевидение, при этом на самом телевидении популярностью и доверием пользуются три основных центральных канала – Первый канал, Россия 1 и НТВ... редакционная политика центральных каналов во многом является отражением политики государства по отношению к публичному пространству. Это проявляется в замалчивании некоторых новостей, касающихся оппозиции или событий,

¹ Fish M. S. *Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics*. New York, NY: Cambridge University Press, 2005. 336 p.; Моисеев С. Искушение суперпрезидентской системой // *Pro et Contra*. 1998. № 3. С. 74-86; Саква Р. Российский режим: от Ельцина к Путину // *Россия и современный мир*. 2002. № 4. С. 5-22.

² Kubichek P. Variations on Corporatist Theme: Interest Associations in Post-Soviet Ukraine and Russia // *Europe-Asia Studies*. 1996. Vol. 48. № 1. January. P. 321-345.

³ Крестинина Е. С. Трансформация информационного поля как инструмент политического воздействия: российский опыт // *Политические коммуникации в изменяющейся России* / Под ред. Л. Н. Тимофеевой. Москва, 2013. С. 100.

⁴ McNair B. *Power, profit, corruption, and lies: The Russian media in the 1990s* // *De-Westernizing Media Studies* / Ed. by James Curran, Myung-Jin Park. L.: Routledge, 2000. P. 79-94.

⁵ Davis H., Hammond P., Nizamova L. Changing Identities and Practices in Post-Soviet Journalism // *European Journal of Communication*. 1997. Vol. 13. No 1. P. 77-97.

тиражирование которых выставило бы власти в невыгодном свете». Известный журналист Л. Парфенов по этому поводу высказал следующее соображение: «Для корреспондента федерального телеканала высшие должностные лица не ньюсмейкеры, а начальники его начальника. Институционально корреспондент тогда и не журналист вовсе, а чиновник, следующий логике служения и подчинения. С начальником начальника невозможно, к примеру, интервью в его подлинном понимании: попытка раскрыть того, кто не хотел бы раскрываться»¹.

Складывавшийся на протяжении исследуемого периода в России политический режим опирается в своей основе на несколько инструментов, среди которых важную роль играют не только конституционные институты полупрезидентской республики, электоральная система, слабое гражданское общество, но и средства массовой информации, которые создают необходимую общественную поддержку². Очевидно, что социально-экономическое благосостояние также оказывало важнейшее влияние на режимные трансформации. Это влияние носило негативный характер в 90-е, и благоприятный – в двухтысячные. Некоторые авторы описывают сложившийся режим, как «маркетинговый авторитаризм», некоторые – как «имитационная», «управляемая» или «суверенная демократия»³. В отечественной литературе встречаются позиции, объясняющие современное состояние политического режима в России с эволюционных позиций и считающих, что развитие происходит «в правильном направлении»⁴. Однако, в большинстве подходов, получивших распространение в научной литературе и публицистических статьях, при описании утвердившегося в современной России режима, делается сильный акцент на том, что одним из основных источников власти правящей политической группировки является контроль над средствами массовой информации и политическими процессами, включая партогенез, электоральный дизайн, политическую повестку дня и т.п. Конечно, этот контроль нельзя приравнивать к цензуре, существовавшей в

¹Выступление Леонида Парфенова на церемонии вручения премии имени Владислава Листьева, 25.11.2010 [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.ltv.ru/sprojects_edition/si=5817&fi=6319 (дата обращения: 22.12.2011).

² Дилигенский Г. Г. Политическая институционализация в России: социально-культурные и психологические аспекты // *Мировая экономика и международные отношения*. 1997. № 7. С. 5-12, № 8, С. 5-16; Becker J. Lessons from Russia: A Neo-Authoritarian Media System // *European Journal of Communication*. 2004. Vol. 19 (2). P. 139-163.

³ Гончаров В. Э. Маркетинговый авторитаризм // *Политэкс*. 2005. № 1. С. 83-92; Павловский Г. О. Власти, эмоции и протесты в России: Глеб Павловский о переходе от «управляемой демократии» к неуправляемой // *Гефтер*. 1 июля 2014. <http://gefter.ru/archive/12661> (дата обращения: 26 января 2015 г.); Сурков В. Суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности [Электронный ресурс] // Стенограмма выступления заместителя Руководителя Администрации Президента - помощника Президента РФ Владислава Суркова перед слушателями Центра партийной учебы и подготовки кадров ВПП «Единая Россия», 7 февраля 2006 года. <http://web.archive.org/web/20060418035317/http://www.edinros.ru/news.html?id=111148> (дата обращения: 1.11.2010); Wilson A. *Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World*. New Haven and London: Yale University Press, 2005.

⁴ Демократия в российском зеркале: монография / Редакторы-составители А. М. Мигранян, А. Пшеворский. Москва: МГИМО-Университет, 2013. 519 с.

советский период российской истории¹. Правящая политическая группировка в основном контролирует центральные телевизионные каналы и некоторые другие государственные средства массовой информации, что позволяет ей, ввиду того, что именно они являются в России наиболее массовыми каналами политической коммуникации, эффективно управлять политической повесткой дня и регулировать социально-психологический климат в обществе². При этом, до недавнего времени интернет-коммуникации не требовали серьезного государственного регулирования, а власти предпочитали управлять Интернетом при помощи тонких приемов информационного манипулирования и финансовой монополии, не прибегая к запрету зарубежных сервисов или жестким уголовным наказаниям для оппозиционных блоггеров³.

В постсоветской России сформировалась гибридная политическая система. Как отмечал еще в 2003 г. С Уайт, почти нет смысла называть ее демократической: «проходят выборы с соперничеством кандидатов, но на них сильно влияет то, как кандидатов и партии освещают СМИ, особенно государственное телевидение»⁴. В ходе формирования современной политической системы современной России СМИ также переживали некоторые трансформации. Назовем только основные тенденции. Во-первых, это естественное падение общего интереса к политике после периода чрезмерной политизации, вошедшего в историю под названием «перестройка». Во-вторых, это коммерциализация современных российских средств массовой информации, которая привела к тому, что политическая информация в главных телеканалах превратилась в своего рода шоу, в котором Президент, как первое лицо, обладающее всей полнотой власти, получает высокие рейтинги, а подавляющее большинство других лиц, имеющих отношение к публичной политике, выступают в любом качестве («клоуны», «мальчики для битья», «подпевалы», «нерадивые исполнители» и т. п.), но не в качестве серьезных политических деятелей. И, в-третьих, это конструирование политического режима

¹ Грабельников А. А. Российские СМИ на рубеже веков: некоторые итоги и перспективы // Политическая коммуникация в постсоветской России: проблемы формирования и парадигмы развития. / Под общ. ред. Л. Н. Тимофеевой, Е. В. Лобзы. М.: Республиканская типография, 2003. С. 45-61; Дзялошинский И. М. Информационное пространство России: структура, особенности функционирования, перспективы эволюции. М.: Фонд Карнеги, 2001. 32 с.; Засурский И. И. Ре-конструкция России: масс-медиа и политика в девяностые годы. М.: МГУ, 2001. 228 с.; Средства массовой информации постсоветской России / Под ред. Я. Н. Засурского. М.: Аспект-Пресс, 2002. 301 с.; Vartanova E., Smirnov S. Contemporary Structure of the Russian Media Industry // Russian Mass Media and Changing Values / Ed. by A. Rosenholm, K. Nordenstreng, E. Trubina. L.: Routledge, 2010. P. 21-40; Zasloursky I. Media and Power in Post-Soviet Russia. Armonk, N.Y.: Routledge, 2002. 316 p.

²Oates S. Media, Civil Society, and the Failure of the Fourth Estate in Russia // Russian Civil Society: A Critical Assessment / Ed. by Alfred B. Evans, Jr., Laura A. Henry, and Lisa McIntosh Sundstrom. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 2006. P. 57-72; Pietilainen J. Media Use in Putin's Russia // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2008. Vol. 24. № 3. P. 365-385.

³Alexander M. The Internet and Democratization: The Development of Russian Internet Policy // Demokratizatsiya. 2004. Vol. 12. № 4. P. 607-627.

⁴Уайт С. Еще раз о посткоммунистической транзиции // Социологические исследования. 2003. № 11. С. 28.

«делегативной демократии», авторитарного по своему содержанию и демократического по антуражу. Современный политический режим России опирается на монополизацию СМИ, когда с одной стороны, наиболее влиятельные телевизионные каналы фактически принадлежат государству, а с другой стороны, имеет место концентрация медийных каналов, включая сетевые СМИ, в руках доверенных олигархов¹. Некоторые исследователи называют этот процесс «резтатизацией российского медийного пространства»². На региональном уровне медиапространство репродуцирует федеральный, когда все политические вопросы находятся под жестким контролем государственных органов власти³.

Федеральное медийное пространство поделено между тремя основными видами медиахолдингов:

- государственными и квазигосударственными холдингами общенационального уровня;
- частные холдинги, не имеющие общенационального охвата, но принадлежащие владельцам, лояльно относящимся к власти;
- частные холдинги, специализирующиеся на СМИ развлекательного характера и дистанцирующиеся от политики⁴.

Таким образом, с 1991 года Россия проделала долгий путь от страны с высокой конкуренцией между средствами массовой информации до страны с олигополистическим характером медийного рынка и крайне низкой степенью реализации принципа свободы слова⁵. Даже в интернет-пространстве Mail.ru Group, принадлежащая А. Усманову, контролирует ведущие социальные сети России⁶.

Самыми очевидными политическими эффектами системы доминирования на информационном пространстве одной политической силы становятся политическая апатия населения, низкий уровень участия в политической жизни вообще и в голосованиях в частности, недоверие к политическим организациям, поиск неформальных политических каналов коммуникации (слухи), неконвенциональное поведение и т.п. Перспективы укоренения демократического политического режима в таких условиях выглядят весьма проблематично, даже несмотря на то, что режим «управляемой демократии» смотрится более предпочтительно

¹ Виноградова С. М., Мельник Г. С. Монополизация СМИ в современном информационном пространстве // Политэкс. 2005. № 2. С. 95-110.

²СМИ и политика / Под ред. Л. Л. Реснянской. М.: Аспект-Пресс, 2007. С. 107-117.

³Щепилова Г. Г., Бурьянова М. В. Взаимодействие СМИ и властных структур в российских регионах // Медиаскоп. 2014. № 4. С. 23-40.

⁴Средства массовой информации России / Под ред. Я. Н. Засурского. М.: Аспект-Пресс, 2011. С. 322.

⁵ Дзялошинский И. М. Современное медиапространство России. М.: Аспект-Пресс, 2015. С. 160-166; Стариков А. Г. Масс-медиа современной России. Ростов-на-Дону: Феникс, 2013. С. 220-232.

⁶Шелонаев С. И. Институционализация медиапространства. СПб.: Изд-во Владос Северо-Запад, 2013. С. 62.

на фоне предыдущего советского режима¹. Низкий уровень участия граждан в голосовании приводит к тому, что создаются предпосылки к свертыванию демократических институтов власти. Более того, избранные подавляющим меньшинством политики обречены на серьезные проблемы с осуществлением своих должностных обязанностей.

И, конечно же, в этом случае не приходится говорить о легитимности такой властной вертикали. Альтернативы развития «управляемой демократии» сводятся к двум сценариям: сворачиванию демократического антуража или развитие в сторону реальной демократии и конкурирующих независимых средств массовой информации. Длительная консервация гибридного режима невозможна потому, что в таком случае указанные негативные эффекты получают еще большее развитие и переходу к одному из указанных сценариев. Вместе с тем, нельзя не отметить способность режима к эффективному использованию различных пропагандистских методов. Еще в 2002 г. Р. Саква обращал внимание на то, что «элементы «культы личности» Путина возникли удивительно быстро, о чем свидетельствовали его портреты на официальных зданиях и многое другое. Если имидж Ельцина создавался как имидж человека из народа, решительного бунтовщика и революционера, то в Путине акцентируются железная воля, здоровье, молодость и решимость, подкрепленная массовой поддержкой. Элементы просвещенного авторитаризма объясняются именно своей укорененностью в массовой поддержке, и такой облик заботливо охраняется и пестуется. Конечно, из этого не следует, что у Путина нет искренних поборников и поддержка ему создается искусственно, но за ней внимательно следят»². Кроме того, популярность В. Путина во многом объясняется тем, что он умело использовал разочарование широких масс в рыночных и политических реформах 90-х гг., которые породили сильную «культурную травму» в российском обществе³.

Одной из наиболее успешных технологий в этом аспекте является активное управление повесткой дня. В самом общем виде повестку дня можно охарактеризовать через «относительный акцент средств массовой информации на тех или иных проблемах»⁴. Управление повесткой дня приводит к тому, что сначала пробуждается интерес аудитории к определенной тематике, затем меняются общественные приоритеты, затем, если тема затрагивает интересы и эмоции людей, наступает мобилизация аудитории, которая начинает

¹ Переходный период: анализ и уроки первого десятилетия для стран Восточной Европы и бывшего Советского Союза. Исследование Всемирного банка. М.: Весь мир, 2002. 296 с.

² Саква Р. Российский режим: от Ельцина к Путину // Россия и современный мир. 2002. № 4. С. 11.

³ Козырева П. М., Смирнов А. И. Результаты радикальных реформ и проблема поддержки принципов и ценностей демократии в России. М.: Новый хронограф, 2015. 320 с.; Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 3-12.

⁴ Катлип С. М., Сентер А. Х., Брум Г. М. Паблик рилейшенз. Теория и практика. М.: Вильямс, 2008. С. 293

предпринимать какие-то действия.

В данной главе мы предполагаем верификацию данного положения через анализ нескольких кейсов:

- 1) изменение уровня поддержки политики Дж. Буша (младшего) после терактов 2001 г.;
- 2) эволюция поддержки президента Франции Ф. Олланда во время вооруженной интервенций в Республику Мали (2012 г.), операции в Центрально-Африканской Республике (2013 г.), а также после теракта редакции французского сатирического еженедельника *Charlie Hebdo* (2015 г.);
- 3) динамика общественного мнения в России после событий на Украине в 2013-2014 гг.

Все три кейса предполагают резкое изменение повестки дня в средствах массовой информации, связанные с использованием вооруженных сил или сил специального назначения во внешнеполитических мероприятиях. Разумеется, рамки исследования не позволяют провести полномасштабную верификацию теории установления повестки дня, однако, на наш взгляд, эти кейсы достаточно хорошо иллюстрируют возможности и ограничения управления повесткой дня в мобилизационных процессах. В начале главы мы предполагаем остановиться более подробно на базовых предпосылках теории управления повесткой дня, затем перейти к анализу конкретных кейсов и завершить главу подведением итогов.

В отечественной специальной литературе сформировался довольно большой список работ по различным аспектам теории установления повестки дня. В первую очередь следует назвать работы признанных отечественных классиков в этой области: Е. Г. Дьяковой и А. Д. Трахтенберг¹. Кроме того, значительный интерес представляют труды таких авторов, как В. А. Ачкасова, Н. Ф. Пономарев, А. И. Черных и др.² Прикладной интерес для данной работы имеют статьи С. В. Козлова «Роль средств массовой коммуникации в установлении повестки дня «оранжевой революции» и В. Э. Гончарова «Идеологический фрейминг как политическая технология»³. В этих статьях используется исследовательский подход, сложившийся в рамках

¹ Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов. Екатеринбург: УрО РАН, 1999. 130 с.; Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д. Проблемы конструирования реальности в процессах массовой коммуникации: гипотеза agenda-setting // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 1999. № 1. С. 142-160.

² Ачкасова В. А. Принцип «повестки дня» как доминанта медийного пространства // Журналистский ежегодник. 2012. № 1. С. 7-9; Пономарев Н. Ф. Политическая коммуникативистика. Информационные стратегии власти. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2010. 188 с.; Черных А. И. Мир современных медиа. М.: Территория будущего, 2007. 312 с.

³ Гончаров В. Э. Идеологический фрейминг как политическая технология [Электронный ресурс] // Доклад на конференции научно-технических сотрудников СПбГУТ. Санкт-Петербург, 2012. Режим доступа: <http://political-technology.ru/index.php/2011-04-30-02-48-49/69-2013-01-02-14-39-25> (дата обращения: 22.06.2015); Козлов С. В.

теории установления повестки дня, и примененный соответственно для анализа событий в Украине и России.

Считается, что теория управления повесткой дня (Agenda-setting theory) была впервые детально сформулирована в 1972 г. М. Маккоумбсом и Д. Шоу¹. В отличие от классиков Чикагской социологической школы, разработавших теорию лидеров мнений и двухступенчатой коммуникации, основатели теории установления повестки дня указывали на то, что влияние СМИ на поведение граждан может оказываться различными способами. Влияние лидеров мнений, очевидно, имеет место, но не объясняет полностью этой проблемы. Дословно краткая формулировка изначальной гипотезы теории управления повесткой дня звучала следующим образом «масс-медиа устанавливают повестку дня для каждой политической кампании, влияя на размер внимания к политическим проблемам»². Иными словами, СМИ могут замалчивать одни политические вопросы и уделять чрезмерное влияние другим.

Последующая верификация этой изначальной гипотезы привела к появлению дополнительных концептуальных положений. Выделим наиболее важные для целей нашего исследования. Во-первых, в работе «Установление повестки дня средствами массовой информации в ходе президентской кампании», вышедшей в 1981 г., было выделены два типа событий: «навязчивые» и «ненавязчивые»³. Как уточняют Е. Дьякова и А. Трахтенберг, навязчивыми были названы те события, «относительно которых люди имеют непосредственный и постоянный опыт, такие как инфляция и безработица, и которые приобретают общественную значимость вследствие личного опыта, а ненавязчивыми – те, по отношению к которым у людей нет личного опыта, и средства массовой информации выступают в качестве единственного учителя и источника сведений об этих проблемах»⁴. Такими проблемами или событиями могут быть такие сложные явления, как «парниковый эффект», «птичий грипп», «война с терроризмом», «однополые браки» и т. п. В этом наблюдении мы видим первое важное ограничение теории установления повестки дня. Для того, чтобы «ненавязчивое» событие вызвало интерес, оно должно быть действительно интересным, неожиданным, масштабным и выглядеть так, как будто бы оно потенциально может затронуть всех.

Роль средств массовой коммуникации в установлении повестки дня «оранжевой революции» // Вестник НГУ. 2010. Серия: История, филология. Т. 9. № 6. С. 71-77.

¹McCombs M., Shaw D. The Agenda-setting Function of Mass-Media // Public Opinion Quarterly. 1972. Vol. 36. № 3. P. 176-187.

²Ibid. P. 177.

³Weaver D. H., Graber D. A., McCombs M. E., Eyal C. H. Media Agenda-setting in the Presidential Election. N.Y.: Praeger, 1981. 227 p.

⁴Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д. Проблемы конструирования реальности в процессах массовой коммуникации: гипотеза agenda-setting // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 1999. № 1. С. 149.

Во-вторых, важнейшим заключением теории повестки дня, вытекающим из предыдущего, стало положение о том, что переключение внимания носит поверхностный и краткосрочный характер. Поскольку подавляющее большинство людей не имеют личной экспертизы высокого уровня по поводу «ненавязчивых» проблем, постольку они не в состоянии оценить, что действительно происходит. Они вынуждены либо доверять мнению «лидеров мнения», либо избегать какого-либо суждения, из конформистских соображений склоняясь к мнению большинства. Как объясняет Д. Грабер в своей классической книге «Власть СМИ в политике», подавляющее большинство граждан в современных странах составляют свое мнение о политических вопросах через СМИ¹. При этом граждане де факто не являются экспертами и дипломированными политическими аналитиками, да и не имеют возможностей, времени и сил для политического просвещения. Политические идеи усваиваются ими весьма поверхностно и иногда во внутренне противоречивых формах². Поэтому их внимание к политической повестке носит весьма поверхностный и краткосрочный характер. Из этих размышлений вытекает второе важнейшее ограничение эффективности технологии установления повестки дня.

В последние годы интенсивно дискутируется проблема сочетания теории установления повестки дня и достижений современного дискурс-анализа³. В частности, один из основателей теории установления повестки дня в своей статье «Размышления об установлении повестки дня, фрейминге и прайминге» указывает, что существует два уровня установления повестки дня: на первом уровне речь идет об акцентированном освещении одних событий или проблем за счет других, а на втором уровне - о преимущественном освещении отдельных аспектов событий или проблем⁴. Под этим углом зрения, разумеется, можно крайне широко трактовать теорию установления повестки дня. В данной работе мы преимущественно используем «классическую» теорию установления повестки дня, концентрирующейся на акцентах первого уровня – событиях. Вместе с тем, следует отдавать отчет о важности технологий прайминга (порядок освещения событий в сетке вещания) и фрейминга (отнесение какого-то конкретного случая или ситуации к уже известной категории или фрейму, предлагающее простую и понятную интерпретацию) в современной политической коммуникации⁵.

¹Graber D. A. *Media Power and Politics*. Washington: CQ Press, 2010. 480 p.

²Gerber A., Huber G., Doherty D., Dowling C., Ha S. *Personality and Political Attitudes: Relationships across Issue Domains and Political Contexts* // *American Political Science Review*. 2010. Vol. 104. № 1. P. 111-133.

³McCombs M. E., Shaw D. L., Weaver D. H. *New Directions in Agenda-Setting Theory and Research* // *Mass Communication and Society*, 2014. Vol. 17. № 6. P. 781-802.

⁴Weaver D. H., Graber D. A., McCombs M. E., Eyal C. H. *Media Agenda-setting in the Presidential Election*. N.Y.: Praeger, 1981. 227 p.

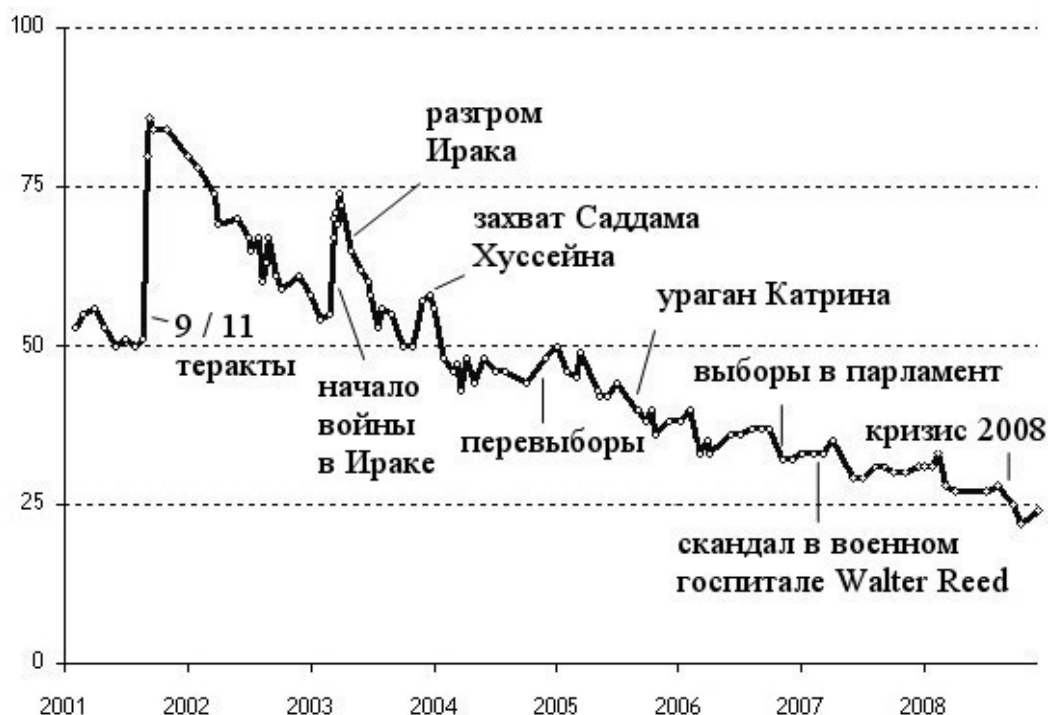
⁵См. подробнее: Гончаров В. Э. Указ. Соч.

Далее, мы предполагаем анализ трех кейсов, которые будут разобраны с помощью метода сравнительного анализа, анализа результатов опросов общественного мнения, анализа результатов поисковых запросов в поисковой машине Yandex. Классические работы в области установления повестки дня основывались на исследовании повестки дня в СМИ, повестки дня граждан и на результатах выборов или опросов общественного мнения. В нашем случае мы используем комбинацию доступных методов, которые позволяют ухватить все три измерения. Самым спорным моментом, который при большом желании можно отнести к субъективной трактовке, является выделение событий, которые повлияли на общественное мнение. Прекрасно осознавая эту проблему, мы полагаем, что в «российском кейсе» смогли выделить бесспорное ключевое событие – референдум о статусе Крыма и дальнейшее развитие событий в Крыму и Восточной Украине.

Мы предлагаем начать анализ возможностей установления повестки дня с примера, напрямую связанного с вооруженными действиями и антитеррористической деятельностью. До недавнего времени это был один из немногих случаев, когда одобрение деятельности главы государства превышала 85 %. Это был рейтинг Дж. Буша (младшего) спустя несколько недель после терактов «9/11». На рис. 6 представлена динамика одобрения деятельности Буша во время его пребывания на посту Президента США, а также некоторые события, которые вызвали большой общественный резонанс. Мы не претендуем на то, что исключительно эти события детерминировали изменение рейтинга Буша. Очевидно, что любой уровень поддержки базируется на нескольких факторах. Однако на рисунке четко видно, что пиковые показатели одобрения деятельности Дж. Буша (младшего) связаны с терактом «9/11» и последующими военными действиями в Ираке. При чем, в во втором случае мы видим два пика популярности: сразу после начала войны и после поимки С. Хуссейна. Любопытно то, что формальный разгром иракских войск не вызвал роста одобрения, а вот поимка главного «плохого парня» вызвал. В данном случае мы имеем дело с феноменом персонификации, хорошо известной PR-технологией, которая настаивает на том, что в хорошем новостном сюжете всегда должна быть задействована персона, что вызывает человеческие эмоции в зрителях. В этом плане С. Хусейн был старым, хорошо «пропиаренным», противником США. После этого мы видим, что рейтинг Буша последовательно снижался, хотя запаса популярности хватило для того, чтобы остаться на второй срок.

Рис. 3. Одобрение деятельности Дж. Буша и повестка дня в США в 2001-2009 гг.¹

¹Составлено по данным: Bush and Public Opinion: Reviewing the Bush Years and the Public's Final Verdict // Pew Research Center. 2008. Режим доступа: <http://www.people-press.org/files/legacy-pdf/478.pdf> (дата обращения: 22.06.2015).

Анализ динамики поддержки Дж. Буша (см. рис. 3) показывает, что повестка дня может радикально и очень быстро мобилизовать поддержку среди сторонников, а также переманить электорат политических противников. В случае с событиями, связанными с терактами «9/11» Буш получил увеличение рейтинга на 35 %, после начала войны – на 20 %, а после захвата Саддама Хуссейна – почти на 10 %. Очевидно, что сомнительные данные ЦРУ о наличии оружия массового поражения у Ирака и предостережения подавляющей части внешнеполитического истеблишмента о невыгодных долгосрочных последствиях для США в регионе Ближнего Востока и во всем мире не могли перевесить реальные выгоды от развязывания этой войны для Джорджа Буша лично и для его группы высокопоставленных политических сторонников. Вместе с тем, мы знаем, что военные события на Ближнем Востоке и контр-террористические операции США в этом регионе продолжают, но практически потеряли свое значение в качестве технологии установления повестки дня. Комбинированный положительный эффект от терактов «9/11» и войны в Ираке продлился не больше двух лет, а экономические трудности постепенно, но необратимо свели уровень поддержки Дж. Буша на очень низкий уровень (менее 25 % к концу второго срока).

Обратимся теперь к менее очевидному кейсу – одному из самых неудачных президентов современной Франции – Ф. Оланду. На рис. 4 представлена динамика одобрения его деятельности и некоторые события в политической жизни Франции в 2012-2015 гг.¹

¹Cotes de popularités des Présidents et Premiers ministres [Электронный ресурс] // TNS-Sofres. 2015. Режим доступа: http://www.tns-sofres.com/dataviz?type=1&code_nom=hollande&start=1&end=34&submit=Ok (дата обращения:

Оговоримся, что и в этом случае мы не считаем, что исключительно эти отмеченные на рисунке события оказывали влияние на рейтинги Ф. Оланда. К примеру, на рисунке отмечены две военные операции с участием вооруженных сил Франции в Африке, которые очевидно не привели к заметному улучшению ситуации с одобрением деятельности Президента Оланда. Мы видим, что кривая поддержки не имеет таких резких колебаний, как в случае с Дж. Бушем (младшим). Попытки переломить ситуацию с помощью ограниченных военных операций в Африке не дали заметных результатов. Принятие закона об однополых браках и единении нации после терактов в редакции журнала «Шарли Эбдо» прибавили Оланду несколько процентных пунктов, но также не смогли радикально улучшить катастрофическую ситуацию. Ф. Оланд вошел в историю, как Президент Франции с самыми низкими рейтингами. Более того, премьер-министр Франции Мануэль Вальс пользуется более высокими уровнями одобрения деятельности, чем Оланд¹.

Рис. 4. Одобрение деятельности Ф. Оланда и повестка дня Франции в 2012-2015 гг.

(составлено автором на основе данных TNS-Sofres)

Трактовка динамики одобрения деятельности Франсуа Оланда с точки зрения теории управления повесткой дня сталкивается с серьезными трудностями. Сопоставимые с США в масштабах Франции события не вызвали серьезных прибавок к рейтингу Президента Оланда. Если этот прирост и был, то он не измерялся десятками процентов. Вероятно, четко выраженный тренд на снижение поддержки деятельности Оланда связан в первую очередь с экономическими проблемами и личной жизнью Президента. Сравнивая Францию и США (22.06.2015).

¹ Techniquement, François Hollande peut descendre encore plus bas dans les sondages [Электронный ресурс] // 20 Minutes. 2014. <http://www.20minutes.fr/politique/1437819-20140905-techniquement-francois-hollande-peut-descendre-encore-plus-bas-sondages> (дата обращения: 22.06.2015).

можно увидеть, что в случае с Дж. Бушем имели место активные действия после терактов «9/11», серьезные изменения во внешней и внутренней политике, а также довольно масштабные боевые действия. Франсуа Оланд не смог предложить сопоставимых событиям решений во внутренней и внешней политике. Фактическое ухудшение дел в экономике сопровождалось скандалами в области личной жизни Президента Франции. В этих условиях события, которые потенциально могли улучшить ситуацию с рейтингом, не стали поводами для активных и успешных действий, которые могли бы поднять уровень поддержки. Как справедливо указывает В. А. Ачкасова, «СМИ, устанавливающие повестку дня для массовой аудитории, решают, о чем будут думать люди, хотя заранее неизвестно, какие именно оценки люди будут этим явлениям давать»¹. В случае с Франсуа Оландом «ненавязчивые» события не смогли отвлечь внимание французов от повседневных проблем, связанных с экономическими сложностями и высокой безработицей. Плюс ко всему личная жизнь Президента стала шикарным «ненавязчивым» сюжетом для СМИ, оказав медвежью услугу одобрению его официальной политической деятельности.

Прежде чем перейти к непосредственному анализу влияния событий в Украине на политическую повестку дня в России, остановимся на одном принципиально важном моменте. В специальной литературе поднимался вопрос о принципиальной невозможности использования теории установления повестки дня для анализа политической коммуникации в тоталитарных странах². Мнения по поводу ситуации в авторитарных странах и странах с частично свободными СМИ расходятся. На наш взгляд, в современной России нельзя говорить о полном и всеобъемлющем контроле над СМИ и средствами массовой коммуникации. В любом случае информационная конкуренция в медиа-сфере России гораздо выше, чем в Китае, особенно в области Интернета. Даже такая демократически ориентированная организация, как «Репортеры без границ», отмечает в своем «Всемирном индексе свободы прессы», что в 2010 г. Россия относилась к разряду стран, имеющих «сложную ситуацию» со свободой прессы, занимая 148 место из 180³. В этом же индексе Китай относился к разряду стран с «очень сложной ситуацией» со свободой слова, занимая 175 место из 180. Что касается положения с, так называемыми, развитыми демократиями, то и там ситуация со свободой слова далека от идеальной. Более того, как указывают С. Делла-Винье и И. Каплан, телеканал FOX Руперта

¹Ачкасова В. А. Принцип «повестки дня» как доминанта медийного пространства // Журналистский ежегодник. 2012. № 1. С. 7.

²Дьякова Е. Г. Массовая коммуникация и власть в теории установления повестки дня // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2002. № 3. С. 144-168.

³Всемирный индекс свободы прессы 2014 года [Электронный ресурс] // Репортеры без границ. 2014. Режим доступа: <http://rsf.org/index2014/ru-index2014.php> (дата обращения: 22.06.2015).

Мердока сумел увеличить на 4-8 % уровень голосования в тех районах США, где он появился¹. Это говорит о том, что манипулятивные воздействия СМИ имеют место и в демократически режимах. Таким образом, на наш взгляд, эффективность воздействия технологии установления повестки дня может различаться в авторитарных и демократических режимах, но эффект присутствует в обоих вариантах.

Начнем анализ влияния политической ситуации в Украине на российскую политику с позиций теории установления повестки дня, отметив одно, очень важное обстоятельство: одобрение деятельности В. Путина на посту Президента России или Председателя Правительства России всегда находилось на очень высоком уровне и фактически никогда не опускалось к психологически опасному уровню 50 % (см. рис. 5). Два раза рейтинг подходил к уровню 60 %. Первый раз это произошло во время печально-известной программы «монетизации льгот», второй – во время и после так называемой «протестной волны» в 2011-2012 гг. Для обозначения этого парадоксального явления в кругах социологов широко используется фраза «тефлоновый рейтинг». Таким образом, следует сделать вывод о традиционно высоком уровне поддержки деятельности В. Путина в России. В зарубежной литературе интенсивно обсуждаются две теории этого феномена: институциональная эффективность и культурная традиция². Не вдаваясь в детали этого обсуждения, отметим, что оба фактора оказывали положительное влияние на высокий рейтинг В. Путина³. Для нашего исследования также важно отметить, что до недавних событий своего максимального значения (88 %) он достигал в сентябре 2008 г., сразу после событий в Южной Осетии и Абхазии⁴.

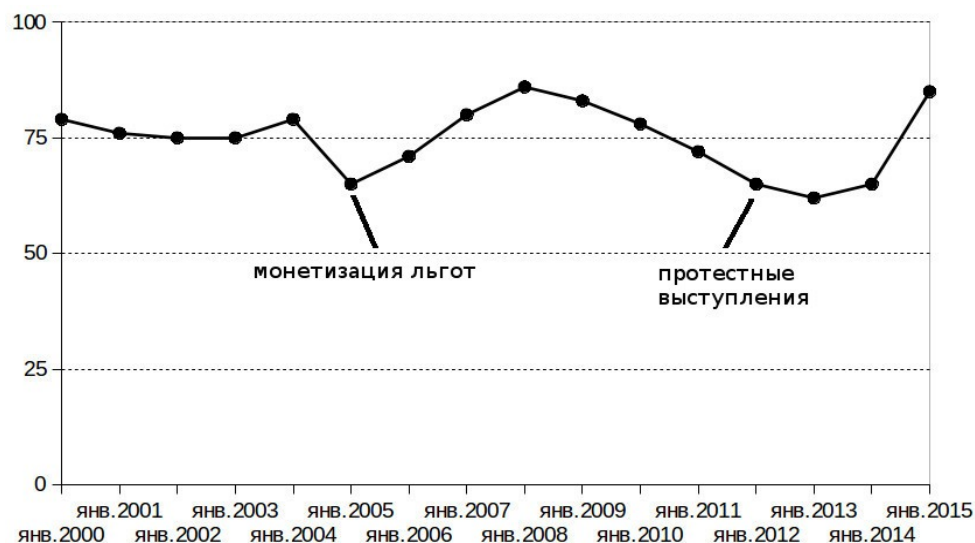
Рис. 5. Одобрение деятельности В. Путина в 2000-2015 гг.
(составлено автором на основе данных Левада-Центра)

¹Делла-Винье С., Каплан И. Политический эффект предвзятости СМИ // Информация и общественное мнение: от репортажа в СМИ к реальным переменам / Под ред. Р. Ислам. М.: Альпина Паблицер, 2010. 116.

²Gjerde K. L. The Use of History in Russia 2000-2011: the Kremlin and the Search for Consensus // East European Politics. 2015. Vol. 31. № 2. P. 149-169; Mishler W., Willerton J. P. The Dynamics of Presidential Popularity in Post-Communist Russia: Cultural Imperative versus Neo-Institutional Choice? // Journal of Politics. 2003. Vol. 65. № 1. P. 111-141; Nikolaev R. Explaining Support for Vladimir Putin: Culture Versus Performance // Studies of Changing Societies. 2012. Vol. 1. № 2. P. 60-80.

³Рогов К. Сверхбольшинство для сверхпрезидента // Pro et Contra. 2013. № 3-4. С. 102-125.

⁴Волков Д. Рейтинг Путина – реальность или вымысел социологов? [Электронный ресурс] // Московский центр Карнеги. 7 июля 2015. Режим доступа: <http://carnegie.ru/2015/07/02/ru-60582/ibli> (дата обращения: 22.06.2015).

Теперь обратимся непосредственно к нашему кейсу. Подробный анализ рейтинга В. Путина за последние три года показывает, что за 2-3 месяца после референдума в Крыму и официального решения России о включении в состав Российской Федерации новых субъектов уровень одобрения деятельности Президента Путина вырос на 20 % (см. рис. 6). Предшествующие этому событию на Украине были связаны с так называемым «Евромайданом», свержением и последующим бегством действующего Президента Украины В. Януковича из страны. Однако эти предшествующие события не оказали заметного влияния на рейтинг российского Президента. На наш взгляд, решение о включении Крыма в состав России стало знаковым событием, оказавшим заметное влияние на политическую повестку дня в современной России. При этом надо учитывать сложную внутривнутриполитическую ситуацию в России, связанную с так называемой «протестной волной» 2011-2012 гг. В зарубежной специальной литературе эта проблема вызвала широкое обсуждение¹. Также активно обсуждаются вероятные сценарии развития внутренней политики в странах, которые опасаются широкомасштабных протестных выступлений². Вероятно, что политика по внутривнутриполитической мобилизации и сплачиванию граждан вокруг национального лидера – это один из вероятных сценариев развития событий³. Отсюда становится необходимой новая политическая повестка дня в современной России.

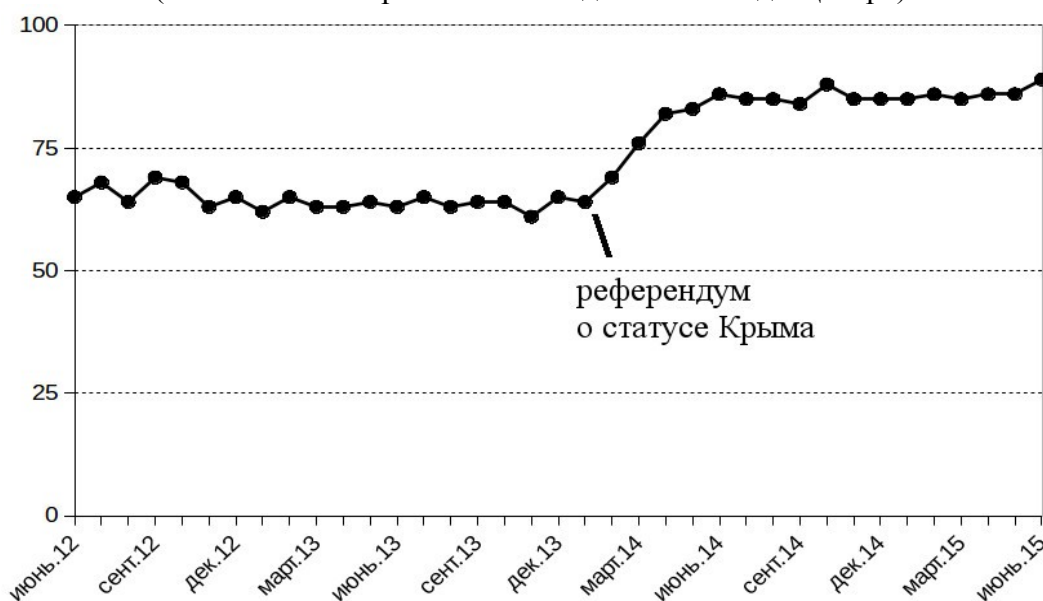
¹Gel'man V. Cracks in the Wall: Challenges to electoral authoritarianism in Russia // Problems of Post-Communism. 2013. Vol. 60. № 2. P. 3-10; White S., McAllister I. Did Russia (Nearly) have a Facebook Revolution in 2011? Social Media's Challenge to Authoritarianism // Politics. 2014. Vol. 34. № 1. P. 72-84.

²Finkel E., Brudny Y. M. No more colour! Authoritarian regimes and colour revolutions in Eurasia // Democratization. 2012. Vol. 19. № 1. P. 1-14; Koesel K. J., Bunce V. J. Diffusion-proofing: Russian and Chinese Responses to Waves of Popular Mobilizations against Authoritarian Rulers // Perspectives on Politics. 2013. Vol. 11. № 3. P. 753-768.

³Gerber T. P. Beyond Putin? Nationalism and Xenophobia in Russian Public Opinion // Washington Quarterly. 2014. Vol. 37. № 3. P. 113-134; Gerber T. P. Foreign Policy and the United States in Russian Public Opinion // Problems of Post-Communism. 2015. Vol. 62. № 2. P. 98-111.

Рис. 6. Одобрение деятельности В. Путина и повестка дня в 2012-2015 гг.

(составлено автором на основе данных Левада-Центра)

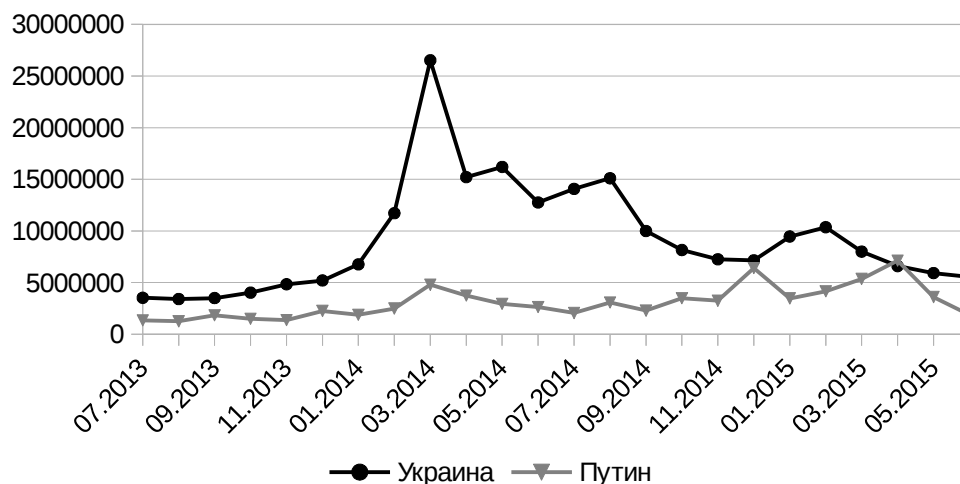
На рис. 7 представлена динамика поисковых запросов в Yandex по ключевым словам «Украина» и «Путин». Мы видим, что внимание российских интернет-пользователей к Украине и Путину значительно выросло в начале событий вокруг Крыма и Восточной Украины. Однако, если интерес к Украине затем спал (хотя и находится на уровне в два раза превышающим начальный), то интерес к В. Путину только увеличивается. Мы видим некоторое рассогласование трендов во второй половине временного отрезка. Очевидно, что если связь в начале и была, то потом интерес к Путину стал подогреваться другими событиями. Некоторые отечественные и зарубежные исследователи считают, что в условиях современной медиатизированной политики гораздо легче оперировать не такими сложными конструкциями, как идеологии, или такими затратными и рискованными мероприятиями, как организация масштабных событий¹. Возможно, речь идет о комбинации нескольких технологий. Так или иначе, монополизация СМИ и грамотное управление повесткой дня создает эффект «спирали молчания», когда социальные группы с отличным от большинства мнением предпочитают молчать².

Рис. 7. Поисковые запросы в Yandex по ключевым словам «Украина» и «Путин»

¹Гончаров В. Э. Указ. Соч. Oliver P., Johnston H. What a Good Idea! Ideologies and Frames in Social Movement Research // Mobilization: An International Journal. 2000. Vol. 5. № 1. P. 37-54.

²Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение: Открытие спирали молчания. М.: Весь мир, 1996. 351 с.

(составлено автором по данным сервиса wordstat.yandex.ru)

Подводя итоги, следует указать на то, что грамотное управление повесткой дня позволяет в ряде случаев добиваться весьма впечатляющих результатов и получать значительный прирост уровня поддержки и мобилизации сторонников. Особенно это актуально в случаях серьезных вооруженных конфликтов. Именно поэтому в новейшей истории довольно часто для решения внутренних политических проблем прибегали к методу «маленькой победоносной войны», которые в случае успеха позволяли добиться значительного изменения общественного мнения в пользу победителя и отвлечь внимание граждан от решения острых социально-экономических и политических проблем. В этом плане нет более адекватной теории для анализа эмпирических данных, чем теория установления повестки дня.

Вместе с тем, очевидно, что теория установления повестки дня не является истиной в последней инстанции. В частности, горький опыт Франсуа Оланда показывает, что ни теракты, ни вооруженные операции в Африке не могут изменить сложившегося неблагоприятного для него общественного мнения. Важно понимать, что установление повестки дня эффективно только в случае с «ненавязчивыми» событиями должно опираться на сложившиеся в обществе стереотипы, сопровождаться комбинацией других, менее масштабных технологий, как прайминг, спин-докторинг или фрейминг. Кроме того, очень важно, чтобы мобилизующие сторонников призывы происходили либо от авторитетного лидера, либо затрагивали очень актуальные проблемы¹. Неудивительно, что в случае с Президентом России В. Путиным активное использование внешнеполитических событий привело к серьезному росту рейтинга, несмотря на проблематичную социально-экономическую ситуацию, а в случае с Франсуа Оландом – нет.

¹Гончаров Д. В. Политическая мобилизация // Полис. Политические исследования. 1995. № 6. С. 129-137.

Представленный анализ позволяет в какой-то степени судить о сложившейся в российском медиапространстве ситуации, характеризующейся информационным монополизмом в сфере традиционных СМИ. Особенно печально состояние дел на телевизионных каналах, где фактически отсутствует конкуренция между телеканалами и плюрализм мнений в рамках одного канала. Немногочисленные передачи, содержащие альтернативные точки зрения, передаются в эфир в самое низкорейтинговое время. Система СМИ России отражает эволюцию общества и власти. При этом, если в начале 90-х в результате политики «гласности» они сыграли большую роль в разрушении СССР и противодействовали планам ГКЧП, то в середине 90-х потеряли некоторую степень автономии, а затем и совсем лишились ее. Очевидно, что реэтактизация системы СМИ происходила не только из-за желаний власти и низкой самоорганизации журналистского сообщества, но и из-за специфических установок массовой аудитории, которые спокойно приняли трансформацию медиапространства, наслаждаясь развлекательными программами, сериалами и патриотическими шоу¹.

3.2. Сетевые формы политических коммуникаций в современной России: проблемы роста

В начале 90-х годов в России многие научно-исследовательские учреждения приступили к созданию своих компьютерных сетей и каналов связи с внешним миром и между собой. Особенно следует отметить роль Института Атомной Энергии им. Курчатова (ИАЭ) и Российский Институт Развития Общественных Сетей (РОСНИИРОС). При ИАЭ практически сразу же начали работать коммерческие интернет-провайдеры «Релком» и «Демос», которые вплоть до 1993 года были фактическими монополистами в области предоставления интернет-услуг в России². Именно по каналам российского интернет-провайдера «Релком» еще на заре развития Интернета в России в дни августовского путча 1991 года в Москве сторонниками Бориса Ельцина было передано 46 тыс. информационных сообщений за рубеж и в регионы России³. Таким образом, Интернет был с успехом использован в качестве альтернативного, неофициального средства политической коммуникации.

Однако вплоть до конца девяностых годов Интернет оставался на задворках политической жизни России. Как пишет Ю. Росич, «пока Интернет был

¹ Oates S. Media, Civil Society, and the Failure of the Fourth Estate in Russia // Russian Civil Society: A Critical Assessment / Ed. by Alfred B. Evans, Jr., Laura A. Henry, and Lisa McIntosh Sundstrom. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 2006. P. 57-72.

² Беркгаут В. В., Чадрин И. С. Интернет: первые шаги. М.: Р-Валент, 2000. С. 13-14.

³ Засурский И. И. Масс-медиа второй республики. М.: МГУ, 1999. С. 222.

узкоспециализированной компьютерной средой, Сеть и политика практически никак не пересекались. Интернет фактически не использовался и в ходе президентской кампании 1996 года»¹. Сегодня можно утверждать, что начало серьезного отношения к Интернету как средству сетевой политической коммуникации относится к 1998 году. Первопроходцем в плане использования Интернета в политическом процессе современной России стал вице-премьер правительства Б. Немцов, который открыл собственный сайт 16 марта 1998 г.² Немцовым двигали рациональные мотивы повышения личной популярности. Для решения этой задачи была привлечена мало кому известная в это время организация – Фонд эффективной политики (ФЭП). ФЭП создал для Немцова два сайта: официальный – www.nemtsov.ru, и неофициальный – www.boris.nemtsov.ru. Значительный интерес представляет тот факт, что схема использования Интернета в качестве инструмента политической коммуникации, отработанная на этих сайтах, стала во многом определяющей для последующих лет. «Открытие сайтов было приурочено к годовщине назначения Немцова первым вице-премьером и сопровождалось первой в истории российской сети широкой кампанией по продвижению интернет-проекта в традиционных СМИ»³. Для освещения этого знаменательного события использовались такие ведущие СМИ, как Интерфакс, «Независимая газета» и ведущие федеральные телеканалы «ОРТ» и «РТР». Статистика зафиксировала ажиотажный интерес интернет-пользователей к сайтам Б. Немцова: «Показатели счетчика посещений даже транслировались «Интерфаксом»: за первые три дня работы сайта было зафиксировано 11 тысяч посетителей. В сообщении «Интерфакса» для сравнения приводятся цифры посещаемости других ресурсов: сайт президента – около 1000 человек в день, мэрии Москвы – 270, Государственной думы – 80, а также комментарий: «Эксперты считают, что «это ненормально высокий показатель»⁴.

Затем активно развивался «процесс освоения различными политическими субъектами (политическими партиями и движениями, институтами государственной власти, медиа-структурами и др.) Интернета в качестве средства политической коммуникации»⁵. При этом в отличие от общемирового сценария, согласно которому Сеть сначала используется как коммерческая информационная среда, а уже потом как инструмент политического влияния, Интернет в России был сначала включен в сложившуюся к середине 1990-х гг. медиа-

¹ Росич Ю. Интернет в политической жизни России [Электронный ресурс] // Правда.ру. 26.11.2003. Режим доступа: http://politics.pravda.ru/politics/2003/1/6/11/15062_SMI.html (дата обращения: 26.11.2003)

² Сметанин М. Борис Немцов – первый политик в российском Интернете [Электронный ресурс] // Русский журнал. 20 марта 2002 г. Режим доступа <http://old.russ.ru/netcult/history/20020320.html> (дата обращения: 28.02.2013).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Иванов Д. Г. Российский Интернет как средство политической коммуникации [Электронный ресурс] // Русский журнал. 13 марта 2002 г. Режим доступа: <http://old.russ.ru/netcult/history/20020313.html> (дата обращения: 28.02.2013).

политическую систему, а уже потом востребован рыночными структурами. При этом следует отметить, что «специфические возможности Интернета были использованы различными субъектами российской политической жизни в информационных войнах, во время парламентских и президентских выборов, в ходе осуществления международной информационной политики»¹.

Как уже было отмечено, именно на кризисный 1998 год пришелся всплеск политической активности в Сети, когда сайты появились сразу у нескольких известных политиков и крупных партий. Начался бурный рост сетевых изданий, либо специализирующихся на освещении политической жизни, либо отводящих под политику значительные объемы своих ресурсов. К этому же времени относятся и первые скандалы с выбросом компромата в Интернет. В результате за год политическая тематика утвердилась в Сети настолько прочно, что популярные политические сайты сравнялись по посещаемости с традиционными лидерами – поисковыми серверами, каталогами и развлекательными ресурсами². Эту же мысль подтверждает И. Засурский: «Учитывая накал политической интриги в России в девяностые, неудивительно, что одними из первых новые возможности Интернета открыли для себя политехнологи»³.

Поэтому совершенно не вызывает удивления, что в это время Интернет стал инструментом политических PR-кампаний, а политические интернет-технологии – одной из самых востребованных услуг в сфере политического консультирования. Наибольшую известность на этом поприще заработали выше упоминавшиеся политический технолог Г. Павловский и возглавляемый им Фонд Эффективной Политики (ФЭП), которые ведут историю непосредственного участия в политических делах российского Интернета с 1997 г. В этом году ФЭП воплотил в жизнь свой первый информационный проект в Сети – «Русский журнал», рассчитанный на элитарную публику. В 1998-1999 гг. ФЭП реализовал большое количество информационных проектов, выполненные как под заказ, так и для собственных целей. При этом для ФЭП характерно стремление захватить как можно больше сетевых информационных ресурсов и не выпускать их из-под своего влияния. Такую стратегию можно описать в терминах простого преобладания или монополизации информационного поля. Такая стратегия, по мнению И. В. Самаркиной, оправдывала себя до тех пор, пока ФЭП оставался едва ли не единственной крупной организацией, активно разрабатывавшей в Интернете медийные

¹Там же.

² Давыдов И. Масс-медиа российского Интернета. Основные тенденции развития и анализ текущей ситуации [Электронный ресурс] // Русский Журнал. 2000. 28 сентября. Режим доступа: http://old.russ.ru/politics/20000928_davydov.html (дата обращения: 28.02.2013).

³Засурский И. И. Масс-медиа второй республики. М.: МГУ, 1999. С. 222.

проекты»¹. Данная стратегия вскоре столкнулась с серьезными трудностями, связанными с тем, что ФЭПу просто перестало хватать квалифицированных кадров для своих проектов. Более того, по мере развития Интернета интерес к нему со стороны других крупных отечественных и зарубежных организаций вырос, что привело в 1999-2000 гг. к целому ряду покупок ведущих сетевых источников стратегическими инвесторами и соответствующему повышению конкуренции между политическими информационными ресурсами.

1998 год стал знаменательным еще и потому, что именно в этом году появились первые значимые сетевые средства массовой информации. До 1998 года сетевые СМИ ограничивались рассылкой информационных листов по подписке и скорее ориентировались на использование электронной почты, нежели Интернета как такового. Одними из первых в Интернете появилась газета «Известия» (конец 1994 – начало 1995 годов). «В то же время возникла и первая электронная новостная служба – Национальная служба новостей (НСН). Годом позже в сети появились электронные версии других изданий («Огонек», «АиФ», некоторые «толстые» журналы). В 1998 году появились полноценные интернет-издания, функционирующие по принципу офлайн СМИ. После кризиса августа 1998 г. появляется проект «Полит.Ру» и три кита политновостей, созданные на средства ФЭП – «Газета.Ру», «Лента.Ру» и «Вести.Ру». После года «раскрутки» два из трех проектов были проданы Фондом эффективной политики: «Газета.Ру» – ЮКОСу, «Лента.Ру» – «Русским инвесторам». При этом необходимо учитывать, что практически с самого начала своего существования большинство новостных сайтов прежде всего воспринималось как издания с собственной ярко выраженной идеологической позицией. Так, например, «Вести.Ру» позиционировали себя как праволиберальное издание, а созданный тем же ФЭП аналитический сайт «СМИ.Ру» – как государственническое².

В это же время на просторах Интернета появились и начали активно работать традиционные средства массовой информации. Среди них следует упомянуть офлайновые информационные агентства большой тройки – ИТАР-ТАСС, РИА-Новости, «Интерфакс». В 1997-1998 гг. доступ к онлайн-версиям открыли «Коммерсантъ», «Русский телеграф», «Московские новости» и др. Важно отметить, что печатные СМИ являются наиболее активными сторонниками проникновения в Интернет³. Во многом данная картина объясняется тем, что современные технологии подготовки печатных материалов к выпуску основаны на одинаковых с интернет-издательством компьютеризированных процедурах. Таким образом,

¹Самаркина И. В. Интернет для политологов. Краснодар: КубГУ, 2001. С. 45.

²Засурский И. И. Масс-медиа второй республики. М.: МГУ, 1999.

³Вартанова Е. Л. Современная медиаструктура // Средства массовой информации постсоветской России / Под ред. Я. Н. Засурского. М.: Аспект-Пресс, 2002. С. 57.

сравнительно небольшие усилия по «выкладке» материалов в Интернете приносят значительные дивиденды таким изданиям, что и отражается на их желании использовать интернет-технологии. Проникновение печатных СМИ в Интернет можно также считать в определенной степени вынужденным шагом, связанным со значительным сокращением тиражей по сравнению с периодом перестройки.

В начале третьего тысячелетия интернет-СМИ заняли достаточно твердые позиции в информационном пространстве России. По мнению известного интернет-предпринимателя А. Носика, они «успешно конкурируют со всеми видами традиционных изданий – кроме, разумеется, национальных телеканалов, чья аудитория заведомо превышает интернетовскую в десятки раз»¹. Российское телевидение добилось доминирующего положения во многом благодаря советскому прошлому. Так, в 1997 году почти у 99% семей было хотя бы по одному телевизору. Практически все россияне принимают, как минимум, два московских канала – ОРТ (98 % населения) и РТР (95 % соответственно). Еще четыре столичных канала имеют статус общенациональных: НТВ (его могут смотреть дома 72 % россиян), ТВ-6 (58 %), ТВЦ (39 %) и «Культура» (36 %)»². В условиях, когда население не может позволить себе платных СМИ, телевидение неизбежно становится «тотальным» медиумом.

В 2000 году Интернет стал еще более активно использоваться в качестве инструмента политической агитации со стороны разных политических сил³. Еще в декабре 1999 г. контролирующей группу «МедиаМост» В. Гусинский купил у частных акционеров группу сайтов «Нетскейт» и создал на ее основе свое сетевое подразделение «МеМонет», в которое в 2000 году вошли, в частности, проекты «НТВ.ру» и «Инопресса.Ру». Другой представитель крупного бизнеса Б. Березовский начал осенью 2000 году с построения объединенного новостного портала «Постфактум.ру» на основе сетевых версий ОРТ и «Коммерсанта», а также сводок АПН. Уже в эмиграции в 2001 году он создал собственную интернет-газету «Грани.Ру», находящуюся в жесткой оппозиции к президенту В. Путину⁴.

Интернет-СМИ в России стали активными участниками медиа-политического процесса⁵. При этом имело место четкое распределение ролей между ними, а также включение их, за редким исключением, в состав медиа-империй. «Таким образом, СМИ в Интернете

¹ Носик А. СМИ русского Интернета: теория и практика // Интернет для журналиста / Под ред. С. Кузнецова, А. Носика. М.: МедиаСоюз, 2001. С. 3-14.

² Вартанова Е. Л. Медиа в постсоветской России: их структура и влияние // Pro et Contra. Том 5. 2000. № 4. С. 61-81.

³ Докторов Б. Российский политический Интернет // Петербургский журнал социологии. 1999. № 2. С. 40-42.

⁴ Самаркина И. В. Интернет для политологов. Краснодар: КубГУ, 2001.

⁵ Грабельников А. А. Российские СМИ на рубеже веков: некоторые итоги и перспективы // Политическая коммуникация в постсоветской России: проблемы формирования и парадигмы развития. / Под общ. ред. Л. Н. Тимофеевой, Е. В. Лобзы. М.: Республиканская типография, 2003. С. 45-61.

практически теряют свою специфическую функцию, зачастую выступая в качестве не актора, но инструмента в руках государства, партий, движений, бизнеса или отдельных людей. Индивидуальные проекты также постепенно вливаются в общие политические проекты»¹. Разделение интернет-СМИ по политическим пристрастиям сделало их активными участниками информационных войн, центральную роль в которых играли телевизионные каналы². Тем не менее, именно интернет-СМИ являются наиболее востребованными источниками политической информации в российском сегменте глобальной сети Интернет. В этом российский опыт повторяет зарубежный, и, в частности, опыт США.

С другой стороны, сформировавшаяся в России медиа-система носит гибридный характер, сочетая в себе элементы традиционных каналов коммуникации и сетевых каналов коммуникации³. И в отличие от большинства медиа-систем в развитых странах мира в России сложился значительный диспаритет между повесткой дня в традиционных СМИ (преимущественно телевидение) и сетевых СМИ (преимущественно социальные сети). Напомним, что, согласно концепции структурного параллелизма В. Беннетт, сетевые СМИ фактически являются продолжением или филиалами традиционных⁴. Однако, в России сложилась уникальная ситуация, когда наиболее популярные онлайн издания никак не связаны с офлайн СМИ. Низкий структурный параллелизм сетевых СМИ и офлайн СМИ проявляется в том, что из десяти наиболее цитируемых онлайн источников всего два являются филиалами традиционных СМИ. В мае 2011, например, ими были «Вести» и веб-сервер газеты «Ведомости» (данные ИАС Медиология – И.Б.). Фактически такая ситуация наблюдалась с самого начала появления сетевых изданий, которые начинали свою деятельность как интернет-стартапы (Лента.Ру, Газета.Ру и т. п.). В России сложилась ситуация поляризованной медиа-системы, в которой один полюс занят центральными телеканалами, а другой – интернет-изданиями. В грубой форме это противостояние выражается в формуле «Интернет против зомбоящика», а в более мягкой, как «партия Интернета» против «партии телевидения».

С самого начала одним из самых известных и востребованных приемов использования интернет-технологий в политической жизни России стал, так называемый, «слив компромата». Первым подобным примером стали «Коготь-1», появившиеся в ходе памятного

¹ Песков Д. Н. Интернет в российской политике: утопия и реальность // Полис. 2002. № 1. С. 31-45.

² Водолагин А. А. Интернет-СМИ как арена политической борьбы // Общественные науки и современность. 2002. № 1. С. 49-67.

³ Chadwick A. The Hybrid Media System [Электронный ресурс] // Paper presented at the European Consortium for Political Research General Conference, Reykjavik, Iceland, August 25, 2011, Режим доступа: http://newpolcom.rhul.ac.uk/storage/chadwick/Andrew_Chadwick_Hybrid_Media_System_ECPR_August_9th_2011.pdf

⁴ Bennett W. L. New Media Power: The Internet and Global Activism // Contesting Media Power: Alternative Media in a Networked World / Ed. by N. Couldry & J. Curran. Oxford: Rowman & Littlefield. 2003. P. 17-37.

конфликта между губернатором Красноярского края А. Лебедем и известным предпринимателем А. Быковым в 1998 г. Кроме того, сайт содержал компрометирующую информацию на многих известных людях, результаты наружного наблюдения, расшифровки подслушанных телефонных разговоров, список адресов и домашних телефонов известных политиков, журналистов и звезд шоу-бизнеса. Более того, на них содержались телефонные разговоры советника Президента РФ Татьяны Дьяченко и исполнительного секретаря СНГ Бориса Березовского, а также интервью неизвестного генерала МВД, в котором, по сути, звучало обвинение в адрес Бориса Березовского в подготовке убийства Галины Старовойтовой¹. Любопытной разновидностью негативной интернет-технологии стало создание клонированных сайтов. Таким приемом отметились во время избирательной кампании 1999 года конкуренты Ю. Лужкова, создав клонированный сайт по адресу www.lujkov.ru. Официальный сайт мэра Москвы находился по адресу www.luzhkov.ru. Идентичное произношение указанных адресов делает возможность ошибки в написании очень высокой. Этим не замедлили воспользоваться противники Ю. Лужкова, разместив на сайте-клоне компрометирующую его информацию². Кроме того, дизайн клонированного сайта практически полностью соответствовал официальной версии. Таким образом, очевидно, что Интернет в российских условиях «стал не только способом презентации политических инициатив и программ, организации общественно-политических дискуссий и информирования пользователей, но и средством для осуществления политических провокаций, гордо именуемых избирательными технологиями»³.

Данная ситуация усугубляется нарастающей поляризацией в области цифрового неравенства⁴. Очевидно, что количество пользователей Интернета и других сетевых технологий в России растет очень быстрыми темпами, однако разрыв между группами «продвинутых» пользователей и обычных пользователей, предпочитающих телевизор в качестве основного источника информации, постоянно увеличивается. Более того, наше исследование 2010 г. показало, что активные интернет-пользователи в России отличаются от большинства населения в незначительной степени, относясь к демократическим ценностям, правам человека и свободе слова, как и большинство граждан⁵. Эмпирической базой этого исследования послужили преимущественно результаты Европейского социального исследования (European Social Survey),

¹ Комаровский С., Мараховская М. Интернет – новая избирательная технология? // Советник. 2001. № 3. С. 10.

² Павлютенкова М. Ю. Новые информационные технологии в современном политическом процессе // Власть. 2000. № 8. С. 40.

³ Цуладзе А. Большая манипулятивная игра. М.: Алгоритм, 2000. С. 165-166.

⁴ Аймалетдинов Т. А. «Высокие технологии» и проблемы информационного неравенства в России // Социологические исследования. 2003. № 8. С. 121-126.

⁵ Быков И. А., Халл Т. Э. Цифровое неравенство и политические предпочтения интернет-пользователей в России // Политические исследования. 2011. № 5. С. 151-164.

которые дважды, в 2006 и 2008 гг., включали данные по России. Они доступны на веб-сайте www.europeansocialsurvey.org и собраны на основе репрезентативной выборки, охватывающей все регионы страны. Некоторым подспорьем выступили данные исследовательского проекта «Интернет в России/Россия в Интернете», который проводится Фондом «Общественное мнение» начиная с 2000 г.¹

Важнейшим параметром, позволяющим идентифицировать цифровое неравенство, является уровень интенсивности и стиль использования Интернета. Единым и весьма очевидным показателем выступает уровень ежедневного использования сети. Данный параметр является интегральным, так как позволяет установить, что пользователь находится в сети не только для работы или исключительно для отдыха. При этом большое значение имеет домашняя форма доступа к сети. По данным, представленным в книге «Цифровое гражданство», всего четверть ежедневных пользователей работают в Интернете преимущественно на работе, тогда как три четверти отдают предпочтение домашнему доступу². Для активных интернет-пользователей глобальная сеть стала ежедневной рутинной, сочетающей отдых, работу, бытовые покупки, дистанционные средства связи и многое другое. Ежедневное и многочасовое использование Интернета предполагает наличие разнообразных навыков, того, что обычно называют компьютерной грамотностью. Если же этих навыков нет, то пользователь не может разглядеть никаких выгод в ежедневном подключении к Интернету. Таким образом, цифровое неравенство следует определять не через наличие доступа, а через то, насколько Интернет стал частью повседневной и продуктивной деятельности индивида, то есть насколько индивиды умеют пользоваться интернет-сервисами³. Так, например, ван Дейк кроме технического (материального) доступа выделил следующие составные части неравенства: мотивационный доступ (желание пользоваться), доступ навыков (умение пользоваться) и доступ использования (качество регулярно используемых приложений, которые делают жизнь конкретного человека лучше)⁴.

Исследователи политических аспектов цифрового неравенства не могли пройти мимо вопроса об участии интернет-пользователей в политической жизни. Даже если проблемы технического доступа и равной подготовки в области интернет-навыков, а также общей

¹Интернет в России. 2009. Фонд «Общественное мнение». 26-выпуск, лето 2009 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://bd.fom.ru/pdf/int2609a.pdf> (дата обращения: 23.11.2009).

² Mossberger K., Tolbert C. J., Stansbury M. *Virtual Inequality: Beyond the Digital Divide*. Washington, D. C.: Georgetown University Press. 2003. P. 10-12.

³Bonfadelli H. *The Internet and Knowledge Gaps: A Theoretical and Empirical Investigation* // *European Journal of Communication*. 2002. Vol. 17. № 1. P. 65-84.

⁴ Dijk, J. van. *The Deepening Divide: Inequality in the Information Society*. Thousand Oaks: Sage Publications, 2005. P. 19-25.

компьютерной грамотности, решены, тем не менее, далеко не факт, что такие киберграждане предпочтут участие в политической жизни через Интернет каким-либо другим формам интернет-активности. Поскольку Интернет – средство коммуникации, располагающее большим выбором доступных информационных ресурсов, совершенно неочевидно, что он является хорошим инструментом вовлечения апатичных граждан в реальную политическую жизнь. По мнению П. Норрис, Интернет «имеет не самое сильное влияние на изменение мотиваций в области политического участия. В этом смысле политический Интернет функционирует скорее как способ дополнительного вовлечения и так уже вовлеченных в политику граждан»¹.

В нашем исследовании мы фокусируемся именно на тех российских интернет-пользователях, которые относятся к разряду ежедневных. Вероятно, что именно через Интернет они получают львиную долю политической информации. Так же, скорее всего, можно говорить, что именно они являются носителями специфической киберкультуры с российской спецификой. Именно представители молодой российской киберкультуры, технократичной и потребительской, могут привнести в российскую политику новое слово. Основными параметрами описания цифрового неравенства выступили уже апробированные социально-демографические характеристики: пол, возраст, уровень образования, доходы и место проживания².

Проблема цифрового неравенства получила достаточно большое распространение в российской публицистике и стала предметом обсуждения на самых высоких политических уровнях. Обсуждение сопровождалось и действиями, направленными как на стимулирование конкуренции среди телекоммуникационных провайдеров, так и на принятие специальных программ ликвидации цифрового неравенства. Например, в 2002 г. начала реализовываться Федеральная целевая программа «Электронная Россия». Президент несколько раз высказывался по этому поводу на различных заседаниях и даже в ежегодном послании Федеральному Собранию³. В частности, в самом начале своего президентского срока на заседании президиума Государственного совета, который проходил в Карелии, он заявил, что «разница в информационной подготовке, информационных возможностях, которые существуют между

¹ Norris P. Digital Divide? Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 22.

² Dijk, J. van. Op. cit. P. 18.

³ Медведев Д. А. Вступительное слово на заседании президиума Государственного совета «О реализации Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России – официальный сайт, 17 июля 2008 г., <http://www.kremlin.ru/transcripts/817> (дата обращения: 06.11.2009); Медведев Д. А. Вступительное слово на заседании Совета по развитию информационного общества в России [Электронный ресурс] // Президент России – официальный сайт, 12 февраля 2009, <http://news.kremlin.ru/transcripts/3160/> (дата обращения: 06.11.2009); Медведев Д. А. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации [Электронный ресурс] // Президент России – официальный сайт, 12 ноября 2009 г., <http://news.kremlin.ru/transcripts/5979> (дата обращения: 23.11.2009).

людьми, живущими в нашей стране, и создает так называемый информационный разрыв, или цифровой разрыв, цифровое неравенство»¹.

Российских научных исследований в этой области явно недостаточно. Среди немногочисленных работ в этой области можно отметить несколько небольших статей². Определенный интерес представляют статьи и книги первого заместителя министра Министерства РФ по связи и информатизации в 2002-2003 гг., доктора экономических наук А. В. Короткова³. Однако значительная часть российских исследований оперирует общими рассуждениями или касается в основном социально-экономических аспектов проблемы. Что касается работ с анализом политических предпочтений и культуры участия интернет-пользователей, то здесь, кроме небольшой главы в монографии А. В. Чугунова, нам не удалось найти опубликованных работ по этой теме⁴. Вообще, в России не опубликовано ни одной монографии, целиком посвященной социально-политическим аспектам проблемы цифрового неравенства.

Количество интернет-пользователей в России растет достаточно быстрыми темпами. В 2009 г. около 35% населения в возрасте старше 18 лет имели опыт работы в сети⁵. Однако, по данным исследования ComNews Research, проведенного весной 2009 г., в современной России наблюдается тенденция все большего отставания регионов от центральных городов – Москвы и Санкт-Петербурга. Так, тариф безлимитного подключения к Интернету в Астрахани стоит в 6 раз дороже, чем в Москве. Этот разрыв между крупнейшими мегаполисами и остальной страной продолжает увеличиваться⁶. К сожалению, анализ данных, полученных в рамках

¹ Медведев Д. А. Вступительное слово на заседании президиума Государственного совета «О реализации Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России – официальный сайт, 17 июля 2008 г., <http://www.kremlin.ru/transcripts/817> (дата обращения: 06.11.2009)

² Данилин А. Широкополосный доступ в России: «Цифровой разрыв» увеличивается [Электронный ресурс] // ComNews Research, 2 июня 2009 г., http://www.comnews-research.ru/ds_nwmg/files/29/CNR_Broadband_Tariffs_Review.pdf (дата обращения: 3.11.2009); Делицын Л. Л. Проблема цифрового неравенства и потенциал развития Интернета в России - Информационные процессы. 2006. Том 6, № 2; Дьякова Е. Г. «Информационное неравенство» как легитимная социальная проблема: культурные различия в рамках «большого нарратива» // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2008. № 8; Перфильева О. В. Проблема цифрового разрыва и международные инициативы по ее преодолению // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2007. № 2; Петрова В. А. Информатизация – путь к информационному обществу или цифровому неравенству? // Дистанционное и виртуальное обучение. 2008. № 8.

³ Коротков А. В., Кристальный Б. В., Курносков И. Н. Государственная политика Российской Федерации в области развития информационного общества. М.: Трейн, 2007; Коротков А. В. Преодоление цифрового неравенства как информационная стратегия современного общества. Автореф. Дис. ... к.филол.н. М.: МГУ, 2003; Коротков А. В. Цифровое неравенство в процессах стратификации информационного общества // Информационное общество. 2003. № 5.

⁴ Чугунов А. В. Российская интернет-аудитория в зеркале социологии. СПб.: СПбГУ, 2006. 319 с.

⁵ Интернет в России. 2009 [Электронный ресурс] // Фонд «Общественное мнение». 26-выпуск, лето 2009, <http://bd.fom.ru/pdf/int2609a.pdf> (дата обращения: 23.11.2009).

⁶ Данилин А. Указ. соч.

проекта Европейского социального исследования, подтверждает эту тенденцию: если ранее в 2006 г. граждане России были в целом равны в отсутствии доступа к Интернету (80% не имели доступа или не пользовались), то в 2008 г. проявилась новая резкая форма неравенства, связанная с тем, что около одной пятой граждан России живет в эпоху Интернета, другие – нет. При этом неравенство в использовании Интернета растет по всем параметрам – полу, возрасту, уровню доходам, образованию и месту проживания¹. Увеличение цифрового разрыва в момент активного роста числа интернет-пользователей в какой-то степени представляется ожидаемым явлением и закономерным результатом. Однако каковы последствия этого для политических реалий? Действительно ли в российских условиях интернет-пользователи – это носители либеральных и демократических идей?

Как показывают наши данные (см. табл. 4), российские интернет-пользователи немного больше интересуются политикой и субъективно лучше разбираются в ней, чем непользователи. Вместе с тем уровень доверия к политикам и политическим институтам среди ежедневных пользователей Интернета, чаще всего ниже, нежели среди непользователей. Однако в целом этот разрыв не настолько велик, чтобы можно было говорить о серьезных отличиях политической киберкультуры. Низкий уровень доверия к политикам и политическим институтам очень часто приводит к дисфункциям политической системы, когда пусть даже верные инициативы и решения властей натываются на общественное равнодушие и отсутствие реальной поддержки. В этом плане российские интернет-пользователи скорее обладают еще меньшим зарядом доверия к политической системе. Если мы посмотрим на блок вопросов о политическом участии, то тут обнаружатся сильные противоречия. С одной стороны, российские «интернетчики» значительно реже принимают участие в выборах и относительно реже контактируют с представителями государственной власти, либо политическими деятелями. С другой стороны, они более активно участвуют в митингах и демонстрациях. Хотя и эта деятельность за два года немного уменьшилась. Другими словами, российские интернет-пользователи демонстрируют амбивалентное политическое участие: в каких-то областях более активное, в каких-то менее, а в каких-то (членство в политических партиях) ситуация изменилась с одной позиции на противоположную.

Остановимся еще немного на участии в выборах и контактах с представителями власти. Если низкий уровень участия в выборах в какой-то степени объясняется более высоким уровнем политического недоверия, то второе явление нуждается в дополнительном осмыслении и анализе. Казалось бы, именно наиболее состоятельные, образованные и экономически

¹См.: Быков И. А., Халл Т. Э. Цифровое неравенство и политические предпочтения интернет-пользователей в России // Политические исследования. 2011. № 5. С. 151-164.

активные граждане имеют большую потребность для взаимодействия с государственными структурами, депутатами, чиновниками, политиками и т.п. Ведение собственного бизнеса и любая другая экономически активная деятельность не может так или иначе, в той или иной форме обойтись без контактов с государственными структурами. Возможно, объяснение можно найти, с одной стороны, в том, что у небогатых, малообразованных, и социально малоактивных граждан еще сохранились патерналистские представления о государстве. Они еще надеются на то, что если «пожаловаться» в ту или иную инстанцию, а лучше – сразу в несколько, то государство поможет и что-то сделает. С другой стороны, объяснение может быть связано с тем, что «интернетчики» предпочитают просто не пересекаться с государственными структурами и, во всяком случае, свести к минимуму неизбежные контакты с представителями власти.

Табл. 4. Политическое участие и политические предпочтения «ежедневных» интернет-пользователей и тех, кто не имел доступа или не пользовался Интернетом в России

	2006		2008	
	Не имели или не пользовались Интернетом	Ежедневные пользователи	Не имели или не пользовались Интернетом	Ежедневные пользователи
Отношение к политике				
Очень сильно интересуются политикой	8,0%	8,2%	7,2%	11,7%
Считают, что политика очень часто является слишком сложной для понимания	17,1%	13,1%	15,6%	9,8%
Имеют высокий уровень доверия к политикам	4,8%	5,1%	4,9%	5,3%
Доверие к политическим институтам				
Имеют высокий уровень доверия к парламенту	6,7%	4,2%	10,9%	7,7%
Имеют высокий уровень доверия к милиции	9,9%	3,1%	11,1%	8,5%
Имеют высокий уровень доверия к политическим партиям	4,6%	2,6%	5,0%	5,0%
Имеют высокий уровень доверия к системе правосудия	11,4%	6,7%	12,5%	11,5
Политическое участие				
Голосовали на прошлых выборах	65,2%	49,2%	72,1%	56,2%
Являются членами политической партии	2,6%	2,3%	3,7%	2,6%
Контактировали с политическим деятелем либо государственным лицом (за последний год)	9,1%	7,5%	6,0%	6,6%
Участвовали в разрешенной политической демонстрации или митинге (за последний год)	4,0%	11,2%	5,6%	10,2%
Идеологические предпочтения				
Скорее относят себя к людям с правыми убеждениями (по шкале левые-правые)	11,5%	20,3%	15,5%	10,2%
Полностью согласны с утверждением, что сексуальные меньшинства имеют право жить так, как им хочется	8,0%	19,8%	6,8%	13,9%
Полностью согласны с утверждением, что государство должно	47,5%	29,4%	40,1%	17,2%

уменьшить разницу в доходах среди граждан				
Полностью согласны с утверждением, что политические партии, призывающие к уничтожению демократических институтов, должны быть запрещены	6,9%	3,5%	7,0%	6,5%

Что касается идеологических представлений российских «интернетчиков», то в данном случае мы также имеем дело с противоречивой ситуацией. С одной стороны, ответы на вопрос о государственном перераспределении показывают, что среди ежедневных интернет-пользователей очень сильны представления о неприкосновенности частной собственности. Это, конечно, не удивительно, так как именно в данной группе гораздо больше граждан с высоким уровнем доходов. С другой стороны, вопрос о частной собственности обычно ассоциируется с правым спектром политических воззрений. Однако мы видим, что популярность правой идеи среди интернет-пользователей с 2006 по 2008 гг. резко упала. Более того, по таким важным вопросам, как права человека, включая права сексуальных меньшинств и запрет на деятельность недемократических политических партий, мнение интернет-аудитории мало отличается от основной массы российского общества. Эти вопросы затрагивают основополагающие принципы правового и демократического государства и то, что ежедневные интернет-пользователи демонстрируют общую для большинства граждан установку на пренебрежение этими принципами гражданской культуры¹.

Собственно, интернет-пользователи обладают всего одной характеристикой, отличающих их от большинства российских обывателей: неверием в то, что государство способно эффективно перераспределять доходы среди граждан. Эту черту можно рассматривать как общую, присущую всем представителям новой киберкультуры. Так, по данным П. Норрис, киберкультура американцев несколько отличается от тех прогнозов, которые делал Р. Инглхарт, когда говорил о наступающих постматериальных ценностях². В первую очередь, основное различие находится в сфере потребления и духе предпринимательства. Оказалось, что специалисты из новых отраслей информационной экономики весьма положительно относятся к предпринимательству, а дух достижений и, соответственно, частной собственности является неотъемлемой частью картины мира представителей киберкультуры³. Удивительным образом российские интернет-пользователи в этой части сильно напоминают своих американских *vis-à-vis*.

¹ Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М.: Мысль, 2014. 500 с.

² Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и меняющиеся общества // Политические исследования. 1997. № 4. С. 6-32.

³ Norris P. Digital Divide? Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 210.

Наше исследование 2007 г. показало, что существует корреляция между количеством интернет-пользователей и результатами, полученными партиями либерально-демократического фланга¹. Однако, это влияние на данный момент не стало определяющим. Наше исследование в какой-то мере может способствовать объяснению того факта, что Интернет в России не стал серьезным рычагом режимных изменений и политических трансформаций, как это было, например, во время украинской «Оранжевой революции» в 2004 г.² Российские интернет-пользователи, имея практически неограниченный доступ к политической информации, демонстрируют непоследовательность взглядов: смесь либеральных и недемократических предпочтений с преобладанием последних. Практика политического участия и политические предпочтения активных интернет-пользователей в России в общем не благоприятствуют демократизации российской политики.

Обобщение опыта использования интернет-технологий в политике показывает, что они достаточно разнообразны. Д. Г. Иванов выделяет следующие методы политической агитации и пропаганды:

- демонстрация в масс-медиа приобщения политика (политической структуры) к Интернету как к символу прогресса;
- предъявление средствам массовой информации позиции политика в Интернете, адекватной его положению в политической жизни;
- конструирование (имитация) в Интернете действующего политического субъекта;
- создание видимости поддержки политика интернет-аудиторией;
- использование Интернета как канала коммуникации, не имеющего жестких содержательных, стилистических, форматных и иных ограничений традиционных СМИ;
- легитимация информации посредством ее публикации в Интернете и ретрансляции в традиционных СМИ;
- удовлетворение информационных запросов различных аудиторий о политике (политической кампании, структуре) посредством Интернета³.

С высоты сегодняшнего уровня развития интернет-технологий можно добавить еще несколько важных направлений⁴. Во-первых, вслед за общемировыми тенденциями в России

¹ Быков И. А. Интернет и политические партии во время выборов в Государственную Думу 2007 г.: итоги и перспективы // Новый политический цикл: повестка дня для России. М.: РАПН, 2008. С. 40-42.

² Aslund A., McFaul M. Revolution in Orange: The Origins of Ukraine's Democratic Breakthrough. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2006; Wilson A. Ukraine's Orange Revolution. New Haven and London: Yale University Press, 2005.

³ Иванов Д. Г. Интернет в России как инструмент политтехнологий: опыт выборов 1999-2000 гг. // Технологии информационного общества - Интернет и современное общество: труды V Всероссийской объединенной конференции. СПб., 25 - 29 ноября 2002 г. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002. С. 287-289.

⁴ Морозова О. Н. Политическая интернет-коммуникация: ее роль, функции и формы // Политическая лингвистика.

политическими силами стали активно использоваться приемы организации и проведения массовых мероприятий через Интернет.

Во-вторых, имеют место некоторые положительные результаты в области политического фандрайзинга¹. Однако возможные эффекты от активного использования онлайн коммуникаций зачастую нивелируются административным ресурсом². Так, на пример, некоторый положительный опыт российской внесистемной оппозиции по привлечению денежных средств на политические агитационные мероприятия был моментально нейтрализован при помощи правоохранительных органов³. Отсутствие политического интернет-фандрайзинга в России связано как с недостаточно прозрачной регуляцией финансирования деятельности политических партий, так и с общей конфигурацией электоральной системы, которая, несомненно, не стимулирует заинтересованность политических партий в финансовой поддержке со стороны «простых избирателей». При достаточно большой интернет-аудитории и наличии первых успешных примеров интернет-фандрайзинг в России пока остается экзотикой и уделом внесистемной оппозиции.

Особенное важное политическое значение сетевые коммуникации приобрели во время электорального цикла 2011-2012 гг. Этот электоральный цикл сам по себе был очень важен, поскольку впервые в постсоветскую эпоху парламент был выбран на 5 лет, а президент – на 6 лет⁴. Идеологическим обоснованием подобного шага выступала мысль о необходимости поддержания политической стабильности в целях уверенного экономического развития. По этим же соображениям были усложнены процедуры регистрации политических партий, введен запрет на участие в выборах предвыборных объединений, а также ужесточены правила, регулирующие выборы в региональные парламенты и выдвижение кандидатур на пост Президента Российской Федерации. Резкое уменьшение количества политических партий должно было завершить период партогенеза, который начался еще во время Перестройки, и привести к созданию стабильной партийной системы, включающей в себя несколько парламентских партий, а также небольшое число зарегистрированных и регулярно участвующих в выборах непарламентских партий. Как мы уже упоминали ранее, данный

2011. № 1. С. 156-161.

¹ Соколов А. В., Дементьев А. А. Становление интернет-фандрайзинга как новой формы гражданской активности // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2012. № 4. С. 41-45.

² Бузин А. Ю. Административные избирательные технологии и борьба с ними. М.: Панорама, 2007. 271 с.; Gel'man V. Political Opposition in Russia: Is It Becoming Extinct? // Russian Politics and Law. 2005. Vol. 43. № 3. P. 25-50.

³ Быков И. А. Интернет-фандрайзинг и выборы: российские перспективы и ограничения // Российская политика в условиях избирательного цикла 2011-2012 гг. М.: РАПН, 2011. С. 37-39.

⁴ Grishin N. The Meaning of Elections in the Russian Federation // European Politics and Society, 2015. Vol. 16. № 2. P. 194-207.

процесс сопровождался усилением роли государства в медиапространстве¹.

Устойчивость подобной конструкции вызывает некоторые сомнения с общетеоретической точки зрения, поскольку пропорциональная система выборов вкупе с президентской формой правления, исходя из базовых положений сравнительной политологии, должна приводить к максимально нестабильному результату². Пропорциональная система выборов согласуется с парламентской формой правления, а пример успешного сочетания президентской формы правления и пропорциональной системы выборов просто отсутствует. Единственный пример успешной президентской демократии – это Соединенные Штаты. Мнимая «уникальность» России легко объясняется тем, что режимные изменения внутри государственного аппарата зашли так далеко, что, когда речь заходит о высших постах в стране, правила публичной политики перестают работать. Политический процесс в России начинает напоминать фразу Уинстона Черчилля о советской политике, как о «схватке бульдогов под ковром».

В результате принятых мер по стабилизации политической системы в России сложился феномен так называемой внесистемной оппозиции, куда вошли в том числе и разные, прежде вполне уважаемые политические группы и лидеры. Поскольку стратегия стабилизации политического процесса в России включала в себя, кроме комплекса мер по электоральному менеджменту, также и контроль над основными электорально-значимыми СМИ, постольку для вышеуказанной оппозиции особое значение приобрел Интернет. Именно Интернет, не связанный с «материальными ограничениями» вроде обязательной регистрации СМИ, лицензированием и т. п., по идее должен был стать основным каналом коммуникации для оппозиционных групп разной направленности. Однако, наши исследования показывают, что ведущие политические силы и политические партии также используют Интернет для собственной политической агитации и пропаганды³. В частности, большую известность получила деятельность Д. Медведева на посту Президента Российской Федерации, когда он активно позиционировался в качестве «продвинутого пользователя» и «русского варианта Обамы»⁴.

Стремительное распространение технологий Web 2.0 в России совпало с активным

¹ Нисневич Ю. А. Информационно-коммуникационная стабилизация политической системы // Вестник РУДН. Сер.: Политология. 2006. № 1(6). С. 68-80.

² Magaloni B. The Game of Electoral Fraud and the Ousting of Authoritarian Rule // American Journal of Political Science. 2010. Vol. 54. № 3. P. 751-765.

³ Быков И. А. Интернет и политические партии во время выборов в Государственную Думу 2007 г.: итоги и перспективы // Новый политический цикл: повестка дня для России. М.: РАПН, 2008. С. 40-42.

⁴ Быков И.А. PR, технологии веб 2.0 и электронное правительство в России // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения: Материалы 50-й международной научной конференции. СПб: СПбГУ, 2011. С. 213-215.

использованием этих технологий первым официальным лицом российского государства – Президентом Д. А. Медведевым в 2008 г. Именно он выступил в качестве активного популяризатора и пропагандиста всевозможных гаджетов и виджетов, стимулируя тем самым внедрение технологий Web 2.0 в алгоритмы государственного управления. Примерно с этого времени можно говорить об активном внедрении сетевой политической коммуникации в политический процесс России. Собственно одним из результатов развития технологий Web 2.0 стала идея трансформации концепции «электронного правительства». Новейшие исследования говорят о необходимости создания «электронных правительств 2.0», поскольку выяснилось, что без использования технологий Web 2.0 демократические правительства не могут добиться принципиального изменения своих политических систем и перевода их на качественно новый уровень¹.

Основное преимущество технологий Web 2.0 заключается в том, что они действительно создают условия для непосредственной интерактивности, а также способствуют активизации гражданского общества. Обратная связь, получаемая при помощи социальных медиа, радикально отличается от традиционных каналов электронной коммуникации (электронная почта, формы обратной связи, интернет-приемные и т.п.), поскольку эти средства обеспечивают высокий уровень персонификации и личной ответственности. Еще одной важнейшей функцией этих технологий является тестирование и обкатка политических решений. Кроме того, вероятно, что наиболее высокий потенциал в использовании технологий Web 2.0 для государственного управления находится в области сетевого метода кооперации между государственными структурами, общественными организациями и рядовыми гражданами. Именно эти технологии являются почти идеальной платформой для создания открытых для граждан правительств.

К объективным причинам, обусловившим популярность идеи «электронного правительства» в России, следует отнести то обстоятельство, что идея «электронного правительства» является политически нейтральной и в общем не затрагивает основ существующего режима. Данное явление, судя по всему, является универсальным. Как показывают опросы общественного мнения в США, к электронному правительству одинаково хорошо относятся как республиканцы, так и демократы². Кроме того, данная идея Президента Медведева хорошо комбинируется с основной темой модернизации России, которая тоже в общем является идеологически нейтральной.

¹ Chun S. A., Shulman S., Sandoval R., Hovy E. Government 2.0: Making Connections Between Citizens, Data and Government // Information Polity. 2010. № 15. P. 1-9.

²West D. Digital Government: Technology and Public Performance. Princeton: Princeton University Press, 2005. 256 p.

Идея «электронного правительства» получила большую поддержку в самых высоких кругах политического истеблишмента в России. Во многом это было вызвано субъективными причинами. Так, например, среди нескольких отличительных черт, формирующих политический имидж Д. А. Медведева, особенно сильно выделяется приверженность президента новейшим информационным технологиями¹. При этом, увлечение Медведева новейшими информационными технологиями выражается постоянно и в разных инновационных формах: интернет-конференции, собственный видео-блог, аккаунты в YouTube, LiveJournal и Twitter, личная работа за компьютером и поиск информации в Интернете, заявление о том, что для губернаторов навыки работы с новыми информационными технологиями обязательны, а также о том, что будущее принадлежит электронной демократии, всесторонняя поддержка концепции «электронного правительства» и, наконец, посещение «силиконовой долины» во время визита в США. Именно во время посещения США Д. Медведев открыл собственный микроблог в Twitter. Успешные эксперименты Д. Медведева с новейшими информационными технологиями привели к тому, что многие политики и чиновники также стали использовать соответствующие возможности. Так, например, поступил помощник Президента А. Дворкович, вскоре ставший самым популярным российским политиком в Twitter. Таким образом, Президент собственным примером стимулировал внедрение технологий Web 2.0 в сферу публичных коммуникаций, предложив лидерский стиль их использования². В этом плане примечательно отношение к интернет-коммуникациям В. Путина, который, хоть и проводил интернет-конференции и имеет аккаунт в твиттере, все же не может считаться «опытным пользователем». Поскольку в России от первого лица традиционно очень многое зависит, постольку государственная политика в этой области может радикально измениться в сторону повышения контрольных функций³. Некоторые зарубежные исследователи видят в этом последовательную политику, которая угрожает дальнейшей модернизации страны⁴.

Относительные успехи Медведева в интернет-пространстве не могут изменить тот факт, что первые успешные опыты по привлечению финансирования через Интернет принадлежат оппозиционным силам. Речь идет, например, о проекте бывшего члена политической партии «Яблоко» Алексея Навального «Роспил» (www.rospil.info) и сборе средств на издание тиража доклада «Путин. Итоги» (www.putin-itogi.ru), созданного под руководством

¹Yagodin D. Blog Medvedev: Aiming for Public Consent // Europe-Asia Studies. 2012. Vol. 64. № 8. P. 1415-1434.

²Быков И.А. PR, технологии веб 2.0 и электронное правительство в России // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения: Материалы 50-й международной научной конференции. СПб: СПбГУ, 2011. С. 213-215.

³Sakwa R. Putin's Leadership: Character and Consequences // Europe-Asia Studies. 2008. Vol. 60. № 6. P. 879-897.

⁴Nocetti J. Russia's 'Dictatorship-of-the-Law' Approach to Internet Policy // Internet Policy Review. 2015. Vol. 4. № 4.

Бориса Немцова¹. Эти примеры показывают, что в Интернете могут зародиться успешные проекты, которые способны поколебать стабильность созданной в пост-Ельцинскую эпоху политической системы². Более того, успехи «Революции Твиттера», а также весенних революций на Ближнем Востоке показывают, что даже в странах с относительно небольшим количеством интернет-пользователей Интернет представляет реальную угрозу для, казалось бы, самых устойчивых режимов³. Включая тех, которые недавно успешно провели выборы и получили необходимую политическую легитимность. Таким образом, речь идет не только о политических провокациях, которые могут иметь место в предвыборный период, во время выборов или подсчете голосов. Искусственно созданная электоральная система вместе с контролем над электорально-значимыми СМИ, вероятно, является более стабильной конструкцией во время поступательного развития социально-экономического развития страны. Однако в условиях любого, пусть незначительного, экономического кризиса легитимность этой системы будет поставлена под вопрос. В начале 2011 г. мы стали свидетелями рекордно низких рейтингов «правлящего тандема». Речь в то время еще не шла о катастрофических результатах. Вместе с тем, система, основной задачей которой выступает стабилизация политической жизни в стране, вошла в стадию разбалансировки. Третий срок президентства В. В. Путина начался на фоне существования значительной доли недовольных граждан, которые составляют социальную базу противников режима. Речь идет об одной трети общества, что само по себе создает большую проблему руководству страны. А если учесть, что большинство недовольных составляют образованные и достаточно молодые представители российского общества, то проблема становится еще более важной⁴.

Электоральный цикл 2011-2012 гг. в России ознаменовался целым рядом любопытных событий, среди которых следует отметить выросшую популярность новых, электронных технологий поддержания традиционных институтов демократии. В частности, можно отметить различного рода технологии краудсорсинга на базе интернет-приложений, призванные обеспечить прозрачность процесса голосования во время выборов в Государственную Думу Российской Федерации. В первую очередь, следует упомянуть интернет-кампанию «За честные выборы», а также деятельность ассоциации «Голос» и ее «Карту

¹ Nealy P. M., Ramanna K. When the Crowd Fights Corruption // Harvard Business Review. 2013. № 1. P. 122-128.

² Быков И. А. Интернет-фандрайзинг и выборы: российские перспективы и ограничения // Российская политика в условиях избирательного цикла 2011-2012 гг. М.: РАПН, 2011. С. 37-39.

³ Быков И. А. Геополитические последствия «революции твиттера» в Молдавии // Проблемы глобальной политики и безопасности в современной России: материалы междунард. науч. конф. Ч. 2. Санкт-Петербург, 28-29 мая 2009 г. СПб.: Балт. гос. техн. ун-т, 2009. С. 93-95.

⁴ Новая протестная волна: мифы и реальность [Электронный ресурс] // Фонд развития гражданского общества. 6 декабря 2012. Режим доступа: <http://civildfund.ru/mat/13> (дата обращения: 12.01.2013).

нарушений на выборах»¹. К этой же категории следует отнести организацию различного рода протестных мероприятий от митингов до несанкционированных флеш-мобов². Эта ситуация сильно обеспокоила представителей традиционного политического истеблишмента³.

Во-вторых, нельзя пройти мимо предвыборной инициативы В. В. Путина об обязательном рассмотрении «в парламенте тех общественных инициатив, которые соберут 100 тысяч и более подписей в интернете»⁴. Данная инициатива не получила безусловного воплощения, но тем не менее открывает перед российским парламентаризмом новые перспективы.

В-третьих, заслуживает определенного внимания идея и практика размещения веб-камер во время голосования на выборах Президента Российской Федерации весной 2012 г. При всех критических замечаниях, следует признать, что в какой-то степени веб-камеры снизили накал страстей. Как утверждают результаты опроса, проведенного ВЦИОМ, «69 % опрошенных сочли эффективной установку веб-камер на избирательных участках»⁵.

В-четвертых, самым значимым событием с использованием электронных технологий стали выборы в Координационный Совет Оппозиции. В полном соответствии с рецептами Дж. Шарп представители внесистемной оппозиции начали создавать параллельные официальным институты власти⁶. Для участия в выборах желающим быть избранными требовалось внести незначительный взнос, а желающим проголосовать было необходимо пройти определенную процедуру регистрации. Недостатки выборов в КС с самого начала были связаны с

¹ Соколов А. В., Дементьев А. А. Краудфандинг в российской политике // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2014. № 1. С. 106-124; Соколов А. В., Кириллова Е. В. Интернет-составляющая проекта «За честные выборы» // Власть. 2012. № 11. С. 42-45.

² Соколов А. В. Избирательный цикл 2011-2012 гг. и его влияние на протестную активность в России // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 5. С. 198-202; Соколов А. В. Интернет-технологии политического участия и их влияние на офлайн-политику // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4-1 (84). С. 303-310; Соколов А. В. Особенности возникновения политического краудфандинга в российской политической практике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2014. № 2. С. 31-38; Соколов А. В. Особенности реализации политического участия в интернете в современной России // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 2. С. 152-157; Соколов А. В. Протестная кампания против строительства скоростной федеральной трассы «Москва-Санкт-Петербург» через Химкинский лес // Конфликтология. 2012. Т. 1. С. 140-153; Соколов А. В., Вережкин А. И. Протестные выступления в субъектах Российской Федерации: пример Калининградской области // Социология власти. 2012. № 2. С. 145-151; Соколов А. В., Вережкин А. И. Сетевые гражданские кампании (на примере движения «общество синих ведерок») // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2013. № 3. С. 45-51.

³ Баданин Р., Бурибаев А. Как власти читают ваши блоги: расследование Forbes [Электронный ресурс] // forbes.ru, 16 августа 2012 г., Режим доступа: <http://www.forbes.ru/sobytiya/vlast/92590-kak-vlasti-chitayut-vashi-blogi-rassledovanie-forbes> (дата обращения: 13.12.2012).

⁴ Путин В. В. Демократия и качество государства [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2012. № 20. 6 февраля. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1866753> (дата обращения: 12.02.2013).

⁵ Выборы президента - честные и чистые? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. Пресс-выпуск №1977. Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112599> (дата обращения: 12.02.2013).

⁶ Шарп Дж. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения. М.: Новое издательство, 2012. 84 с.

существованием неких «курий», которые позволяли некоторым кандидатам от так называемых «националистической» и «социалистической» курий быть избранными, даже если они наберут меньше голосов, чем кандидаты от «общегражданской» курии. В современной практике традиционного парламентаризма достаточно сложно найти аналог. Для решения проблемы гарантированного представительства географических меньшинств используется двухпалатный парламент. Подобное решение с квотами от разных политических сил, на наш взгляд, расширило количество потенциальных участников, но заложило в фундамент новой структуры мину замедленного действия¹. Вторая серьезная проблема КС проявилась в процессе голосования. Это так называемые МММ-щики, которых известный предприниматель С. Мавроди заставил зарегистрироваться в качестве избирателей. В данном случае не имеет значения, с какими целями это было сделано. Важно то, что аккаунты многих МММ-щиков были заблокированы, что означает нарушение основополагающего принципа демократического парламента «один человек – один голос».

В-пятых, нельзя забывать о весьма интересном эксперименте по формированию нового состава Совета по правам человека при Президенте Российской Федерации. Напомним, что выдвижение кандидатур происходило в форме интернет-голосования по различным номинациям. В итоге этого голосования победу в некоторых номинациях одержали неизвестные в правозащитных кругах персоны². Процедура голосования проходила на фактически анонимном основании без соответствующей верификации.

Таким образом, во время электорального цикла 2011-2012 гг. наблюдалась активизация различного рода электронных форм демократического участия. К сожалению, идея полномасштабного интернет-голосования так и не была реализована. Некоторые элементы электронного демократического участия в парламентских и исполнительных органах власти страдают серьезными недостатками. Традиционный для России дефицит доверия органам власти продолжает сохраняться. Электронные формы демократического участия в сложившейся политической системе могут использоваться как для увеличения доверия к парламентаризму в России, так и для дискредитации репутации законодательных органов власти. Но наиболее распространенной задачей использования электронных инструментов является задача имитации народного представительства.

Использование Интернета для слива компромата возможно в рамках избирательной кампании любого уровня³. Поскольку оперативно установить источник подобного рода

¹Popescu N. The Strange Alliance of Democrats and Nationalists // Journal of Democracy. 2012. Vol. 23. № 3. P. 46-54.

²Виноградов Е. Выборы в президентский Совет по правам человека: эксперты разочарованы // Немецкая волна. 17.09.2012. Режим доступа: <http://dw.de/p/16AQE> (дата обращения: 12.02.2013).

³Гнедаш А. А., Рябченко Н. А. Конструктивные и деструктивные социально-политические практики в online-

«информационных бомб» не представляется возможным, обращение в суд с иском о защите чести и достоинства, как способ защиты от таких действий, малоэффективен. Обилие компромата в Интернете привело к возникновению целого ряда мифов в общественном сознании. Наибольшее распространение получил миф о том, что Интернет используется по преимуществу для «слива» компромата и жестких негативных кампаний, из чего рядовой обыватель делает вывод о том, что Интернет не может служить источником объективной информации. Над созданием и укреплением этого мифа очень сильно потрудились традиционные СМИ, опасаящиеся появления серьезного конкурента.

Электоральные технологии в России развиваются вслед за самыми передовыми мировыми достижениями. Это стало возможным во многом благодаря формированию современного медийного пространства, включающего значительные сегменты цифровых медиа, например, таких как спутниковое телевидение и Интернет. Подавляющее большинство политических партий России стараются использовать сетевые коммуникации в своей деятельности¹. В частности, в Интернете значительное распространение получили различные ресурсы Вэб 2.0, которые стали благодатной средой для так называемых вирусных технологий. Современные вирусные технологии стали новой формой развития традиционной продвижения «из уст в уста», построенной на базе социальных медиа и социальных сетей. Социальные сети, разумеется, существовали и ранее. Однако, именно Интернет сделал процедуру их создания и развития небывало легкой². Как отмечает Д. Скотт, «для маркетологов самый большой плюс Интернета в том, что успешная идея может привести бренд или компанию к славе и богатству совершенно бесплатно»³. Именно поэтому вирусные технологии получили такое признание: распространители вирусной информации избавляются от расходов на распространение своего контента. При удачном исходе себестоимость контакта с целевой аудиторией в несколько раз ниже таких традиционных вариантов, как политическая реклама, листовки, встречи с избирателями и т. п.

Конечно, создание вирусного контента и его «посев» не бывают абсолютно бесплатными⁴. Также вирусные технологии не гарантируют однозначную трактовку их содержания со стороны целевых аудиторий. Возможны совершенно непредсказуемые реакции,

пространстве современной России: «фейлы», «кейсы», «механики» // Человек. Сообщество. Управление. 2014. № 2. С.40-54.

¹ Балашов А. Н. Интернет-активность российских политических партий: политологический анализ // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 3. С. 107-116.

² Далворт М. Социальные сети: Руководство по эксплуатации. М.: Добрая книга. 2010. 248 с.

³ Скотт Д. Новые правила маркетинга и PR. Как использовать социальные сети, блоги, подкасты и вирусный маркетинг для непосредственного контакта с покупателями. СПб.: Альпина паблишер, 2013. С. 231.

⁴ Максимюк К. С. Новый Интернет для бизнеса. 2-е изд. М.: Эксмо, 2011. 224 с.

включающие как недопонимание основного меседжа, так и контр-вирусную кампанию. Кроме того, хотя вирусные технологии могут опираться на самый разнообразный контент (картинки, фотографии, фразы и т. п.), фактически основным и единственным синонимом эффективных вирусов стали видео-ролики, распространяемые преимущественно через YouTube. Как мы уже отмечали ранее, в политике вирусные технологии получили заметное распространение с 2008 г., когда во время своей первой предвыборной кампании на пост Президента США Барак Обама с огромным успехом использовал YouTube¹. Так, речь Обамы на съезде партии смотрели 1,5 млн. пользователей, речь в Нью-Хэмпшире «Да, мы можем!» - 2,5 млн., а победную речь на праймериз в Айове - 3 млн. Однако, самыми удачными роликами стали не официальные речи (хотя Обама является признанным оратором), а специальные музыкальные ролики. Так, огромную популярность получили музыкальные клипы «Девушки Обамы». Основную песню «I've Got a Crash on Obama» посмотрели 12,6 млн. человек. Всего было выпущено около 30 роликов, некоторые из которых активно атаковали позиции конкурентов: Хиллари Клинтон, Сары Пэйлин и Джона Маккейна. Также существовало много других роликов, главным из которых стала песня рэп-группы Black Eyed Peas, написанная по мотивам речи Обамы в Нью-Хэмпшире. Она собрала рекордные 17 млн. просмотров и стала неофициальным гимном предвыборной кампании Обамы. Следует отметить качество этих роликов, то, что они точно улавливали дух и настроения целевой аудитории. Их кажущаяся простота на самом деле являются плодом долгих и тщательных исследований, результатом талантливой режиссуры и исполнения. Кроме того, как мы уже упоминали, YouTube стал инструментом управления повесткой дня, формируя тематику дебатов между кандидатами на телевидении (проект CNN), а также формулируя содержательные ответы на критику оппонентов и собственную атакующую тактику².

Электоральный цикл 2011-2012 гг. в России проходил на фоне довольно сильных протестных настроений. Так, по данным ФОМ, за время предвыборных кампаний в Государственную Думу и на пост Президента протестные настроения разделяли не менее 25% граждан³. Об этом же говорят рейтинги одобрения деятельности В. Путина и Д. Медведева (см. рис. 8). На графике четко видно, что за время избирательной кампании в Государственную Думу их рейтинги значительно понизились.

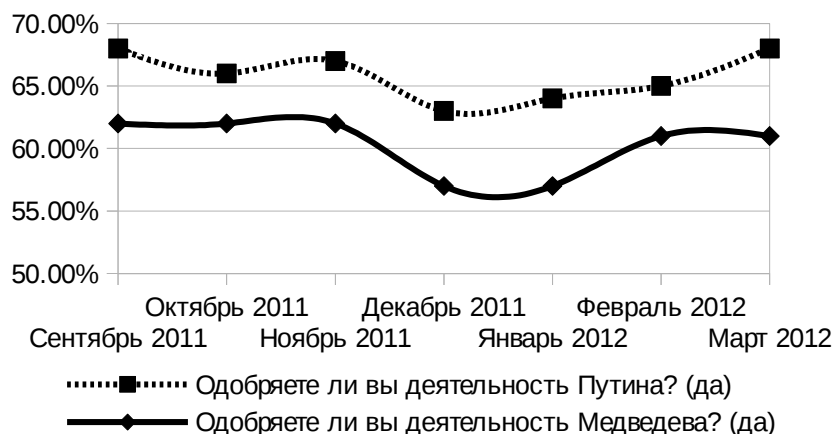
Рис. 8. Одобрение деятельности В. Путина и Д. Медведева

¹ The 2008 Presidential Campaign: A Communication Perspective / Ed. by R. Denton. Lanham: Rowman and Littlefield, 2009. 320 p.

²The Year of Obama: How Barack Obama Won the White House / Ed. by L. Sabato. N.: Longman, 2009. P. 234-235

³Индекс протестных настроений [Электронный ресурс] // ФОМ. Индикаторы. Режим доступа: www.fom.ru

(посчитано автором по данным Левада-Центра, %)

На этом политическом фоне произошло достаточно интенсивное применение вирусных технологий даже теми политическими партиями, от которых это было труднее всего ожидать. Так, например, КПрФ еще весной 2011 г. предложила первый ролик, высказывающийся по поводу всей системы власти в России под названием «2012». Этот ролик, однако, не получил широкой известности, набрав на видео-хостинге YouTube чуть больше двадцати тысячи просмотров. Однако, уже следующий ролик «Хорошая традиция» набрал несколько сотен тысяч просмотров. Также относительной популярностью пользовались некоторые выступления Г. Зюганова.

Гораздо эффективнее оказались вирусные ролики ЛДПР, которые чаще всего были «нарезками» из телевизионных выступлений В. В. Жириновского. Некоторые из них набирали несколько миллионов просмотров. При этом ЛДПР в мае 2011 г. создала специальный сайт www.ldpr-tube.ru. Более того, некоторые телевизионные ролики с участием Жириновского с успехом распространялись в Интернете. Так, например, передачу «Прожекторперисхилтон» с участием Владимира Вольфовича через YouTube посмотрело более двух миллионов человек. «Единая Россия» также использовала в своей предвыборной кампании вирусные ролики. Например, большую известность получили ролики «Давай сделаем это вместе» и «Давай сделаем это вместе... несправедливо». Вместе эти два ролика набрали почти полмиллиона просмотров.

Нельзя не отметить довольно удачную вирусную кампанию внесистемных оппозиционных сил, пустившую в ход интернет-мем про «партию жуликов и воров» и призывавшую к голосованию за любую другую партию, кроме «Единой России». С другой стороны, «Единая Россия» предприняла несколько попыток отбиться от этой атаки. Особенно удачным следует признать ролик «Россия без Путина?», собравший около миллиона

просмотров. Интернет-мем «Партия жуликов и воров» интенсивно использовался «Справедливой Россией», что позволило ей получить сравнительно неплохие результаты на выборах в Государственную Думу.

Однако, энергичная предвыборная кампания Владимира Путина позволила переломить негативную тенденцию падения рейтинга, начавшуюся после сентябрьского решения о «рокировке в тандеме» и достигшую своего максимума в декабре после подведения итогов парламентских выборов. Предвыборная кампания В. Путина базировалась на нескольких важных составляющих. Во-первых, необходимо отметить массовую рекламную и агитационную кампанию, основным содержанием которой стало выражение поддержки от лица весьма уважаемых и известных граждан. В поддержку Путина высказались, например, такие популярные петербуржцы, как Андрей Аршавин, Алиса Фрейндлих и Валерий Гергиев. По сути дела мы наблюдали первую настоящую президентскую кампанию после выборов Ельцина в 1996 г. В первых двух избирательных кампаниях Владимир Владимирович побеждал с таким явным преимуществом, что ему просто не требовались эти инструменты.

Во-вторых, нельзя не отметить большое количество разнообразных обещаний, которые раздавал В. Путин самым разным группам избирателей. Некоторые обещания, вроде знаменитого указанию Аэрофлоту об организации бесплатного перелёта российских болельщиков на чемпионат Европы по футболу, при большом желании, можно отнести к статье о подкупе избирателей. Более того, по мнению некоторых комментаторов, необходимые для реализации всех обещаний ресурсы просто не могут быть собраны и заведомо невыполнимы. Однако с точки зрения электоральных задач эти обещания подогревают интерес заинтересованных групп, которые ожидают получить пусть незначительную, но часть бюджетного пирога. Таким образом реализовывалась цель мобилизации электората.

В-третьих, отдельной темой стали массовые акции посвященные поддержке В. Путина и критике участников протестных акций. С одной стороны, протестные акции задали высокий уровень политизации выборов, который, к примеру, отсутствовал во время предыдущего электорального цикла 2007-2008 гг. С другой стороны, ответная критика протестного движения приводит к его консолидации, отработке механизмов взаимодействия, организационному оформлению и дальнейшей эскалации противостояния. Поэтому победа на выборах не означает окончательной победы над протестным движением. Для того, чтобы протестное движение не приобрело радикальный характер, власти приходится реализовывать меры по модернизации политической системы.

Наконец, в-четвертых, необходимо отметить энергичные действия властей по легитимизации результатов президентских выборов. Так, по данным ВЦИОМ, большинство

граждан (78%) считают, что выборы отражают реальные результаты. Правда, при этом всего 44% уверены, что результаты выборов достоверны и отражают волеизъявление избирателей, а 34% говорят, что имели место незначительные подтасовки, не повлиявшие на итоги голосования в целом. Большую роль в этом положительном для ЦИК результате сыграла правительственная кампания по установке веб-камер на избирательных участках. 69% респондентов отметили, что именно веб-камеры имели самый большой эффект в плане справедливости результатов, а 61% заявили, что позитивно относятся к деятельности таких организаций, как «Лига избирателей»¹.

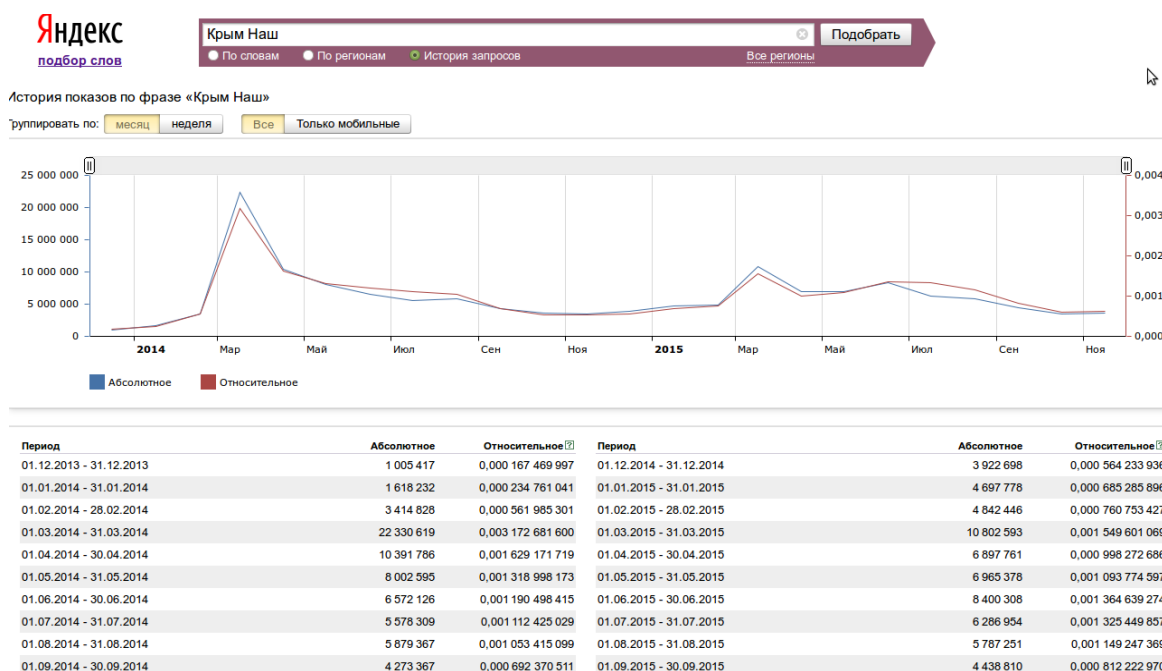
Таким образом, следует признать, что во время избирательного цикла 2011-2012 гг. в России вирусные технологии в Интернете широко применялись. Абсолютные цифры просмотров вирусных видео-материалов, по нашей экспертной оценке, превышают рубеж в десять миллионов. Разумеется, количество просмотров ещё не говорит о бесспорной эффективности. В случае с роликом «Россия без Путина?» мнения пользователей о его содержании разделились практически пополам. Вирусные технологии стали значимым сегментом предвыборных кампаний федерального уровня в современной России. Так, например, интернет-мем «Партия жуликов и воров», родившийся в интернет-пространстве, перешел в офлайн-пространство и стал широко употребляться некоторыми политическими партиями во время выборов в Государственную Думу. По статистике поисковых запросов Yandex, в сентябре 2011 г. было почти 2 миллиона запросов ежедневно по этой фразе². Однако, во время выборов Президента России в значительной степени удалось нейтрализовать возможности вирусных технологий за счёт использования других технологий (интернет-рекламы, повышения прозрачности голосования, мобилизации сторонников и т. п.).

Надо отметить, что успешное использование интернет-мемов возможно не только оппозиционными политическими силами. Так, например, известный интернет-мем «#КрымНаш» набирал на пике своей популярности в марте 2014 г. более 22 миллионов поисковых запросов в поисковой системе Яндекс (рис. 9).

Рис. 9. Статистика поисковых запросов по ключевой фразе «Крым наш»

¹ Выборы президента - честные и чистые? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. Пресс-выпуск №1977. Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112599> (дата обращения: 12.02.2013).

² Бакалов И. SEO и политика – о партии жуликов и воров [Электронный ресурс] // Bakalov.info. <http://bakalov.info/seo-i-politika-o-partii-zhulikov-i-vorov.html> (дата обращения: 12.12.12).

Для того чтобы выяснить, возможно ли появление популярного политического лидера при помощи одних только интернет-технологий и без участия традиционных СМИ, мы провели зимой 2012-2013 гг. небольшое эмпирическое исследование¹. Целью нашего эмпирического исследования стало изучение восприятия молодыми избирателями Санкт-Петербурга имиджей В. Милонова и А. Навального. Среди прочих в работе были поставлены задачи по выявлению спонтанной известности В. Милонова и А. Навального, а также готовность голосовать за них. Напомним, что В. Милонов стал известным политическим деятелем преимущественно благодаря постоянному присутствию в традиционных СМИ и прежде всего на телевидении. В то же самое время А. Навальный преимущественно использовал социальные медиа. В качестве респондентов были выбраны юноши и девушки гуманитарных и технических специальностей различных вузов Санкт-Петербурга: Санкт-Петербургского университета Технологии и Дизайна, Санкт-Петербургского политехнического университета, Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Ленинградского университета имени А. С. Пушкина. При этом целенаправленно было отобраны по две студенческих группы технических и гуманитарных специальностей. В результате мы получили 33 (48 %) респондентов мужского пола и 35 (52 %) женского, что находится близко к среднему гендерному распределению. Средний возраст

¹ См. Подробнее: Быков И. А., Кострова Е.А. Медийный имидж политического лидера и его восприятие среди молодых избирателей Санкт-Петербурга (на примере А. Навального и В. Милонова) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2. Искусствоведение. Филологические науки. 2013. № 1. С. 78-81.

респондентов составил 21,9 года. Возраст опрошенных варьировался от 17 до 26 лет.

Результаты опроса показали, что усилия Милонова и внимание к нему со стороны официальных СМИ и особенно телевидения на тот момент не принесли столь значимого результата, как деятельность Навального. Узнаваемость Милонова в два с небольшим раза меньше узнаваемости Навального. Всего 34% респондентов указали, что знали о существовании Милонова до опроса. В плане электорального рейтинга, то есть готовности проголосовать за него, рейтинг Милонова в четыре раза меньше рейтинга Навального (см. табл. 5). Очевидно, что ограниченная выборка не позволяет делать далекоидущих выводов на основании этих данных, однако уровень положительного отношения к Навальному среди студенческой молодежи Санкт-Петербурга действительно весьма высокий.

Табл. 5. Узнаваемость и электоральный рейтинг В. Милонова и А. Навального (N=68)

	Узнаваемость	Электоральный рейтинг
Милонов	34 %	14 %
Навальный	72 %	55 %

Наше исследование, носящее не репрезентативный, а скорее качественный характер, показало, что для успешного конструирования имиджа политического лидера в молодежной среде недостаточно использование медийного ресурса в виде федеральных телеканалов. Гипотеза о примерно одинаковом уровне узнаваемости не подтвердилась. С одной стороны, Милонов позднее вышел на общероссийскую политическую сцену. С другой стороны, его «питерское» происхождение и масштабное появление на телевизионных экранах должно было компенсировать «поздний старт», но не компенсировало. Очевидно, что дело во внутренней слабости имиджа Милонова. Нужно сделать так, чтобы имидж политического лидера был согласованным. Медийный ресурс – это мощный инструмент достижения известности, но его недостаточно для того, чтобы полностью доминировать на политической арене. Наличие современных социальных медиа и других альтернативных источников информации позволяет оппозиционным политикам получить свою долю известности. В таком случае отсутствие политика на основных телеканалах только подкрепляет его имидж оппозиционного и независимого кандидата. Исходя из полученных результатов, мы прогнозировали большой потенциал А. Навального в качестве публичного политика, что и было подтверждено результатами выборов на пост мэра г. Москвы в 2013 г., где ему удалось занять второе место с 27,24 % голосов¹.

¹Навальный А. Отчет о кампании. 2013. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://report.navalny.ru/> (дата обращения: 12.01.2013).

Так или иначе, сетевая политическая коммуникация стала неотъемлемой частью политической жизни современной России, затрагивая все стороны публичной политики на различных уровнях¹. Разумеется, разные политические силы по-разному используют сетевые коммуникации. Если представители «Единой России» фактически ретранслируют позицию из официальных СМИ, упирая на роль политических знаменитостей вроде В. Путина, Д. Медведева и Р. Кадырова, то представители внесистемной оппозиции, занимая фактически маргинальную позицию в традиционных СМИ, ведут в Сети оживленную дискуссию по самым разным поводам, включая перспективы пост-Путинской России. Однако, как отмечает М. В. Данилов, дискуссия в социальных сетях редко приводит к реальной мобилизации и уличным политическим акциям².

3.3. Традиционные и сетевые каналы распространения политической информации в России

Стремительное развитие интернет-коммуникаций оказывает все более заметное влияние на современную политику. В первую очередь, это влияние распространяется на молодежь³. Однако, если в случае с влиянием средств массовой информации на политические процессы существует большое количество исследований⁴, то эмпирических исследований по проблеме влияния интернет-коммуникаций и особенно коммуникаций в социальных сетях на политику в отечественной научной литературе практически нет. Существующие работы относятся скорее к интернет-технологиям в целом, тогда как сегодня наиболее популярными сервисами в Интернете являются социальные сети⁵. Этот факт очень важно учитывать, тем более, что «начиная с 2011 года Россия является лидером по количеству времени, проводимого типичным пользователем Интернета в соцсетях – около 13 часов в месяц»⁶. Наше исследование предполагает активизацию эмпирических наработок в этой области, так как замена

¹ Bode N., Makarychev A. The New Social Media in Russia // Problems of Post-Communism. 2013. Vol. 60. № 2. P. 53-62.

² Данилов М. В. Институты, механизмы и технологии политизации общества в постсоветской России (1990-е – 2000-е годы). Автореф. дис. ... д. полит. н. Саратов, 2015.

³ Карпова Д. Н. Интернет-коммуникация: новые вызовы для молодежи // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 5. С. 208-212.

⁴ Малик Е. Н. Средства массовой информации как институт политической социализации молодежи в современной России: Монография. Орел: Орловская академия государственной службы, 2009. 165 с.

⁵ Башкарев А. А. Роль сети Интернет в процессе политической социализации молодежи. Дис. ... к. полит. н. СПб., 2009. 166 с.; Рябченко Н. А. Политический парсинг как механизм политической социализации молодежи в online-пространстве современной России // Youth World Politic. 2013. № 1. С. 100-106; Руткаускайте М. В. Молодежный Интернет как пространство политической социализации и идентификации современной российской молодежи // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2011. № 4. С. 88-96.

⁶ Откуда берется интернет-зависимость. Почему в России так много интернет-зависимых [Электронный ресурс] // Газета.ru. 23.12.2014. http://www.gazeta.ru/tech/2014/12/23_a_6356077.shtml

традиционных каналов политической коммуникации новыми в конечном итоге приводит к перестроению любой политической системы.

Таким образом, актуальность нашего исследования связана с повышением роли политической коммуникации в социальных сетях, ставшей особенно заметной в начале второго десятилетия двадцать первого века. Распространение интернет-коммуникаций вызывает массу новых вопросов. В частности, использование Интернета в качестве средства массовой информации растет, однако, это не значит, что традиционные СМИ (к примеру, телевидение) утрачивают свое влияние, поскольку в результате конвергенции телекоммуникационных средств, как указывает Е. Л. Варганова, связи появляется феномен интернет-телевидения, когда просмотр телепрограмм осуществляется от случая к случаю либо по телевизору, либо на других цифровых устройствах (компьютерах, планшетах, смартфонах и т.п.)¹. Наше исследование предполагает попытку оценки влияния телесмотрения (в самом широком смысле, включающем новые способы потребления телевизионных продуктов) и коммуникации в социальных сетях на интерес к политической информации среди студенческой молодежи Санкт-Петербурга на базе проведенного зимой 2013-2014 гг. массового опроса².

Отправной точкой исследования стало предположение о том, что интернет-коммуникации вообще и социальные сети в частности фактически вытеснили традиционные каналы коммуникации, представленные телевидением, в качестве основного способа получения политической информации. Мы полагаем, что среди традиционных каналов коммуникации только телевидение может составить конкуренцию социальным медиа в молодежной среде. Поэтому в анкету был включен вопрос о частоте использования телевидения и социальных сетей респондентами. Далее, очень важным фактором, определяющим выбор того или иного канала коммуникации, является уровень доверия к каналу. В данном случае ситуация сходна с давно наблюдаемой закономерностью о доверии и политических предпочтениях³. Вполне логично предположить, что пользователи предпочитают пользоваться теми каналами коммуникации, которым они доверяют. К примеру, исследование Левада-Центра «Российский медиа-ландшафт: телевидение, пресса, Интернет» показало, что телевидение в России в целом обладает и большим влиянием, и большим уровнем доверия одновременно⁴. Аналогичный

¹ Варганова Е. Л. Цифровое телевидение и трансформация медиасистем. О необходимости междисциплинарных подходов к изучению современного ТВ // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2011. № 4. С. 6-26.

² Быков И. А. Политическая информация и социальные медиа: проблемы политической коммуникации в студенческой среде Санкт-Петербурга // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 3. С. 28-36.

³ Бычков П. А. Исследование взаимосвязи ценностной сферы молодежи с доверием к политической власти // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 1. С. 845-56.

⁴ Волков Д., Гончаров С. Российский медиа-ландшафт: телевидение, пресса, Интернет [Электронный ресурс] //

подход использовался в исследовании «Лаборатории Крыштановской», в котором обнаруживается деление молодежи на две группы: «ТВ-партию» и «Интернет-партию»¹. Для уточнения влияния доверия на информационные предпочтения в анкету был включен вопрос о доверии социальным сетям и телевидению.

Наконец, последняя важная переменная, непосредственно касающаяся политической тематики, связана с интересом к политической информации. Мы полагали, что политическая информация распространяется по разным каналам коммуникации: преимущественно социальным сетям и телевидению. Уровень использования каналов, вероятно, связан с уровнем доверия к ним. Кроме того, можно было предположить, что уровень доверия к каналам коммуникации может оказывать влияние на то, интересуются ли люди политической информацией или нет.

Таким образом, основная цель исследования была связана с выявлением роли каналов коммуникации в распространении политической информации в студенческой среде Санкт-Петербурга. Оговоримся, что мы чаще используем слова «студенты» и «студенческая молодежь», поскольку в выборку были включены только молодые люди, обучающиеся на тот момент в высших учебных заведениях. Основные гипотезы исследования были сформулированы следующим образом:

- 1) современная студенческая молодежь в значительной степени предпочитает социальные сети телевидению;
- 2) уровень доверия к социальным сетям выше, чем к телевидению;
- 3) политическая информация поступает к студентам через социальные сети, которые обладают бóльшим уровнем доверия, чем телевидение.

В качестве объекта исследования нами была выбрана студенческая молодежь Санкт-Петербурга. Выбор студенческой молодежи в качестве объекта исследования был вызван несколькими причинами. Назовем две основных. Во-первых, этот объект доступен исследованию, а, во-вторых, тем, что именно в среде современной российской молодежи формируются тренды, которые определяют будущее российской политики. Было опрошено 400 студентов в 2013-2014 гг. Опрос проводился в период с декабря 2013 г. по февраль 2014 г. Выборку следует отнести к комбинированному виду. С одной стороны, мы старались сделать стратифицированную выборку, привлекая к опросу студентов различных вузов, а с другой стороны, мы использовали элемент повышения случайности выборки, опрашивая знакомых

Левада-Центр, 2014. <http://www.levada.ru/sites/default/files/levadareportmedia.pdf>

¹ Ментальность российской молодежи: политические ориентиры и кумиры [Электронный ресурс] // Гефтер. 2013. Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/8369> (дата обращения: 1.02.2014)

интервьюируемых студентов с тем условием, чтобы они не были учащимися этого же вуза². Фактически исследование начиналось с опроса нескольких студенческих групп в трех вузах (СПбГУ, СПГУТД, СПбГЭУ), но охватило сорок пять университетов, академий и институтов Санкт-Петербурга. Кроме упоминавшихся трех вузов, следует перечислить следующие: Политех, РГПУ им. А. И. Герцена, Технологический университет, ИТМО, СПбГАСУ, Горный университет, Лесотехнический университет, СПбГУТ им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, ЛЭТИ, СПбГИК, СПбГУП, СЗТУ, МИЭП, СПбГХПА им. А. Л. Штигица, ЛГУ им. А. С. Пушкина, ГУ ВШЭ, СПбГИКиТ, Военмех, НГУ им. П. Ф. Лесгафта, СПБУГПС, ИВЭСЭП, СПБРТА, ПервыйМед, РАНХиГС, СПбГУАП, ПГУПС, СПИГ, СПбГМТУ, СПИУиП, СПбГТЭУ, СПбГУГА, СПбГАУ, ГМА им. адм. С. О. Макарова, СПбГАВМ, СПБИМ (ЛМЗ-ВТУЗ), СЗГМУ им. И. И. Мечникова, СПбГТУРП, НИУиД, СПБВИВВ, СПбГИПСР, ВКА им. А. Ф. Можайского, СПбГАТИ. Таким образом, в создании выборки использовался метод «снежного кома». Основной целью этого подхода являлось повышение репрезентативности выборки. Сбор данных осуществлялся при помощи онлайн инструментов Google Forms. Обработка данных проводилась с помощью статистического пакета R.

Репрезентативность выборки, очевидно, следует оценивать по нескольким критериям. В нашем случае этими критериями выступают: распределение по полу, возрасту, вузам обучения, уровню отказов и размер выборки, который довольно сильно влияет на уровень статистической погрешности. Опишем в начале генеральную совокупность. По официальным данным Федеральной службы государственной статистики, полученным через сайт www.gks.ru, в 2007 г. в Санкт-Петербурге училось около 450 тысяч студентов. К сожалению, нам не удалось найти более свежих официальных данных. Попытка сбора информации о количестве обучающихся студентов с официальных сайтов вузов также встретила непреодолимые трудности: в большей половине случаев информация о количестве отсутствовала, а в тех случаях, когда она имела место, нельзя было с уверенностью сказать, не устарела ли она, и не является ли эта информация неким рекламным ходом для привлечения абитуриентов. Тем не менее, собранная информация говорит о том, что численность студентов в вузах зависит от их величины. Существуют крупные вузы, которые указывают число обучающихся студентов: 30 тысяч (СПбГУ), 26 тысяч (СПбГЭУ) и 20 тысяч (РГПУ, Политех). Небольшие вузы не стремятся афишировать эту цифру, ограничиваясь указанием направлений подготовки, факультетов, кафедр и т. п.

Оценивая нашу выборку по полу (52,75 % - женский, 47,25% - мужской), следует признать, что она соответствует вероятной пропорции. То же самое относится к распределению

²Рабочая книга социолога / Под общ. ред. Г. В. Осипова. Изд. 4-е, стер. М.: КомКнига, 2006. С. 218-219.

по возрасту. В нашей выборке оказались студенты от 17 до 35 лет. Визуальный анализ распределения студентов по возрасту позволяет с уверенностью предположить, что речь идет о нормальном распределении (см. рис. 15). Введение двухступенчатой системы высшего образования и широкое распространение платных форм обучения приводят к тому, что средний возраст студентов увеличивается. В нашей выборке он составил 21,36 года. Распределение студентов по возрасту носит сдвинутый характер, указывая на то, что на первые годы обучения приходятся наиболее частотные группы студентов, тогда как более возрастные студенты относительно малочисленны. Проведение формального теста на нормальность распределения Шапиро-Уилка подтвердило с вероятностью более 99%, что мы имеем дело с нормальным распределением. Р-значение составило $2.2e-16$. Формальные тесты Вилкоксона (медиана – 21.00005) и t-тест Стьюдента для одномерных данных (средняя – 21.3575) показали, что медиана и средняя очень близки, и что доверительный интервал в этих тестах очень узок (менее 1 %).

Одной из основных задач проведения репрезентативных исследований является задача пропорционального представления всех групп, составляющих генеральную совокупность. В нашем случае нужно было добиться того, чтобы студенты самых разных вузов были задействованы в исследовании. В нашей выборке оказались студенты из 45 вузов, тогда как на сайте Википедии в категории вузы Санкт-Петербурга числится 76 страниц. Очевидно, что нам удалось охватить более половины вузов. Несомненно, это говорит о репрезентативности выборки. Мы уже указывали на то, что практически не существует возможности собрать достоверную и полную информацию о количестве обучающихся студентов в вузах. Однако, научная строгость требует провести хотя бы приблизительную оценку соответствия пропорций выборки и генеральной совокупности. В нашем случае в выборке на долю СПбГУ, СПбГЭУ, РГПУ и Политехнического университета приходится более половины опрошенных (230 респондентов или 57,5 %). В то же время подсчет имеющейся информации на сайтах вузов говорит, что в них обучается 96 тысяч студентов или 21,3 % всех студентов Санкт-Петербурга от числа результатов 2007 г. Однако, необходимо иметь в виду тенденцию сокращения приема в коммерческие и небольшие вузы. Собственно, именно эта тенденция привела к тому, что в последнее время был взят курс на укрупнение образовательных учреждений и сокращение количества филиалов. Отсюда можно сделать вывод, что наша выборка, концентрируясь на крупных и средних вузах, находится в русле указанных тенденций, а этот вероятный перекося в их пользу не является для наших целей чрезмерным. Мы полагаем, что не попавшие в нашу выборку вузы не являются системообразующими, испытывают значительные проблемы с набором студентов, не обладают большим количеством студентов и именно поэтому не попали в

нашу выборку. В то же самое время все крупные и средние вузы были в той или иной степени представлены в нашей выборке.

Еще одно важное обстоятельство, серьезным образом повышающее репрезентативность нашей выборки и достоверность результатов, заключается в нулевом уровне отказов от анкетирования. Подобный результат был достигнут благодаря двум приемам. Во-первых, анкета содержала всего семь вопросов, три из которых относятся к так называемым «паспортным»: пол, возраст и место учебы. Разумеется, анкетирование занимало не больше трех-четырех минут. Во-вторых, анкетирование проводилось лично автором или студентами в присутствии автора. Когда студенты обращались к своим знакомым студентам из других вузов с просьбой ответить на несколько вопросов по телефону, отказов не было. Этот факт обеспечивает дополнительную репрезентативность, так как обычные телефонные опросы очень часто «натякаются» на нежелание респондентов отвечать на вопросы. Уровень отказов в 10 % может значительно понизить репрезентативность, что требует увеличения выборки, чего в нашем случае не пришлось делать. Таким образом, оценка генеральной совокупности и соотношения опрошенных студентов позволяет сделать вывод, что нам удалось провести репрезентативное исследование, в котором уровень статистической погрешности не превышает 5 %¹.

Наше исследование показало, как мы и предполагали, что студенческая молодежь Санкт-Петербурга значительно чаще обращается за информацией к социальным сетям, нежели к телеэкранам (рис. 10). В частности, всего 20 % респондентов отметили, что смотрят телевизор каждый день, тогда как к социальным сетям каждый день обращаются 80,75 %. Социальные сети заменили телепросмотр в качестве основного способа получения информации. Почти половина респондентов практически не пользуются телевизорами (49,25 %). Эта цифра складывается из тех, кто никогда не пользуется (21,75 %) и кто всего несколько раз в месяц пользуется (27,5 %) телевидением. Очевидно, что высокая степень пользования социальными сетями вызвана целым рядом обстоятельств, среди которых молодежный стиль жизни играет важнейшую роль. Студенты значительно меньше проводят время дома, предпочитая активные виды деятельности, перемещение по городу. Современные гаджеты (смартфоны, планшеты, мобильные компьютеры), подключенные к мобильному Интернету, позволяют получать информацию «на ходу». Отсюда такое преимущество социальных сетей над телевидением.

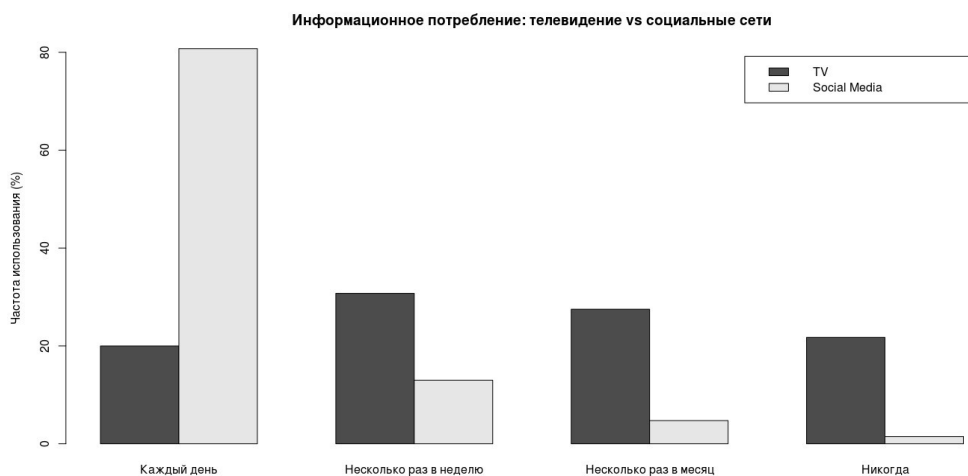
Для того чтобы проверить, существует ли связь между медиапотреблением и полом респондента, мы использовали критерий согласия Пирсона χ^2 . Такой подход встречается в специальной литературе². Вначале обратимся к проверке зависимости телесмотрения от пола.

¹ Мангейм Дж. Б., Рич Р. К. Политология. Методы исследования. М.: Весь Мир, 1997. С. 178.

² Жолудева В. В., Панарский Н. С. Математико-статистические методы и модели в социологическом

Для этого была составлена таблица сопряженности (см. табл. 6) и проведены расчеты. Оказалось, что значение $\chi^2 = 11.7585$, а Р-значение составило 0.0082. Это значит, что лишь с вероятностью 0,82 % можно допустить, что нулевая гипотеза об отсутствии связи между полом и телесмотрением верна. Другими словами, очевидно, что существует очень высокая степень зависимости уровня использования телевидения от пола респондентов: студентки больше, чем студенты смотрят телепрограммы, и это различие имеет статистически значимый уровень.

Рис. 10 Распределение медиапотребления студентами Санкт-Петербурга (N=400)

Далее, в той же таблице сопряжения представлены данные по зависимости частоты пользования социальными сетями от пола. В данном случае критерий согласия Пирсона χ^2 продемонстрировал значение 1.2277, а Р-значение равнялось 0.7464, что говорит о том, что с вероятностью 74,64 % нулевая гипотеза о том, что связь между полом респондентов и уровнем использования социальных сетей отсутствует, верна. Иными словами, гендерная принадлежность не влияет на высокий уровень пользования социальными сетями. И студенты, и студентки в одинаковой степени часто пользуются ими. Различия в использовании социальных сетей между полами не имеет статистической значимости.

Табл. 6. Пол и использование каналов коммуникации

Частотность телесмотрения в зависимости от пола				
Параметр	Каждый день	Несколько раз в неделю	Несколько раз в месяц	Никогда
Мужчины (N=189)	30	49	60	50

Женщины (N=211)	50	74	50	37
Частотность использования социальных сетей в зависимости от пола				
Параметр	Каждый день	Несколько раз в неделю	Несколько раз в месяц	Никогда
Мужчины (N=189)	150	25	10	4
Женщины (N=211)	173	27	9	2

Как мы указывали ранее, в начале исследования нами была выдвинута рабочая гипотеза о том, что существует более высокое доверие к социальным сетям, чем к телевидению. В результате проведенного исследования, эта гипотеза не подтвердилась. Точнее, ответы на вопрос о том, какая информация заслуживает большего доверия, поделились, учитывая статистическую погрешность, практически поровну: 54 % респондентов (216 человек) указали, что скорее в социальных сетях, а 46 % (184 человека) - в телевидении. Таким образом, скорее всего, студенческая молодежь отдает предпочтение социальным сетям не потому, что она им больше доверяет, а потому, что эта форма информационного потребления более удобна. Следующим шагом следовало проверить наличие связи между полом и доверием к медиаканалам, а также между полом и интересом к политической информации. Для этого были составлены соответствующие таблицы сопряженности и вычислены значения χ^2 (см. табл. 7).

Табл. 7. Пол, доверие к каналам коммуникации и интерес к политической информации

Зависимость между полом и доверием к каналам коммуникации		
Параметр	Больше доверяют социальным сетям	Больше доверяют телевидению
Мужчины (N=189)	120	69
Женщины (N=211)	96	115
Зависимость между полом и интересом к политической информацией		
Параметр	Интересуются политической информацией	Не интересуются политической информацией
Мужчины (N=189)	135	54
Женщины (N=211)	149	62
Зависимость между доверием к каналам коммуникации и интересом к политической информации		
Параметр	Интересуются политической информацией	Не интересуются политической информацией
Доверяют социальным сетям (N=216)	142	74

Доверяют телевидению (N=184)	142	42
------------------------------	-----	----

В случае с доверием к носителям информации проявилась зависимость между полом и уровнем доверия. Мужчины склонны больше доверять социальным сетям и не доверять телевидению, женщины - наоборот: значение χ^2 составило 12,2917, P-значение - 0.0004. Полученные результаты свидетельствуют об очень высокой вероятности данной зависимости. Мы можем сказать, что различия в доверии к медиаканалам между полами имеет высокую статистическую значимость.

Важным результатом нашего исследования стала констатация того, что студенческая молодежь интересуется политикой в значительной степени: 284 респондента (71%) указали, что следят за политическими новостями и другой политической информацией. В случае с проверкой зависимости между полом и интересом к политической информации, можно констатировать с вероятностью почти 99,55 % (P-значение в тесте χ^2 составило 0.9455, $\chi^2=0.0047$), что такой связи нет. Вне зависимости от пола студенты достаточно сильно интересуются политикой.

Проверка связи между доверием к медиаканалам и интересом к политике установило с вероятностью 98,37 % существование статистически значимой зависимости между этими параметрами ($\chi^2=5.7649$, P-значение составило 0.0163). То есть, кто доверяет телевидению, больше интересуется политикой. В то же самое время, те, кто доверяют социальным сетям, в значительно меньшей степени интересуются политикой. Таким образом, третья гипотеза, выдвинутая в начале статьи, была опровергнута результатами исследования.

В результате нашего исследования были получены интересные результаты. Согласно полученным данным, всего одна треть студенческой молодежи не интересуется политикой. В значительной степени это был неожиданный результат, так как в традиционных средствах массовой информации довольно часто можно услышать сетования на то, что молодежь никак не проявляет свой интерес к политике. Во-вторых, основываясь на полученных данных, мы выяснили: уровень доверия к социальным сетям находится примерно на том же уровне, что и уровень доверия к телевидению. При этом уровень использования социальных сетей значительно превышает уровень использования телевидения. Можно констатировать, что основным каналом коммуникации для студентов Санкт-Петербурга стали социальные сети.

Вместе с тем, существуют значимые различия между полами. Было установлено, что студенты женского пола больше доверяют телевидению, а высокий уровень доверия телевидению, в свою очередь, влияет на интерес к политической информации. В то же самое время надо признать, что студенты женского пола интенсивнее пользуются социальными сетями, а не телевидением. Именно в этом заключается парадоксальность результатов: студенты

женского пола больше пользуются социальными сетями, но доверяют телевидению, и при этом именно телевидение влияет на повышение интереса к политике. В случае со студентами мужского пола высокий уровень доверия к социальным сетям не продуцирует интереса к политической информации. Студенты мужского пола больше пользуются социальными сетями, больше им доверяют, но при этом социальные сети не влияют на повышение интереса к политике.

Так или иначе, наше исследование опровергает идею о том, что социальные медиа в России являются бесспорным каналом политической социализации в молодежной среде и, таким образом, продуцируют питательную среду для оппозиционных настроений. Очень важным представляется и то, что уровень доверия к социальным медиа не сильно отличается от уровня доверия к телевидению. Тут следует говорить о низком доверии к СМИ и всей медиа-сфере в России. В частности, недавнее исследование Левада-Центра показало, что СМИ обладают одним из самых низких уровней доверия среди всех имеющих отношение к политике институтов¹. В табл. 8 представлен процент утвердительных ответов («вполне заслуживает») на вопрос «В какой мере, на ваш взгляд заслуживает доверия ...?»

Табл. 8. Уровень доверия к институтам в России (% , N=1600)

	2013	2014	2015
Президент	55	79	80
Армия	43	53	64
Церковь, религиозные организации	48	54	53
Органы госбезопасности	36	46	50
Правительство	30	46	45
Совет Федерации	24	39	40
Госдума	25	37	40
Областные (краевые, республиканские) органы власти	32	35	38
Прокуратура	26	32	37
Печать, радио, телевидение	24	36	34
Местные (городские, районные) органы власти	27	27	32
Суд	21	26	29
Полиция	18	21	29
Профсоюзы	18	28	24
Политические партии	12	18	20

Средства массовой информации оказались в нижней части пирамиды доверия среди

¹Институциональное доверие [Электронный ресурс] // Левада-Центр. Пресс-выпуск. 07.10.2015. Режим доступа: <http://www.levada.ru/2015/10/07/institutsionalnoe-doverie/> (дата обращения: 22.11.2015)

всех значимых с политической точки зрения институтов современной России. Доверие к СМИ даже ниже, чем к Государственной Думе или региональным органам власти. Следовательно, СМИ, как и социальные медиа, оказываются в группе источников политической информации с низким уровнем доверия. И этот факт является важнейшей константой политической стабильности в России. Социальные медиа, социальные сети и другие интернет-источники относятся большинством граждан к разряду сомнительных информационных ресурсов. Данные, которые мы приводим, получены независимым социологическим центром. Если уровень доверия к СМИ можно считать невысоким, то уровень доверия к социальным медиа, очевидно, также является невысоким и это определяет рамки мобилизационных возможностей сетевой политической коммуникации в современной России. Об этом же пишет Ф. Фоссато: «Рунет в настоящее время работает как средство распространения и обмена информацией, но в основном лишь в закрытых группах, которые обычно не проявляют ни способности, ни охоты к сотрудничеству... Интернет становится инструментом адаптации к той политической реальности, на которую, по мнению пользователей, они не в состоянии повлиять»¹. Мы полагаем, что это мнение основано на объективных эмпирических данных, которые, однако, не говорят о том, что в России совершенно не возможна политическая кооперация по сетевому признаку. Она, как это показывают отдельные примеры политических протестов, избирательных кампаний и благотворительных акций, вполне возможна. Но ее возможности сильно ограничены социальными рамками, характеризующимися социальной атомизацией и политическим пессимизмом, а также доминирующим стилем коммуникации в социальных сетях и социальных медиа.

3.4. Сетевые коммуникации и динамика развития политических институтов в России

В предыдущих параграфах мы подробно рассмотрели вопросы использования сетевых коммуникаций в российской политике, обнаружив противоречивую ситуацию, когда, с одной стороны, средства сетевой политической коммуникации активно используются, а с другой стороны, они имеют значительные ограничения, связанные с высоким уровнем социальной атомизации и низким уровнем доверия². Вероятно, можно было бы ожидать, что влияние сетевых коммуникаций можно оценить по направлениям деятельности органов государственной власти и изменению конфигурации политических институтов. В данном

¹Фоссато Ф. Рунет как инструмент адаптации // Pro et Contra. 2009. № 2. С. 91-99.

²Быков И. А. Социальный капитал и политика в России: портрет на фоне Европы // Политэкс. 2011. № 1. С. 102-116.

параграфе будет проведена попытка обнаружения этого влияния.

Данные о том, когда российские органы государственной власти впервые задействовали Интернет в своей деятельности, у разных исследователей расходятся. Наиболее распространенной является мнение о том, что «впервые об Интернете как инструменте политической власти в России стало известно после знаменитой пресс-конференции Б. Ельцина» 12 мая 1998 года¹. Некоторые другие авторы упоминают о том, что, начиная с 1996 года, ведутся работы по созданию российского сегмента сети Интернет для органов государственной власти Российской Федерации – Russian Government Internet Network (сеть RGIN)². Другие источники говорят об успешном эксперименте по внедрению элементов электронного правительства на федеральном уровне в том же 1996 году. Тогда была создана ежедневная система предоставления всей официальной документации Федеральной комиссии по ценным бумагам на ее веб-сайт³. Тем не менее, проведение интернет-конференций государственными деятелями стало одной из самых известных форм политической коммуникации в российском Интернете и провозвестником использования сетевых политических коммуникаций в нашей стране. Напомним, что инициатива проведения первой интернет-конференции с Б. Н. Ельциным принадлежала компании MSNBC, а обеспечение технической части было поручено ФАПСИ. В ходе конференции Б. Ельцину было задано около 3000 вопросов, из которых только на 14 были получены ответы. Пресс-конференция широко освещалась в прессе и электронных СМИ. Вместе с этим, в кругах интернет-пользователей мнение о самой конференции было достаточно противоречивым. Как пишет Д. Иванов, «высказывалось даже мнение, что общение Ельцина с пользователями Интернета – профанация, так как президент не смотрел в монитор, а отвечал на заданные по телефону вопросы»⁴.

Полезное начинание президента Б. Ельцина было в том же году подхвачено и другими государственными чиновниками: С. Кириенко и Ю. Лужковым⁵. 6 марта 2001 г. интернет-конференцию провел новый президент В. Путин, который затем неоднократно прибегал к этому методу коммуникации с широкой общественностью. Первая интернет-конференция В. Путина длилась около часа. В ходе ее было задано порядка 20 тысяч вопросов, касающихся различных сторон современной российской политики, некоторых аспектов личной

¹Белкин С., Воронин В., Устименко С. Интернет и власть // Власть. 1999. № 9. С. 21.

²Василенко В. И., Василенко Л. А. Интернет в системе государственной службы. М.: РАГС, 1998. С. 57.

³Песков Д. Н. Интернет в российской политике: утопия и реальность // Полис. 2002. № 1. С. 31-45.

⁴Иванов Д. Г. Пресс-конференции в Интернете: сетевое общение политиков и космонавтов [Электронный ресурс] // Русский журнал. 21 августа 1998 г. Режим доступа: <http://old.russ.ru/journal/media/98-08-21/ivanov.htm> (дата обращения: 28.02.2013).

⁵Чеснаков А. А. Ресурсы Internet и российские политические технологии: состояние и перспективы развития // Вестник Московского Университета. Серия 18. Социология и политология. 1999. № 4. С. 68.

жизни президента. В. В. Путин ответил только на 20 вопросов, но оценил акцию как «очень перспективную форму общения». Очевидно, что подобные интернет-конференции выполняют функцию «живой» обратной связи политика с аудиторией. Кроме того, они позволяют снять с общения налет официальности¹. Вслед за государственными лицами федерального уровня новая форма политической коммуникации стала активно использоваться и на региональном уровне.

Кроме интернет-конференций, представители государственной власти проводят и встречи с представителями интернет-сообщества в режиме офлайн. Так, на пример, 28 декабря 1999г. состоялась встреча В. В. Путина с представителями российского интернет-сообщества, приуроченная к открытию сайта правительства Российской Федерации, на котором была размещена программная статья премьер-министра «Россия на рубеже тысячелетий». Отставка Ельцина спустя три дня после встречи и ранний старт избирательной кампании дали в дальнейшем повод трактовать это событие как предвыборное мероприятие. Действительно, встреча стала для Путина весьма удачным имиджевым ходом, однако следует отметить, что она готовилась заранее, с начала ноября 1999 года. К участию в данном мероприятии были привлечены ряд министров, а также видные представители интернет-сообщества. В результате встречи с представителями интернет-сообщества, открытия сайта правительства и публикации в Интернете программного текста, В. В. Путин сразу стал восприниматься как политик, не чуждый новых технологий и лично гарантирующий свободное развитие российского сегмента всемирной Сети².

На рубеже тысячелетий практически все органы государственной власти федерального уровня обзавелись собственными интернет-представительствами. В декабре 1999 года был открыт официальный сайт Правительства Российской Федерации и многофункциональный портал «Официальная Россия» (www.gov.ru). В государственных структурах некоторое воплощение получила идея создания интернет-порталов как «единой точки входа» пользователей, интересующихся политической тематикой. Государственные интернет-порталы призваны «решить целый комплекс политических, правовых, организационных, административных, научно-прикладных и технологических вопросов»³. Среди государственных сайтов в первую очередь следует отметить сайт Президента Российской Федерации (www.kremlin.ru), сочетающий как новейшие технологии программирования, так и грамотное информационное наполнение. Президенту РФ В. В. Путину также принадлежит первенство в создании специализированного сайта для школьников (www.uznay-presidenta.ru).

¹ Комаровский С., Мараховская М. Интернет – новая избирательная технология? // Советник. 2001. № 3. С. 10.

² Иванов Д. Г. Политический PR в Интернете: российские реалии // Интернет-маркетинг. 2002. № 4. С. 22-33.

³ Павлютенкова М. Ю. Новые информационные технологии в современном политическом процессе // Власть. 2000. № 8. С. 38-43.

Идея создания электронного правительства в России постепенно набирала вес. В начале 2001 года «по инициативе Департамента правительственной информации аппарата Правительства Российской Федерации был создан специализированный сайт <http://www.e-government.ru>»¹. Однако, создание и развитие интернет-сайтов органов государственной власти в России проходит не всегда гладко. Так, например, «создание сервиса Министерства РФ по налогам и сборам скорее выглядит изощренным издевательством над налогоплательщиками. Скачивание программного обеспечения, заполнение и распечатка бланка налоговой декларации приводила к тому, что «продвинутый» налогоплательщик заполнял бланк заново вручную с калькулятором в коридорах Министерства»². Очевидно, что внедрение «сырых» интернет-решений подрывает доверие к самой идее электронного государства. Несмотря на то, что все федеральные структуры имеют собственные сайты, уровень дизайна и навигации на сайтах нельзя назвать высоким и отвечающим современным требованиям; «самой большой проблемой веб-сайтов федеральных министерств является низкая частота обновления информации»³.

Многие отечественные исследователи дают неутешительную характеристику современному состоянию использования возможностей Интернета государственными политическими структурами России: представленная в сайтах властных структур информация строго дозирована и скупа. «Создается впечатление, что за этой информацией властные структуры не хотят видеть своих граждан, своих избирателей, не интересуются их интересами, не рассказывают о реализации своих предвыборных программ, действуют в режиме политической самодостаточности. Информация социально-политических сил в Интернете – это своеобразное отражение современной политической системы России, демократической по формальным признакам, но не являющейся таковой по существу»⁴.

Развитие современных информационных технологий в России поставило перед российскими властными структурами задачу законодательного регулирования этой динамичной сферы. В 1999 году по инициативе Государственного комитета Российской Федерации по связи и информатизации и Комитета Государственной Думы по информационной политике и связи была принята «Концепция формирования информационного общества в России». Концепция была одобрена решением Государственной комиссии по информатизации при Государственном комитете Российской Федерации по связи и информатизации 28 мая 1999 года. Одним из

¹ Иванов В. Об особенностях реализации функции социального управления в Интернете (на примере сайта www.e-government.ru) // Интернет и российское общество / Под ред. И. Семенова; Моск. Центр Карнеги. М.: Гендальф, 2002. С. 118-137.

² Песков Д. Н. Интернет в российской политике: утопия и реальность // Полис. 2002. № 1. С. 31-45.

³ Готовность России к информационному обществу. Оценка возможностей и потребностей широкомасштабного использования информационно-коммуникационных технологий / Под ред. Т. В. Ершовой. М.: ИРИО, 2001. С. 79.

⁴ Белкин С., Воронин В., Устименко С. Интернет и власть // Власть. 1999. № 9. С. 22.

базовых положений данной концепции является констатация центральной роли государства в процессе перехода России к информационному обществу. Идеологическая подоплека российского пути к информационному обществу сводится к категорическому императиву: «переход к информационному обществу должен быть управляемым»¹. В развитие данной концепции 23 июня 2000 года была принята «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации». В данной доктрине констатируется неудовлетворительное положение в области обеспечения информационной безопасности. Особенно отмечается размытость информационного пространства. Следует признать, что для решения этой проблемы были предприняты серьезные действия, которые после 2000 года привели к формированию устойчивой медиа-политической системы, основанной на доминировании в информационном пространстве государственных средств массовой информации.

В 2002 году была принята Федеральная целевая программа «Электронная Россия», рассчитанная на период 2002-2020 гг. В рамках этой программы подавляющее большинство государственных структур власти федерального уровня на сегодняшний день обзавелись собственными сайтами. «Целью программы является создание условий для развития демократии, повышение эффективности функционирования экономики, государственного управления и местного самоуправления за счет внедрения и массового распространения информационных и коммуникационных технологий, обеспечения прав на свободный поиск, получение, передачу, производство и распространение информации, расширения подготовки специалистов по информационным и коммуникационным технологиям и квалифицированных пользователей»². По мнению А. И. Соловьева, принятие в 2002 г. целевой федеральной программы «Электронная Россия» стало «качественным показателем изменения отношения государства к проблемам информационной сферы»³.

Не оспаривая в целом положительные результаты принятия этой программы, укажем некоторые негативные аспекты ее внедрения. Предполагаемые затраты на фоне инфраструктурной неразвитости России, особенно в сельской местности, крайне незначительны. Кроме того, данная программа расплывает ресурсы по всей стране, не учитывая того обстоятельства, что существуют диспропорции в развитии регионов. Самая же главная проблема данной программы совершенно обоснованно указывается известным российским специалистом Ю. А. Нисневичем: «даже достаточно успешная реализация федеральной целевой

¹ Развитие информационного общества в России / Под ред. Н. В. Борисова, Ю. Е. Хохлова. В 2 т. СПб., Изд-во СПб ГУ, 2001. Том 1. с. 5

² Шадрин А. Е. Информационные технологии и совершенствование социальных институтов // Интернет и российское общество / Под ред. И. Семенова; Моск. Центр Карнеги. М.: Гендальф, 2002. С. 59.

³ Политические коммуникации / Под ред. А. И. Соловьева. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 225.

программы... не обеспечит полномасштабного перехода от традиционного правительства к полностью электронному и в 2010 году Россия, по-прежнему, будет находиться в состоянии догоняющего развития...»¹. Как и предсказывалось, относительно долгий срок реализации программы не позволил России сделать стремительный рывок и догнать передовые в информационном отношении страны. Вероятно, это связано с тем, что «в настоящее время внедрение этих технологий по-прежнему сдерживается проблемой стимулов – недостаточной заинтересованностью органов управления в их использовании»². Более того, в правительственных структурах существует серьезное противостояние между различными ведомствами, ответственными за реализацию «Электронной России». Речь идет о противостоянии Минэкономразвития во главе с Г. Грефом и Мининформсвязи под руководством Л. Реймана, которые длительное время занимались «перетягиванием» этой программы под свое руководство³.

В российских СМИ некоторое время обсуждалась проблема компьютеризации процесса голосования. Следует отметить, что официальный интернет-сайт Центральной избирательной комиссии РФ (www.cikrf.ru) является одним из самых информативных государственных ресурсов. Идея внедрения интернет-голосования вместо традиционных форм голосования в России вызвала сдержанную реакцию⁴. Попытки внедрения электронного голосования в России неизбежно столкнутся с целым рядом проблем, инфраструктурного характера и присутствующим цифровым разрывом. В качестве паллиатива ЦИК РФ ввел в 2003 году Государственную автоматизированную систему «Выборы», которая успешно функционировала во время избирательного цикла 2003-2004 годов и используется для автоматического подсчета результатов голосования, передаваемых из региональных избирательных комиссий (Федеральный закон РФ от 10 января 2003 г. «О государственной автоматизированной системе РФ «Выборы»).

Особенную тревогу в России вызывают возможности нарушения прав личности в глобальной информационной сети. Права личности с легкостью могут быть нарушены как со стороны других лиц, так и со стороны общественных и государственных структур. В массовом порядке в Интернете нарушаются авторские права, тайна переписки, право на частную жизнь и

¹ Политическая коммуникация в постсоветской России: проблемы формирования и парадигмы развития / Под общ. ред. Л. Н. Тимофеевой, Е. В. Лобзы. М.: Республиканская типография, 2003. С. 233.

² Шадрин А. Е. Указ. соч. С. 59.

³ Дрожжинов В. И. Информатизация России, год 2004-й или на каждого «медведя» найдется свой «бык». Заметки независимого наблюдателя // От электронного правительства к электронному управлению. Материалы международной конференции 22-25 апреля 2005 г. СПб., 2005. С. 18-28.

⁴ Макаров Б. Альтернативы голосования: Интернет или бюллетень? // Политический маркетинг. 2002. № 10. С. 31-37.

другие. Отношение государственных органов власти к неконтролируемому распространению интернет-технологий ярко проявилось во время внедрения программы СОРМ-2. СОРМ-2 расшифровывается как программа Содействия Оперативно-Розыскным Мероприятиям. Суть данной программы заключалась в том, что интернет-провайдеры обязывались за собственный счет установить оборудование и полностью отчитываться о трафике, проходящем через их сервер. Программа СОРМ вызвала крайне негативную реакцию со стороны интернет-сообщества, так как задевала финансовые интересы хозяйствующих субъектов, а также ставила под вопрос тайну переписки и частную жизнь интернет-пользователей. Вместе с тем, существует определенная специфика восприятия программы электронного правительства в бюрократических структурах. Большое распространение в среде чиновничества получило представление о том, что «в России электронное правительство означает в первую очередь повышение эффективности функционирования правительства обычного, а, следовательно, механизмов контроля над гражданами в сфере сбора налогов, борьбы с преступностью и т.д.»¹ Информационные технологии воспринимаются не как инструмент ведения переговоров, а как рычаг усиления контроля над населением. И, наконец, нельзя отрицать наличие традиционной закрытости российских государственных структур, уходящей корнями в авторитарное прошлое: «Атмосфера секретности как сестра авторитаризма всегда окутывала властные структуры, принятие политических решений рассматривалось как удел властной верхушки – царя, вождя, генсека, президента, а не простых граждан. Отсюда – недопонимание и недооценка роли информационных технологий в современном обществе»².

Учитывая имеющиеся ограничения развитию «электронного правительства» в современной России, становится понятно, почему, согласно данным, основанным на исследованиях Центра публичной политики Университета Брауна, Россия в 2003 г. находилась на 101 месте среди 198 стран мира, а в 2004 г. опустилась на 129 место³. Вместе с тем, в последние годы произошло определенное улучшение ситуации. В рейтинге развития электронного правительства ООН за 2012 г. Россия занимала 27 место, находясь в почетном окружении таких стран, как Монако и Объединенные Арабские Эмираты⁴. Подобный рывок

¹ Песков Д. Н. Интернет в российской политике: утопия и реальность // Полис. 2002. № 1. С. 31-45.

² Нестеров Ю. М. Традиционная закрытость деятельности российской власти - главное препятствие на пути к «электронному правительству» // Технологии информационного общества - Интернет и современное общество: труды V Всероссийской объединенной конференции. СПб., 25 - 29 ноября 2002 г. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2002. С. 293-294.

³ Дятлов С. А. Проблемы развития электронного правительства // От электронного правительства к электронному управлению. Материалы международной конференции 22-25 апреля 2005 г. СПб., 2005. С. 32-36.

⁴ Россия в рейтинге развития электронного правительства ООН 2012. Информационный обзор. Серия «Развитие информационного общества и электронного правительства» [Электронный ресурс] // Центр технологий электронного правительства НИУ ИТМО. 2012. Вып. 4. 5 с. Режим доступа: http://www.egov-center.ru/files/reviews/eGov_Review_2012_04_Rating%20UN.pdf (дата обращения: 12.02.2013).

стал возможен благодаря общеэкономическому подъему, осуществленному в России за первое десятилетие 21 века. Финансирование и серьезная работа Министерства информатизации и связи под руководством А. В. Щеголева дали свои результаты. Особенно заметно на результаты рейтинга повлиял запуск и работа сайта «Госуслуги.Ру». Также в 2012 г. были приняты поправки в Федеральный Закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и ряд других законов¹. Эти поправки, по мнению некоторых наблюдателей, фактически ввели в России интернет-цензуру в форме «реестра запрещенных интернет-сайтов». Принятие поправок вызвало широкий общественный резонанс, выразившийся среди прочего в виде однодневной забастовки российского сегмента Википедии.

Таким образом, итоги реализации концепции электронного правительства в России неоднозначны. С одной стороны, органы государственной власти сумели за последнее десятилетие осуществить масштабное техническое перевооружение, обучили сотрудников работе с информационными технологиями, создали ресурсы в направлениях G2G, G2B и G2C. Однако, с другой стороны, существуют серьезные проблемы по всем этим направлениям. В области взаимодействия правительственных структур до сих пор отсутствуют единые базы данных федеральных органов власти. Например, такая база отсутствует в ГИБДД, что позволяет перепродавать ворованные автомобили в других регионах. В области осуществления государственных закупок также имеются проблемы, на изучении которых фактически создал себе имя А. Навальный. Что касается государственных услуг населению, то и здесь не все очевидно. Например, не создана система онлайн голосования. Портал «Госуслуги» имеет незначительный функционал, а реализация тех функций, которые существуют, осуществляется с большими перебоями.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что государственная политика в области создания «электронного правительства» проводится недостаточно эффективно. Принимаемые усилия носят не политический характер, а скорее управленческий, что в конечном итоге тормозит развитие политической коммуникации с помощью Интернета и других сетевых технологий. Исследование вэб-страниц основных субъектов российской политики показывает, что партии и политические движения намного серьезнее, чем официальные исполнительские структуры, относятся к этому информационному каналу и осваивают его возможности как в расчете на достижение близлежащих политических целей, так и в плане решения стратегических задач.

Наиболее влиятельным противником построения электронного правительства в

¹Федеральный закон № 436 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Российская газета. 31.12.2012.; Федеральный закон № 149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. 7.05.2014.

России является бюрократия. Кардинальная перестройка системы государственного управления и подчинение «партии власти» интересам российского общества маловероятно. «Консервативная в смысле перераспределения в пользу общества властных полномочий, изменения принципов, методов и системы государственного управления и самодостаточная в социальном аспекте российская государственная бюрократия, очевидно, не может быть активным сторонником любой административной реформы, способной существенно повлиять на ее доминирующее положение в сфере государственного управления, экономической и политической жизни российского общества»¹. Более удачно государственные органы власти решают задачу формирования в Сети собственного имиджа.

Мы уже отмечали, что в российских реалиях внедрение любых новаций сталкивается с серьезными проблемами. Особенно тяжело внедрять в практику государственного управления социальные сети и другие технологии Web 2.0, поскольку они предъявляют на порядок более высокий уровень требований для государственных чиновников, связанных как с открытостью власти, так и интерактивностью коммуникаций². Для оценки уровня внедрения технологий Web 2.0 в деятельность российских государственных органов нами было предпринят контент-анализ официальных сайтов органов государственной власти федерального уровня³. Всего было исследовано 84 сайта. Из них 3 сайта относятся к законодательной ветви власти (Государственная дума и Совет Федерации), 3 сайта – к судебной власти (Конституционный суд, Верховный суд и Высший арбитражный суд), остальные 78 – к исполнительной власти. Основной задачей исследования являлось выявление уровня развития элементов Web 2.0 в деятельности государственных органов. Основными единицами анализа выступали такие элементы технологий Web 2.0, как социальные сети, блоги, YouTube и служба мгновенных сообщений Twitter. Результат исследования оказался, в определенной степени, обескураживающим. На 84 сайтах органов федеральной власти было обнаружено всего 14 элементов технологий Web 2.0 (Twitter – 5, Блог в Живом журнале – 3, Facebook – 2, Блог на официальном сайте – 2, YouTube – 1, Блог на ином ресурсе – 1). Всего 9 из 84 сайтов использовали технологии Web 2.0. Это составляет 9,6%. Таким образом, следует признать, что Web 2.0 на сегодняшний день не получил широкого распространения. Во всяком случае, можно заключить, что Web 2.0 не получил статуса доминирующей технологии.

¹ Политическая коммуникация в постсоветской России: проблемы формирования и парадигмы развития / Под общ. ред. Л. Н. Тимофеевой, Е. В. Лобзы. М.: Республиканская типография, 2003. С. 229.

² Кулик А. Н. Governance 2.0: эволюция модели государственного управления в эпоху интерактивного интернета // Политическая наука. 2013. № 1. С. 12-27.

³ Быков И.А. PR, технологии веб 2.0 и электронное правительство в России // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения: Материалы 50-й международной научной конференции. СПб: СПбГУ, 2011. С. 213-215.

С другой стороны, есть очень интересное и, как представляется, важное обстоятельство, связанное с тем, кому непосредственно подчиняются сотрудники государственных органов власти. Нами была выдвинута гипотеза о том, что внедрение технологий Web 2.0 будет зависеть от того, кому подчиняются те или иные государственные органы непосредственно. Было обнаружено, что сайты государственных органов, непосредственно подчиняющихся Президенту Медведеву (19%), больше используют технологии Web 2.0, чем «путинские» (7%). Повинуясь внушительному примеру вышестоящего начальства, многие государственные чиновники различных уровней и подразделений стали в меру сил и возможностей внедрять технологии Web 2.0 в свою деятельность. Между тем, не имея соответствующих навыков, финансовых ресурсов и четких представлений о том, как работают эти технологии, практические результаты их деятельности резко отличаются от в целом положительного опыта экс-Президента Российской Федерации Д. Медведева. Бюрократические ограничения и повседневный опыт административного управления породили альтернативный президентскому стиль внедрения технологий Web 2.0. Наиболее удачно данный стиль можно охарактеризовать как административно-командный, когда вышестоящий чиновник заставляет своих подчиненных вести блог или открыть аккаунт в Facebook'e.

Второе измерение моделей внедрения технологий Web 2.0 в публичные коммуникации органов государственной власти России заключается в степени интенсивности интерактивного общения между представителями власти и гражданами. Фактически в большинстве случаев чиновники предпочитают не общаться лично с гражданами, используя свои аккаунты в сервисах Web 2.0 для коммуникации с журналистами и вброса необходимой информации в публичную сферу. Вплоть до сегодняшнего дня использование интернет-технологий в политической жизни России строилось на основе концепции двухступенчатой коммуникации, когда политические новости в Рунете становились информационными поводами для последующего распространения в традиционных средствах массовой коммуникации. Ярким примером «блистательного» отсутствия «автора» блога является видео-блог Д. Медведева, который самоустранился от общения с читателями в комментариях. А переход от двухступенчатой модели коммуникации к прямому интерактивному общению в подавляющем числе случаев так и не произошел.

Эту тенденцию также подтверждают исследования, проведенные нами с помощью серии экспертных интервью в 2014 и 2015 гг. среди специалистов по GR и государственному PR в Санкт-Петербурге. Первое исследование охватило 17 экспертов из числа членов GR-клуба Северо-Запад¹. Второе исследование проводилось в 2015 г. и охватило 16 экспертов в области

¹ Быков И. А., Дорский А. Ю. GR в Санкт-Петербурге: состояние, проблемы и перспективы // Медиаскоп. 2014. №

государственного PR Санкт-Петербурга и Ленинградской области¹. И в первом и во втором исследовании эксперты никаким образом не указали на то, что Web 2.0 и сетевые коммуникации являются сколько-нибудь заметным каналом коммуникации в области GR и государственном PR. Интернет был упомянут только раз в качестве одного из направлений деятельности специалиста в области государственного PR, но лишь в виде «верстки сайта».

Как мы указывали ранее, в деле внедрения новых информационных технологий Д. Медведев выступал в роли примера для подражания². Он был первым, или одним из первых, кто включал различные технологии Web 2.0 в структуру своих публичных коммуникаций. Успешному внедрению лидерского стиля способствовала позиция первого лица государства, когда практически любое действие политического актора получает максимальное освещение со стороны традиционных средств массовой информации. Собственно, содержание коммуникаций при помощи технологий Web 2.0 в таких условиях становится совершенно неважным. Картина близка в знаменитому выражению М. Маклюэна «The medium is the message»³. Что бы не говорил Президент в своем видео-блоге, самое важное было уже сказано самим фактом использования видео-блога. При этом неожиданные сопутствующие эффекты в виде многочисленных прямых видео-обращений граждан к Президенту и Премьер-министру до поры до времени оставались незаметными⁴.

Ситуация с развитием политических институтов усугубляется практикой создания «фасадных» государственных структур: общественной палаты, «открытого правительства», элементов электронного правительства, «общественных» комиссий, «уполномоченных» и т. п., которые больше отвлекают внимание общественности, чем решают насущные проблемы, поскольку не имеют реальных полномочий и не обладают соответствующим бюрократическим весом⁵. Среди отечественных политологов иногда встречаются взгляды о правильности подобного рода институтов и возникновении «запроса» на новые институты и новые формы коммуникации власти и общества⁶. На наш взгляд, отсутствуют достоверные данные о том, что

2. С. 10-20; Bykov I. A. Government Relations in Russia: (Dis)Connecting Business and State? // Actual Problems of Economics. 2015. № 1. P. 99-104.

¹ Быков И. А., Побединский И. М. Медиарилейшнз государственных органов власти в Санкт-Петербурге и Ленинградской области // Стратегические коммуникации в бизнесе и политике: Материалы научно-практической конференции 25-26 ноября 2015 г. / Отв. ред. Д. П. Гавра. СПб.: СПбГУ, 2015. С. 80-84.

² Гнедаш А. А., Морозова Е. В. Модернизационный потенциал сетевого взаимодействия в сфере социальной политики // Политэкс: Политическая экспертиза. 2012. № 3. С. 183-199.

³ McLuhan M., Fiore Q. The Medium is the Message: An Inventory of Effects. N.Y., 1967. 189 p.

⁴ Быков И. А. Президент Медведев, видео-блоггинг и публичная сфера в России // Изменение России: политические повестки и стратегии. М.: РАПН, 2010. С. 39-40.

⁵ Wilson A. Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World. New Haven and London: Yale University Press, 2005.

⁶ Бурматов В. В. Институциональный смысл открытого правительства // Власть. 2012. № 8. С. 35-40; Бурматов В. В. Политическая коммуникация в России: запрос на новый институциональный порядок // Государственное

Интернет и сетевая политическая коммуникация привели к формированию новых или видоизменению новых политических институтов в России. Вероятно, единственное серьезное влияние можно обнаружить в области свободы слова. Как мы уже писали в предыдущих параграфах, в России сложилась система жесткого контроля над медийным пространством. В Интернете, однако, этот контроль несколько затруднен. Поэтому сетевая коммуникация способна оказать значительное влияние на политический процесс. Об этом говорят многочисленные факты из избирательных и политических кампаний, а также протестных акций.

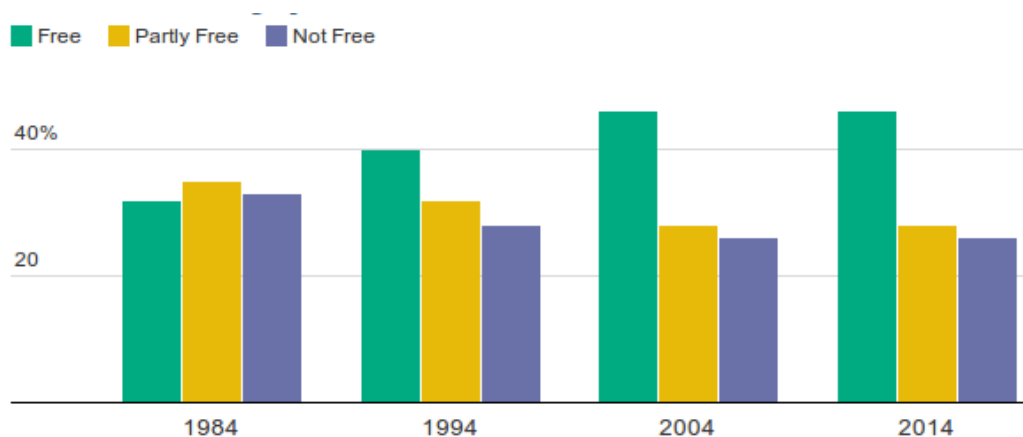
Важность интернет-коммуникаций побудила известную международную организацию Freedom House в 2010 г. к созданию специального рейтинга по проблеме государственного регулирования Интернета в странах мира. Freedom House в первую очередь занимался проблемами сравнительных исследований политических режимов во всем мире, ведя индекс Freedom in the World, а также проблемами свободы слова (Freedom of the Press). В кратком изложении, Freedom House ранжирует страны на три большие группы: либеральные демократии (существуют соревновательные выборы, гражданские и политические права преимущественно соблюдаются), электоральные автократии (существуют соревновательные выборы, но гражданские и политические права значительно нарушаются) и авторитарные режимы без конкурентных выборов и соблюдения политических прав граждан. На рис. 11 представлена динамика распределения стран мира по этим видам с 1984 по 2014 г. Хорошо видно, что за последние два десятилетия ситуация в целом стабилизировалась. После третьей волны демократизации, достигшей своего апогея в начале девяностых, начался период стабилизации, который, вполне вероятно, может закончиться реверсивной волной и уменьшением количества демократических и полудемократических режимов¹.

Рис. 11. Динамика политических режимов в мире (1984-2014 гг.)²

управление. Электронный вестник. 2012. № 33. С. 6.

¹ Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? // Политические исследования. 1999. № 1. С. 10-25; Diamond L. Democracy's Third Wave Today // Current History. 2011. Vol. 110. November. P. 299-307.

² Puddington A. Freedom in the World 2015: Discarding Democracy: A Return to the Iron Fist [Электронный ресурс] // Freedom House. 2015. Режим доступа: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world-2015/discarding-democracy-return-iron-fist> (дата обращения: 17.12.2015)

Открытые данные с сайта Freedom House позволяют провести верификацию гипотезы о том, что режимные изменения, свобода слова и интернет-коммуникации связаны между собой. Мы понимаем, что методология Freedom House, основанная на экспертных интервью может страдать от субъективизма респондентов, неучета направления эволюции политических режимов и политической ангажированности¹. При этом критика исследований Freedom House иногда выглядит непоследовательной: с одной стороны, авторы обвиняются в том, что индексы основаны на «формальных» признаках и не учитывают направление эволюции режимов², а с другой стороны, в том, что «абстрагирование от статистики (или избирательность по отношению к статистическим данным), облегчая выявление латентных тенденций и неформальных практик политических акторов, плохо поддающихся формализации и измерению, неизбежно провоцирует субъективизм и повышает вероятность ошибочных оценок»³. Мы полагаем, что успехи России в рейтинге развития электронного правительства ООН, упомянутом ранее, говорят о том, что международные рейтинги чаще всего нейтральны, хотя ошибки в них возможны. Речь в рейтингах в первую очередь идет о тенденциях, о направлении развития, а не конкретном месте на данный момент. Более того, в отечественной политической науке существует фактически единственный на сегодняшний день альтернативный проект многомерного анализа политических систем мира «Политический атлас современности», который не носит регулярный характер.

В прил. 1 представлены сводные данные, собранные автором по 15 странам

¹ Попова О. В. «Измерительный инструмент» в сравнительной политологии: к вопросу о нерешенных проблемах // Политэкс. 2009. № 1. С. 271-291; Попова О. В. Политический анализ и прогнозирование. Москва: Аспект Пресс, 2011. 464 с.; Попова О. В. Почему Россия «несвободная страна», или о том, «как нас посчитали» // Политэкс. 2006. № 1. С. 31-50.

² Демократия в российском зеркале: монография / Редакторы-составители А. М. Миграян, А. Пшеворский. Москва: МГИМО-Университет, 2013. С. 25-64.

³ Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств / под ред. А. Ю. Мельвиля. М.: МГИМО-Университет, 2007. С. 63.

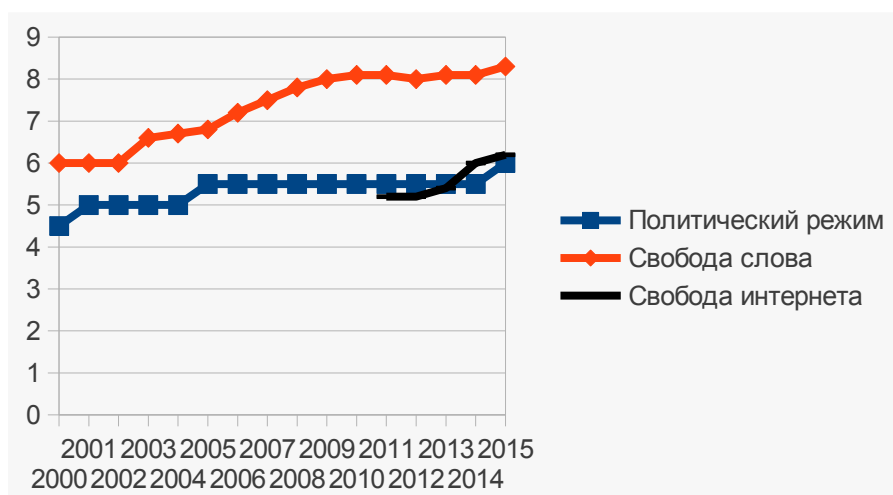
постсоветского региона. Переменная политического режима может варьироваться от 1 до 7 баллов, где 1 – это самый демократический режим, а 7 – это максимально авторитарный режим. Переменные свободы слова и свободы интернета также варьируются от 1 до 10, где 1 – это самые свободные, а 10 – это наименее свободные в этих отношениях страны. Это делает сравнение этих переменных релевантной задачей. К сожалению, в отечественной практике не существует сопоставимых данных, а данные другой общественной организации – Репортеры без границ – страдают одним важным недостатком: на рубеже 2011-2012 гг. у них поменялась методика подсчета индекса, что делает эти данные несопоставимыми¹.

Для анализа мы взяли данные, начиная с 2000 года. Это было продиктовано несколькими соображениями. Интернет-коммуникации начали проникать в политическую жизнь на постсоветском пространстве примерно в то же время, что и в России, то есть где-то в конце 90-х гг. В 2000 году они стали неотъемлемой частью политической жизни. При этом, нас гораздо больше интересуют данные относительно недавнего времени, поскольку как мы упоминали технологии Web 2.0 начали проявляться с полной силой чуть позже – с середины первого десятилетия 21 века. Таким образом, сетевые коммуникации не играли большой роли в первое десятилетие, но во второе десятилетие им нужно обратить пристальное внимание. К сожалению, и тут есть небольшие подводные камни, поскольку подсчет индекса свободы интернет-коммуникаций начался не во всех странах постсоветского пространства одновременно. К примеру, в России он начался в 2011, а в Украине в 2012 г. Сравнительный анализ охватил все 15 стран постсоветского пространства, образовавшиеся после распада СССР.

Традиционно, количественный анализ следует начинать с графического представления динамики, а затем проверять наметившиеся корреляции с помощью подсчета коэффициентов и статистической значимости. На рис. 12 представлена динамика изменения свободы слова, свободы Интернета и политического режима в России. Можно увидеть, что существует тенденция ухудшения по всем индексам. Однако, любопытно то, что с 2005 по 2011 гг. при стабильном индексе политического режима, равного 5,5 баллов, наблюдалось постепенное ухудшение с индексом свободы слова, который в результате ухудшился с 6,8 до 8,1 балла. Ухудшение индекса свободы слова в этот период не отражалось на политических институтах. Анализируя представленную тенденцию было бы логично предположить, что динамика индекса свободы слова может служить опережающим сигналом для превращения режимных трансформаций.

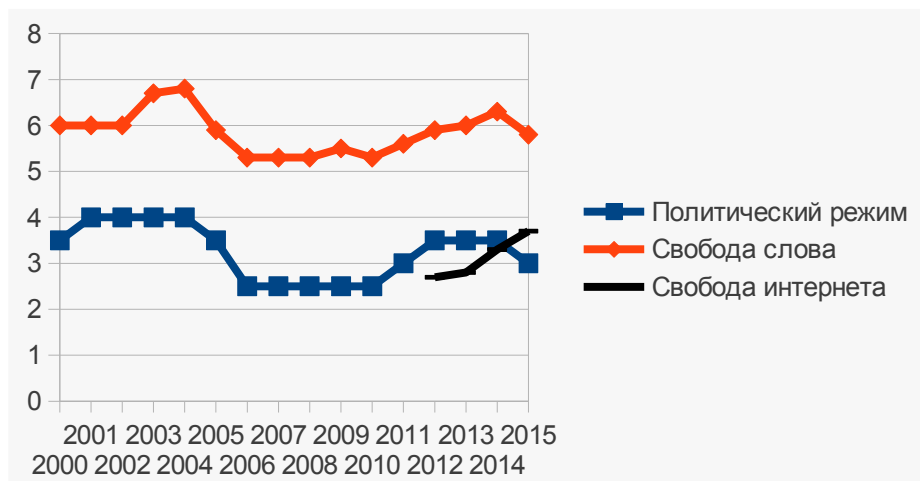
Рис. 12. Свобода слова, свобода Интернета и политический режим в России

¹Репортеры без границ. Официальный сайт: <http://en.rsfs.org/>

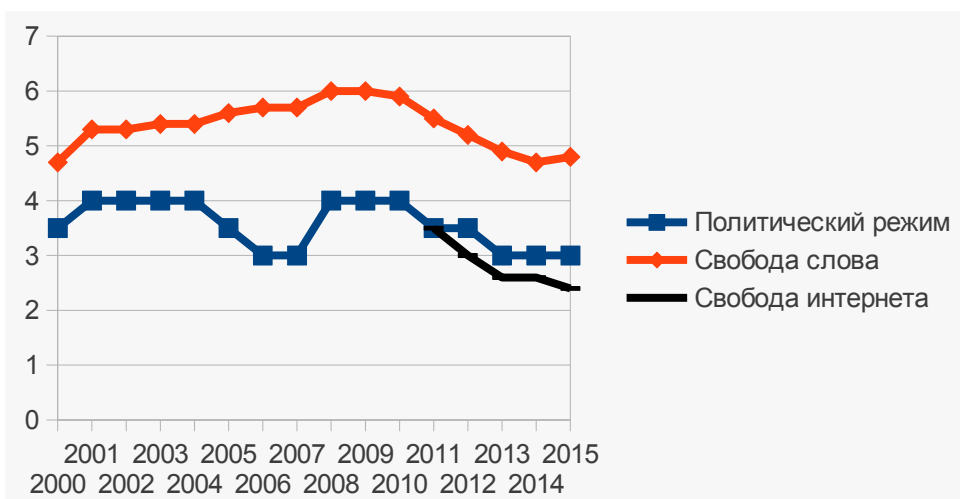
На рис. 13 представлена динамика изменения свободы слова, свободы Интернета и политического режима в Украине. В отличие от России, в Украине были более серьезные колебания всех индексов, как в одну, так и в другую сторону. При этом, движение индексов повторяется. Очевидно, существует некоторое совпадение, а инертность индекса политического режима связана с электоральными циклами. В случае Украины некоторое удивление вызывает ухудшение индекса свободы Интернета и синхронное улучшение индекса демократичности режима и свободы слова в 2015 г. Тем не менее, примечательно, как синхронно меняются индексы в Украине. В отличие от России индекс свободы слова в Украине не может выполнять роль опережающего индикатора. К примеру, в 2003-2004 гг. ситуация с свободой слова ухудшалась, но в результате произошла, так называемая «Оранжевая революция», которая привела к синхронным улучшениям индексов демократизации и свободы слова. Также остается неясным, почему за четыре года наблюдений на Украине с 2012 по 2015 гг. индекс свободы слова в Интернете ухудшился. В данном случае мы имеем проблему слишком короткого периода наблюдений, которая делает практически невозможным корректную формулировку определенных выводов.

Рис. 13. Свобода слова, свобода Интернета и политический режим в Украине

На рис. 14 представлена динамика изменения свободы слова, свободы Интернета и политического режима в Грузии. Можно увидеть, что линия свободы слова имеет более плавные колебания, а значительные улучшения с уровнем демократизации в 2005-2007 гг. не сопровождались аналогичными изменениями в сфере свободы слова. Вероятно, можно сделать вывод о том, что в Грузии существует довольно устойчивая медиа-система, которая в целом повторяет динамику институциональных изменений. Любопытно, что за последние пять лет наблюдений проявилась тенденция синхронного движения всех трех индексов. Сторонники демократизации могли бы утверждать, что Грузия движется в правильном направлении.

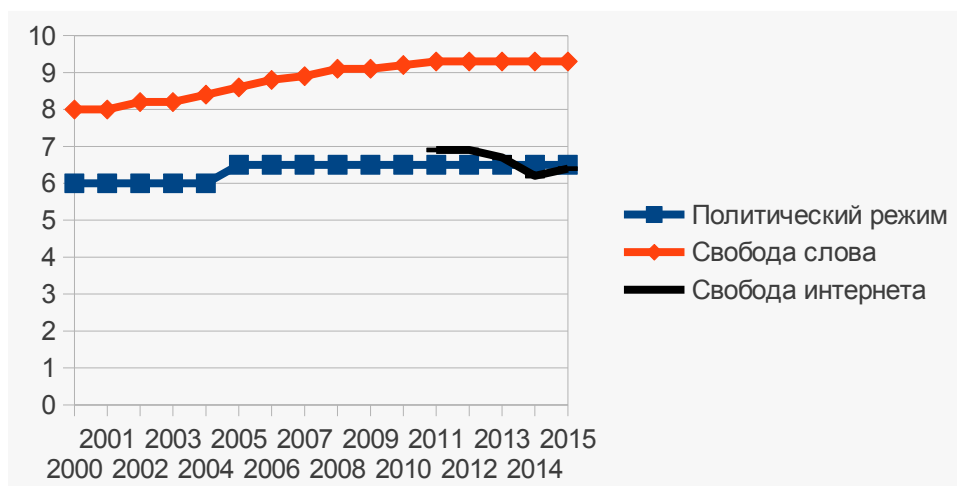
Рис. 14. Свобода слова, свобода Интернета и политический режим в Грузии

На рис. 15 представлена динамика изменения свободы слова, свободы Интернета и политического режима в Беларуси. Данный рисунок свидетельствует о феноменальной стабильности политической ситуации в данной стране. Изменения индексов практически

МИНИМАЛЬНЫ.

Рис. 15. Свобода слова, свобода Интернета и политический режим в Беларуси

Для осуществления более определенных выводов нами был проведен корреляционный анализ между всеми тремя переменными во всех 15 странах, образовавшихся на просторах бывшего СССР (см. табл. 9). Анализ проводился по методу Пирсона с помощью статистического пакета R и содержит данные о статистической значимости (p-value). В нескольких случаях корреляцию нельзя было вычислить, поскольку одна из переменных оставалась неизменной. Невозможность вычисления корреляций вытекала из неизменных показателей одной из переменных: чаще всего индекса политического режима. К примеру, в Беларуси за последние 4 года не менялся индекс свободы слова, поэтому посчитать наличие корреляции между свободой слова и свободой Интернета невозможно. В Туркменистане политический режим не менялся на протяжении всего периода, а исследования интернет-коммуникаций не проводились.

Табл. 9. Свобода слова, Интернет и режимные трансформации на постсоветском пространстве в 2000-2015 гг.

Страна	Свобода слова и режимная трансформация (2000-2015 гг.)		Свобода слова и Интернет (2011-2015 гг.)		Интернет и режимная трансформация (2011-2015 гг.)	
	Коэффициент корреляции	p-value	Коэффициент корреляции	p-value	Коэффициент корреляции	p-value
Азербайджан	0.758	0.0006573	0.968	0.006746	0.900	0.0373
Армения	0.654	0.005903	-	-	-	-
Беларусь	0.902	0.00003525	-	-	-	-
Грузия	0.473*	0.06392	0.955	0.01107	0.895	0.0397

Казахстан	-	-	0.926	0.02385	-	-
Кыргызстан	0.13**	0.6288	0.777*	0.2222	-	-
Латвия	0.746	0.0009039	-	-	-	-
Литва	-0.443*	0.08539	-	-	-	-
Молдавия	0.866	0.00001396	-	-	-	-
Россия	0.846	0.00003525	0.778*	0.1209	0.715*	0.1745
Таджикистан	0.622	0.01003	-	-	-	-
Туркменистан	-	-	-	-	-	-
Узбекистан	0.942	0.00000004674	-	-	-	-
Украина	0.883	0.000005709	-0.066**	0.933	-0.825*	0.1749
Эстония	0.648	0.006582	0.840*	0.07484	-	-

* - слабая корреляция или недостаточная статистическая значимость

** - корреляция отсутствует

В итоге, нам удалось получить данные в 14 случаях из 15 при анализе корреляции свободы слова и режимных трансформаций, в 7 из 15 случаях при анализе корреляции свободы слова и свободы интернет-коммуникаций, и всего в 4 из 15 случаях при анализе корреляции свободы интернет-коммуникаций и режимных трансформаций. Анализ результатов корреляционного анализа позволяет с большой долей уверенности сделать вывод о том, что корреляция между режимными изменениями и свободой слова более сильная, нежели между режимными изменениями и сетевыми коммуникациями в Интернете. В частности, в 10 странах из 15 (Азербайджан, Армения, Беларусь, Латвия, Молдавия, Россия, Таджикистан, Узбекистан, Украина и Эстония) наблюдается сильная корреляция между свободой слова и режимной трансформацией. Также, в Грузии в этой области выявлена слабая корреляция (p-value составило 0,063). Можно предположить, что в республиках бывшего СССР СМИ и политические институты находятся в положительной корреляции, то есть динамика их изменений совпадает. В то же самое время, взаимозависимость между режимной трансформацией и Интернетом выявлена всего в двух случаях: в Азербайджане и Грузии, а еще в двух случаях (Россия и Украина) эта корреляция слабая, статистически малозначимая. При чем, в Украине эта статистически малозначимая корреляция имеет отрицательное значение. К сожалению, мы не можем делать более определенных выводов в этой области, поскольку было получено всего 4 результата из 15 случаев наблюдения. Корреляция между свободой слова и интернет-коммуникациями не такая сильная, как это можно было бы предположить: всего три случая сильной корреляции (Азербайджан, Грузия и Казахстан) и три статистически незначимой (Кыргызстан, Россия и Эстония).

Таким образом, наши данные позволяют сделать осторожные выводы о том, что на

постсоветском пространстве интернет-коммуникации имеют меньшую значимость для режимных изменений, чем ситуация в сфере традиционных средств массовой информации. К сожалению, ситуация в коммуникационном пространстве не может являться источником индикативной информации о последующих режимных изменениях. Скорее наоборот, случай Украины показывает, что «закручивание гаек» в медиапространстве не обезопасило политический режим от резких изменений. К сожалению, исследования в этой области имеют запаздывающий характер. Вполне возможно, что кризисная ситуация может сложиться и развиваться до взрывоопасной стадии за несколько месяцев, а сетевые коммуникации смогут сыграть решающую роль в этом процессе. Однако, наши статистические данные этого не подтверждают. В данном случае мы имеем классическую проблему политического прогнозирования на основе существующих трендов. Проблема режимных изменений, скорее всего, больше связана с динамикой внутриэлитных конфликтов, чем с динамикой интернет-коммуникаций или свободой слова. В любом случае, новизна результатов нашего исследования заключается в том, что с точки зрения социальных трансформаций и на основе статистически проверенных данных нами был сделан вывод о том, что гораздо большее значение имеют традиционные СМИ, нежели сетевые коммуникации. На данный момент наши данные говорят о том, что страхи перед неконтролируемыми интернет-коммуникациями, которые якобы приводят к смене политических режимов, значительно преувеличены.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать целый ряд выводов, затрагивающих широкий спектр проблем. **Во-первых**, на основе анализа специальной литературы, посвященной проблемам политической коммуникации в современном информационном обществе, можно сделать вывод о том, что на современном этапе наиболее динамично развивающимся видом коммуникаций выступает сетевая политическая коммуникация, которая опирается на технологии Веб 2.0, сетевые медиа и социальные сети, и приводящая к стиранию традиционных границ между межличностной, групповой и массовой коммуникациями. Кроме того, сетевая политическая коммуникация характеризуется такими параметрами, как высокая степень персонификации (контент доставляется потребителям с учетом личных предпочтений), большое разнообразие каналов коммуникации и конкретных технических средств доставки информации (потребители могут выбирать между социальными медиа и техническими платформами), высокой индивидуализацией сообщения при помощи программных продуктов с элементами искусственного интеллекта (контекстная реклама, автоматическая рассылка, кросс-постинг и т.п.). Важнейшими параметрами эффективной сетевой коммуникации выступают уровень доверия к источнику информации и высокая интерактивность коммуникаций между участниками процесса коммуникации.

Сетевые коммуникации являются одним из самых перспективных направлений развития политической коммуникации в современном обществе, как в качестве средства обеспечения политического процесса, так и в качестве инструмента создания «электронного правительства». Определяющими чертами успеха Интернета и сетевых средств связи стали такие базовые характеристики, как доступность, интерактивность, высокая скорость передачи информации, возможности нелинейного поиска и хранения информации. С другой стороны, сетевые средства связи имеют и негативные особенности (слабая достоверность информации, анонимность, манипулятивное искажение информации), которые также самым серьезным образом повлияли на теорию и практику современной политической коммуникации. В данном контексте следует выделить значительную роль, которую играют интернет-СМИ. Они обладают целым рядом преимуществ перед традиционными СМИ, заключающимися, в самых общих чертах, в следующих параметрах: дешевизна, доступность, быстрота, интерактивность, глобальность, избирательность и др. Появление сетевых СМИ привело к значительному изменению стиля политической журналистики и появлению, так называемой, журналистики в стиле «онлайн». Медиатизация политического процесса и широкое распространение PR-технологий приводят к эффектам искажения роли СМИ в демократических системах. Очевидно,

что СМИ «относятся к числу наиболее важных институтов любого общества и... проявляемые ими смелость и независимость есть показатель состояния морали и энергии всех других институтов – от школы, профсоюзов и церкви до законодательных органов, правительств и судов»¹. Поэтому упадок или коррупция демократических медиа-систем приводят к упадку и коррупции самих демократических систем. На современном этапе развития процессы медиатизации политики происходят преимущественно с использованием социальных сетей и интернет-технологий, а не телевидения или радио, как это было на предыдущих этапах.

Второй вывод исследования связан с тем, что одним из наиболее перспективных подходов к анализу политической коммуникации выступает современный сетевой подход, исследовательская методология которого может быть с успехом применена не только к анализу коммуникаций, но и к другим областям политики². Анализ методологических основ современных исследований политической коммуникации в сетевом пространстве показывает, что существует значительное разнообразие теоретических подходов в этой области исследований. Наиболее часто используются различные версии структурного функционализма, теории информационного общества, неомарксистские подходы, концепция двухступенчатой (многоступенчатой) коммуникации, концепция публичной сферы Ю. Хабермаса, теорию установления повестки дня, сетевой подход и др. При этом, в ходе анализа методологических подходов обнаружилась ограниченность теории массовой коммуникации в современных условиях, которая принципиальным образом не совпадает с новыми сетевыми средствами массовой коммуникации. Концепция массовой коммуникации, восходящая к идеям Г. Лассуэлла и Г. Блумера, и в наши дни находит свое отражение, в частности, в виде широко известного понятия средства массовой информации. Однако данная концепция не может быть использована для анализа сетевых политических коммуникаций, так как она противоречит специфике Интернета как средства коммуникации. Согласно этой концепции пользователи Интернета должны пассивно воспринимать информацию и не иметь возможности общаться друг с другом. В то время как на самом деле основными характеристиками Интернета являются интерактивность и возможность горизонтальной коммуникации между пользователями.

Для исследований новых форм политической коммуникации требуется использование новых методов и методик исследований. Сетевой подход возник еще в тридцатые годы двадцатого столетия как социологическая теория, описывающая закономерности взаимоотношений в малых группах. Длительная эволюция сетевой теории оснастила ее

¹Кин Дж. Страх и демократия // Логос. 2004. № 2. 167.

²Сморгунов Л. В. В поисках управляемости: Концепции и трансформации государственного управления в XXI веке. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2012. 362 с.

математическим аппаратом из области дискретной математике и привела к тому, что на сегодняшний день данный подход является одним из самых перспективных направлений развития теоретических и прикладных исследований. Современные информационные технологии позволяют автоматизировать сбор, анализ и визуализацию данных. Однако при всех плюсах сетевого подхода не стоит сбрасывать со счетов его ограниченные аналитические возможности. Выявление структуры политических сетей имеет важное значение, но, как показали наши примеры в третьей главе, в большинстве случаев этого недостаточно для обоснованных выводов. При проведении прикладных исследований сетевая методология чаще всего дополняет или сопровождается другими, более традиционными методами политических исследований: опросами, фокус-группами, кейс-стади, дескриптивной статистикой и т. п.

Наше исследование показало, что на сегодняшний день сетевой анализ выступает дополнительным инструментом, позволяющим добиться достоверных результатов в области политических исследований и имеет целый ряд ограничений, связанных с целым рядом ограничений технического и концептуального характера, когда получение новых данных с помощью сетевого анализа не только затруднено, но и не приводит к существенному приращению научных знаний. К примеру, вскрытие структуры обмена информации в сетевом обществе вовсе не означает, что сетевой анализ позволяет вскрыть смысл и восприятие смысла коммуникационных связей. Также огромнейшей проблемой в российских условиях является то, что в социальных медиа большая доля пользовательского контента является продукцией скрытого продвижения¹. Точную долю такого контента, к которому относятся заказные публикации на сайтах, «фейковые» аккаунты в социальных сетях, оплаченные посты, комментарии и лайки, а также многое другое, практически невозможно установить. Поэтому, в подавляющем большинстве случаев классические социологические методики более адекватны в исследовании политической коммуникации.

Третий вывод диссертационного исследования касается переосмысления роли средств массовой информации в современных процессах трансформации политических систем. Современный этап эволюции авторитарных режимов говорит о новом подъеме электоральных неоавторитарных режимов, которые поддерживают свою легитимность при помощи эффективных политических PR-технологий. В этих условиях такие традиционные методы исследований в области транзитологии, как неоинституционализм и теория рационального выбора, имеют слишком малые возможности для понимания роли и значения современных политических коммуникаций в этих процессах. Массовое политическое сознание базируется на

¹Городской типаж: блогер-пропагандист [Электронный ресурс] // Собака.Ру. 28.01.2015. Режим доступа: <http://www.sobaka.ru/city/city/32942/> (дата обращения: 12.12.2015).

бытовом сознании, которое носит нелогичный, эмоциональный характер, что делает неприменимыми математические методы теории игр для анализа ситуации. Налицо системный кризис методологического базиса транзитологии, связанный с излишней схематичностью и прогрессизмом, когда западные демократии выступают в качестве конечной цели режимных изменений¹. Очевидно, что движение в сторону единой демократической модели маловероятно, так как современные демократии также эволюционируют. Задача догоняющей политической модернизации в этих условиях становится погоней за постоянно удаляющейся целью. Современные теории демократии поворачиваются в направлении учета большей роли и значения политической коммуникации. И если в политологии поворот к политической коммуникации ощущается, то в транзитологии эта тенденция практически не заметна.

В условиях информационного общества и всесторонней медиатизации политических процессов современные политические режимы повышают свою легитимность преимущественно через СМИ. Это касается как устоявшихся политических режимов, так и политических режимов в процессе трансформации. Проблема легитимации гибридных политических режимов при помощи СМИ и политических PR-технологий на постсоветском пространстве затронута лишь в некоторых работах. Очевидно, что политическая информация в СМИ и политические кампании выступают важнейшим источником легитимации авторитарных режимов, предоставляя одну из возможных стратегий их выживания². При этом, технологии легитимации авторитарных режимов находятся на периферии исследовательских интересов специалистов по режимным трансформациям³. Возможно, это обстоятельство связано с тем, что политологи, специализирующиеся на изучении процессов политических трансформаций, чаще всего находятся под влиянием научной школы неинституционализма, теории игр и теории рационального выбора. Так или иначе, очевидно, что в специальной литературе по трансформационным процессам на постсоветском пространстве присутствует большой пробел в области влияния СМИ и особенно сетевых каналов политической коммуникации на режимные изменения⁴.

Четвертый вывод говорит о том, что сетевая политическая коммуникация, тем не менее, стала неотъемлемой и значимой частью современного политического процесса. Здесь в первую очередь, следует отметить широкое распространение политических кампаний в Сети,

¹Sakwa R. Modernisation, neo-modernisation, and comparative democratisation in Russia // *East European Politics*. 2012. Vol. 28. № 1. P. 43-57.

²Gerschewski J. The three pillars of stability: legitimation, repression, and cooptation in autocratic regimes // *Democratization*. 2013. Vol. 20. № 1. P. 13-38.

³Шкель С. Н. Указ.соч. С. 134.

⁴Wilson A. *Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World*. New Haven and London: Yale University Press, 2005.

которые, в основном, проводятся во время избирательных кампаний и обладают целым рядом преимуществ перед другими видами политических кампаний. С одной стороны, они связаны с возможностью интерактивного общения с избирателями, политическими активистами, средствами массовой коммуникации и другими целевыми аудиториями. С другой стороны, они позволяют использовать дополнительные инструменты политического влияния: сбор средств, вербовка новых членов, проведение опросов, осуществление рекламных политических кампаний и т. п. Здесь следует подчеркнуть, что сетевая коммуникация способна диктовать повестку дня в современной политике, перехватывать ее у традиционных СМИ, а также реализовывать интересный «эффект эха», когда блоггеры делают актуальной информацию о старых событиях. Сетевая политическая коммуникация при определенных условиях может способствовать формированию современной публичной сферы и делиберативной политики. Во всяком случае, интернет-коммуникации ввиду их сетевой природы делают невозможным тотальный контроль над политическими диссидентами и осложняют политические репрессии.

Для политической науки наибольшее значение имеет способность сетевой политической коммуникации к «активизации» политических сторонников, что проявляется непосредственно в таких политических действиях, как протестные митинги и сбор финансовых средств через Интернет. Кроме того, в современной политике сетевая политическая коммуникация способствует созданию благоприятной среды для «вирусного» распространения политической информации. В отличие от «анекдотов», «слухов», «городских легенд» и других форм неформальной политической коммуникации, получивших распространение в эпоху индустриального общества, интернет-коммуникации распространяют «вирусный» контент в гораздо больших объемах, с невероятной скоростью и почти не обращают внимания на географические ограничения. Вирусные технологии позволяют активизировать рядовых пользователей Интернета, вовлекая их в ряды политических активистов и волонтеров. Таким образом, сетевые политические кампании стали новой и весьма успешной формой политической агитации и организации не только во время избирательных кампаний, но и в текущем политическом процессе.

Пятый вывод нашего исследования связан с тем, что реальное влияние сетевой политической коммуникации на политические институты в значительной степени ограничено. Появление Интернета во многом способствовало воплощению в жизнь различных программ по созданию «электронных правительств» во многих странах мира. Необходимо отметить, что «электронное правительство» может быть реализовано разными политическими режимами: как демократическими, так и авторитарными. Тем не менее, в качестве продолжения программы «электронного правительства» анализируется, получившая широкое распространение в научных

и политических кругах, концепция «электронной демократии». Данная концепция представлена как в виде «прямой демократии», так и в виде «коммунитарной демократии». По мнению теоретиков электронной демократии, широкое использование телематических средств коммуникации, вообще, и Интернета, в частности, само по себе обеспечивает появление демократического режима нового типа. Однако концепция «электронной демократии» подверглась убедительной критике сразу по нескольким параметрам. Одним из самых важных противовесов реализации концепции «электронной демократии» является тот факт, что политические институты современной представительной демократии с успехом используют сетевые технологии в качестве средства политической коммуникации и тем самым сохраняют свое влияние. Таким образом, в данном исследовании предпочтение отдается термину «электронное правительство» перед термином «электронная демократия» ввиду внутренней противоречивости последнего.

Наше исследование показывает, что существуют почти непреодолимые институциональные ограничения, сопровождающие внедрение сетевой коммуникации в практику современного государственно-политического управления, что выражается в неспособности современных государств имплементировать в политическую практику системы электронного голосования, слабой развитости сетевых политических партий, доминирования либеральной идеологии в вопросах авторского права и т. п. Более того, сетевая политическая коммуникация не способна принципиальным образом демократизировать публичную сферу, поскольку по своей природе обладает монополизирующим потенциалом, способствует политической поляризации, провоцирует политическую конфронтацию и благоприятствует таким проявлениям неконвенциональной политики, как несанкционированные публичные мероприятия, хакерство и т. п. Демократичность публичной сферы зависит от многих факторов, среди которых важнейшую роль играют уровень демократичности медиапространства, отсутствие ограничений к доступу к политической информации через Интернет, политическая культура интернет-пользователей, минимальный уровень неконвенционального поведения в Сети и т. п.

Более того, анализ событий «Арабской весны» и «оранжевых революций» показал, что массовые мероприятия с массовым участием граждан в протестных акциях редко приводят к реальным институциональным изменениям. Период активизации граждан через Интернет, сменяется периодом политической апатии. При этом, основными факторами, вызывающими политические кризисы, являются психологическая депривация и общий кризис политических институтов, а не глобальные социальные сети, такие как Facebook, Google, YouTube и Twitter. Как показывает деятельность запрещенной в России организации ИГИЛ, агитация и вербовка

сторонников может осуществляться в обратном направлении среди жителей, так называемых, развитых стран.

Шестой и последующие выводы были получены на основе исследования российского опыта, а также опыта стран бывшего СССР. Необходимо сразу отметить, что сетевые политические коммуникации в России нельзя рассматривать в отрыве от существующей политической системы, политического режима и медиа-системы. Многие эффекты использования сетевых коммуникаций в российской политике вытекают из причин, связанных с этим обстоятельством. В условиях монополизации медиaprостранства России сетевая коммуникация становится практически единственным источником альтернативной политической информации. Об этом, в частности, пишет известный специалист в области журналистики, Я. Засурский: «В России СМИ находятся в удручающем состоянии ... Интернет мог бы стать фактором сохранения российского информационного пространства...»¹. Интернет-коммуникации в конце девяностых и первое десятилетие нового столетия оказались в благоприятной ситуации, когда их влияние было еще слишком незначительным, чтобы привлечь внимание государственных органов власти, а генерируемые в интернет-отрасли доходы не могли сравниться с доходами, получаемыми от традиционной для России отрасли по добыче природных ресурсов.

Тем не менее, с самого начала в России политические последствия применения интернет-технологий сильно отличались от их применения в демократических странах: «Сетевой компромат, кибернетизация конфликтов, расширение зоны эксклюзивных сообщений, используемых для политических провокаций – все это стало неотъемлемой частью новой реальности в российском обществе. Одновременно этот же технический источник помог позиционированию в информационно-публичном пространстве политики различным маргинальным акторам (в том числе и экстремистского характера), ранее испытывавшим проблемы в своем публичном позиционировании»². Таким образом, политические коммуникации нельзя рассматривать в отрыве от медиа-системы России, поскольку «включение Интернета в качестве еще одного коммуникативного инструмента в существующую систему обмена смыслами между субъектами политического процесса было предопределено рядом факторов, решающим из которых был процесс медиатизации российской политики -

¹Засурский Я. Н. Информационное общество и средства массовой информации // Развитие информационного общества в России. Том 1: Теория и практика: Сб. статей / Под ред. Н. В. Борисова, Ю. Е. Хохлова. СПб., Изд-во СПбГУ, 2001. С. 154-155.

² Соловьев А. И. Коммуникативные механизмы формирования российской политики // Политическая коммуникация в постсоветской России: проблемы формирования и парадигмы развития / Под общ. ред. Л. Н. Тимофеевой, Е. В. Лобзы. М.: Республиканская типография, 2003. С. 27.

фактического перемещения политической жизни в символическое пространство СМИ»¹. При этом в России наблюдается уникальная ситуация слабого структурного параллелизма СМИ, несмотря на то, что телевидение занимает доминирующее положение по отношению к другим политическим медианосителям². Сетевые подразделения российских медиа-холдингов играют вспомогательную роль. В случае особой необходимости медиа-империи могут пожертвовать репутацией своего интернет-филиала, чтобы внести в повестку дня («вбросить») нужную информацию. На данное положение вещей во многом повлияло то, что массовая аудитория преимущественно получала сведения об Интернете не напрямую, а из традиционных СМИ. Эта особенность способствовала активному использованию различными политическими субъектами в ходе осуществления информационных операций в Интернете модели двухступенчатой коммуникации: интернет-проект (интернет-событие) в качестве импульса; отклик в традиционных СМИ; привлечение внимания целевых аудиторий. Подобная «посредническая» функция журналистского сообщества способствовала мифологизации интернет-среды в общественном сознании»³.

Седьмой вывод исследования опровергает довольно популярное в отечественной специальной литературе представление о том, что интернет-коммуникации в России значительно демократичней, чем в традиционных СМИ, и что интернет-пользователи более либерально настроены, чем аудитория традиционных СМИ. В частности об этом пишет М. В. Данилов: «в нашей стране в 2000-е годы сложилась особая сетевая политическая субкультура, негативно настроенная по отношению к политической системе, и позиционирующая сама себя как «креативный класс»⁴. А. В. Соколов и А. В. Соловьева указывают на то, что сетевая форма политических кампаний в российских условиях может быть очень успешной, так как позволяет проводить акции оперативно, целенаправленно, согласованно, но при этом не иметь определенного «центра управления», нейтрализация которого может остановить развитие событий⁵. Кроме того, сетевая коммуникация может способствовать горизонтальным связям между государственными и негосударственными акторами для решения управленческих задач в

¹ Иванов Д. Г. Интернет в России как инструмент политтехнологий: опыт выборов 1999-2000 гг. // Технологии информационного общества - Интернет и современное общество: труды V Всероссийской объединенной конференции. СПб., 25 - 29 ноября 2002 г. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002. С. 287-289.

² Вартанова Е. Л. Медиа в постсоветской России: их структура и влияние // Pro et Contra. Том 5. 2000. № 4. С. 61-81; Волков Д., Гончаров С. Российский медиа-ландшафт: телевидение, пресса, Интернет [Электронный ресурс] // Левада-Центр, 2014. <http://www.levada.ru/sites/default/files/levadareportmedia.pdf> (дата обращения: 12.02.2015).

³ Иванов Д. Г. Интернет в России как инструмент политтехнологий: опыт выборов 1999-2000 гг. // Технологии информационного общества - Интернет и современное общество: труды V Всероссийской объединенной конференции. СПб., 25 - 29 ноября 2002 г. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002. С. 287-289.

⁴ Данилов М. В. Институты, механизмы и технологии политизации общества в постсоветской России (1990-е – 2000-е годы). Автореф. дис. ... д. полит. н. Саратов, 2015. С. 426.

⁵ Соколов А. В., Соловьева А. В. Мобилизация в общественно-политических кампаниях // Власть. 2013. № 11. С. 55-58.

кризисных условиях¹. Наши исследования не подтверждают этих утверждений, а некоторые примеры сетевого взаимодействия органов государственной власти с субъектами гражданского общества скорее являются исключением из правил, нежели общей практикой. Кроме того, исследования зарубежных авторов тоже не могут подтвердить оптимистические суждения по поводу «демократичности» и «цивилизованности» сетевой политической коммуникации в России². Вслед за Б. Барбером, отметим, что «в противоположность либеральному оптимизму, воспринимающему интернет-технологии в качестве силы, размывающей устои авторитарных режимов и укрепляющих позиции индивида и гражданского общества, существуют... серьезные возможности злоупотребления данными технологиями в целях консолидации авторитарных режимов, культивирования атмосферы страха и недоверия, политической индоктринации и пропаганды. Борьба между авторитарными апологетами контроля и первопроходцами виртуального свободомыслия будет продолжаться по мере развития технологий и трансформации политического контекста»³.

В результате исследования также приходится констатировать, что перспективы создания электронного демократического правительства в России имеют серьезные ограничения. Отмечаются как положительные, так и отрицательные моменты в этом процессе. Среди позитивных факторов следует отметить наличие государственных программ федерального и регионального уровня, а также важных для сферы электронной коммерции законов. С другой стороны, отмечается недостаточность такого рода программ и законодательных актов. Как пишет Д. Песков, «объединенные усилия ведомств, сопротивляющихся внедрению новых информационных технологий, многократно превышают возможности сил, заинтересованных в этом»⁴. Существующее сопротивление реформе государственного управления объясняется неразвитостью институтов гражданского общества, демократических процедур и борьбой различных ведомств за контроль над этой программой.

Среди положительных моментов выделяется достаточно развитая функция сетевых медиарилейшнз федеральных органов власти, а также некоторых субъектов Российской Федерации. С одной стороны, подробный анализ интернет-сайтов органов государственной власти показывает, что она «представляет собой примитивное веб-кольцо сайтов с общей

¹ Морозова Е. В., Мирошниченко И. В. Сетевые сообщества в условиях чрезвычайных ситуаций: новые возможности для граждан и для власти // Полис. Политические исследования. 2011. № 1. С. 140-152.

² Etling B., Alexanyan K., Kelly J., Faris R., Palfrey J., Gasser U. Public Discourse in the Russian Blogosphere: Mapping RuNet Politics and Mobilization // Berkman Center Research Publication. 2010. № 11. October 19. 46 p.

³ Barber B. Three Scenarios for the Future of Technology and Strong Democracy // Political Science Quarterly. 1998. Vol. 113. № 4. P. 587.

⁴ Песков Д. Н. Интернет в российской политике: утопия и реальность // Полис. 2002. № 1. С. 31-45.

тематикой, наполненных несогласованными данными, в том числе статистическими»¹. С другой стороны, большинство государственных органов очень серьезно относятся к созданию специальных разделов для СМИ. Наиболее очевидным примером является сайт Президента Российской Федерации (www.kremlin.ru), ставший примером для подражания и фактически эталоном для других государственных сайтов. При этом очевидно, что политические интернет-стратегии органов государственной власти основываются на концепции двухступенчатой коммуникации.

Восьмой вывод исследования верифицирует проблему влияния политической коммуникации на режимные изменения при помощи сравнительного анализа динамики институциональных изменений, свободы слова и интернет-коммуникаций в странах бывшего СССР. Идея о том, что режим функционирования средств массовой информации отражает степень демократизации и режимные особенности, достаточно давно озвучена в зарубежной и отечественной политологии². Вместе с тем, большинство стран постсоветского пространства находятся в нестабильном состоянии, что потенциально может привести к самым неожиданным последствиям³. Корреляционный анализ ситуации в 15 бывших республиках СССР проводился на основе данных Freedom House и позволил определить направление движения политических режимов и их связь с функционированием СМИ и регулированием интернет-пространства, что позволяет в целом находиться в русле эволюционного подхода⁴. Наши подсчеты позволяют сделать вывод о том, что на постсоветском пространстве интернет-коммуникации имеют меньшую значимость для режимных изменений, чем ситуация в сфере традиционных средств массовой информации.

Проблема институциональных изменений в России и многих странах, по мнению некоторых авторов, связана с отсутствием долгосрочных целей и общественного консенсуса по этому поводу. Как указывает И. В. Ситнова, «на сегодняшний день не разработана (или не известна общественности) стратегия законодательных мер проведения рыночных реформ; отсутствует понимание населением принципа реформ, и, следовательно, отсутствует общественный консенсус по поводу реформирования. Все это свидетельствует о том, что процесс изменения структур и субъектов деятельности носит не контролируемый характер»⁵. С

¹Там же.

² Media Reform: Democratizing the Media, Democratizing the State / Ed. by Monroe E. Price, Beata Rozumilowicz, and Stefaan G. Verhulst. L.: Routledge, 2001. 304 p.; Черных А. И. Мир современных медиа. М.: Территория будущего, 2007. 312 с.

³Kuran T. Now Out of Never: The Elements of Surprise in the East European Revolution of 1989 // World Politics. 1991. Vol. 44. № 1. P. 7-48.

⁴Баранов Н. А. Современная демократия: Эволюционный подход. СПб.: БГТУ, 2008. 208 с.

⁵ Ситнова И. В. Институциональные изменения в современной России: активистско-деятельностный подход. М.: Перспектива, 2012. С. 150.

другой стороны, в отечественной литературе все большее распространение получает подход, который условно можно описать, как государственно-патриотический. В частности, при анализе вопросов интернет-коммуникаций большое распространение получил подход, трактующий проблемы государственного регулирования сетевой коммуникации с точки зрения информационной безопасности¹. При таком подходе доминирует парадигма информационной войны «Западной цивилизации» против независимых национальных государств. К примеру, сторонники этого подхода указывают, что «против российского режима В. В. Путина удалось мобилизовать ультралибералов-антигосударственников из числа последователей Б. Е. Немцова и Г. К. Каспарова, к борьбе против сирийского режима Б. Асада оказалось возможным привлечь Аль-Каиду»².

1 октября 2014 г. состоялось заседание Совета безопасности России, на котором обсуждались результаты учений по моделированию угрозы нарушения деятельности Рунета³. Результаты учений и итоги обсуждения на заседании Совета безопасности с участием президента В. Путина не разглашаются, однако последующие шаги в области государственного регулирования интернет-коммуникаций говорят о том, что политика повышения роли государства в этой области усиливается. Некоторые оппозиционные интернет-деятели утверждают, что в результате была поставлена задача по созданию технических условий для отключения зарубежных социальных медиа и информационных сервисов типа Facebook, Google, YouTube и Twitter на территории России⁴. Сложность этой операции с технической точки зрения связана с сетевой природой Интернета, когда к примеру пользовательские данные могут храниться на разных серверах в разных странах мира. Очевидно, что усиление контроля за интернет-коммуникациями является продолжением аналогичной политики в области традиционных СМИ и укладывается в неокорпоративистские тенденции развития политического режима в России, которые имеют глубокие корни не только в массовом сознании, но и в структурах региональной власти⁵.

¹Володенков С. В. Новые формы политической коммуникации в современном политическом управлении: угрозы и вызовы // Государственное управление. Электронный вестник. 2011. № 27. С. 15.

²Морозов И. Л. Безопасность политических коммуникаций в современной России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2013. № 1. С. 127-131.

³Луганская Д. «А что если на нас нападут?»: Как американцы могут навредить Рунету [Электронный ресурс] // РБК. 30.09.2014. Режим доступа: http://www.rbc.ru/interview/technology_and_media/30/09/2014/54296cb0cbb20f0ad04f9c99 (дата обращения: 1.02.2014).

⁴Носик А. Особое мнение. 25.08.2015 [Электронный ресурс] // Эхо Москвы. Режим доступа: <http://echo.msk.ru/blog/nossik/1407326-echo/> (дата обращения: 12.10.2015).

⁵Быков И. А., Грибанов В. В. Концептуальные проблемы моделей взаимодействия бизнеса и власти финно-угорских народов: сравнительный анализ // Финно-Угорский мир. 2014. № 4. С. 112-118; Росс К. Федерализм и демократизация в России // Политические исследования. 1999. № 3. С. 16-29; Шмиттер Ф. Неокорпоративизм //

Мы полагаем, что при исследовании этой проблемы возможны разные подходы, а не только представления о том, что интернет-коммуникации предоставляют инструменты для мягкого, информационного влияния¹. Более того, даже зарубежные исследователи признают, что институциональные изменения обычно имеют национальную специфику. В частности, Ф. Фукуяма указывает на то, что «одна и та же степень свободы действий будет эффективна в одном типе общества и неэффективна в другом; в рамках одного общества она может оказаться функциональной в один период времени, но не быть такой в другой»². На наш взгляд, основной проблемой в этой области является непоследовательность российской политики³. Данная непоследовательность связана с противоречиями потребностей экономической модернизации, местом России в глобальной системе разделения труда и потребностями поддержания стабильности политической системы. К сожалению, наш анализ показывает, что непоследовательность и непредсказуемость политики в области регулирования интернет-коммуникации в России возрастает, что потенциально может привести к самым непредсказуемым последствиям.

Прогнозирование дальнейшего развития в области сетевых политических коммуникаций в России достаточно сильно затруднено и оставляет много пространства для футуристических фантазий⁴. С одной стороны, Россию нельзя отнести к разряду одного из ведущих центров научно-технологического развития, с другой стороны, существующий задел в области информационных технологий при правильном использовании может стать драйвером развития страны в двадцать первом веке. Тут нельзя не затронуть темы возможных сценариев развития ситуации в области использования новейших информационных технологий в политической деятельности. Одна из существующих классификаций разбивает возможные модели развития информационного общества на три варианта:

- «Модель Силиконовой долины» - или американская модель – открытое информационное общество, движимое силами рынка;
- «Сингапурская модель» - авторитарное информационное общество, развивающееся также на рыночных основаниях;

Политические исследования. 1997. № 2. С. 14-22; Ledeneva A. V. How Russia Really Works: The Informal Practices that Shaped Post-Soviet Politics and Business. Ithaca and London: Cornell University Press, 2006. 270 P.; Shlapentokh V. Early Feudalism – The Best Parallel for Contemporary Russia // Europe-Asia Studies. 1996. Vol. 48. № 3. May. P. 393-412.

¹Най Д. С. Будущее власти. М.: АСТ, 2014. 448с.

²Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. Москва: АСТ, 2006. С. 129.

³Bykov I., Cherkashchenko T., Dorskii A., Kaverina E. Government Regulation of Advertising in the Eurasian Economic Union: Contradictions of Public Policy and Advertising Ethics // International Journal of Economics and Financial. 2015. Vol. 5. Special issue. P. 116-120.

⁴Шмидт Э., Коэн Д. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государства. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 300 с.

- «Финская модель» - открытое социально-контролируемое информационное общество, развивающееся на базе общества благосостояния¹.

На наш взгляд, данная классификация страдает незавершенностью. В ней не указаны варианты «Северо-Корейской» и «Китайской» моделей». «Северо-Корейская» модель сводится к тотальной самоизоляции от интернет-пространства, тогда как «Китайская модель» предполагает политическую цензуру и фильтрацию интернет-трафика. Нельзя не отметить, что эти модели поддерживаются идеологическими и партийными системами, тогда как в России сложно определить официальную идеологическую основу. Идеологические основания современного режима носят размытый характер и определяются его гибридным характером.

Следовательно, попытки внедрения «китайской системы» государственного контроля над Интернетом в России, на наш взгляд, могут столкнуться с серьезными проблемами. Об этом, не скрывая истинного положения вещей, пишут сотрудники Аппарата Совета Безопасности Российской Федерации: «Ухудшается ситуация с обеспечением сохранности сведений, составляющих государственную тайну... Закрепленные в Конституции Российской Федерации права граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки практически не имеют достаточного правового, организационного и технического обеспечения. Неудовлетворительно организована защита собираемых федеральными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления данных о физических лицах (персональных данных)»². Следовательно, проблемы с обеспечением сохранности государственной информации, вызванные массовым распространением коррупции в органах власти, ставят под сомнение возможность внедрения в России «Сингапурской модели». С одной стороны, государственные программы декларируют приверженность демократическим принципам и правам человека, а с другой стороны, в тех же программах декларируется «управляемый» характер перехода к информационному обществу. Таким образом, на наш взгляд, крайние варианты как свободного, рыночного развития Интернета, так и жестко ограниченного, авторитарного использования сети в качестве средства политической коммуникации в России, маловероятны. Можно ожидать, что в России будет реализовываться смягченный вариант «Китайской модели».

¹Чугунов А. В. Формирование моделей информационного общества и выбор пути России в эпоху глобального развития // Политическая коммуникация в постсоветской России: проблемы формирования и парадигмы развития / Под общ. ред. Л. Н. Тимофеевой, Е. В. Лобзы. М.: Республиканская типография, 2003. С. 237.

² Развитие информационного общества в России. Том 1: Теория и практика: Сб. статей / Под ред. Н. В. Борисова, Ю. Е. Хохлова. СПб., Изд-во СПбГУ, 2001. С. 60.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С. Социологический словарь: Пер. с англ. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Экономика, 2004. 620 с.
2. Авинери Ш. Рецензия на книгу Linz J. and Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore, 1996 // Восточноевропейское Конституционное Обозрение. 1997. № 2 (19). С. 152-157.
3. Авторитаризм и демократия в развивающихся странах / Отв. ред. В.Г. Хорос. М.: Наука, 1996. 336 с.
4. Авторханов А. Технология власти. М.: Слово, 1991. 638 с.
5. Аймалетдинов Т. А. «Высокие технологии» и проблемы информационного неравенства в России // Социологические исследования. 2003. № 8. С. 121-126.
6. Акопов Г. Л. Политические интернет-коммуникации как инновационный фактор общественного развития. Автореф. дис. ... док. полит. н. СПб., 2013. 53 с.
7. Акопов Г. Л. Глобальные проблемы и опасности сетевой политики. Ростов-на-Дону: РостИздат, 2004. 125 с.
8. Алексеева И. Ю. Возникновение идеологии информационного общества // Информационное общество. 1999. № 1. С. 30-35.
9. Ализар А. Декларация независимости киберпространства: десять лет спустя [Электронный ресурс] // Вэбпланета. 2006. 9 марта. Режим доступа: <http://www.webplanet.ru/news/internet/2006/3/9/cyber.html> (дата обращения: 12.10.2015)
10. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М.: Мысль, 2014. 500 с.
11. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. М. Аспект Пресс, 2002. 537 с.
12. Анохин М. Г., Гришин О. Е., Атаев Т. Б. Инновации в сфере политической интернет-коммуникации: опыт США // Среднерусский вестник общественных наук. 2013. № 4. С. 85-91.
13. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
14. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М.: Текст, 1993. 303 с.
15. Аронсон Э., Пратканис Э. Р. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. СПб.: прайм-Еврознак, 2003. 384 с.
16. Афанасьев М. Правящие элиты России: образ деятельности. // Мировая экономика и международные отношения. 1996. №№ 3, 4.
17. Ахременко А. С. Политический анализ и прогнозирование. М.: Гардарики, 2006. 333 с.

18. Ачкасов В. А. Президент РФ и Государственная Дума: перспективы взаимоотношений // Правоведение. 1995. № 4. С. 67-71.
19. Ачкасова В. А. Принцип «повестки дня» как доминанта медийного пространства // Журналистский ежегодник. 2012. № 1. С. 7-9.
20. Ачкасова В. А., Чугунов А. В. Демократия и Интернет: роль Интернет в формировании просвещенного понимания // Интернет и современное общество: Тезисы докладов Всероссийской научно-методической конференции. СПб., 8-11 декабря 1998 г. СПб.: СПбГУ, 1998. С. 43-46.
21. Ашин Г. К. Доктрина «массового общества». М.: Политиздат, 1971. 191 с.
22. Багдикян Б. Монополия средств информации. М.: Прогресс, 1987. 316 с.
23. Багиров Э. Г. Очерки теории телевидения. М.: Искусство, 1978. 151 с.
24. Баданин Р., Бурибаев А. Как власти читают ваши блоги: расследование Forbes [Электронный ресурс] // Forbes.ru. 16 августа 2012 г. Режим доступа: <http://www.forbes.ru/sobytiya/vlast/92590-kak-vlasti-chitayut-vashi-blogi-rassledovanie-forbes> (дата обращения: 12.10.2015)
25. Бадковский Д. Трансформация политической элиты в России – от «организации профессиональных революционеров» к «партии власти» // Политические исследования. 1994. № 6. С. 42-58.
26. Бакалов И. SEO и политика – о партии жуликов и воров [Электронный ресурс] // Bakalov.info. Режим доступа: <http://bakalov.info/seo-i-politika-o-partii-zhulikov-i-vorov.html> (дата обращения: 12.10.2015)
27. Бакулев Г. П. Массовая коммуникация. Западные теории и концепции. М.: Аспект Пресс, 2005. 175 с.
28. Балашов А. Н. Интернет-активность российских политических партий: политологический анализ // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 3. С. 107-116.
29. Банс В. Элементы неопределенности в переходный период // Политические исследования. 1993. № 1. С. 44-51.
30. Баранов Н. А. Современная демократия: Эволюционный подход. СПб.: БГТУ, 2008. 208 с.
31. Баранов Н. А. Эволюция современной российской демократии: тенденции и перспективы. СПб.: БГТУ, 2008. 276 с.
32. Барбук Р. Камерон Э. Калифорнийская идеология [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://spintongues.msk.ru/calif.htm> (дата обращения: 12.10.2015)
33. Бард А., Зодерквист Я. НЕТоократия: Новая правящая элита и жизнь после капитализма.

СПб.: Стокгольмская школа экономики, 2004. 252 с.

34. Барлоу Д. П. Декларация независимости киберпространства [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.uis.kiev.ua/russian/win/~xyz/index.rus.html> (дата обращения: 12.10.2015)
35. Барлоу Д. Продажа вина без бутылок: Экономика сознания в глобальной Сети [Электронный ресурс] // Русский журнал. 1999. 6 марта. Режим доступа: http://www.zhurnal.ru/staff/gorny/translat/barlow_economy_of_mind.htm (дата обращения: 12.10.2015).
36. Башкарев А. А. Роль сети Интернет в процессе политической социализации молодежи. Дис. ... к. полит. н. СПб., 2009. 166 с.
37. Бейме К. Сравнение в политической науке // Социально-политические науки. 1991. № 2. С. 20-29.
38. Белинис Л. Электронная демократия: политика в условиях глобальной коммуникации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Том. VI. № 4. С. 67-82.
39. Белкин С., Воронин В., Устименко С. Интернет и власть // Власть. 1999. № 9. С. 21-25.
40. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999. 783 с.
41. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе / Сост. и вступ. статья П.С. Гуревича. М.: Прогресс, 1986. С. 330-361.
42. Белоусов А. Б. Лоббизм как политическая коммуникация. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 216 с.
43. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 220 с.
44. Березин В. М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия. М.: РИП-холдинг, 2003. 174 с.
45. Беркгаут В. В., Чадрин И. С. Интернет: первые шаги. М.: Р-Валент, 2000. 107 с.
46. Бернейс Э. Пропаганда. М.: Hippo Publishing LTD, 2010. 176 с.
47. Бернейс Э. Кристаллизация общественного мнения. М.: Вильямс, 2015. 272 с.
48. Бжезинский З. Большой провал: Рождение и смерть коммунизма в двадцатом веке. Нью-Йорк, 1999. 242 с.
49. Бодрийяр Ж. Реквием по масс-медиа // Поэтика и политика: Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1999. С. 193-226.
50. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1995. 168 с.
51. Бодрунова С. С. Современные стратегии британской политической коммуникации. М.:

Товарищество научных изданий КМК, 2010. 423 с.

52. Бодрунова С. С. Медиакратия: атлантические подходы к определению термина // Медиасофия: Границы дисциплины. Материалы международной научной конференции. СПб.: 2008. С. 91-105.
53. Бодрунова С. С. Медиакратия: СМИ и власть в современных демократических обществах. Дис. ... д. полит. н. СПб., 2015. 498 с.
54. Бондарев Н. С. Социальные медиа в современных политических процессах: технологии и ресурсы влияния. Дис. ... к. полит. н. М., 2014. 198 с.
55. Бондаренко С. В. Социальные мифы «электронной демократии» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Том. VII. № 4. С. 209-212.
56. Борисов И. Б. Голосование с помощью Интернета // Журнал о выборах. 2006. № 3
57. Брайант Дж., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. М.: Вильямс, 2004. 425 с.
58. Братерский М. В. Теория модернизации: обзор американских концепций // США. ЭПИ. 1990. № 9. С. 33-41.
59. Брекендридж Д. PR 2.0: Новые медиа, новые аудитории, новые инструменты. М.: Эксмо, 2009.
60. Бронников И. А. Политическая коммуникация в сети Интернет и феномен Wikileaks // Управление мегаполисом. 2011. № 2. С. 124-128.
61. Бронников И. А. Политическая коммуникация и современность // Юридические исследования. 2013. № 4. С. 66-88.
62. Буданцев Ю. П. Социология массовой коммуникации. М.: МНЭПУ, 1995. 111 с.
63. Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. М.: Аспект Пресс, 1998. 284 с.
64. Бузин А. Ю. Административные избирательные технологии и борьба с ними. М.: Панорама, 2007. 271 с.
65. Бузин В. Н. Уровни управления российским медиапространством // Общество. Среда. Развитие. 2012. № 1. С. 121-125.
66. Бурдые П. О телевидении и журналистике. М.: Прагматика культуры, 2002. 159 с
67. Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
68. Бурматов В. В. Институциональный смысл открытого правительства // Власть. 2012. № 8. С. 35-40.
69. Бурматов В. В. Политическая коммуникация в России: запрос на новый институциональный порядок // Государственное управление. Электронный вестник. 2012. № 33.

С. 6.

70. Быков И. А. Геополитические последствия «революции твиттера» в Молдавии // Проблемы глобальной политики и безопасности в современной России: материалы междунаро. науч. конф. Ч. 2. Санкт-Петербург, 28-29 мая 2009 г. СПб.: Балт. гос. техн. ун-т, 2009. С. 93-95.
71. Быков И. А. Интернет и политические партии во время выборов в Государственную Думу 2007 г.: итоги и перспективы // Новый политический цикл: повестка дня для России. М.: РАПН, 2008. С. 40-42.
72. Быков И. А. Интернет-технологии в избирательной кампании Барака Обамы // Вестник Пермского университета. Серия: История и политология. 2010. № 1. С. 48-58.
73. Быков И. А. Интернет-фандрайзинг и выборы: российские перспективы и ограничения // Российская политика в условиях избирательного цикла 2011-2012 гг. М.: РАПН, 2011. С. 37-39.
74. Быков И. А. Киберпространство как фактор развития политических идеологий // Политическая наука. 2008. № 2. С. 79-98.
75. Быков И. А. Миф цифровой демократии // Политическая наука. 2011. № 2. С. 252-257.
76. Быков И. А. Политическая информация и социальные медиа: проблемы политической коммуникации в студенческой среде Санкт-Петербурга // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 3. С. 28-36.
77. Быков И. А. Роль блогов в американской политике // Политэкс. 2011. № 1. С. 287-290.
78. Быков И. А. Сетевая политическая коммуникация: теория, практика и методы исследования. СПб.: СПГУТД, 2013. 200 с.
79. Быков И. А. Социальный капитал и политика в России: портрет на фоне Европы // Политэкс. 2011. № 1. С. 102-116.
80. Быков И. А. «Электронная демократия» vs «электронное правительство»: концептуальное противостояние? // Политэкс. 2005. № 3. С. 69-79.
81. Быков И. А. Эмпирические исследования политики с использованием методов сетевого анализа // Политический анализ. 2011. № 11. С. 49-59.
82. Быков И.А. PR, технологии веб 2.0 и электронное правительство в России // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения: Материалы 50-й международной научной конференции. СПб: СПбГУ, 2011. С. 213-215.
83. Быков И. А., Балахонская Л. В. Особенности PR-текстов в сети Интернет: коммуникативно-прагматический аспект // Научный вестник Воронеж. гос. арх.-строит. ун-та. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2014. Вып. 2(22). С. 41-59.

84. Быков И. А., Балахонская Л. В. Сетевая философия: принципы создания и распространения интернет-текстов в рекламе и PR // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского. Сер. Общественные науки. 2011. № 24. С. 23-30.
85. Быков И. А., Балахонская Л. В. Права человека и язык рекламных текстов в современной России // Философия права. 2011. № 4 (47). С. 42 -47.
86. Быков И. А., Грибанов В. В. Концептуальные проблемы моделей взаимодействия бизнеса и власти финно-угорских народов: сравнительный анализ // Финно-Угорский мир. 2014. № 4. С. 112-118.
87. Быков И. А., Дорский А. Ю. GR в Санкт-Петербурге: состояние, проблемы и перспективы // Медиаскоп. 2014. № 2. С. 10-20.
88. Быков И. А., Кострова Е. А. Медийный имидж политического лидера и его восприятие среди молодых избирателей Санкт-Петербурга (на примере А. Навального и В. Милонова) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2. Искусствоведение. Филологические науки. 2013. № 1. С. 78-81.
89. Быков И. А., Кудрявцева М. Е. К вопросу о роли PR-специалиста в управлении корпоративной культурой: творческий и педагогический аспекты // Известия СПбГЭТУ «ЛЭТИ». 2014. № 1. С. 84-89.
90. Быков И. А., Мажоров Д. А., Слуцкий П. А., Филатова О. Г. Интернет-технологии в связях с общественностью. СПб.: Роза мира, 2010. 275 с.
91. Быков И. А., Побединский И. М. Медиарилейшнз государственных органов власти в Санкт-Петербурге и Ленинградской области // Стратегические коммуникации в бизнесе и политике: Материалы научно-практической конференции 25-26 ноября 2015 г. / Отв. ред. Д. П. Гавра. СПб.: СПбГУ, 2015. С. 80-84.
92. Быков И. А., Филатова О. Г. Технологии Веб 2.0 и связи с общественностью: смена парадигмы или дополнительные возможности? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2011. №2. С. 226-237.
93. Быков И. А., Халл Т. Э. Цифровое неравенство и политические предпочтения интернет-пользователей в России // Политические исследования. 2011. № 5. С. 151-164.
94. Бычков П. А. Исследование взаимосвязи ценностной сферы молодежи с доверием к политической власти // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 1. С. 845-56.
95. Ваганов А. Пиратское ПО с восточным акцентом: Уровень нелегального программного обеспечения падает, а потери от него растут [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2007. 5 июня. Режим доступа: http://www.ng.ru/telecom/2007-06-05/17_pirates.html (дата обращения:

12.10.2010).

96. Вайнштейн Г. Посткоммунистическое развитие глазами западной политологии // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 8. С.139-148. № 9. С. 144-154.
97. Валлерстайн И. После либерализма. М.: Эдиториал УРСС, 2003.
98. Варганова Е. Л. Медиа в постсоветской России: их структура и влияние // Pro et Contra. Том 5. 2000. № 4. С. 61-81.
99. Варганова Е. Л. Современная медиаструктура // Средства массовой информации постсоветской России / Под ред. Я. Н. Засурского. М.: Аспект-Пресс, 2002. С. 10-85.
100. Варганова Е. Л. Цифровое телевидение и трансформация медиасистем. О необходимости междисциплинарных подходов к изучению современного ТВ // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2011. № 4. С. 6-26.
101. Василенко В. И., Василенко Л. А. Интернет в системе государственной службы. М.: РАГС, 1998. 257 с.
102. Василенко Л. А. Интернет в информатизации государственной службы России: Социологические аспекты. М.: РАГС, 2000. 251 с.
103. ВВС США начинают воевать в киберпространстве [Электронный ресурс] // Лента.Ру. 2007. 19 сентября. Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2007/09/19/cyber/> (дата обращения: 12.10.2010).
104. Вертешин А. И. Журналистика и политическая власть - союзники и оппоненты. Период новейшей российской трансформации. Архангельск: Поморский университет, 2006. 128 с.
105. Вершинин М. С. Политическая коммуникация в информационном обществе. М.: Издательство Михайлова, 2001. 252 с.
106. Веселкин Е. А. Понятие социальной сети в британской социальной антропологии // Концепции зарубежной этнологии: Критические этюды / Отв. ред. Бромлей Ю. В. М.: Наука, 1976. С. 125-152.
107. Винер Н. Кибернетика и общество. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 200 с.
108. Виноградов Е. Выборы в президентский Совет по правам человека: эксперты разочарованы [Электронный ресурс] // Немецкая волна. 17.09.2012. Режим доступа: <http://dw.de/p/16AQE> (дата обращения: 12.02.2013).
109. Виноградова С. М., Мельник Г. С. Монополизация СМИ в современном информационном пространстве // Политэкс. 2005. № 2. С. 95-110.
110. Винтерхофф-Шпурк П. Медиапсихология: основные принципы. Харьков: Гуманитарный центр, 2007. 288 с.

111. Водолагин А. А. Интернет-СМИ как арена политической борьбы // *Общественные науки и современность*. 2002. № 1. С. 49-67.
112. Войнов Д. А. Креативность интернет-коммуникации как способ индивидуального политического участия граждан // *Вестник РУДН. Серия: Политология*. 2012. № 1. С. 117-126.
113. Войнов Д. А. Становление интернет-диалога как формы участия граждан в политической науке России. Автореф. дис. ... к. полит. н. М., 2007.
114. Войскунский А. Е. Метафоры Интернета // *Вопросы философии*. 2001. № 11. С. 64-79.
115. Волков Д. Рейтинг Путина – реальность или вымысел социологов? [Электронный ресурс] // Московский центр Карнеги. 7 июля 2015. Режим доступа: <http://carnegie.ru/2015/07/02/ru-60582/ibli> (дата обращения: 22.06.2015).
116. Волков Д., Гончаров С. Российский медиа-ландшафт: телевидение, пресса, Интернет [Электронный ресурс] // Левада-Центр, 2014. <http://www.levada.ru/sites/default/files/levadareportmedia.pdf> . (дата обращения: 12.02.2015).
117. Волкова А. В. Сети в публичной политике: формирование сетевой культуры // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2014. № 1. С. 52-55.
118. Володенков С. В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. М.: МГУ, 2015. 320 с.
119. Володенков С. В. Новые формы политической коммуникации в современном политическом управлении: угрозы и вызовы // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2011. № 27. С. 15.
120. Воронина Т. П. Информационное общество: сущность, черты, проблемы. М.: ЦАГИ, 1995. 110 с.
121. Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия, 1991. 623 с.
122. Всемирный индекс свободы прессы 2014 года [Электронный ресурс] // Репортеры без границ. 2014. Режим доступа: <http://rsf.org/index2014/ru-index2014.php> (дата обращения: 22.06.2015).
123. Выборы президента - честные и чистые? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. Пресс-выпуск №1977. Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112599> (дата обращения: 12.02.2013).
124. Выступление Леонида Парфенова на церемонии вручения премии имени Владислава Листьева, 25.11.2010 [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.1tv.ru/sprojects_edition/si=5817&fi=6319 (дата обращения: 22.12.2011).

125. Гавра Д. П. Общественное мнение и власть: режимы и механизмы взаимодействия // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 4. С. 53-77.
126. Гавра Д. П. Основы теории коммуникации. СПб.: Питер, 2011. 288 с.
127. Гаврилова М. В. Методы и методики исследования политической коммуникации. СПб.: Изд-во Невского института языка и культуры, 2008. 92 с.
128. Гайдар Е. Т. Государство и эволюция. Как отделить собственность и повысить благосостояние россиян. СПб.: Норма, 1997. 224 с.
129. Гарр Т. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005. 461 с.
130. Гейтс Б. Бизнес со скоростью мысли. М.: Эксмо, 2007. 447 с.
131. Гейтс Б. Дорога в будущее. М.: Русская редакция, 1996. 295 с.
132. Гельман В. Я. Россия в институциональной ловушке // Pro et Contra. 2010. № 4-5. С. 23-38.
133. Гельман В. Я. «Transition» по-русски: концепции переходного периода и политическая трансформация в России: 1989-1996 // Общественные науки и современность. 1997. № 4. С. 64-81.
134. Герасимюк Т. Виртуальные «виртуальные PR»: три сферы взаимодействия с интернет-аудиторией (сетевые сообщества, персональные коммуникации, online СМК) // Советник. 2001. № 2. С. 25-29.
135. Гнедаш А. А. Особенности формирования российской гендерной политики в ONLINE политике: социальные сети и блоги // Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С. 39-43.
136. Гнедаш А. А., Морозова Е. В. Модернизационный потенциал сетевого взаимодействия в сфере социальной политики // Политэкс: Политическая экспертиза. 2012. № 3. С. 183-199.
137. Гнедаш А. А., Рябченко Н. А. Конструктивные и деструктивные социально-политические практики в online-пространстве современной России: «фейлы», «кейсы», «механики» // Человек. Сообщество. Управление. 2014. № 2. С.40-54.
138. Голосов Г. В. Сравнительная политология. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2001. 368 с.
139. Гоним В. Революция 2.0. СПб.: Лениздат, 2012. 352 с.
140. Гончаров В. Э. Идеологический фрейминг как политическая технология [Электронный ресурс] // Доклад на конференции научно-технических сотрудников СПбГУТ. Санкт-Петербург, 2012. Режим доступа: <http://political-technology.ru/index.php/2011-04-30-02-48-49/69-2013-01-02-14-39-25> (дата обращения: 22.06.2015)
141. Гончаров В. Э. Маркетинговый авторитаризм // Политэкс. 2005. №. 1. С. 83-92.
142. Гончаров Д. В. Политическая мобилизация // Полис. Политические исследования. 1995.

№ 6. С. 129-137.

143. Горбачев М. С. Жизнь и реформы: В 2-х кн. М.: Новости, 1995.
144. Гордон Л. А., Плискевич Н. М. Развилки и ловушки переходного времени // Политические исследования. 1994. №№ 4,5.
145. Горовиц Д. Л. Различия демократий // Пределы власти. 1994. № 2/3. С. 25-34.
146. Городской типаж: блогер-пропагандист [Электронный ресурс] // Собака.Ру. 28.01.2015. Режим доступа: <http://www.sobaka.ru/city/city/32942/> (дата обращения: 12.12.2015).
147. Готовность России к информационному обществу. Оценка возможностей и потребностей широкомасштабного использования информационно-коммуникационных технологий / Под ред. Т. В. Ершовой. М.: ИРИО, 2001. 99 с.
148. Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М.: Ин-т социологии РАН, 2004. 752 с.
149. Грабельников А. А. Российские СМИ на рубеже веков: некоторые итоги и перспективы // Политическая коммуникация в постсоветской России: проблемы формирования и парадигмы развития / Под общ. ред. Л. Н. Тимофеевой, Е. В. Лобзы. М.: Республиканская типография, 2003. С. 45-61.
150. Градосельская Г. В. Сетевые измерения в социологии. М.: Издательский дом «Новый учебник», 2004. 248 с.
151. Гражданское общество в России: структуры и сознание / Отв. ред. К. Г. Холодковский. М.: Наука, 1998. 254 с.
152. Гражданское общество: теория, история, современность / Отв. ред. З. Т. Голенкова. М.: ИС РАН, 1999. 165 с.
153. Грачев М. Н. Политика. Политическая система. Политическая коммуникация. М.: НОУ МЭЛИ, 1999. 166 с.
154. Грачев М. Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. М.: Прометей, 2004. 327 с.
155. Григорьев М. С. Политические коммуникации в «век информации» // Политическое управление: Сборник научных трудов кафедры политологии и политического управления. М.: РАГС, 1998. С. 288-299.
156. Громов И. А., Мацкевич А. Ю., Семенов В. А. Западная теоретическая социология. СПб.: Ольга, 1996. 286 с.
157. Грушин Б. А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987. 368 с.
158. Губанов Д. А., Новиков Д. А., Чхартишвили А. Г. Социальные сети: модели

- информационного влияния, управления, противоборства. М.: Физматлит, 2010. 228 с.
159. Гуров Ф. What Is PR 2.0 [Электронный ресурс] // Phaethon. Режим доступа: <http://www.faito.ru/archnews/1180987089,1194342915/> (дата обращения: 26 января 2011 г.)
160. Гуторов В. А. Концепция гиперпространства и перспективы современной демократии // Интернет и современное общество: Тезисы докладов Всероссийской научно-методической конференции. СПб., 8-11 декабря 1998 г. СПб.: СПбГУ, 1998.
161. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: АСТ, 2004. 602 с.
162. Давыдов И. Масс-медиа российского Интернета. Основные тенденции развития и анализ текущей ситуации [Электронный ресурс] // Русский Журнал. 2000. 28 сентября. Режим доступа: http://old.russ.ru/politics/20000928_davydov.html (дата обращения: 28.02.2013).
163. Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? // Политические исследования. 1999. № 1. С. 10-25.
164. Дайсон Э. Жизнь в эпоху Интернета. Release 2.0. М.: Бизнес и компьютер, 1998. 378 с.
165. Далворт М. Социальные сети: руководство по эксплуатации. М.: Хорошая книга, 2010. 248 с.
166. Даль Р. Демократия и ее критики. М.: РОССПЭН, 2003. 576 с.
167. Даль Р. Полиархия: участие и оппозиция. М.: ГУ ВШЭ, 2010. 288 с.
168. Данилин А. Широкополосный доступ в России: «Цифровой разрыв» увеличивается [Электронный ресурс] // ComNews Research, 2 июня 2009 г., http://www.comnews-research.ru/ds_nwmg/files/29/CNR_Broadband_Tariffs_Review.pdf (дата обращения: 3.11.2009)
169. Данилов М. В. Институты, механизмы и технологии политизации общества в постсоветской России (1990-е – 2000-е годы). Автореф. дис. ... д. полит. н. Саратов, 2015.
170. Дацюк С. Парадоксальная интенция свободы в Интернет [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.uis.kiev.ua/~xyz/par_int.html. (дата обращения: 12.10.2010).
171. Дебор Г. Общество спектакля. М.: Логос, 2000. 183 с.
172. Де Босси Ш. Доклад рабочей группы по проблемам информационного общества [Электронный ресурс] // Рабочая группа по проблемам информационного общества, 2005. Режим доступа: <http://www.wgig.org/docs/WGIGReport-Russian.doc> (дата обращения: 10.1.2014).
173. Девис Р. Сеть политики: влияние Интернета на американскую политическую систему // Актуальные проблемы Европы. Средства массовой информации и демократия в современном мире: Сб. статей и рефератов. М.: РАН ИНИОН, 2002. С. 132-144.
174. Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: URSS, 2013.
175. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: 2000. 308 с.

176. Делицын Л. Л. Проблема цифрового неравенства и потенциал развития Интернета в России - Информационные процессы. 2006. Том 6. № 2. С. 23-30.
177. Делицын Л. Л., Подлесная Т. А. Стохастические модели распространения новых идей в социальных сетях // Открытое образование. 2011. №. С. 242-244.
178. Делла-Винье С., Каплан И. Политический эффект предвзятости СМИ // Информация и общественное мнение: от репортажа в СМИ к реальным переменам / Под ред. Р. Ислам. М.: Альпина Паблишер, 2010. 113-146.
179. Демократия в российском зеркале: монография / Редакторы-составители А. М. Мигранян, А. Пшеворский. Москва: МГИМО-Университет, 2013. 519 с.
180. Демократия: теория и практика. М.: Интерпракс, 1996. 208 с.
181. Демпси Дж. Электронное правительство и его выгоды для широких масс // Государственное управление в переходных экономиках. Зима. 2003. С. 24-27.
182. Дзодзиев В. Проблемы становления демократического государства в России. М.: Ad Marginem, 1996. 303 с.
183. Дзялошинский И. М. Информационное пространство России: структура, особенности функционирования, перспективы эволюции. М.: Фонд Карнеги, 2001. 32 с.
184. Дзялошинский И. М. Коммуникационные процессы в обществе: институты и субъекты. М.: НИУ ВШЭ, 2012. 582 с.
185. Дзялошинский И. М. Медиапространство России: коммуникационные стратегии социальных институтов. М.: Издательство АПК и ППРО, 2013. 479 с.
186. Дзялошинский И. М. Современное медиапространство России. М.: Аспект-Пресс, 2015. 215 с.
187. Дилигенский Г. Г. Политическая институционализация в России: социально-культурные и психологические аспекты // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 7. С. 5-12, № 8, С. 5-16.
188. Дмитриев А. В., Латынов В. В. Массовая коммуникация: пределы политического влияния. М.: МНУЦ, 1999. 111 с.
189. Дмитриев А. В., Латынов В. В., Хлопьев А. Т. Неформальная политическая коммуникация. М.: РОССПЭН, 1997. 197 с.
190. Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология. М.: Социально-политический журнал, 1994. 272 с.
191. Докторов Б. Российский политический Интернет // Петербургский журнал социологии. 1999. № 2. С. 40-42.
192. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Развитие

информационного общества в России. Том 2: Концепции и программы. Сборник документов и материалов под ред. Н. В. Борисова, Ю. Е. Хохлова. СПб., Изд-во СПб ГУ, 2001. С. 26-62.

193. Дорожкин Ю. Н., Соленикова Н. В. Интернет в избирательных кампаниях: современные особенности и функции // Власть. 2007. № 6. С. 31-35.

194. Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М.: Academia, 1999. С. 70-100.

195. Дрожжинов В. И. Информатизация России, год 2004-й или на каждого «медведя» найдется свой «бык». Заметки независимого наблюдателя // От электронного правительства к электронному управлению. Материалы международной конференции 22-25 апреля 2005 г. СПб., 2005. С. 18-28.

196. Дрожжинов В. И. Электронные правительства: причины возникновения и состояние развитости в странах мира // Технологии информационного общества - Интернет и современное общество: труды V Всероссийской объединенной конференции. СПб., 25 - 29 ноября 2002 г. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002. С. 278-283.

197. Дрожжинов В., Штрик А. Электронное правительство информационного общества [Электронный ресурс] // PCWeek, 2000, № 15. Режим доступа: <http://www.pcweek.ru/themes/detail.php?ID=54207> (дата обращения: 12.12.12).

198. Дьякова Е. Г. «Информационное неравенство» как легитимная социальная проблема: культурные различия в рамках «большого нарратива» // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2008. № 8. С. 23-30.

199. Дьякова Е. Г. Массовая коммуникация и власть в теории установления повестки дня // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2002. № 3. С. 144-168.

200. Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: Анализ основных теоретических подходов. Екатеринбург: УрО РАН, 1999. 130 с.

201. Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д. Массовая коммуникация: модели влияния. Как формируется «повестка дня»? Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2001. 130 с.

202. Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д. Проблемы конструирования реальности в процессах массовой коммуникации: гипотеза agenda-setting // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 1999. № 1. С. 142-160.

203. Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д. Электронное правительство и граждане: результаты комплексного социологического исследования в Уральском федеральном округе. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2010. 182 с.

204. Дэннис Э., Мэррилл Дж. Беседы о масс-медиа. М.: Вагриус, 1997. 384 с.

205. Дятлов С. А. Проблемы развития электронного правительства // От электронного правительства к электронному управлению. Материалы международной конференции 22-25 апреля 2005 г. СПб., 2005. С. 32-36.
206. Емелин В. А. Киберпанк и сетевой либерализм [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://emeline.narod.ru/cyberpunk.htm> (дата обращения: 12.10.2015).
207. Жарков С. Легенды и мифы об авторском праве. Миф I. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.marketer.ru/node/327> (дата обращения: 12.10.2015).
208. Жигулев И. Продажа активных. Как меняется медиарынок из-за «закона об иностранцах в СМИ» [Электронный ресурс] // Meduza. 25.12.2015. Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2015/12/25/prodazha-aktivnyh> (дата обращения: 21.01.2016).
209. Жолудева В. В., Панарский Н. С. Математико-статистические методы и модели в социологическом исследовании // Труды СГА. 2011. № 5. С. 120-31.
210. Жорова Ю. В. Политическая информация в медиапространстве современных демократий (опыт США и России). Дис. ... к. полит. н. СПб, 2014. 208 с.
211. Журналистика в мире политики: исследовательские подходы и практика участия / ред.-сост. С. Г. Корконосенко. СПб., 2004. 448 с.
212. Завершинский К. Ф. Политическая культура как способ семантического конституирования политических коммуникаций // Политическая наука. 2006. № 3. С. 31-46.
213. Засурский И. И. Масс-медиа второй республики. М.: МГУ, 1999. 270 с.
214. Засурский И. И. Ре-конструкция России: масс-медиа и политика в девяностые годы. М.: МГУ, 2001. 228 с.
215. Засурский Я. Н. Информационное общество и средства массовой информации // Развитие информационного общества в России. Том 1: Теория и практика: Сб. статей / Под ред. Н. В. Борисова, Ю. Е. Хохлова. СПб., Изд-во СПбГУ, 2001. С. 148-156.
216. Землянова Л. М. Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества: Толковый словарь терминов и концепций. М.: МГУ, 1999. 300 с.
217. Землянова Л. М. Современная американская коммуникативистика. М.: МГУ, 1995. 271 с.
218. Зуев А. «Виртуальная демократия» в опасности // Свободная мысль. 2004. № 5. С. 55-63.
219. Зуев А. С., Федянин Д. Н. Модели управления мнениями агентов в социальных сетях // Проблемы управления. 2011. № 2. С. 37-45.
220. Иванов В. Об особенностях реализации функции социального управления в Интернете (на примере сайта www.e-government.ru) // Интернет и российское общество / Под ред. И. Семенова; Моск. Центр Карнеги. М.: Гендальф, 2002. С. 118-137.
221. Иванов Д. Д. Политическая коммуникация в современной России: особенности

функционирования и тенденции развития: Дис. ... к. полит. н. М., 2014. 28 с.

222. Иванов Д. Г. Интернет в России как инструмент политтехнологий: опыт выборов 1999-2000 гг. // Технологии информационного общества - Интернет и современное общество: труды V Всероссийской объединенной конференции. СПб., 25 - 29 ноября 2002 г. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2002. С. 287-289.
223. Иванов Д. Г. Политический PR в Интернете: российские реалии // Интернет-маркетинг. 2002. № 4. С. 22-33.
224. Иванов Д. Г. Пресс-конференции в Интернете: сетевое общение политиков и космонавтов [Электронный ресурс] // Русский журнал. 21 августа 1998 г. Режим доступа: <http://old.russ.ru/journal/media/98-08-21/ivanov.htm> (дата обращения: 28.02.2013).
225. Иванов Д. Г. Российский Интернет как средство политической коммуникации // Русский журнал. 13 марта 2002 г. Режим доступа: <http://old.russ.ru/netcult/history/20020313.html> (дата обращения: 28.02.2013).
226. Игнасио Р. Геополитика хаоса. М.: ТЕИС, 2001.
227. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и меняющиеся общества // Политические исследования. 1997. № 4. С. 6-32.
228. Индекс протестных настроений [Электронный ресурс] // ФОМ. Индикаторы. www.fom.ru (дата обращения: 28.02.2013).
229. Иноземцев В. Л. Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского общества // Вопросы философии. 1997. № 10. С. 29-43.
230. Институциональное доверие [Электронный ресурс] // Левада-Центр. Пресс-выпуск. 07.10.2015. Режим доступа: <http://www.levada.ru/2015/10/07/institutsionalnoe-doverie/> (дата обращения: 22.11.2015)
231. Интернет в России. 2009. Фонд «Общественное мнение». 26-выпуск, лето 2009. [Электронный ресурс] // <http://bd.fom.ru/pdf/int2609a.pdf> (дата обращения: 23.11.2009).
232. Интернет для журналиста / Под ред. С. Кузнецова, А. Носика. М.: Медиасоюз, 2001. 143 с.
233. Интернет и российское общество / Под ред. И. Семенова; Моск. Центр Карнеги. М.: Гендальф, 2002. 279 с.
234. Ирхин Ю. В. «Электронное правительство» как форма интерактивной коммуникации между органами власти и гражданами // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2009. № 1. С. 160-174.
235. Истон Д. Политическая наука в США: прошлое и настоящее. // Современная

- сравнительная политология. Хрестоматия / Научн. ред. Г. В. Голосов, Л. А. Галкин. М., 1997. С. 9-30.
236. Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дискурс-анализ: теория и практика. Харьков: Гуманитарный центр, 2008. 352 с.
237. Каминченко Д. И. «Новые» средства массовой информации и социальные медиа как субъект политического процесса. Дис. ... канд. полит. н. Нижний Новгород, 2015. 247 с.
238. Каминченко Д. И. Понимание «новых» СМИ: от технологий Веб 2.0 к политическому значению // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2013. № 4. С. 127-135.
239. Канетти Э. Масса и власть. М.: Ad Marginem, 1997. 527 с.
240. Карпова Д. Н. Интернет-коммуникация: новые вызовы для молодежи // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 5. С. 208-212.
241. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.
242. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под ред. О. И. Шкаратана. М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2000. 608 с.
243. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 494-505.
244. Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое общество // Мир России. 2000. № 1. С. 23-51.
245. Кастельс М., Химанен П. Информационное общество и государство благосостояния: Финская модель. М.: Логос, 2002. 219 с.
246. Катлип С. М., Сентер А. Х., Брум Г. М. Паблик рилейшнз. Теория и практика. М.: Вильямс, 2000. 642 с.
247. Кин Дж. Демократия и упадок общественных средств массовой информации // Демократия. Теория и практика. М.: Интерпракс, 1996. 208 с.
248. Кин Дж. Средства массовой информации и демократия. М.: Наука, 1993. 167 с.
249. Кин Дж. Страх и демократия // Логос. 2004. № 2. 157-179.
250. Кириллова Н. Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. М.: Академический Проект, 2005. 448 с.
251. Кирчев К. А. Манифест киберпанка [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.guelman.ru/slava/manifest/istochniki/kiberpank.htm> (дата обращения: 12.10.2015)
252. Киселев А. А. Политическое участие в Интернете. Автореф. дис. ... к. полит. н. Краснодар, 2007.
253. Киселев И. Ю. Политическая коммуникация на рубеже столетий. М.: Аверс Пресс, 2002. 323 с.

254. Кляйн Н. NO LOGO. Люди против брэндов. М.: ООО «Добрая книга», 2003. 616 с.
255. Кляйнвехтер В. Будущим дипломатам нужно понимать механизм функционирования Интернета [Электронный ресурс] // Интервью с Вольфгангом Кляйнвехтером, Информационный портал МГИМО, 11 апреля 2008. Режим доступа: http://www.mgimo.ru/news/inno_program/document10821.phtml (дата обращения: 12.10.2010).
256. Клямкин И. Какой авторитарный режим возможен сегодня в России? // Политические исследования. 1993. № 5. С. 49-54.
257. Клямкин И., Лапкин В., Пантин В. Между авторитаризмом и демократией // Политические исследования. 1995. № 2. С. 57-87.
258. Ковалев Г. С. Медиакратия в современном политическом процессе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2007. №4. С. 66-75.
259. Козлов С. В. Роль средств массовой коммуникации в установлении повестки дня «оранжевой революции» // Вестник НГУ. 2010. Серия: История, филология. Т. 9. № 6. С. 71-77.
260. Колесников В. Н. Сетевые структуры политической активности в современном российском обществе // Управленческое консультирование. No 1. 2013. С. 99-108.
261. Комаровский С., Мараховская М. Интернет – новая избирательная технология? // Советник. 2001. № 3. С. 8-11.
262. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Новые конституции стран СНГ и Балтии. М., 1998. С. 356-399.
263. Коротков А. В., Кристальный Б. В., Курносов И. Н. Государственная политика Российской Федерации в области развития информационного общества. М.: Трейн, 2007. 128 с.
264. Коротков А. В. Преодоление цифрового неравенства как информационная стратегия современного общества. Автореф. дис. ... к. филол. н. М.: МГУ, 2003. 28 с.
265. Коротков А. В. Цифровое неравенство в процессах стратификации информационного общества // Информационное общество. 2003. № 5. С. 23-30.
266. Кочетков А. П. Нетократизм // Полис (Политические исследования). 2013. № 4.
267. Кравченко И. В. Власть и коммуникация: проблемы взаимодействия в информационном обществе. СПб.: СПбГУЭФ, 2003. 272 с.
268. Крестинина Е. С. Трансформация информационного поля как инструмент политического воздействия: российский опыт // Политические коммуникации в изменяющейся России / Под ред. Л. Н. Тимофеевой. Москва, 2013. С. 99-104.
269. Крестинина Е. С., Чернышов Ю. Г. Использование интернет-блогов и «социальных сетей» в российской публичной политике // Известия АГУ. 2008. № 3-4 (60). С. 288-296.
270. Кретов Б. Е. Средства массовой коммуникации - элемент политической системы

общества // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 1. С. 101-115.

271. Кристальный Б. В., Травкин Ю. В. Электронное правительство. Опыт США / Под ред. В. И. Дрожжинова. М.: Эко-Трендз, 2003. 205 с.
272. Крыштановская О. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 51-65.
273. Кувалдин В. Б. Президентская и парламентская республики как формы демократического транзита (Российский и украинский опыт в мировом контексте) // Политические исследования. 1998. №5. С. 134-138.
274. Кузнецов И. И. Рунет как часть российского электорального пространства // Общественные науки и современность. 2003. № 1. С. 68-77.
275. Кулик А. Н. Governance 2.0: эволюция модели государственного управления в эпоху интерактивного интернета // Политическая наука. 2013. № 1. С. 12 -27.
276. Курбалий Й., Гелбстайн Э. Управление Интернетом: проблемы, субъекты, преграды. М.: МГИМО, 2005.
277. Курочкин А. В. Государственное управление и инновационная политика в условиях сетевого общества. Дис. ... д. полит. н. СПб., 2014. 295 с.
278. Курочкин А. В. Трансформация государственного суверенитета в условиях становления сетевого общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 2. С. 95-99.
279. Курочкин А. В., Шерстобитов А. С. Политика и государственное управление в условиях сетевого общества. СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2012.
280. Лабуш Н. С. К вопросу о теории информационной войны в конфликтологической парадигме // Конфликтология. 2014. № 4. С. 73-86.
281. Лазарфельд П., Мертон Р. Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие // Назаров М. М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. М.: УРСС, 2002. С. 138-149.
282. Ламбет Э. Б. Приверженность журналистскому долгу. Об этическом подходе в журналистской профессии. М.: Виоланта, 1998. 320 с.
283. Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом ВШЭ, 2014. 384 с.
284. Лебедев С. В. Современная коммуникативистика в структуре российской политической науки. Автореф. дис. ... к. полит. н. М., 2013. 23 с.
285. Лебедева Т. Ю. Путь к власти. Франция: выборы президента. М.: МГУ, 1995. 123 с.
286. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995. 316 с.

287. Ледонн Дж. Правящий класс России: характерная модель. // Международный журнал социальных наук. 1993. № 3. С. 175-194.
288. Лейкман Э., Ламберт Дж. Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 366 с.
289. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М.: Аспект Пресс, 1997. 287 с.
290. Лейпхарт А. Конституционные альтернативы для новых демократий // Политические исследования. 1995. №2. С. 135-146.
291. Лейпхарт А. Многосоставные общества и демократические режимы // Политические исследования. 1992. № 1-2. С. 217-225.
292. Лейпхарт А. Со-общественная демократия // Политические исследования. 1992. №№ 3, 4.
293. Линц Х. Опасности президентства // Пределы власти. 1994. № 2/3. С. 3-24.
294. Линц Х., Степан А. «Государственность», национализм и демократизация // Политические исследования. 1997. № 5. С. 9-30.
295. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. 159 с.
296. Липман У. Общественное мнение. М.: ФОМ, 2004. 382 с.
297. Липсет С., Сен К., Торрес Д. Сравнительный анализ социальных условий, необходимых для становления демократии // Международный журнал социальных наук. 1993. № 3. С. 5-34.
298. Лобза Е. В. Интернет в политике: новые возможности и новые мифы // Политическая коммуникация в постсоветской России: проблемы формирования и парадигмы развития / Под общ. ред. Л. Н. Тимофеевой, Е. В. Лобзы. М.: Республиканская типография, 2003. С. 279-291.
299. Луганская Д. «А что если на нас нападут?»: Как американцы могут навредить Рунету [Электронный ресурс] // РБК. 30.09.2014. Режим доступа: http://www.rbc.ru/interview/technology_and_media/30/09/2014/54296cb0cbb20f0ad04f9c9_9 (дата обращения: 1.11.2015).
300. Луков В. В. Интернет как инструмент политических технологий в США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2005. № 5. С. 33-39.
301. Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005. 256 с.
302. Лурье Д. А. Интернет-участие граждан в политике как механизм взаимодействия государства и гражданского общества в современной России. Автореф. дис. ... к. полит. н. М., 2011. 27 с.
303. Козырева П. М., Смирнов А. И. Результаты радикальных реформ и проблема поддержки принципов и ценностей демократии в России. М.: Новый хронограф, 2015. 320 с.
304. Макаров Б. Альтернативы голосования: Интернет или бюллетень? // Политический

маркетинг. 2002. № 10. С. 31-37.

305. Макеенко М. М. Пользовательский контент: проблемы перехода от социального феномена к отрасли медиаиндустрии (на примере США) // Экономика и менеджмент СМИ: Ежегодник 2009 / Отв. ред. Е. Л. Варганова. М.: МедиаМир, 2010. С. 107-130.

306. Маклюэн М. Галактика Гуттенберга. Киев: Ника Центр, 2003. 432 с.

307. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: КАНОН-Пресс-Ц, 2003. 464 с.

308. Максимюк К. С. Новый Интернет для бизнеса. 2-е изд. М.: Эксмо, 2011. 224 с.

309. Малик Е. Н. Средства массовой информации как институт политической социализации молодежи в современной России: Монография. Орел: Орловская академия государственной службы, 2009. 165 с.

310. Малинова О. Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России. М.: ИНИОН РАН, 2013. 421 с.

311. Малинова О. Ю. Концепт идеологии в современных политических исследованиях // Политическая наука. 2003. № 4. С. 8-31.

312. Мангейм Дж., Рич Р. Политология. Методы исследования. М.: Изд-во «Весь Мир», 1997. 544 с.

313. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 700 с.

314. Мангейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление: Антология зарубежной литературы. М.: Прогресс, 1991.

315. Маркузе Г. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: REFL-book, 1994. 341 с.

316. Мартьянов Д. С. Виртуальные сообщества в блогах: практика взаимодействия с политическими акторами // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2007. № 36. С. 67-75.

317. Мартьянов Д. С. Сравнительный анализ репрезентации новых российских партий в сети Интернет // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2013. № 161. С. 117–121.

318. Мартьянов Д. С. Сравнительный анализ постматериалистических партий (на примере «Зеленых» и пиратов) // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2013. № 2. С. 20-31.

319. Мартьянов Д. С., Мартьянова Н. А. Феномен пиратских партий в российском и мировом контекстах // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. 2012. № 4. С. 116-121.

320. Массовая информация в советском промышленном городе: Опыт комплексного социологического исследования / Под общ. ред. Б. А. Грушина, Л. А. О니кова. М.: Политиздат,

1980. 446 с.

321. Махлуп Ф. Производство и распространение знаний в США. М.: Прогресс, 1966. 462 с.
322. Матц У. Идеологии как детерминанта политики в эпоху модерна // Политические исследования. 1992. № 1-2.
323. Медведев Д. А. Вступительное слово на заседании президиума Государственного совета «О реализации Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России – официальный сайт, 17 июля 2008 г., <http://www.kremlin.ru/transcripts/817> (дата обращения: 06.11.2009)
324. Медведев Д. А. Вступительное слово на заседании Совета по развитию информационного общества в России [Электронный ресурс] // Президент России – официальный сайт, 12 февраля 2009, <http://news.kremlin.ru/transcripts/3160/> (дата обращения: 06.11.2009)
325. Медведев Д. А. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации [Электронный ресурс] // Президент России – официальный сайт, 12 ноября 2009 г., <http://news.kremlin.ru/transcripts/5979> (дата обращения: 23.11.2009).
326. Медиа. Введение / Под ред. А. Бриггза, П. Кобли. М.: Юнити-дана, 2005. 534 с.
327. Медиакратия: современные теории и практики / под ред. А. С. Пую, С. С. Бодруновой. СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2013. 352 с.
328. Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.: РОССПЭН, 1997. 650 с.
329. Мельвиль А. Ю. Демократические транзиты: теоретико-методологические и прикладные аспекты. М.: МОНФ, 1999. 108 с.
330. Мельник Г. С. Журналистика в политических технологиях. СПб.: СПбГУ, 2012. 205 с.
331. Мельник Г. С. Mass-media: Психологические процессы и эффекты. СПб.: СПбГУ, 1996. 161 с.
332. Мельникова М. С., Яковлев И. П. Понятие «социальная сеть» в социологических теориях и интернет-практиках // Вестник СПбГУ. 2014. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. № 1. С. 254-257.
333. Мелюхин И. С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития. М.: МГУ, 1999. 206 с.
334. Ментальность российской молодежи: политические ориентиры и кумиры [Электронный ресурс] // Гефтер. 2013. Режим доступа: <http://gefeter.ru/archive/8369> (дата обращения: 1.02.2014)
335. Мервин Д. Средства массовой информации и демократия в США // Актуальные проблемы Европы. Средства массовой информации и демократия в современном мире: Сб.

статей и рефератов. М.: РАН ИНИОН, 2002. С. 46-63.

336. Миллер Д. PR и журналистика // Медиа. Введение / Под ред. А. Бриггза, П. Кобли. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. С. 82-104.
337. Мир обсуждает будущее Интернета [Электронный ресурс] // Сайт информационной службы BBC. 30 октября. 2006. Режим доступа: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/sci/tech/newsid_6098000/6098496.stm (дата обращения: 10.1.2014).
338. Мирошниченко И. В. Сетевой ландшафт российской публичной политики. Краснодар: Просвещение-Юг, 2013. 295 с.
339. Мирошниченко И. В. Социальные сети в российской публичной политике. Дис. ... д. полит. н. М., 2013. 336 с.
340. Митрофанов А. Шаги новой геополитики. М.: Русский вестник, 1997. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.alexeymitrofanov.ru/books_geopolit00.html (дата обращения: 12.10.2010).
341. Михайлова А. М. Политическая интернет-коммуникация в современном региональном пространстве (на материалах Республики Бурятия). Автореф. дис. ... к. полит. н. Улан-Удэ, 2007.
342. Михайлова О. В. Сетевая архитектура государственного управления: проблемы концептуализации и практики. Дис. ... д. полит. н. М., 2014. 335 с.
343. Мозолина О. В. США и международное сообщество: борьба за управление Интернетом // США и Канада: экономика, политика, культура. 2006. № 4. С. 111-119.
344. Монастырева О. В. Медиапространство: обзор представлений и подходов к пониманию // Вестник АмГУ. 2010. № 50. С. 56-62.
345. Мирошниченко И. В., Морозова Е. В., Гнедаш А. А., Рябченко Н. А. Социальные сети в публичной практике современной России: модернизационный потенциал. Краснодар: Просвещение-Юг, 2012. 181 с.
346. Моисеев С. Искушение суперпрезидентской системой. // Pro et Contra. 1998. № 3. С. 74-86.
347. Морено Я. Л. Социометрия: экспериментальный метод и наука об обществе. М.: Академический проект, 2001. 383 с.
348. Морозов И. Л. Безопасность политических коммуникаций в современной России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2013. № 1. С. 127-131.
349. Морозова Е. В., Мирошниченко И. В. Гибридные политические институты в современных политиях // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2015. № 3. С. 34-46.

350. Морозова Е. В., Мирошниченко И. В. Сетевые сообщества в условиях чрезвычайных ситуаций: новые возможности для граждан и для власти // Полис. Политические исследования. 2011. № 1. С. 140-152.
351. Морозова О. Н. Политическая интернет-коммуникация: ее роль, функции и формы // Политическая лингвистика. 2011. № 1. С. 156-161.
352. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Центр психологии и психотерапии, 1996. 478 с.
353. Мэйнуоринг С. Роль элит // Пределы власти. 1994. № 4. С. 76-78.
354. Навальный А. Отчет о кампании. 2013 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://report.navalny.ru/> (дата обращения: 12.01.2013).
355. Най Д. С. Будущее власти. М.: АСТ, 2014. 448с.
356. Назаров М. М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. М.: УРСС, 2002. 239 с.
357. Назарчук А. В. Понятие делиберативной политики в современном политическом процессе // Полис. Политические исследования. 2011. № 5. С. 99-103.
358. Наумов В. Б. Право и Интернет: очерки теории и практики. М.: Книжный дом «Университет», 2002. 430 с.
359. Нестеров Ю. М. Традиционная закрытость деятельности российской власти - главное препятствие на пути к «электронному правительству» // Технологии информационного общества - Интернет и современное общество: труды V Всероссийской объединенной конференции. СПб., 25 - 29 ноября 2002 г. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2002. С. 293-294.
360. Ним Е. Г. Медиапространство: основные направления исследований // Бизнес. Общество. Власть. 2013. № 14. С. 31-41.
361. Никитченко А. Н. Транснационализация демократии (Третья волна демократизации в свете теорий международных отношений) // Политические исследования. 1996. № 5. С. 53-69.
362. Николаев А. С. О политическом участии в эпоху Интернета // Известия Тульского государственного университета. 2010. № 1. С. 159-168.
363. Нисневич Ю. А. Информатизация и власть. М.: Мысль, 2000. 175 с.
364. Нисневич Ю. А. Информационно-коммуникационная стабилизация политической системы // Вестник РУДН. Сер.: Политология. 2006. № 1(6). С. 68-80.
365. Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. / Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 631 с.
366. Новая протестная волна: мифы и реальность [Электронный ресурс] // Фонд развития гражданского общества. 6 декабря 2012. Режим доступа: <http://civilfund.ru/mat/13> (дата

обращения: 12.01.2013).

367. Новая технократическая волна на Западе / Сост. П. С. Гуревич. М.: Прогресс, 1986. 450 с.
368. Новый Манифест Киберпанка [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.cyberhood.ru/novyj_manifest_kiberpanka (дата обращения: 12.10.2015).
369. Носик А. СМИ русского Интернета: теория и практика // Интернет для журналиста / Под ред. С. Кузнецова, А. Носика. М.: Медиасоюз, 2001. С. 3-14.
370. Носик А. Особое мнение. 25.08.2015 [Электронный ресурс] // Эхо Москвы. Режим доступа: <http://echo.msk.ru/blog/nossik/1407326-echo/> (дата обращения: 12.10.2015).
371. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение: Открытие спирали молчания. М.: Весь мир, 1996. 351 с.
372. Нэсбитт Дж., Эбурдин П. Что нас ждет в 90-е годы: Мегатенденции. Год 2000. М.: Республика, 1992. 414 с.
373. Обзор журнала «Интернационале политик» // Актуальные проблемы Европы. Средства массовой информации и демократия в современном мире: Сб. статей и рефератов. М.: РАН ИНИОН, 2002. С. 154-161.
374. О’Доннел Г. Делегативная демократия // Пределы власти. 1994. № 2/3. С. 52-69.
375. Овчинников Б. В. Виртуальные надежды: состояние и перспективы политического Рунета // Полис. 2002. № 1. С. 46-65.
376. Окинавская хартия глобального информационного общества [Электронный ресурс] // Программа ЮНЕСКО «Информация для всех» в России. Режим доступа: <http://www.ifap.ru/ofdocs/okinhar.htm>. (дата обращения: 12.10.2010).
377. Олсон М. Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп. М.: Фонд экономической инициативы, 1995. 165 с.
378. Ольшевский А. С., Ольшевская А. С. Негативные PR-технологии. М.: ИНФРА-М, 2004. 329 с.
379. Оникиенко А. Модернизация на Тайване: от экономической либерализации к политической демократизации. // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 2. С. 121-133.
380. Ордешук П. Эволюция политической теории Запада и проблемы институционального дизайна // Вопросы философии. 1994. № 3. С. 24-36.
381. О’Рейли Т. Что такое Веб 2.0 [Электронный ресурс] // Компьютерра, 11 октября 2005 года, Режим доступа: <http://www.computerra.ru/think/234100/> (дата обращения: 26 января 2011 г.)
382. Орлова В. В. Глобальные телесети новостей на информационном рынке. М.: РИП-холдинг, 2003. 168 с.

383. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2008. 352 с.
384. Ослунд А. Россия: рождение рыночной экономики. М.: Республика, 1996. 430 с.
385. Основы теории коммуникации / Под ред. М. А. Василика. М.: Гардарики, 2003. 615 с.
386. Откуда берется интернет-зависимость. Почему в России так много интернет-зависимых [Электронный ресурс] // Газета.ru. 23.12.2014. http://www.gazeta.ru/tech/2014/12/23_a_6356077.shtml (дата обращения: 26 января 2015 г.)
387. Павловский Г. О. Власти, эмоции и протесты в России: Глеб Павловский о переходе от «управляемой демократии» к неуправляемой [Электронный ресурс] // Гефтер. 1 июля 2014. <http://gefter.ru/archive/12661> (дата обращения: 26 января 2015 г.)
388. Павлютенкова М. Ю. Новые информационные технологии в современном политическом процессе // Власть. 2000. № 8. С. 38-43.
389. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект-Пресс, 1998. 270 с.
390. Пастухов В. Б. Российское демократическое движение: путь к власти // Политические исследования. 1992. № 1-2 С. 8-16.
391. Пастухов В. Б. Становление российской государственности и конституционный процесс: политологический аспект // Государство и право. 1993. № 2. С. 22-32.
392. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996. 288 с.
393. Пентагон разработает кибернетическое оружие [Электронный ресурс] // Лента.Ру. 2008. 7 мая. Режим доступа: <http://www.lenta.ru/news/2008/05/07/cyber/> (дата обращения: 12.10.2010).
394. Переходный период: анализ и уроки первого десятилетия для стран Восточной Европы и бывшего Советского Союза. Исследование Всемирного банка. М.: Весь мир, 2002. 296 с.
395. Перфильева О. В. Проблема цифрового разрыва и международные инициативы по ее преодолению // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2007. № 2. С. 23-30.
396. Песков Д. Н. Интернет в российской политике: утопия и реальность // Полис. 2002. № 1. С. 31-45.
397. Песков Д. Н. Интернет пространство: Состояние постмодерна? // Полис. 2003. № 5. С. 46-55.
398. Петров В. Путин подписал закон об ограничении иностранного капитала в СМИ // Российская газета. 2014. 15 октября. С. 1.
399. Петрова В. А. Информатизация – путь к информационному обществу или цифровому неравенству? // Дистанционное и виртуальное обучение. 2008. № 8. С. 23-30.
400. Политическая коммуникативистика: проблемы предметного позиционирования / Под

ред. Л. Н. Тимофеевой. М.: РАГС, 2008. 63 с.

401. Политическая коммуникация в постсоветской России: проблемы формирования и парадигмы развития / Под общ. ред. Л. Н. Тимофеевой, Е. В. Лобзы. М.: Республиканская типография, 2003. 336 с.

402. Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингеманна. М.: Вече, 1999. 816 с.

403. Политические коммуникации / Под ред. А. И. Соловьева. М.: Аспект Пресс, 2004. 331 с.

404. Политические коммуникации в изменяющейся России / Под ред. Л. Н. Тимофеевой. М., 2013. 161 с.

405. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств / под ред. А. Ю. Мельвиля. М.: МГИМО-Университет, 2007. 256 с.

406. Политическое управление: Сборник научных трудов кафедры политологии и политического управления. М.: РАГС, 1998. 368 с.

407. Пономарев Н. Ф. Политическая коммуникативистика. Информационные стратегемы власти. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2010. 188 с.

408. Попов В. Д. Информациология и информационная политика. М.: РАГС, 2005. 120 с.

409. Попова О. В. «Измерительный инструмент» в сравнительной политологии: к вопросу о нерешенных проблемах // Политэкс. 2009. № 1. С. 271-291.

410. Попова О. В. Политический анализ и прогнозирование. Москва: Аспект Пресс, 2011. 464 с.

411. Попова О. В. Почему Россия «несвободная страна», или о том, «как нас посчитали» // Политэкс. 2006. № 1. С. 31-50.

412. Посикера Л. Р. Политическая коммуникация в условиях избирательной кампании: анализ концепций и технологий. Автореф. дис. ... к. полит. н. М., 1994.

413. Поцелуев С. П. Диалог и квазидиалог в коммуникативных теориях демократии. Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2010. 496 с.

414. Поцелуев С. П. Диалоги и парадиалог как формы дискурсивного взаимодействия в политической практике коммуникативного общества. Дис... д. полит. н. Ростов-на-Дону., 2010. 448 с.

415. Поцелуев С. П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Политические исследования. 1999. № 5. С. 62-75.

416. Почепцов Г. Г. Профессия имиджмейкер. СПб.: Алетейя, 2001. 256 с.

417. Почепцов Г. Г. Революция.Com. Основы протестной инженерии. М.: Европа, 2005. 532 с.

418. Президент Медведев назвал кириллические доменные имена «серьезной штукой» [Электронный ресурс] // Lenta.Ru. 2008. 11 июня. Режим доступа: <http://www.lenta.ru/news/2008/06/11/domains/> (дата обращения: 10.1.2010).
419. Прохоров Е. П. Журналистика и демократия / изд. 3-е. М.: Аспект-пресс, 2004. 351 с.
420. Пугачев В. П. Информационная власть и демократия // Общественные науки и современность. 1999. № 4. С. 65-78.
421. Пугачев В. П. Средства массовой коммуникации в современном политическом процессе // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 1995. № 5. С. 3-16.
422. Путин В. В. Демократия и качество государства [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2012. № 20. 6 февраля. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1866753> (дата обращения: 12.02.2013).
423. Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: РОССПЕН, 2000. 319 с.
424. PR: современные технологии / Под ред Л. В. Володиной. СПб.: ИВЭСЭП, 2008. 262 с.
425. Рабочая книга социолога / Под общ. ред. Г. В. Осипова. Изд. 4-е, стер. М.: КомКнига, 2006. 480 с.
426. Развитие информационного общества в России / Под ред. Н. В. Борисова, Ю. Е. Хохлова. В 2 т. СПб., Изд-во СПб ГУ, 2001.
427. Растоу Д. Переходы к демократии: попытка динамической модели. // Политические исследования. 1996. № 5. С. 5-15.
428. Реут О. Ч. Американская президентская кампания-2012 как отражение медиатизации политического участия // Политическая наука. 2013. № 1. С. 232-245.
429. Риггс Ф. Непрочность режимов «третьего мира» // Международный журнал социальных наук. 1993. № 3. С. 63-124.
430. Риггс Ф. Сравнительная оценка президентской формы правления. // Сравнительная социология. Избранные переводы. М.: Academia, 1995. С. 99-156.
431. Рогов К. Сверхбольшинство для сверхпрезидента // Pro et Contra. 2013. № 3-4. С. 102-125.
432. Росич Ю. Интернет в политической жизни России [Электронный ресурс] // Правда.ру. 26.11.2003. Режим доступа: http://politics.pravda.ru/politics/2003/1/6/11/15062_SMI.html (дата обращения: 26.11.2003)
433. Росс К. Федерализм и демократизация в России // Политические исследования. 1999. № 3. С. 16-29.
434. Россия в рейтинге развития электронного правительства ООН 2012. Информационный обзор. Серия «Развитие информационного общества и электронного правительства» / Центр

- технологий электронного правительства НИУ ИТМО. 2012. Вып. 4. 5 с. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.egov-center.ru/files/reviews/eGov_Review_2012_04_Rating%20UN.pdf (дата обращения: 12.02.2013).
435. Россия предлагает ввести международное управление Интернетом [Электронный ресурс] // NEWSru.com. 2007. 13 ноября. Режим доступа: <http://hitech.newsru.com/article/13nov2007/inetmanage> (дата обращения: 10.1.2010).
436. Россию не пригласили к обсуждению Интернета [Электронный ресурс] // Вебпланета: Журнал для подключенных. 2005. 4 февраля. Режим доступа: <http://www.webplanet.ru/news/internet/2005/2/4/russia.html> (дата обращения: 10.1.2014).
437. Румянцев О. Г. Основы конституционного строя России. М.: Юрист, 1994. 285 с.
438. Руткаускайте М. В. Молодежный Интернет как пространство политической социализации и идентификации современной российской молодежи // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2011. № 4. С. 88-96.
439. Рыдченко К. Д. «Моральный кодекс» пользователя Интернет и государственная цензура киберпространства: некоторые вопросы законодательного регулирования // Мониторинг правоприменения. 2012. № 3. С. 40-44.
440. Рэддик Р., Кинг Э. Журналистика в стиле онлайн: Использование Internet и других электронных ресурсов. М.: Вагриус, 1999. 415 с.
441. Рябченко Н. А. Политический парсинг как механизм политической социализации молодежи в online-пространстве современной России // Youth World Politic. 2013. № 1. С. 100-106.
442. Рябченко Н. А., Гнедаш А. А. Теоретическая модель «сетевой локальной политики»: имплементация и анализ органов местного самоуправления и локальных online-сообществ // Научный журнал КубГАУ. 2015. № 8 (112). С. 358-367.
443. Рябченко Н. А., Гнедаш А. А. Online и offline социальные сети: к вопросу о математическом обосновании стохастической модели функционирования // Политэкс. 2014. Т. 10. № 3. С. 91-100.
444. Рябченко Н. А., Мирошниченко И. В. Институционализация публичной политики в online-пространстве современной России. Краснодар: Просвещение-Юг, 2012. 173 с.
445. Сайтэл Ф. П. Современные публик рилейшнз. Восьмое издание. М.: Имидж-контакт, 2002. 592 с.
446. Саква Р. Режимная система и гражданское общество в России // Политические исследования. 1997. № 1. С. 61-82.
447. Саква Р. Российский режим: от Ельцина к Путину // Россия и современный мир. 2002. №

4. С. 5-22.

448. Самаркина И. В. Интернет для политологов. Краснодар: КубГУ, 2001. 75 с.
449. Сарчинелли У. Старые СМИ – новые СМИ. К вопросу об отношениях между журналистикой и политикой // Актуальные проблемы Европы. Средства массовой информации и демократия в современном мире: Сб. статей и рефератов. М.: РАН ИНИОН, 2002. С. 38-45.
450. Семенов И. Воля к идентичности: сопротивление и информационные технологии // Интернет и российское общество / Под ред. И. Семенова; Моск. Центр Карнеги. М.: Гендальф, 2002. С. 48-69.
451. Сетевой анализ публичной политики: Учебник / Под ред. Л. В. Сморгунова. М.: РГ-Принт, 2013. 320 с.
452. Сибиряков И. В. Предвыборная политика партий в сети Интернет // Политическая коммуникация в постсоветской России: проблемы формирования и парадигмы развития / Под общ. ред. Л. Н. Тимофеевой, Е. В. Лобзы. М.: Республиканская типография, 2003. С. 308-311.
453. Система средств массовой информации России / Под ред. Я. Н. Засурского. М.: Аспект-Пресс, 2001. 259 с.
454. Ситнова И. В. Институциональные изменения в современной России: активистско-деятельностный подход. М.: Перспектива, 2012. 172 с.
455. Скородумова О. Б. Хакеры как феномен информационного пространства // Социологические исследования. 2004. № 2. С. 70-79.
456. Скотт Д. Новые правила маркетинга и PR. Как использовать социальные сети, блоги, подкасты и вирусный маркетинг для непосредственного контакта с покупателями. СПб.: Альпина паблишер, 2013. 352 с.
457. Сметанин М. Борис Немцов – первый политик в российском Интернете [Электронный ресурс] // Русский журнал. 20 марта 2002 г. Режим доступа: <http://old.russ.ru/netcult/history/20020320.html> (дата обращения: 28.02.2013).
458. СМИ в меняющейся России / Под ред. Е. Л. Варгановой. М.: Аспект-Пресс, 2010. 336 с.
459. СМИ и политика / Под ред. Л. Л. Реснянской. М.: Аспект-Пресс, 2007. 256 с.
460. Сморгунов Л. В. В поисках управляемости: Концепции и трансформации государственного управления в XXI веке. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2012. 362 с.
461. Сморгунов Л. В. Сетевой подход к политике и управлению // Полис. 2001. № 3. С. 103-112.
462. Сморгунов Л. В. Сравнительная политология: проблемы и этапы развития // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 1999. № 2. С. 64-81.
463. Сморгунов Л. В., Шерстобитов А. С. Политические сети: теория и методы анализа. М.:

Аспект Пресс, 2014. 319 с.

464. Совершенствование государственного управления на основе его реорганизации и информатизации. Мировой опыт / Под ред. В. И. Дрожжинова. М.: Эко-Трендз, 2002. 245 с.
465. Современная сравнительная политология. Хрестоматия / Научн. ред. Г. В. Голосов, Л. А. Галкин. М.: МОНФ, 1997. 378 с.
466. Современный капитализм: критический анализ буржуазных политологических концепций / К. С. Гаджиев, А. К. Гливановский, Г. В. Каменская. М.: Наука, 1988. 224.
467. Современный российский медиаполис / под ред. С. Г. Корконосенко. СПб.: СПбГУ, 2012. 324 с.
468. Согрин В. Политическая история современной России. 1985-1994: От Горбачева к Ельцину. М.: Прогресс-Академия, 1994. 192 с.
469. Соколов А. В. Социальные коммуникации. В 2-х ч. М.: Профиздат, 2001.
470. Соколов А. В. Избирательный цикл 2011-2012 гг. и его влияние на протестную активность в России // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 5. С. 198-202.
471. Соколов А. В. Интернет-технологии политического участия и их влияние на офлайн-политику // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4-1 (84). С. 303-310.
472. Соколов А. В. Особенности возникновения политического краудфандинга в российской политической практике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2014. № 2. С. 31-38.
473. Соколов А. В. Особенности реализации политического участия в интернете в современной России // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 2. С. 152-157.
474. Соколов А. В. Протестная кампания против строительства скоростной федеральной трассы «Москва-Санкт-Петербург» через Химкинский лес // Конфликтология. 2012. Т. 1. С. 140-153.
475. Соколов А. В., Веревкин А. И. Протестные выступления в субъектах Российской Федерации: пример Калининградской области // Социология власти. 2012. № 2. 145-151.
476. Соколов А. В., Веревкин А. И. Сетевые гражданские кампании (на примере движения «общество синих ведерок») // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2013. № 3. С. 45-51.
477. Соколов А. В., Дементьев А. А. Краудфандинг в российской политике // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2014. № 1. С. 106-124.
478. Соколов А. В., Дементьев А. А. Становление интернет-фандрайзинга как новой формы

- гражданской активности // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2012. № 4. С. 41-45.
479. Соколов А. В., Кириллова Е. В. Интернет-составляющая проекта «За честные выборы» // Власть. 2012. № 11. С. 42-45.
480. Соколов А. В., Соловьева А. В. Мобилизация в общественно-политических кампаниях // Власть. 2013. № 11. С. 55-58.
481. Соколов А. В., Фролов А. А. Сетевые формы организации гражданских кампаний // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2013. № 1. С. 56-62.
482. Соленикова Н. В. Политический интернет в российских избирательных кампаниях: тенденции развития // Общественные науки и современность. 2007. № 5. С. 69-74.
483. Соленикова Н. В. Политический Интернет в Российских избирательных кампаниях: тенденции и проблемы развития. Автореф. дис. ... к. полит. н. Уфа, 2007.
484. Соловьев А. И. Коммуникативные механизмы формирования российской политики // Политическая коммуникация в постсоветской России: проблемы формирования и парадигмы развития / Под общ. ред. Л. Н. Тимофеевой, Е. В. Лобзы. М.: Республиканская типография, 2003. С. 23-32.
485. Соловьев А. И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Политические исследования. 2002. № 3. С. 5-18.
486. Соловьев А. И. Политический дискурс медиакратий: проблемы информационной эпохи // Политические исследования. 2004. № 2. С. 124-132.
487. Сравнительная социология. Избранные переводы. М.: Academia, 1995. 203 с.
488. Сравнительный анализ Конституций США и России («круглый стол») // Социально-политический журнал. 1994. №9-10.
489. Средства массовой информации постсоветской России / Под ред. Я. Н. Засурского. М.: Аспект-Пресс, 2002. 301 с.
490. Средства массовой информации России / Под ред. Я. Н. Засурского. М.: Аспект-Пресс, 2011. 391 с.
491. Стариков А. Г. Масс-медиа современной России. Ростов-на-Дону: Феникс, 2013. 2013 с.
492. Старостин Б. С. Проблема модернизации: история и современность // Модернизация и национальная культура. М.: Изд-во «Апрель-85», 1995. С. 8-21.
493. Старр К. Дело Клинтона-Левински в документах и фактах. М.: Паганель, 2000. 398 с.
494. Судоргин О. А. Современная информационная политика государства: мировой опыт и российская практика. Дис. ... д. полит. н. М., 2011. 360 с.

495. Сурков В. Суверенитет – это политический синоним конкурентноспособности // Стенограмма выступления заместителя Руководителя Администрации Президента - помощника Президента РФ Владислава Суркова перед слушателями Центра партийной учебы и подготовки кадров ВПП «Единая Россия», 7 февраля 2006 года. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://web.archive.org/web/20060418035317/http://www.edinros.ru/news.html?id=111148> (дата обращения: 1.11.2010).
496. Тапскотт Д. Электронно-цифровое общество: плюсы и минусы сетевого интеллекта. Киев: Рефл-бук, 1999. 408 с.
497. Терин В. П. Массовая коммуникация: социо-культурные аспекты политического воздействия: исследование опыта Запада. М.: Издательство Института социологии, 1999. 169 с.
498. Тимофеева Л. Н. Политическая коммуникативистика: проблемы становления // Полис: Политические исследования. 2009. № 5. С. 41-54.
499. Тимофеева Л. Н. Политическая коммуникативистка в России: проблемы становления // Коммуникология. 2014. № 3. С. 119-126.
500. Тимофеева Л. Н., Лобза Е. В. Политическая коммуникация, открытая заново // Политическая коммуникация в постсоветской России: проблемы формирования и парадигмы развития / Под общ. ред. Л. Н. Тимофеевой, Е. В. Лобзы. М.: Республиканская типография, 2003. С. 3-14.
501. Токвиль А. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1994. 554 с.
502. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2004. 781 с.
503. Треанор П. Интернет как гиперлиберализм [Электронный ресурс] // Русский журнал, 3.12.1998. <http://old.russ.ru/journal/netcult/98-12-03/treanor.htm> (дата обращения: 12.10.2015).
504. Тузиков А. Р. Идеология в рекламе и киберпространстве // Политическая наука, 2003, № 4.
505. Туронок С. Г. Интернет и политический процесс // Новое литературное обозрение. 2001. № 2. С. 51-63.
506. Туронок С. Г. Информационно-коммуникативная революция и новый спектр военно-политических конфликтов // Политические исследования. 2003. № 1.
507. Уайт С. Еще раз о посткоммунистической транзиции // Социологические исследования. 2003. № 11. С. 22-30.
508. Уилкоккс Д. Л. Как создавать PR-тексты и эффективно взаимодействовать со СМИ. М.: Имидж-контакт, 2004. 759 с.
509. Уилхелм Д. Коммуникация и власть. СПб.: ПНД-Систем, 1993. 144 с.
510. Украина и Россия: уроки реформ. Материалы украинско-российского экспертного

семинара // Політична думка. 1998. № 3-4. С. 27-28.

511. Управление Интернетом - больше чем просто управление // Вебпланета: Журнал для подключенных. 2005. 25 февраля [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.webplanet.ru/news/internet/2005/2/25/rulez.html> (дата обращения: 10.1.2014).

512. Успенский И. В. Интернет как инструмент маркетинга. СПб.: Питер, 1999. 254 с.

513. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. 398 с.

514. Фармер М. Рациональный выбор: теория и практика. // Политические исследования. 1994. №3. С. 47-58.

515. Федеральный закон № 436 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Российская газета. 31.12.2012.

516. Федеральный закон № 149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. 7.05.2014.

517. Федосеев А. А. Современная американская буржуазная политология: истоки, традиции, новации. Л.: Издательство ЛГУ, 1989. 216 с.

518. Федотова Л. Н. Паблик рилейшнз и общественное мнение. СПб.: Питер, 2003. 352 с.

519. Федотова Л. Н. Социология массовой коммуникации. СПб.: Питер, 2003. 400 с.

520. Феофанов О. А. США: реклама и общество. М.: Мысль, 1974. 262 с.

521. Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 264 с.

522. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». М.: АСТ, 1998. 188 с.

523. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 134-148.

524. Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. Москва: АСТ, 2006. 220 с.

525. Фурман Д. Е. Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем. М.: Весь мир, 2009. 168 с.

526. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М.: Ками, 1995. 244 с.

527. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. 377 с.

528. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.

529. Хантингтон С. Будущее демократического процесса: от экспансии к консолидации // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 6. С. 87-94.

530. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003. 368 с.

531. Харари Ф. Теория графов. М.: Мир, 1973. 300 с.
532. Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. СПб.: Прайм-Еврознак; М.: ОЛМА-Пресс, 2001. 445 с.
533. Хойслинг Р. Социальные процессы как сетевые игры. Социологические эссе по основным аспектам сетевой теории. М.: Логос-Альтера, 2003. 192 с.
534. Хоффман-Ланге У. Элиты и демократизация: германский опыт // Социологические исследования. 1996. № 4. С. 3-12.
535. Цаллер Дж. Происхождение и природа общественного мнения. М., Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 559 с.
536. Цебелис Дж. В защиту теории рационального выбора // Современная сравнительная политология: Хрестоматия / Науч. Ред. Г. В. Голосов, Л. А. Галкина. М., 1997. С. 33-45.
537. Цыганков А. П. Между либеральной демократией и сползанием в авторитаризм: предварительные итоги политического развития России, 1991-1996 гг. // Социально-политический журнал. 1997. № 1. С. 3-15.
538. Цыганков А. П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика. М.: Интерпракс, 1995. 296 с.
539. Цуладзе А. Большая манипулятивная игра. М.: Алгоритм, 2000. 336 с.
540. Черных А. И. Власть демократии - власть медиа? М.: ГУ ВШЭ, 2007. 68 с.
541. Черных А. И. Мир современных медиа. М.: Территория будущего, 2007. 312 с.
542. Чеснаков А. А. Ресурсы Internet и российские политические технологии: состояние и перспективы развития // Вестник Московского Университета. Серия 18. Социология и политология. 1999. № 4. С. 65-69.
543. Чешков М. А. «Вечно живая» номенклатура? // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 6. С. 32-43.
544. Чугунов А. В. Российская интернет-аудитория в зеркале социологии. СПб.: СПбГУ, 2006. 319 с.
545. Чугунов А. В. Теоретические основания концепции «информационного общества». СПб.: СПбГУ, 2000. 80 с.
546. Чугунов А. В. Формирование моделей информационного общества и выбор пути России в эпоху глобального развития // Политическая коммуникация в постсоветской России: проблемы формирования и парадигмы развития / Под общ. ред. Л. Н. Тимофеевой, Е. В. Лобзы. М.: Республиканская типография, 2003. С. 233-239.
547. Чудинов А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. № 2. С. 53-59.

548. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М.: Флинта: Наука, 2006. 256 с.
549. Чумиков А. Н. Политическая коммуникативистика: актуальные задачи и технологии прикладного применения // Полис. Политические исследования. 2009. № 5. С. 55-67.
550. Чумиков А., Бочаров М. PR-кампания в Интернете // Советник. 2002. № 11. С. 46-48.
551. Шадрин А. Е. Информационные технологии и совершенствование социальных институтов // Интернет и российское общество / Под ред. И. Семенова; Моск. Центр Карнеги. М.: Гендальф, 2002. С. 91-117.
552. Шампань П. Делать мнение: Новая политическая игра. М.: Socio-Logos, 1997. 335 с.
553. Шаран П. Сравнительная политология. В 2-х ч. М., 1992.
554. Шарков Ф. И. Политическая коммуникация в современном информационном обществе // PolitBook. 2012. № 2. С. 121-130.
555. Шарп Дж. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения. М.: Новое издательство, 2012. 84 с.
556. Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология: В 3 ч. М., 1992.
557. Шевцова Л. Ф. Режим Бориса Ельцина. М.: РОССПЭН, 1999. 535 с.
558. Шевченко И. А. Политические интернет-технологии в трансформирующемся обществе: Дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2005. 190 с.
559. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 324 с.
560. Шелонаев С. И. Институционализация медиапространства. СПб.: Изд-во Владос Северо-Запад, 2013. 180 с.
561. Шелонаев С. И. Медиапространство: структура и распределение социального капитала медиа-агентов // Общество. Среда. Развитие. 2011. № 4. С. 81-85.
562. Шерстобитов А. С. «Сетевая публичность» как новый фактор политической мобилизации в современной России: попытка сетевого анализа // Вестник СПбГУ. Сер. 6. Политология. Международные отношения. 2013. № 3. С. 99-105.
563. Шерстобитов А. С., Бряннов К. А. Технологии политической мобилизации в социальной сети 'ВКонтакте': Сетевой анализ протестного и провластного сегментов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 10. С. 196-202.
564. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М.: Мысль, 1980. 326 с.
565. Шишкина М. А. Паблик рилейшнз в системе социального управления. СПб.: СПбГУ, 1999. 442 с.
566. Шкель С. Н. Постсоветский авторитаризм в сравнительной перспективе. Уфа: Гилем, 2013. 352 с.

567. Шляпентох В. Э. Предвыборные опросы 1993 г. в России (Критический анализ) // Социологические исследования. 1995. №№ 9, 10.
568. Шметов М. Путин подписал закон о хранении данных российских пользователей только на серверах РФ [Электронный ресурс] // ИТАР-ТАСС: информационное агентство России. 2014. 22 июля. Режим доступа: <http://itar-tass.com/obschestvo/1333793> (дата обращения: 1.09.2014)
569. Шмидт Э., Коэн Д. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государства. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 300 с.
570. Шмиттер Ф. Неокорпоративизм // Политические исследования. 1997. № 2. С. 14-22.
571. Шнайдер М. Чили: переход к демократии и тоталитарное наследие // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 9. С. 108-124.
572. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 3-12.
573. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996. 416 с.
574. Щепилова Г. Г., Бурьянова М. В. Взаимодействие СМИ и властных структур в российских регионах // Медиаскоп. 2014. № 4. С. 23-40.
575. Эко У. От Интернета к Гуттенбергу: текст и гипертекст. Отрывки из публичной лекции в МГУ // Новое литературное обозрение. 1998. № 32. С. 5-14.
576. Электронное правительство: рекомендации по внедрению в Российской Федерации / Под ред. В. И. Дрожжинова, Е. З. Зиндера. М.: Эко-Трендз, 2004. 330 с.
577. Эрроу К. Дж. Коллективный выбор и индивидуальные ценности. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 201 с.
578. Юдина Е. Н. Медиапространство как культурная и социальная система. М.: Прометей, 2005. 160 с.
579. Юдина Е. Н. Медиапространство как новая социологическая категория // Преподаватель XXI век. 2008. № 2. С. 151-154.
580. Юрин К. В. Интернет, сайты и выборы // США и Канада: экономика, политика, культура. 2005. № 2. С. 101-112.
581. Юртаев А. Н. Электронное правительство: концептуальные подходы к построению. Казань: Казанский государственный университет, 2007. 183 с.
582. Яковлев И. П. Стратегические коммуникации. СПб., 2006. 182 с.
583. Янов А. После Ельцина. «Веймарская Россия». М.: Крук, 1995. 320 с.
584. Яррен О. Интернет – новые шансы для политической коммуникации? // Актуальные проблемы Европы. Средства массовой информации и демократия в современном мире: Сб. статей и рефератов. М.: РАН ИНИОН, 2002. С. 125-131.

585. The 2008 Presidential Campaign: A Communication Perspective / Ed. by R. Denton. Lanham: Rowman and Littlefield, 2009. 320 p.
586. Abramson J. B., Arterton F. C., Orren G. R. The Electronic Commonwealth: The Impact of New Media Technologies on Democratic Politics. N.Y.: Basic Books, 1988. 331 p.
587. Adorno T., Horkheimer M. Dialectic of Enlightenment: Philosophical Fragments. Stanford: Stanford University Press, 2002. 282 p.
588. Aelst P. van, Sheafer T., Stanyer J. The personalization of mediated political communication: A review of concepts, operationalizations and key findings // Journalism. 2011. Vol. 13. № 2. P. 203-220.
589. Alexander M. The Internet and Democratization: The Development of Russian Internet Policy // Demokratizatsiya. 2004. Vol. 12. № 4. P. 607-627.
590. Archive of Bylaws for ICANN [Электронный ресурс] // ICANN web-site. Режим доступа: <http://www.icann.org/general/archive-bylaws/> (дата обращения: 10.1.2014).
591. Aslund A., McFaul M. Revolution in Orange: The Origins of Ukraine's Democratic Breakthrough. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2006. 346 p.
592. Austin G. Cyber Policy in China. N. Y.: Polity Press, 2014. 232 p.
593. Bagdikian B. The New Media Monopoly. Boston: Beacon Press, 2004. 299 p.
594. Barber B. Three Scenarios for the Future of Technology and Strong Democracy // Political Science Quarterly. Volume 113. № 4, 1999. P. 573-589.
595. Barber B. Strong Democracy: Participatory Politics for a New Age. San Francisco: University of California Press, 2003. 320 p.
596. Barnes J. A. Class and Committees in a Norwegian Parish Island // Human relations. 1954. Vol. 7. P. 39-58.
597. Becker J. Lessons from Russia: A Neo-Authoritarian Media System // European Journal of Communication. 2004. Vol. 19 (2). P. 139-163.
598. Bell D. The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. Glencoe: Free Press, 1960.
599. Benhamou B., Sorbier L. Souveraineté et réseaux numériques // Politique étrangère. 2006. № 3.
600. Bennett W. L. New Media Power: The Internet and Global Activism // Contesting Media Power: Alternative Media in a Networked World / Ed. by N. Couldry & J. Curran. Oxford: Rowman & Littlefield. 2003. P. 17-37.
601. Berelson B. R., Lazarsfeld P. F., McPhee W. W. Voting: A Study of Opinion Formation in a Presidential Campaign. 6th impr. Chicago: University of Chicago Press, 1968. 395 p.
602. Bimber B. A., Davis R. Campaigning Online: The Internet in U.S. Elections. Oxford: Oxford University Press, 2003. 240 p.

603. Blumer H. The Mass, The Public, and Public Opinion // Reader in Public Opinion and Communication / Ed. by B. Berelson and M. Janowitz. Glencoe: Free Press, 1953. P. 43-49.
604. Bode N., Makarychev A. The New Social Media in Russia // Problems of Post-Communism. 2013. Vol. 60. № 2. P. 53-62.
605. Bonfadelli H. The Internet and Knowledge Gaps: A Theoretical and Empirical Investigation // European Journal of Communication. 2002. Vol. 17. № 1. P. 65-84.
606. Brzezinski Zb. Between Two Ages. America's Role in the Technetronic Era. N. Y.: The Viking Press, 1970. 255 p.
607. Budge I. The New Challenge of Direct Democracy. Oxford: Polity, 1996. 216 p.
608. Bunce V. Should Transitologists Be Grounded? // Slavic Review. 1995. Vol. 54. № 1. P. 109-127.
609. Bush and Public Opinion: Reviewing the Bush Years and the Public's Final Verdict [Электронный ресурс] // Pew Research Center. 2008. Режим доступа: <http://www.people-press.org/files/legacy-pdf/478.pdf> (дата обращения: 22.06.2015)
610. Butts C. T. Social Network Analysis with SNA // Journal of Statistical Software. 2008. № 6. P. 1-52.
611. Bykov I. A. Government Relations in Russia: (Dis)Connecting Business and State? // Actual Problems of Economics. 2015. № 1. P. 99-104.
612. Bykov I., Cherkashchenko T., Dorskii A., Kaverina E. Government Regulation of Advertising in the Eurasian Economic Union: Contradictions of Public Policy and Advertising Ethics // International Journal of Economics and Financial. 2015. Vol. 5. Special issue. P. 116-120.
613. Bykov I. A., Dorskii A. Y., Shelonaev S. I., Ulianovskii A. V. Journalist on the Line of Fire: Scrutinizing Contemporary Military Journalism with Philosophical Anthropology Approach // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6. № 5 S2. P. 105-109.
614. Bylaws for ICANN [Электронный ресурс] // ICANN web-site. 2008. 15 February. Режим доступа: <http://www.icann.org/general/bylaws.htm> (дата обращения: 10.1.2014).
615. Cardoso F., Enzo F. Dependency and Development in Latin America. Berkeley: University of California Press, 1979. 227 p.
616. Carpenter C. R. Studying Issue (Non)-Adoption in Transnational Advocacy Networks // International Organization. 2007. Vol. 61. Summer. P. 643-67.
617. Castels M. The Rise of the Network Society. Vol. 1. NY: Wiley, 1996. 556 p.
618. Chadwick A. The Hybrid Media System / Paper presented at the European Consortium for Political Research General Conference, Reykjavik, Iceland, August 25, 2011 [Электронный ресурс] // Режим доступа:

http://newpolcom.rhul.ac.uk/storage/chadwick/Andrew_Chadwick_Hybrid_Media_System_ECPR_August_9th_2011.pdf

619. Chadwick A. *Internet Politics: States, Citizens, and New Communication Technologies*. Oxford: Oxford University Press, 2006. 400 p.
620. Chase M. S., Mulvenon J. C. *You've Got Dissent! Chinese Dissident Use of the Internet and Beijing's Counter-Strategies*. Santa Monica: RAND, 2002. 130 p.
621. *China and Cybersecurity: Espionage, Strategy, and Politics in the Digital Domain* / Ed. by Jon R. Lindsay, Tai Ming Cheung, Derek S. Reveron. Oxford: Oxford University Press, 2015. 400 p.
622. *China and the Internet: Politics and the digital leap forward* / Edited by Christopher R. Hughes and Gudrun Wacker. L.: Routledge, 2003. 192 p.
623. Chun S. A., Shulman S., Sandoval R., Hovy E. *Government 2.0: Making Connections Between Citizens, Data and Government* // *Information Polity*. 2010. № 15. P. 1-9.
624. *Communications and Political Development* / Ed. by L. W. Pye. Princeton: Princeton University Press, 1967. 381 p.
625. *Computational Social Network Analysis: Trends, Tools and Research Advances* / Ed. by A. Abraham, A. E. Hassanien, V. Snášel. N.Y.: Springer, 2009. 485 p.
626. Coolye C. H. *The Significance of Communication* // *Reader in Public Opinion and Communication* / Ed. by B. Berelson and M. Janowitz. Glencoe: Free Press, 1953. P. 145-153.
627. Corrado A., Firestone C. *Elections in Cyberspace: Towards a New Era in American Politics*. Washington: The Aspen Institute, 1996. 176 p.
628. Cotes de popularités des Présidents et Premiers ministres [Электронный ресурс] // TNS-Sofres. 2015. Режим доступа: http://www.tns-sofres.com/dataviz?type=1&code_nom=hollande&start=1&end=34&submit=Ok (дата обращения: 22.06.2015).
629. Cukier K. N. *Who Will Control the Internet?* [Электронный ресурс] // *Foreign Affairs*. 2005. November/December // <http://www.foreignaffairs.org/20051101facomment84602/kenneth-neil-cukier/who-will-control-the-internet.html?mode=print> (дата обращения: 10.1.2014).
630. *Cyberactivism: Online Activism in Theory and Practice* / Ed. by Martha McCaughey and Michael D. Ayers. L.: Routledge, 2003. 310 p.
631. Dautrich K., Hartley T. H. *How the News Media Fail American Voters: Causes, Consequences and Remedies*. Columbia: Columbia University Press, 1999. 203 p.
632. Davis A. *Public Relations Democracy: Public Relations, Politics and the Mass Media in Britain*. Manchester: Manchester University Press, 2002. 222 p.
633. Davis H., Hammond P., Nizamova L. *Changing Identities and Practices in Post-Soviet Journalism* // *European Journal of Communication*. 1997. Vol. 13. No 1. P. 77-97.

634. Davis R. The Web of Politics: The Internet's Impact on the American Political System. N.Y., 1999. 248 p.
635. Deibert R. J. Parchment, Printing and Hypermedia: Communications in World Order Transformation. N.Y.: Columbia University Press, 1997. 329 p.
636. De La Coste P. La gouvernance internationale de l'Internet // Politique étrangère. 2006. № 3.
637. Democracy in Developing Countries / Ed. by L. Dimond, J. Linz, S. Lipset. Vol. 1-4. Boulder: Lynne Rienner, 1988-1989.
638. Dertouzos M. What Will Be: How the New Information Marketplace will Change our Lives. San Francisco: HarperOne, 1997. 384 p.
639. Deutsch K. Nationalism and Social Communication: An Inquiry into the Formation of Nationality. N.Y.: MIT Press, 1953. 345 p.
640. Deutsch K. The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control. N.Y.: Free Press, 1966. 316 p.
641. Diamond L. Democracy's Third Wave Today // Current History. 2011. Vol. 110. November. P. 299-307.
642. Dijk, J. van. The Deepening Divide: Inequality in the Information Society. Thousand Oaks: Sage Publications, 2005. P. 19-25.
643. Downs A. An Economic Theory of Democracy. N.Y.: Harper, 1957. 310 p.
644. Dyson E., Gilder G., Keyworth G., Toffler A. Cyberspace and the American Dream: A Magna Carta for the Knowledge Age [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.pff.org/issues-pubs/futureinsights/fi1.2magnacarta.html>. (дата обращения: 12.10.2015).
645. Easton D. A Framework for Political Analysis. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1979. 143 p.
646. Eisenberg B. Understanding and Aligning the Value of Social Media [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.clickz.com/3631580> (дата обращения: 12.12. 2013).
647. Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe / Ed. by J. Higley, R. Gunther. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 354 p.
648. Etling B., Alexanyan K., Kelly J., Faris R., Palfrey J., Gasser U. Public Discourse in the Russian Blogosphere: Mapping RuNet Politics and Mobilization // Berkman Center Research Publication. 2010. № 11. October 19. 46 p.
649. Etzioni A. The Spirit of Community: Rights, Responsibilities and the Communitarian Agenda. N.Y., 1993. 323 p.
650. Farr J. Social Capital: A Conceptual History // Political History. Vol. 32. 2004. № 1. P. 6-33.
651. Ferdinand P. The Internet, Democracy and Democratization // Demokratizatsiya. 2000. Vol. 7. № 1. P. 1-17.

652. Fine B. Social Capital versus Social Theory: Political Economy and Social Science at the Turn of the Millennium. L.: Routledge, 2001. 294 p.
653. Finkel E., Brudny Y. M. No more colour! Authoritarian regimes and colour revolutions in Eurasia // Democratization. 2012. Vol. 19. № 1. P. 1-14.
654. Fish M. S. Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics. New York, NY: Cambridge University Press, 2005. 336 p.
655. Fleur M. L. de, Lowery S. Milestones in Mass Communication Research. N.Y.: Longman, 1983. 399 p.
656. Flichy P. The social construction of a «network ideology» [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://latts.cnrs.fr/site/count_and_redirect.php?path=tele/rep1/NetworkIdeology.doc&idfichier=109&type=D (дата обращения: 12.10.2015).
657. Foot K. A., Schneider S. M. Web Campaigning. Cambridge: MIT Press, 2006. 262 p.
658. Freeman L. C. Centrality in Social Networks: Conceptual Clarification // Social Networks. 1979. № 1. P. 35-41.
659. Freeman L. C., White D. R., Romney A. K. Research Methods in Social Network Analysis. New Brunswick: Transaction Books, 1989. 530 p.
660. Future of Media Report / Ed. by R. Dawson [Электронный ресурс] // R. Dawson Blog, 2008, July, Режим доступа: http://www.rossdawsonblog.com/Future_of_Media_Report2008.pdf (дата обращения: 14.12.2010).
661. Gates B. An Open Letter To Hobbyists [Электронный ресурс] // Homebrew Computer Club Newsletter 2 (1). 1976. January. Mountain View. Режим доступа: http://www.digibarn.com/collections/newsletters/homebrew/V2_01/index.html. (дата обращения: 12.10.2010).
662. Gel'man V. Political Opposition in Russia: Is It Becoming Extinct? // Russian Politics and Law. 2005. Vol. 43. № 3. P. 25-50.
663. Gel'man V. Cracks in the Wall: Challenges to electoral authoritarianism in Russia // Problems of Post-Communism. 2013. Vol. 60. № 2. P. 3-10.
664. Gerber A., Huber G., Doherty D., Dowling C., Ha S. Personality and Political Attitudes: Relationships across Issue Domains and Political Contexts // American Political Science Review. 2010. Vol. 104. № 1. P. 111-133.
665. Gerber T. P. Beyond Putin? Nationalism and Xenophobia in Russian Public Opinion // Washington Quarterly. 2014. Vol. 37. № 3. P. 113-134.
666. Gerber T. P. Foreign Policy and the United States in Russian Public Opinion // Problems of Post-Communism. 2015. Vol. 62. № 2. P. 98-111.

667. Gerschewski J. The three pillars of stability: legitimation, repression, and cooptation in autocratic regimes // *Democratization*. 2013. Vol. 20. № 1. P. 13-38.
668. Gjerde K. L. The Use of History in Russia 2000-2011: the Kremlin and the Search for Consensus // *East European Politics*. 2015. Vol. 31. № 2. P. 149-169.
669. Giacomello G. *National Governments and Control of the Internet: a Digital Challenge*. L.: Routledge, 2005. 208 p.
670. Gibbs J. *Gorbachev's Glasnost: The Soviet Media in the First Phase of Perestroika*. Texas, Texas A&M University Press, 1999. 168 p.
671. Gibson R. K., Margolis M., Resnik D., Ward S. J. Election Campaigning on the WWW in USA and UK: A Comparative Analysis // *Party Politics*. 2003. Vol. 9. № 1. P. 24-46.
672. Goldsmith J. L., Wu T. *Who Controls the Internet? Illusions of a Borderless World*. L.: Oxford University Press, 2006.
673. *Governance.Com: Democracy in the Information Age* / Ed. by E. C. Kamarck, Jr., J. S. Nye. Washington: Brooking Institute Press, 2002. 204 p.
674. Graber D. A. *Mass Media and American Politics*. Fourth Edition. Washington: CQ Press, 1997. 428 p.
675. Graber D. A. *Media Power and Politics*. Washington: CQ Press, 2010. 480 p.
676. Graber D. A. *Processing Politics: Learning from Television in the Internet Age*. Chicago: The University of Chicago Press, 2001. 231 p.
677. Granovetter M. The Strength of Weak Ties // *The American Journal of Sociology*. 1973. Vol. 78. № 7. P. 1360-1380.
678. Granovetter M. The Strength of Weak Ties: A Network Theory Revisited // *Sociological Theory*. 1983. № 1. P. 201-233.
679. Grishin N. The Meaning of Elections in the Russian Federation // *European Politics and Society*, 2015. Vol. 16. № 2. P. 194-207.
680. Grossman L. *The Electronic Republic: Reshaping Democracy in the Information Age*. L.: Penguin Books, 1995. 304 p.
681. Habermas J. *The Structure Transformation of the Public Sphere*. Cambridge: Polity Press, 1989. 301 p.
682. Hämmerli A., Gattiker R., Weyermann R. Conflict and Cooperation in an Actors' Network of Chechnya Based on Event Data // *The Journal of Conflict Resolution*. 2006. Vol. 50. № 2. P. 159-175.
683. *Handbook of Social Network Technologies and Applications* / Ed. by B. Furht. N.Y.: Springer, 2010. 716 p.
684. Hansen J., Benoit W. L. *Residential Campaigning on the Web: The Influence of Candidate*

World Wide Web Sites in the 2000 General Election. *Southern Communication Journal*. 2005. Vol. 70. № 3. P. 212-221.

685. Healy P. M., Ramanna K. When the Crowd Fights Corruption // *Harvard Business Review*. 2013. № 1. P. 122-128.

686. Henninger D. Can Justice Scalia Solve the Riddles Of the Internet? [Электронный ресурс] // *Wall Street Journal*. 2005. April 1. Friday. Режим доступа: <http://www.opinionjournal.com/columnists/dhenninger/?id=110006501>. (дата обращения: 12.10.2010).

687. Herman E. S., Chomsky N. *Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media*. NY: Pantheon Books, 1988. 480 p.

688. Hero R. E. *Racial Diversity and Social Capital: Equality and Community in America*. Cambridge, NY: Cambridge University Press, 2007. 194 p.

689. Heyer P. *Communications and History: Theories of Media, Knowledge, and Civilization*. N.Y.: Greenwood Press, 1988. 197 p.

690. Hill K. A., Hughes J. E. *Cyberpolitics: Citizen Activism in the Age of the Internet*. Oxford, UK: Rowman and Littlefield Publishers Inc., 1998. 207 p.

691. Hindman M. S. *The Myth of Digital Democracy*. Princeton: Princeton University Press, 2009. 198 p.

692. *Historical Dictionary of Political Communication in the United States* / Ed. by G. H. Stempel and J. N. Gifford. Westport: Greenwood Press, 1999. 184 p.

693. Hong H. Government Websites and Social Media's Influence on Government-Public Relationships // *Public Relations Review*. 2013. № 39. P. 346-356.

694. Hopkins M. *Mass Media in the Soviet Union*. N.Y., 1970. 384 p.

695. Hopkins L., Thomas J., Meredyth D., Ewing S. Social Capital and Community Building through an Electronic Network // *Australian Journal of Social Issues*. Vol. 39. 2004. № 4. P. 369-379.

696. Joseph S. Social Media, Political Change, and Human Rights // *Boston College International and Comparative Law Review* 2012. Vol. 35. № 1. P. 145-188.

697. Il'chenko M. Inertia in Russian Politics // *Russian Politics and Law*. 2012. Vol. 50. № 3. P. 70-81.

698. *Information and Democratic Processes* / Ed. by J. A. Ferejohn, I. H. Kuklinski. Urbana: University of Illinois Press, 1990. 432 p.

699. Innis H. A. *Empire and Communications*. Oxford: The Clarendon Press, 1950. 212 p.

700. *The Internet and National Elections: A Comparative Study of Web Campaigning* / Ed. by R. Kluber, N. Jankowski, K. Foot, S. Schneider. L.; N.-Y., 2007. 296 p.

701. Janda K., Berry J., Goldman J. *The Challenge of Democracy: Government in America*. Boston: Houghton Mifflin Company, 1989. 760 p.
702. Kaplan A., Haenlein M. Users of the world, unite! The challenges and opportunities of Social Media // *Business Horizons*. 2010. № 53 (1). P. 59-68.
703. Karl T., Schmitter P. The Conceptual Travels of Transitologists and Consolidologists: How Far to the East Soul They Attempt to Go? // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. № 1. P. 173-185.
704. Karl T., Schmitter P. From an Iron Curtain to a Paper Curtain: Grounding Transitologists or Students of Postcommunism? // *Slavic Review*. 1995. Vol. 54. № 4. P. 965-978.
705. Katz E., Lazarsfeld P. *Personal Influence: The Part Played by People in the Flow of Mass Communications*. Clincoe: Free Press, 1955. 400 p.
706. Kerbel M. R. *Remote and Controlled: Media Politics in a Cynical Age*. Boulder: Westview Press, 1999. 192 p.
707. Klapper J. T. *The Effects of Mass Communication*. N.Y.: Free Press, 1960. 302 p.
708. Knoke D., Yang S. *Social Network Analysis*. L.: Sage, 2008. 132 p.
709. Koesel K. J., Bunce V. J. Diffusion-proofing: Russian and Chinese Responses to Waves of Popular Mobilizations against Authoritarian Rulers // *Perspectives on Politics*. 2013. Vol. 11. № 3. P. 753-768.
710. Koltsova O. *News Media and Power in Russia*. L.: Routledge, 2006. 288 p.
711. Kriha T. Cyberanarchism [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.spunk.org/texts/copyrite/comms/sp000877.txt> (дата обращения: 12.10.2015).
712. Krueger B. S. Digital Government: Technology and Public Sector Performance (Book review) // *Journal of Politics*. 2007. Vol. 69. № 1. P. 276-278.
713. Kryshtanovskaya O., White S. From Soviet Nomenklatura to Russian Elite // *Europe-Asia Studies*. 1996. Vol. 48. № 5. P. 711-733.
714. Kubichek P. Delegative Democracy in Russia and Ukraine // *Communist and Post-Communist Studies*. 1994. Vol. 27. No. 4. P. 423-241.
715. Kubichek P. Variations on Corporatist Theme: Interest Associations in Post-Soviet Ukraine and Russia // *Europe-Asia Studies*. 1996. Vol. 48. № 1. January. P. 321-345.
716. Kuran T. Now Out of Never: The Elements of Surprise in the East European Revolution of 1989 // *World Politics*. 1991. Vol. 44. № 1. P. 7-48.
717. Kuzio T. Ukraine's Orange Revolution: Causes and Consequences. Maria Palij Memorial Fund Annual Lecture. Department of History and Center for Russian and East and European Studies, University of Kansas. 28 April 2005. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.uottawa.ca/academic/grad-etudesup/ukr/ukraine_list/uk1346_13.html (дата обращения: 12.10.2015).

10.11.2014)

718. Langer A. A. Historical Exploration of the Personalisation of Politics in the Print Media: The British Prime Ministers (1945–1999) // *Parliamentary Affairs*. 2007. Vol. 60. № 3. P. 371-387.
719. Lasswell H. D. *The Theory of Political Propaganda* // *Reader in Public Opinion and Communication* / Ed. by B. Berelson and M. Janowitz. Glencoe: Free Press, 1953. P. 176-180.
720. Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H. *The People's Choice: How the Voter Makes up his Mind in a Presidential Campaign*. Third Edition. N.Y.: Columbia University Press, 1968. 178 p.
721. Ledeneva A. V. *How Russia Really Works: The Informal Practices that Shaped Post-Soviet Politics and Business*. Ithaca and London: Cornell University Press, 2006. 270 P.
722. Lin N. *Social Capital: a Theory of Social Structure and Action*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 278 P.
723. Linz J., Stepan A. *Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe*. Baltimore: JHU Press, 1996. 479 p.
724. Lipset S. M. *Political Man: The Social Bases of Politics*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1981. 608 p.
725. Lonkila M. *The Internet and Anti-Military Activism in Russia* // *Europe-Asia Studies*. 2008. Vol. 60. № 7. P. 1125-1149.
726. Luca T. de, Buell J. *Liars! Cheaters! Evildoers! Demonization and the End of Civil Debate in American Politics*. NY: New York University Press, 2005. 228 p.
727. Lusoli W. *The Internet and the European Parliament Elections: Theoretical Perspectives, Empirical Investigations and Proposals for Research* // *Information Polity*. 2005. № 19. P. 153-163.
728. Macridis R. *The Study of Comparative Government*. Studies in Political Science. N.Y.: Random House, 1966. 340 p.
729. March J. G., Olsen J. P. *The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life* // *The American Political Science Review*. 1984. Vol. 78. № 3. P. 734-749.
730. Margolis M., Resnik D. *Politics as Usual: The Cyberspace «Revolution»*. Thousand Oaks: Sage, 2000. 246 p.
731. McFaul M., Markov S. *The Troubled Birth of Russian Democracy: Parties, Personalities, and Programs*. Stanford: Hoover Institution Press, 1993. 384 p.
732. McNair B. *Power, profit, corruption, and lies: The Russian media in the 1990s* // *De-Westernizing Media Studies* / Ed. by James Curran, Myung-Jin Park. L.: Routledge, 2000. P. 79-94.
733. McAllister I. *The Personalization of Politics* // *The Oxford Handbook of Political Behavior* / Ed. by Russell J. Dalton & Hans-Dieter Klingemann. Oxford: Oxford University Press, 2007.
734. McCarthy K. *United States Cedes Control of the Internet - But What Now?* [Электронный

ресурс] // The Register. 2006. 27 July Режим доступа: http://www.theregister.co.uk/2006/07/27/ntia_icann_meeting/ (дата обращения: 10.1.2014).

735. McChesney R. W. *Communication Revolution: Critical Junctures and the Future of Media*. NY: The New Press, 2007. 301 p.
736. McChesney R. W. *Rich Media, Poor Democracy: Communication Politics in Dubious Times*. Urbana and Chicago: University of Illinois Press, 1999. 427 p.
737. McCombs M. E., Shaw D. L., Weaver D. H. *New Directions in Agenda-Setting Theory and Research // Mass Communication and Society*, 2014. Vol. 17. № 6. P. 781-802.
738. McCombs M., Shaw D. *The Agenda-setting Function of Mass-Media // Public Opinion Quarterly*. 1972. Vol. 36. № 3. P. 176-187.
739. McLuhan M., Fiore Q. *The Medium is the Message: An Inventory of Effects*. N.Y., 1967. 189 p.
740. Markoff J. *Waves of Democracy: Social Movements and Political Change*. Thousand Oaks: Pine Forge Press, 1996. 174 p.
741. Masuda I. *The Information Society as Post-Industrial Society*. Washington: Transaction Publishers, 1983. 178 p.
742. Mazzoleni G., Schulze W. «Mediatization» of Politics: A Challenge for Democracy? // *Political Communication*. 1999. Vol. 16. № 3. P. 247-261.
743. Meadow R. G. *Politics as communication*. Norwood, N.J.: Ablex, 1980. 288 p.
744. Magaloni B. *The Game of Electoral Fraud and the Ousting of Authoritarian Rule // American Journal of Political Science*. 2010. Vol. 54. № 3. P. 751-765.
745. *Media and Democracy / Ed. by E. E. Dennis and R. W. Snyder*. New Brunswick: Transaction Publishers, 1998. 178 p.
746. *Media Power in Politics / Ed. by D. A. Graber*. 3d ed. Washington: S.Q. Press, 1994. 439 p.
747. *Media Power, Professional and Policies / Ed. by H. Tumber*. L.: Routledge, 2000. 356 p.
748. *Media Reform: Democratizing the Media, Democratizing the State / Ed. by Monroe E. Price, Beata Rozumilowicz, and Stefaan G. Verhulst*. L.: Routledge, 2001. 304 p.
749. *Media Scandals: Morality and Desire in the Popular Culture Marketplace / Ed. by J. Lull, S. Hinerman*. N.Y.: Columbia University Press, 1997. 259 p.
750. *Mediatization: Concept, Changes, Consequences / Ed. by K. Lundly*. NY: Peter Lang, 2009. 316 p.
751. Memon N., Alhadj R. *From Sociology to Computing in Social Networks*. NY: Springer, 2010. 430 p.
752. The Mentor. *The Conscience of a Hacker [Электронный ресурс] // Phrack*. Vol. 1, Issue 7,

Phile 3 of 10. Режим доступа: <http://www.phrack.org/archives/7/P07-03> (дата обращения: 12.10.2015).

753. Meyer T., Hinchman L. Media Democracy: How Media Colonize Politics. Cambridge: Polity Press, 2002. 184 p.

754. Miller D., Dinan W. The Rise of the PR industry in Britain 1979-1998 // European Journal of Communication. 2000. № 15. P. 5-35.

755. Miller E. A., West D. M. Where's the Revolution? Digital Technology and Health Care in the Internet Age // Journal of Health Politics, Policy and Law. Vol. 34. № 3. 2009. P. 261-264.

756. Mishler W., Willerton J. P. The Dynamics of Presidential Popularity in Post-Communist Russia: Cultural Imperative versus Neo-Institutional Choice? // Journal of Politics. 2003. Vol. 65. № 1. P. 111-141.

757. Models and Methods in Social Network Analysis / Ed. by Peter J. Carrington, John Scott, Stanley Wasserman. Cambridge, Cambridge University Press, 2005. 328 p.

758. Moloney K. Rethinking Public Relations: PR Propaganda and Democracy. Second Edition. L.: Routledge, 2006. 248 p.

759. Morozov E. The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom. NY: Public Affairs, 2011. 432 p.

760. Morris D. Vote.com: How Big-Money Lobbyists and the Media Are Losing Their Influence, and the Internet Is Giving Power Back to the People. L.A.: Macmillan, 2011. 236 p.

761. Mossberger K., Tolbert C. J., Stansbury M. Virtual Inequality: Beyond the Digital Divide. Washington, D. C.: Georgetown University Press. 2003. P. 10-12.

762. Negroponte N. Being Digital. N.Y.: Vintage, 1995. 272 p.

763. Networked Politics: Agency, Power, and Governance / Ed. by B. Kahler. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2009. 274 p.

764. Neuman W. R. The Paradox of Mass Politics: Knowledge and Opinion in the American Electorate. Cambridge: Harvard University Press, 1986. 241 p.

765. The New Mediterranean Democracies: Regime Transition in Spain, Greece and Portugal / Ed. by G. Pridham. L.: Frank Cass, 1984. 193 p.

766. Newman B. I. The Mass Marketing of Politics: Democracy in an Age of Manufactured Images. Thousand Oaks: SAGE, 1999. 166 p.

767. Newman M. Networks: An Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2010. 772 p.

768. Newman M., Leicht E. A. Mixture Models and Exploratory Analysis in Networks // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2007. Vol. 104. № 23. P. 9564-9569.

769. Nikolaev R. Explaining Support for Vladimir Putin: Culture Versus Performance // *Studies of Changing Societies*. 2012. Vol. 1. № 2. P. 60-80.
770. Nimmo D., Combs J. E. *Mediated Political Realities*. 2nd Edition. New York and London: Longman, 1990. 242 p.
771. Nocetti J. Russia's 'Dictatorship-of-the-Law' Approach to Internet Policy // *Internet Policy Review*. 2015. Vol. 4. № 4.
772. Nooy W., Mrvar A., Batagelj V. *Exploratory Social Network Analysis with Pajek: Revised and Expanded Second Edition*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 442 p.
773. Norris P. *Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 303 p.
774. Norris P. Preaching to the converted: pluralism, participation and party web sites // *Party Politics*. 2003. Vol. 9. № 1. P. 21-45.
775. Oates S. Media, Civil Society, and the Failure of the Fourth Estate in Russia // *Russian Civil Society: A Critical Assessment* / Ed. by Alfred B. Evans, Jr., Laura A. Henry, and Lisa McIntosh Sundstrom. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 2006. P. 57-72.
776. Oliver P., Johnston H. What a Good Idea! Ideologies and Frames in Social Movement Research // *Mobilization: An International Journal*. 2000. Vol. 5. № 1. P. 37-54.
777. *Open Networks, Closed Regimes: The Impact of the Internet on Authoritarian Rule*. Ed. by Kalathil Shanthi and Taylor C. Boas. Carnegie Endowment for International Peace, 2003.
778. O'Reilly T. What is Web 2.0 [Электронный ресурс] // O'Reilly Media. 2005. September 30. Режим доступа: <http://oreilly.com/pub/a/web2/archive/what-is-web-20.html?page=1> (дата обращения: 26.03.2013 г.)
779. Pietilainen J. Media Use in Putin's Russia // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 2008. Vol. 24. № 3. P. 365-385.
780. *Political Parties and the Internet: Net Gain?* / Ed. by R. K. Gibson, P. Nixon, S. Ward. L.: Routledge, 2003. 250 p.
781. *Politics of the Developing Areas* / Ed. by G. A. Almond, J. S. Coleman. Princeton: Princeton University Press, 1960. 591 p.
782. Popescu N. The Strange Alliance of Democrats and Nationalists // *Journal of Democracy*. 2012. Vol. 23. № 3. P. 46-54.
783. Porter M. A., Mucha P. J., Newman M. E. J., Warmbrand C. M., Levin S. A. A Network Analysis of Committees in the U.S. House of Representatives // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2005. Vol. 102. 2005. № 102. P. 7057-7062.
784. Puddington A. *Freedom in the World 2015: Discarding Democracy: A Return to the Iron Fist*

- [Электронный ресурс] // Freedom House. 2015. Режим доступа: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world-2015/discarding-democracy-return-iron-fist> (дата обращения: 17.12.2015)
785. Rash W. Politics on the Nets: Wiring the Political Process. N.Y.: Freeman, 1997. 206 p.
786. Reader in Public Opinion and Communication / Ed. by B. Berelson and M. Janowitz. Glencoe: Free Press, 1953. 788 p.
787. Reforming Internet Governance: Perspectives from the Working Group on Internet Governance / Ed. by W. J. Drake. NY: UN ICT Task Force, 2005. 168 p.
788. Return to the Western World. Cultural and Political Perspectives on the Estonian Post-Communist Transition / Ed. by M. Lauristin & P. Vihalemm. Tartu: Tartu University Press. 1997. 386 p.
789. Rheingold H. Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier. London: Mandarin, 1993. 447 p.
790. Riesman D. The Lonely Crowd: A Study of the Changing American Character. New Haven: Yale University Press, 1965. 315 p.
791. Rossides D. W. Communication, Media, and American Society: A Critical Introduction. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2002. 288 p.
792. Rostow W. W. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. Cambridge: Cambridge University Press, 1960. 272 p.
793. Rustow D. A. Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model // Comparative Politics. 1970. Vol. 2. P. 337-363.
794. Sakwa R. Modernisation, neo-modernisation, and comparative democratisation in Russia // East European Politics. 2012. Vol. 28. № 1. P. 43-57.
795. Sakwa R. Putin's Leadership: Character and Consequences // Europe-Asia Studies. 2008. Vol. 60. № 6. P. 879-897.
796. Schramm W. Mass Media and National Development: The Role of Information in the Developing Countries. Stanford: Stanford University Press, 1964. 333 p.
797. Schulz W. Reconstructing Mediatization as an Analytical Concept // European Journal of Communication. 2004. Vol. 19. № 1. P. 87-101.
798. Sclove R. E. Democracy and Technology. N.Y.: The Guilford Press, 1995. 338 p.
799. Scoble R. What is social media? [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://scobleizer.com/2007/02/16/what-is-social-media/> (дата обращения: 26 января 2011 г.)
800. Scott J. Social Network Analysis: A Handbook. L.: Sage, 2000. 208 p.
801. Shlapentokh V. Early Feudalism – The Best Parallel for Contemporary Russia // Europe-Asia

Studies. 1996. Vol. 48. № 3. May. P. 393-412.

802. Shugart M. S., Carey J. M. Presidents and Assemblies. Constitutional Design and Electoral Dynamics. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 332 p.

803. Skocpol T. States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 426 p.

804. Solis B., Breakenridge D. Putting the Public Back in Public Relations: How Social Media Is Reinventing the Aging Business of PR. Upper Saddle River: Pearson Education Inc., 2009.

805. Stanyer J. Modern Political Communication: Mediated Politics in Uncertain Times. Cambridge: Polity Press, 2007. 222 p.

806. Stanyer J. Politics and the Media: A Crisis of Trust? // Parliamentary Affairs. 2004. Vol. 57. № 2. P. 420-434.

807. Stanyer J. Web 2.0 and the Transformation of News and Journalism // Routledge Handbook of Internet Politics / Ed. by A. Chadwick and P. Howard. L.: Routledge, 2009. P. 201-213.

808. Statistics about Internet Voting in Estonia [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.vvk.ee/voting-methods-in-estonia/engindex/statistics> (дата обращения: 12.10.2015).

809. Street J. Politics Lost, Politics Transformed, Politics Colonized? Theories of the Impact of Mass Media // Political Studies Review. 2005. Vol. 3. № 1. P. 17-33.

810. Street J. Remote Control? Politics, Technology and "Electronic Democracy" // European Journal of Communication. 1997. Vol. 12 (1). P. 27-42.

811. Techniquement, François Hollande peut descendre encore plus bas dans les sondages [Электронный ресурс] // 20 Minutes. 2014. Режим доступа: <http://www.20minutes.fr/politique/1437819-20140905-techniquement-francois-hollande-peut-descendre-encore-plus-bas-sondages> (дата обращения: 22.06.2015).

812. Terry S. M. Thinking about Post-Communist Transitions: How Different Are They? // Slavic Review. 1993. Vol. 52. № 2. Summer. P. 173-185.

813. Thinker, Faker, Spinner, Spy: Corporate PR and the Assault on Democracy / Ed. by W. Dinan and D. Miller. L.: Pluto Press, 2007. 324 p.

814. Toffler A. Power Shift: Knowledge, Wealth, and Violence at the edge of the 21st century. N.Y.: Plaza and Janes, 1990. 585 p.

815. Trippi J. The Revolution Will Not Be Televised: Democracy, the Internet and the Overthrow of Everything. NY: HarperCollins, 2004. 252 p.

816. Tufekci Z., Wilson C. Social Media and the Decision to Participate in Political Protest: Observations From Tahrir Square // Journal of Communication. 2012. Vol. 62. № 2. P. 363-379.

817. U.S. VP debate most-watched in history [Электронный ресурс] // CBC News. October 3,

2008. Режим доступа: <http://www.cbc.ca/world/usvotes/story/2008/10/03/us-debate-polls.html?ref=rss> (дата обращения: 14.12.2010)
818. Vartanova E., Smirnov S. Contemporary Structure of the Russian Media Industry // Russian Mass Media and Changing Values / Ed. by A. Rosenholm, K. Nordenstreng, E. Trubina. L.: Routledge, 2010. P. 21-40.
819. Ward S., Gibson R. On-line and on Message? Candidate websites in the 2001 General Elections // British Journal of Politics and International Relations. Vol. 5. 2003. № 2. P. 188-205.
820. Wasserman S., Faust K. Social Network Analysis: Methods and Applications. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 825 p.
821. Weaver D. Thoughts on Agenda Setting, Framing, and Priming // Journal of Communication. 2007. Vol. 57. № 1. P. 142-147.
822. Weaver D. H., Graber D. A., McCombs M. E., Eyal C. H. Media Agenda-setting in the Presidential Election. N.Y.: Praeger, 1981. 227 p.
823. Wernick A. Promotional Culture: Advertising, Ideology, and Symbolic Expression. L.: Sage, 1991. 208 p.
824. West D. Digital Government: Technology and Public Performance. Princeton: Princeton University Press, 2005. 256 p.
825. West D. M. E-Government and the Transformation of Service Delivery and Citizen Attitudes // Public Administration Review, Vol. 64, № 1, P. 15-27.
826. West D. M. State and Federal Electronic Government in the United States, 2008 [Электронный ресурс] // The Brooking Institution. 2008. August 26. Режим доступа: www.brookings.edu/reports/2008/0826_egovernment_west.aspxwww.brookings.edu/reports/2008/0826_egovernment_west.aspxwww.brookings.edu/reports/2008/0826_egovernment_west.aspxwww.brookings.edu/reports/2008/0826_egovernment_west.aspxwww.brookings.edu/reports/2008/0826_egovernment_west.aspx (дата обращения: 1.01.2013)
827. West D. M., Miller E. A. Digital Medicine: Health Care in the Internet Era. Washington: The Brookings Institution, 2009.
828. Winter J. Democracy's Oxygen: How Corporations Control the News. Monreal: Black Rose Books, 1997. 199 p.
829. White S., McAllister I. Did Russia (Nearly) have a Facebook Revolution in 2011? Social Media's Challenge to Authoritarianism // Politics. 2014. Vol. 34. № 1. P. 72-84.
830. Wilson A. Ukraine's Orange Revolution. New Haven and London: Yale University Press, 2005. 346 p.
831. Wilson A. Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World. New Haven and

London: Yale University Press, 2005.

832. Wright D. K. *The Magic Communication Machine: Examining the Internet's Impact on Public Relations, Journalism, and the Public*. Alabama, 2001. 198 p.

833. Wright D. K., Hinson M. D. *How Blogs and Social Media are Changing Public Relations and the Way it is Practiced* // *Public Relations Journal*. 2008. Vol. 2. No. 2;

834. Wright D. K., Hinson M. D. *New Communications Media Are Being Used in Public Relations: A Longitudinal Analysis* // *Public Relations Journal*. 2010. Vol. 4, No. 3.

835. Yagodin D. *Blog Medvedev: Aiming for Public Consent* // *Europe-Asia Studies*. 2012. Vol. 64. № 8. P. 1415-1434.

836. *The Year of Obama: How Barack Obama Won the White House* / Ed. by L. Sabato. N.: Longman, 2009. 304 p.

837. Zasoursky I. *Media and Power in Post-Soviet Russia*. Armonk, N.Y.: Routledge, 2002. 316 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ПОКАЗАТЕЛИ РЕЖИМНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ, СВОБОДЫ СЛОВА И ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЙ В 2010-2015 ГГ. НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (FREEDOM HOUSE, WWW.FREEDOMHOUSE.ORG)

Index	Armenia		Azerbaijan		Belarus		Estonia		Georgia		Kazakhstan		Kyrgyzstan		Latvia	
	AmiF	AmiPF	AzeF	AzePF	BelF	BelPF	EstF	EstPF	GeoF	GeoPF	KazF	KazPF	KyrF	KyrPF	LatF	LatPF
2000	4	5.7	5	7	6	8	1.5	2	3.5	4.7	5.5	6.8	5	6.1	1.5	2.4
2001	4	5.9	5	7.6	6	8	1.5	2	4	5.3	5.5	7	5.5	6.1	1.5	2.4
2002	4	6	5.5	7.7	6	8.2	1.5	1.8	4	5.3	5.5	6.9	5.5	6.8	1.5	1.9
2003	4	6.5	5.5	7.3	6	8.2	1.5	1.7	4	5.4	5.5	7.3	5.5	7.1	1.5	1.8
2004	4	6.4	5.5	7.1	6	8.4	1.5	1.7	4	5.4	5.5	7.4	5.5	7.1	1.5	1.7
2005	4.5	6.4	5.5	7.2	6.5	8.6	1	1.7	3.5	5.6	5.5	7.5	5.5	7.1	1.5	1.7
2006	4.5	6.4	5.5	7.3	6.5	8.8	1	1.6	3	5.7	5.5	7.5	4.5	6.4	1	1.9
2007	4.5	6.4	5.5	7.5	6.5	8.9	1	1.6	3	5.7	5.5	7.6	4.5	6.7	1	1.9
2008	4.5	6.6	5.5	7.7	6.5	9.1	1	1.6	4	6	5.5	7.8	4.5	7	1.5	2.2
2009	5	6.8	5.5	7.8	6.5	9.1	1	1.5	4	6	5.5	7.8	4.5	7.2	1.5	2.3
2010	5	6.6	5.5	7.9	6.5	9.2	1	1.7	4	5.9	5.5	7.8	5.5	7.3	1.5	2.6
2011	5	6.5	5.5	7.9	4.8	9.3	1.8	1	3.5	5.5	3.5	5.5	5	7	2	2.6
2012	5	6.5	5.5	8	6.5	9.3	1.8	1	3.5	5.2	3	5.5	5	6.9	3.5	2.7
2013	4.5	6.1	5.5	8.2	5.2	9.3	1.6	0.9	3	4.9	2.6	5.5	5	6.9	3.5	2.8
2014	4.5	6.2	6	8.4	5.5	9.3	1.6	0.8	3	4.7	2.6	5.5	6	6.6	3.4	2.7
2015	4.5	6.1	6	8.7	5.5	9.3	1.6	0.7	3	4.8	2.4	5.5	6.1	6.7	3.5	2.8

1

Index	Lithuania		Moldova		Russia		Tajikistan		Turkmenistan		Ukraine		Uzbekistan	
	LitF	LitPF	MolF	MolPF	RusF	RusPF	TajF	TajPF	TurF	TurPF	UkrF	UkrPF	UzbF	UzbPF
2000	1.5	2	3	5.8	4.5	6	6	9.4	7	8.6	3.5	6	6.5	8.3
2001	1.5	2	3	5.9	5	6	6	7.9	7	8.9	4	6	6.5	8.4
2002	1.5	1.9	3	5.9	5	6	6	8	7	9.1	4	6	6.5	8.4
2003	1.5	1.8	3.5	5.9	5	6.6	5.5	7.6	7	9.2	4	6.7	6.5	8.6
2004	1.5	1.8	3.5	6.3	5	6.7	5.5	7.3	7	9.5	4	6.8	6.5	8.4
2005	2	1.8	3.5	6.5	5.5	6.8	5.5	7.4	7	9.6	3.5	5.9	6.5	8.5
2006	1	1.8	3.5	6.5	5.5	7.2	5.5	7.6	7	9.6	2.5	5.3	7	9
2007	1	1.8	3.5	6.5	5.5	7.5	5.5	7.6	7	9.6	2.5	5.3	7	9.1
2008	1	1.8	3.5	6.6	5.5	7.8	5.5	7.7	7	9.6	2.5	5.3	7	9.2
2009	1	1.8	4	6.7	5.5	8	5.5	7.8	7	9.6	2.5	5.5	7	9.3
2010	1	2.1	3.5	6.5	5.5	8.1	5.5	7.8	7	9.5	2.5	5.3	7	9.2
2011	1	2.2	3	5.5	5.5	8.1	5.5	7.8	7	9.6	3	5.6	7	9.4
2012	1	2.3	3	5.4	5.5	8	5.5	7.9	7	9.6	3.5	5.9	7	9.5
2013	1	2.4	3	5.3	5.5	8.1	6	7.9	7	9.6	3.5	6	7	9.5
2014	1	2.4	3	5.3	5.5	8.1	6	8	7	9.5	3.5	6.3	7	9.5
2015	1	2.5	3	5.5	6	8.3	6	8.2	7	9.5	3	5.8	7	9.5